

ДЕМИС. Демографические исследования.

2022. Том 2. № 1

DEMIS. Demographic research.

2022. Vol. 2. No. 1

Научный рецензируемый журнал
Издается с 2021 г.
Периодичность: 4 раза в год
Журнал открытого доступа
DOI: 10.19181/demis.2022.2.1

Peer-reviewed scientific journal
Founded in 2021
Publication frequency: quarterly
Open access
DOI: 10.19181/demis.2022.2.1

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
Издатель: Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Founder: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Publisher: Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Свидетельство о регистрации журнала ПИ № ФС 77-78699 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 30 июля 2020 г.

Media registration certificate PI No. FS 77-78699 issued on July 30, 2020, by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media

Главный редактор: С. В. Рязанцев

Editor-in-Chief: S. V. Ryazantsev

Доступ к контенту журнала бесплатный
Плата за публикацию с авторов не взимается

Free access
Authors are not charged for publication

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Content licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации:
<https://www.jour.fnisc.ru/index.php/demis>

All issues of the journal are posted in the public domain on the official website of the journal from the moment of publication:
<https://www.jour.fnisc.ru/index.php/demis>

ISSN печатной версии: 2782-2303
ISSN электронной версии: 2782-229X

ISSN print: 2782-2303
ISSN online: 2782-229X

Редакционная коллегия научного журнала

- Рязанцев Сергей Васильевич**, главный редактор, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Безвербный Вадим Александрович**, заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, заместитель директора, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Вирккунен Йони**, доктор наук, профессор, Университет Восточной Финляндии, Куопио, Финляндия
- Воробьева Ольга Дмитриевна**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Гаврилова Наталья Сергеевна**, кандидат биологических наук, научный сотрудник Центра по проблемам старения, Университет Чикаго, Чикаго, США
- Гейгер Мартин**, доктор наук, доцент, Карлтонский Университет, Оттава, Канада
- Джалал Мохаммад Аббаси-Шавази**, доктор наук, профессор, Университет Тегерана, Тегеран, Иран
- До Кармо Роберто Луиз**, доктор наук, заместитель директора, Университет Кампинас, Кампинас, Бразилия
- Жуков Василий Иванович**, академик РАН, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Институт государства и права РАН, Москва, Россия
- Иванова Алла Ефимовна**, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Инглис Кристине Бренда**, доктор наук, профессор, Университет Сиднея, Сидней, Австралия
- Карачай Айсем Бириз**, доктор наук, Стамбульский университет коммерции, Стамбул, Турция
- Ким Сейонджин**, доктор наук, профессор, Женский университет Дуксун, Сеул, Республика Корея
- Леденева Виктория Юрьевна**, доктор социологических наук, заведующий отделом, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Мартин Филип**, доктор наук, профессор, Калифорнийский университет в Дейвисе, Дейвис, США
- Марушиакова-Попова Елена Андреевна**, доктор наук, доцент, Институт этнологии и фолклора Болгарской академии наук, София, Болгария
- Молодикова Ирина Николаевна**, кандидат географических наук, руководитель проекта по миграции и безопасности на постсоветском пространстве, Центрально-Европейский университет, Будапешт, Венгрия
- Пизарро Синтия Александра**, доктор наук, профессор, Университет Буэнос-Айреса, Буэнос-Айрес, Аргентина
- Ростовская Тамара Керимовна**, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Рыбаковский Леонид Леонидович**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Хорие Норие**, профессор, директор Центра дальневосточных исследований, Университет Тояма, Тояма, Япония
- Шенк Каресс**, доктор наук, доцент, Назарбаев Университет, Нур-Султан, Казахстан

Editorial board

- Sergey V. Ryazantsev**, Editor-in-Chief, RAS Corresponding Member, Doctor of Economics, Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Vadim A. Bezverbny**, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Economic Sciences, Deputy Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Joni Virkkunen**, PhD, Professor, University of Eastern Finland, Kuopio, Finland
- Olga D. Vorobyova**, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Natalia S. Gavrilova**, PhD, Senior Research Analyst, Academic Research Centers, Centre on Aging, University of Chicago, Chicago, USA
- Martin Geiger**, PhD, Associate Professor, Carleton University, Ottawa, Canada
- Mohammad Jalal Abbasi-Shawazi**, PhD, Professor, University of Tehran, Tehran, Iran
- Roberto Luiz Do Carmo**, PhD, Deputy Director, University of Campinas, Campinas, Brazil
- Vasily I. Zhukov**, Member of the RAS, Chief Researcher of the Department of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Institute of State and Law of the RAS, Moscow, Russia
- Alla E. Ivanova**, Doctor of Economics, Professor, Head Department, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Kristine Brenda Inglis**, PhD, Professor, University of Sydney, Sydney, Australia
- Aisem Biriz Karachay**, PhD, Istanbul University of Commerce, Istanbul, Turkey
- Seongjin Kim**, PhD, Professor, Women's University Duxun, Seoul, Republic of Korea
- Victoria Y. Ledeneva**, Doctor of Sociology, Head Department, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Philip Martin**, PhD, Professor, University of California, Davis, USA
- Elena A. Marushiakova-Popova**, PhD, Associate Professor, Institute of Ethnology and Folklore Studies, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
- Irina N. Molodikova**, PhD, Project Lead on Migration and Security in the Post-Soviet Space, Environmental Science and Policy Department, Central European University, Budapest, Hungary
- Cynthia Alexandra Pizarro**, PhD, Professor, University of Buenos Aires, Buenos Aires, Argentina
- Tamara K. Rostovskaya**, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Leonid L. Rybakovsky**, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Norio Horie**, Professor, Director, Center for Far Eastern Studies, Toyama University, Toyama, Japan
- Caress Schenk**, PhD, Assistant Professor, Nazarbayev University, Nur-Sultan, Kazakhstan

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ОБРАЩЕНИЕ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	7
ПОЗДРАВЛЯЕМ Т. К. РОСТОВСКУЮ С ЮБИЛЕЕМ!	9

НАСЕЛЕНИЕ И КРИЗИСЫ

<i>Доброхлеб В. Г., Барсуков В. Н.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ В КНР	11
<i>Ле Дык Ань.</i> ОТВЕТ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН НА МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ВЬЕТНАМА	19
<i>Фунг Чи Киен, Ле Мин Куанг, Нгуен Лан Нгуен.</i> МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС В ЕВРОПЕ И ВЫВОДЫ ДЛЯ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА	28
<i>Храмова М. Н., Смирнов А. В.</i> РУССКОЯЗЫЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ВЕНГРИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19.....	41

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

<i>Тувшинтугс Адъяа, Имидеева И. В., Пуревзул Пуревсурен, Рязанцев Н. С.</i> ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ МОНГОЛИИ И УЗБЕКИСТАНА: НОВЫЕ ТРЕНДЫ И ПОДХОДЫ К РЕГУЛИРОВАНИЮ	55
<i>Нгуен Дак Хунг.</i> ЭМИГРАЦИЯ ИЗ ВЬЕТНАМА И УПРАВЛЕНИЕ ДЕНЕЖНЫМИ ПЕРЕВОДАМИ.....	69
<i>Рязанцев С. В., Мигел Мауру А. Л.</i> ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ АНГОЛА.....	80
<i>Хоанг Ань Туан, Фан Тэ Конг.</i> СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЗВРАТНОЙ МИГРАЦИИ ВЬЕТНАМЦЕВ ИЗ ЯПОНИИ	94

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

<i>Динь Тиен Хьеу, Нгуен Тху Хонг.</i> ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ КИТАЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВЬЕТНАМСКОГО ХОЙАНА В XVI–XVIII ВВ.	116
<i>Нгуен Минь Хуен Чанг.</i> ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ ВО ВЬЕТНАМЕ: ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ	127
<i>Чжан Чжань.</i> СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ «МИГРАЦИИ ГАОКАО» В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ.....	142

ДЕМОГРАФИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

<i>Нгуен Минь Нгок.</i> ФАКТОРЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ НА РЫНКЕ ЖИЛЬЯ ПОЛЬШИ ВЬЕТНАМСКИМИ ИММИГРАНТАМИ	151
--	-----

<i>Надеждин А. Е.</i> СОВРЕМЕННАЯ МИГРАЦИЯ В ГЕРМАНИИ: ОСОБЕННОСТИ И ТРЕНДЫ	163
<i>Нгуен Тхи Минь, Хоа Ха Туан Ань.</i> ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИИ О ПОВЫШЕНИИ УРОВНЯ ЖИЗНИ НА ФОРМИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ НАМЕРЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ ВЬЕТНАМА.....	175
<i>Данг Мин Дык, Нгуен Чи Хьеу, Чан Динь Хунг.</i> СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ ВЬЕТНАМОМ И РОССИЕЙ В СФЕРЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ: НАПРАВЛЕНИЯ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ	191

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Рязанцев С. В., Медведь В. А., Вазиров З. К., Очирова Г. Н.</i> НАУЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ СОТРУДНИКОВ ИДИ ФНИСЦ РАН ПО ИЗУЧЕНИЮ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКО-ФИНСКОМ И РОССИЙСКО-НОРВЕЖСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ	203
---	-----

CONTENT

A MESSAGE FROM THE EDITOR-IN-CHIEF	7
ANNIVERSARY GREETINGS FOR TAMARA K. ROSTOVSKAYA	9

POPULATION AND CRISES

<i>Valentina G. Dobrokhleb, Vitaly N. Barsukov.</i> FEATURES OF POPULATION AGING IN CHINA	11
<i>Le Duc Anh.</i> EUROPEAN COUNTRIES' RESPONSE TO THE MIGRATION CRISIS AND ITS IMPLICATIONS FOR VIETNAM	19
<i>Phung Chi Kien, Le Minh Quang, Nguyen Lan Nguyen.</i> MIGRATION CRISIS IN EUROPE AND ITS LESSONS FOR THE ASIA-PACIFIC REGION	28
<i>Marina N. Khramova, Alexey V. Smirnov.</i> THE RUSSIAN-SPEAKING POPULATION OF HUNGARY DURING THE COVID-19 PANDEMIC	41

ECONOMIC DEMOGRAPHICS

<i>Adiya Tuvshintugs, Irina V. Imideeva, Purevsuren Purevzul, Nikita S. Ryazantsev.</i> LABOR MIGRATION FROM MONGOLIA AND UZBEKISTAN: NEW TRENDS AND APPROACHES TO REGULATION	55
<i>Nguyen Dac Hung.</i> EMIGRATION FROM VIETNAM AND REMITTANCES MANAGEMENT	69
<i>Sergey V. Ryazantsev, Mauro A. L. Miguel.</i> ECONOMIC ASPECTS OF MIGRATION IN THE REPUBLIC OF ANGOLA	80
<i>Hoang Anh Tuan, Phan The Cong.</i> SOCIO-ECONOMIC CONSEQUENCES OF VIETNAMESE RETURN MIGRATION FROM JAPAN	94

SOCIAL DEMOGRAPHICS

<i>Dinh Tien Hieu, Nguyen Thu Hong.</i> IMPACTS OF CHINESE POPULATION MIGRATION ON VIETNAMESE HOI AN'S SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE XVI-XVIII CENTURIES	116
<i>Nguyen Minh Huyen Trang.</i> EDUCATIONAL MIGRATION IN VIETNAM: CHALLENGES AND NEW OPPORTUNITIES	127
<i>Zhang Zhan.</i> SOCIAL ASPECTS OF "GAOKAO MIGRATION" IN CONTEMPORARY CHINA	142

FOREIGN DEMOGRAPHICS

<i>Nguyen Minh Ngoc.</i> DECISION-MAKING FACTORS IN THE HOUSING MARKET FOR VIETNAMESE IMMIGRANTS IN POLAND	151
<i>Alexander E. Nadezhdin.</i> CONTEMPORARY MIGRATION IN GERMANY: FEATURES AND TRENDS	163
<i>Nguyen Thi Minh Hoa, Ha Tuan Anh.</i> THE ROLE OF SEA LEVEL RISE INFORMATION IN THE FORMATION OF MIGRATION INTENTIONS OF VIETNAM'S POPULATION	175

Dang Minh Duc, Nguyen Chi Hieu, Tran Dinh Hung. COOPERATION BETWEEN VIETNAM AND RUSSIA IN THE FIELD OF LABOR MIGRATION: DIRECTIONS AND NEW OPPORTUNITIES 191

FIELD STUDIES

Sergey V. Ryazantsev, Viktoriya A. Medved, Zafar K. Vazirov, Galina N. Ochirova. SCIENTIFIC EXPEDITION OF RESEARCHERS FROM THE IDR FCTAS RAS TO STUDY MIGRATION IN THE RUSSIAN-FINNISH AND RUSSIAN-NORWEGIAN BORDER 203

ОБРАЩЕНИЕ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В настоящий номер журнала ДЕМИС вошли статьи, подготовленные на основе докладов II международной научно-практической конференции «Миграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР): глобальные вызовы и новые возможности» (2–3 ноября 2021 г.).

Конференция была организована Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН в сотрудничестве с МГИМО МИД России (Москва, Россия), Университетом МГУ-ППИ в Шэньчжэне (Шэньчжэнь, КНР), Вьетнамской академией общественных наук (Ханой, Вьетнам), Национальным экономическим университетом (Ханой, Вьетнам), Финансово-экономическим университетом (Улан-Батор, Монголия) и Научно-исследовательским институтом современной Азии (Москва, Россия). В течение двух дней работы конференции в «гибридном» формате результаты своих исследований представили ученые из России, Вьетнама, Китая, Монголии, Японии, Таиланда, Италии.

На конференции обсуждались вопросы управления миграцией в условиях кризисов, влияние пандемии COVID-19 на масштабы и направления миграционных потоков в странах АТР, трансформацию миграционной политики стран АТР в период действия ограничительных мер, последствия для трудовых и образовательных мигрантов.

Открытие II Международной научно-практической конференции «Миграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе: глобальные вызовы и новые возможности».

На фото: чл.-корр. РАН, д. э. н. С. В. Рязанцев, к. ф.-м. н. М. Н. Храмова

Номер журнала имеет пять разделов. В первый раздел «Население и кризисы» вошли работы В. Г. Доброхлеб и В. Н. Барсукова об особенностях демографического старения в КНР; работы вьетнамских коллег Ле Дюк Аня и коллектива авторов в составе Фунг Чи Кьена, Ле Минь Куанга и Нгуен Лан Нгуена, объединенные общим контекстом выстраивания миграционной политики в условиях кризиса и возмож-

ностях имплементации успешных европейских практик в странах Юго-Восточной Азии; а также статья М. Н. Храмовой и А. В. Смирнова о положении русскоязычного населения Венгрии в период пандемии COVID-19.

Второй раздел «Экономическая демография» охватывает работы монгольских коллег А. Тувшинтугс, И. В. Имидеевой, П. Пурэвсурэн и Н. С. Рязанцева о трудовой миграции из Монголии в Южную Корею; Нгуен Дак Хунга о денежных переводах вьетнамских трудовых мигрантов из-за рубежа; С. В. Рязанцева и А. Л. Мигела Мауру об экономических аспектах миграции в Анголе; Хоанг Ань Туана и Фан Те Конга о практиках адаптации вьетнамских мигрантов, возвратившихся из Японии.

Третий раздел «Социальная демография» включает исторический обзор о китайских миграциях Дьен Тьен Хью и Нгуен Ту Хонга; статью Нгуен Минь Хиен Чанга о современных тенденциях образовательной миграции во Вьетнаме и Чжан Чжана о международном сотрудничестве и справедливости в сфере образовательной миграции в КНР.

Раздел «Демография зарубежных стран» представлен четырьмя работами: Нгуен Минь Нгока о вьетнамской иммиграции в Польшу; А. Е. Надеждина о влиянии европейского миграционного кризиса на политические и экономические аспекты жизни немецкого общества; Нгуен Тхи Минь Хоа о влиянии изменения климата на миграцию населения Вьетнама; Данг Минь Дюка, Нгуен Чи Хью и Чан Динь Хунга о современных особенностях российско-вьетнамского взаимодействия в области миграции.

В пятом разделе «Полевые исследования» приводятся итоги научной экспедиции сотрудников ИДИ ФНИСЦ РАН С. В. Рязанцева, В. А. Медведь, З. К. Вазирова, и Г. Н. Очировой в нескольких северных приграничных регионах России.

Работы, представленные в настоящем номере журнала, могут быть интересны широкому кругу читателей: исследователям, чьи интересы охватывают различные аспекты демографического развития, миграции, влияния пандемии на социально-экономическое развитие в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, преподавателям, молодым ученым и аспирантам.

*С уважением,
главный редактор журнала «ДЕМИС. Демографические исследования»,
председатель Программного комитета Конференции,
С. В. Рязанцев*

*Председатель организационного комитета Конференции,
М. Н. Храмова*

ПОЗДРАВЛЯЕМ Т. К. РОСТОВСКУЮ С ЮБИЛЕЕМ!

Российский социолог и демограф, доктор социологических наук, профессор, заведующий Отделом семьи и семейно-демографической политики, заместитель директора по научной работе Института демографических исследований ФНИСЦ РАН Тамара Керимовна Ростовская 18 декабря 2021 г. отметила свой юбилей.

Т. К. Ростовская является крупным специалистом по проблемам социологии молодежи, социологии семьи, молодежной и демографической политики, снискавшим общественное признание и высокий авторитет в академическом сообществе. Ее путь в науке отмечен важнейшими вехами служения просвещению и возрождению демографии. При активном участии Т. К. Ростовской был создан и разви-

вается Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, разработан профессиональный стандарт «Демограф», концепция корпоративной демографической политики. Она является руководителем многих крупных межрегиональных исследовательских проектов, направленных на решение самых актуальных проблем демографического развития для обеспечения благосостояния страны и ее населения, в области развития института семьи, реализации приоритетных направлений семейно-демографической политики, гендерных исследований. Ученый является автором более 500 востребованных академическим сообществом научных работ, среди которых насчитывается более 40 монографий и свыше 40 статей в ведущих изданиях, входящих в базу SCOPUS/WOS. Кроме того, Т. К. Ростовская зарекомендовала себя как талантливый организатор крупномасштабных научно-методических мероприятий, проводимых, в том числе, в рамках деятельности Научного совета Отделения общественных наук РАН «Демографические и миграционные проблемы России», заместителем председателя которого она является.

Исследуя проблемы молодежи и молодой семьи, Т. К. Ростовская не ограничивается научными целями, но делает все возможное для эффективного изменения государственной молодежной и семейной политики. Этому способствует ее многолетний опыт организационно-управленческой деятельности в различных министерствах и ведомствах Российской Федерации, а авторитет ученого позволяет выстраивать надежные взаимодействия между наукой и практикой управления. Т. К. Ростовская внесла неоценимый вклад в разработку на федеральном уровне концептуальных документов, направленных на развитие молодежи, молодежной и семейно-демографической политики – Концепции государственной политики в отношении молодой семьи (утверждена Министром образования и науки в 2007 г.), Концепции развития кадрового потенциала молодежной политики в Российской Федерации (утверждена Министром спорта, туризма и молодежной политики в 2008 г.), государственных

докладов о положении молодежи и государственной молодежной политике, ежегодных национальных демографических докладов.

Т. К. Ростовская – активный член Экспертного Совета при Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, деятельный член экспертной группы по национальному проекту «Демография», соруководитель Учебно-методического совета по направлению подготовки «Организация работы с молодежью» Федерального учебно-методического объединения по укрупненной группе специальностей/направлений «Социология и социальная работа», а также входит в состав редколлегии семи научных журналов, включенных в перечень ВАК при Минобрнауки России. Много внимания ученый уделяет подготовке молодых, перспективных специалистов и кадров высшей квалификации в качестве председателя государственной аттестационной комиссии Социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Заслуги Т. К. Ростовской в научной сфере по праву отмечены высоким отечественным и международным признанием: она является Почетным работником сферы молодежной политики в Российской Федерации, имеет ведомственные и региональные награды, в том числе медали «За веру и добро», «Патриот России», благодарности Минобрнауки России; в 2018 г. за вклад в науку награждена Серебряной медалью имени Питирима Сорокина, что подчеркивает ее значительный вклад в науку и активное участие в общественной жизни. 13 декабря 2021 г. в канун юбилея ученому была вручена Почетная грамота Российской академии наук «За плодотворный труд на благо отечественной науки в области социологии семьи, молодежной и семейно-демографической политики, достижение высоких результатов в научно-организационной деятельности, подготовку научных кадров высшей квалификации».

Имя Тамары Керимовны Ростовской стало настоящим брендом отечественной социологии семьи, социологии молодежи, молодежной и семейно-демографической политики. Поздравляя ее со знаменательным юбилеем, благодарим за высокую ответственность, личную заинтересованность, полную самоотдачу общему делу и заботливое отношение ко всем, кто бы ни был в него вовлечен.

Желаем юбиляру крепкого здоровья, счастья, удачи и неиссякаемого оптимизма во всех делах и начинаниях. Пусть каждый день будет успешным и плодотворным, а деятельность всегда остается результативной!

*С уважением и признательностью,
друзья, коллеги, ученики*

НАСЕЛЕНИЕ И КРИЗИСЫ

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ В КНР

Доброхлеб В. Г.

*Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: vdobrokhleb@mail.ru*

Барсуков В. Н.

*Межрегиональная общественная организация содействия изучению,
пропаганде научного наследия Н. Д. Кондратьева, Москва, Россия
E-mail: lastchaos12@mail.ru*

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.1>

Для цитирования: Доброхлеб В. Г., Барсуков В. Н. Особенности процесса демографического старения в КНР // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 1. С. 11-18. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.1>

Аннотация. Демографическое старение – глобальный вызов, как для мира в целом, так и для отдельных стран. Объектом исследования в данном тексте выступает старение населения Китая, предметом изучения является специфика старения населения в этой стране и связанные с данным процессом последствия. Целью настоящей работы стало выявление вызванных данным феноменом рисков социально-экономического развития государства. Основой методологии исследования является использование методов сравнительного анализа, а также коэффициентов экономической зависимости от пожилого населения (КЗПН). Научная новизна исследования обусловлена выявлением особенностей демографического старения Китая и социально-экономических вызовов, связанных с процессом старения населения страны. В Китае завершён этап реализации первого демографического дивиденда, что неминуемым образом приведет к нарастанию масштабов последствий старения населения. В частности, КНР уже в ближайшие десятилетия столкнется с колоссальным по мировым меркам ростом коэффициентов зависимости от пожилого населения (в особенности, роста чистых потребителей в старших возрастах).

Ключевые слова: демографическое старение, старение населения, социально-экономические вызовы.

Введение

Демографическое старение порождает существенные вызовы как для мировой цивилизации в целом, так и для отдельных стран. Последствия старения населения охватывают практически все сферы жизнедеятельности, связанные со снижением потенциала многочисленных групп стареющего населения. Это обуславливает многочисленные вызовы, к основным из них относятся: *во-первых*, экономические, которые во многом определяются изменениями предложения рабочей силы на рынке труда; *во-вторых*, социальные, зачастую связанные с дискриминацией по возрасту – эйджизмом; *в-третьих*, культурные, обусловленные стремительным изменением требований к массовым слоям населения быстро осваивать многочисленные цифровые технологии, без которых появляется опасность остаться «за бортом»; *в-четвертых*, переменами в структуре семей, связанными с ростом числа одиноких пожилых

и старых людей, нуждающихся в социальной поддержке, и многие другие. Это обуславливает актуальность исследования региональной специфики демографического старения населения, в том числе выявление разнообразных проблем стареющего населения. Объектом изучения является старение населения Китая. В качестве предмета исследования выступает специфика стареющего населения этой страны. Цель данной работы направлена на выявление специфики старения населения Китая, а также рисков социально-экономического развития государства в условиях демографического старения. Основой методологии исследования является использование методов сравнительного анализа и коэффициентов экономической зависимости от пожилого населения (КЗПН). Информационной базой исследования стали статистические данные Организации Объединенных Наций (ООН) (World Population Prospects¹, World Population Ageing [1]), Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)², Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) (WHO Mortality Database³) и др. Научная новизна исследования обусловлена выявлением специфики и закономерностей старения населения Китая и рисков для его социально-экономического развития.

Обзор научной литературы

Механизмы формирования демографического процесса старения населения изучены достаточно широко [2; 3]. Зачастую закономерности протекания исследуемого процесса находят свое объяснение в рамках теорий демографического развития (перехода) [4; 5; 6; 7; 8 и др.], при этом необходимо учитывать тот факт, что на специфику региональных особенностей демографических процессов оказывают влияние национальные тренды старения населения, связанные, например, со временем реализации первого демографического дивиденда и т. д. [9; 10; 11; 12; 13]. В данной работе при анализе факторов и последствий старения населения учитывается, с одной стороны, стадийный подход с точки зрения демографического перехода, который характерен для стран всего мира, а с другой – учитываются особенности процесса динамики возрастной структуры различных регионов, в том числе обусловленные внешними по отношению к демографической системе факторами (например, обострение экономической или политической ситуации в стране, войны, катастрофы и др.). Страны и регионы, обладающие сопоставимой долей пожилых и старых людей в населении, могут отличаться не только количественными, но и качественными показателями, характеризующими данные социально-демографической группы [14; 15; 16; 17]. Одна из существенных методологических особенностей нашей работы состоит в том, что мы предлагаем разграничивать дефиниции «демографическое старение» и «старение населения». При этом первое понятие связано с закономерностями возрастных изменений в населении, т. е. определяется именно демографическими факторами, а второй термин обусловлен не только демографическими переменными, но и возникающим широким набором факторов, в том числе социально-экономических.

¹ World Population Prospects 2019 // United Nations Department of Economic and Social Affairs [site]. URL: <https://population.un.org/wpp/> (accessed on: 25.10.2021).

² Data // Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD) [site]. URL: <https://data.oecd.org/> (accessed on: 25.10.2021).

³ WHO Mortality Database // World Health Organization (WHO) [site]. URL: <https://www.who.int/data/data-collection-tools/who-mortality-database> (accessed on: 25.10.2021).

Особенности изменений возрастной структуры населения в Китае

Демографические процессы в Китае, самой крупной по численности населения и второй по объему ВВП стране в мире, являются важными не только для самой страны, но и для ее соседей и мирового сообщества в целом. В 2020 г. практически около 20% (19% от общей численности) мирового населения проживали в Китае. Например, население Китая превышает населения России почти в десять раз. При этом в период с 1950 по 2020 гг. удельный вес жителей КНР в мировом населении уменьшился (с 22 до 19%).

Динамика доли населения старше 60 лет показывает, что в 1950 г. 20% всех пожилых старше 60 лет проживали в Китае, в 2020 г. данный показатель составил 24%. Очевидно, что демографическое старение таких густонаселенных стран, как Китай или Индия, вызывает опасение в связи с возможными негативными последствиями старения населения в них и их влияния на устойчивость развития мира [7; 18]. В КНР за 55 лет (1965–2020 гг.) доля детского населения в возрасте от 0 до 14 лет уменьшилась более чем в два раза (с 41% до 17,7%), а доля трудоспособного населения выросла с 53 до 65% (максимум был отмечен в 2010 г. – 69,3%). Доля пожилых людей тоже росла – с 6% до 17,3%. Мы наблюдаем снижение общей демографической нагрузки. Наглядно выявляется механизм формирования первого демографического дивиденда, когда доля трудоспособного населения достигает своего исторического максимума, а удельный вес иждивенческих групп стремится к минимуму.

Показанные демографические изменения дают возможность прийти к нескольким важным выводам, как то: сокращение рождаемости – главный фактор демографического старения «снизу» [2; 3]; особенностью данного процесса в Китае является его стремительность. Снижение рождаемости в Китае в этот период во многом определялось не институциональными причинами, а именно – реализацией национальной программы «Одна семья – один ребенок», которая реализовывалась с 1979 по 2015 г. За это время суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в Китае снизился с 3 до 1,62 детей, на одну женщину фертильного возраста [19]. Исследователи отмечали, что с 1960-х по 1980-е гг. уже фиксировалось серьезное падение (СКР снизился с 5 до 3). В 2015 г. программа была завершена. Но эта мера не привела к росту рождаемости: СКР продолжает снижаться, и в 2019 г. было зафиксировано рекордно низкое число новорожденных (15 млн детей).

Следует отметить, что получение колоссального демографического дивиденда (доля трудоспособного населения за 45 лет возросла на 27% и в 2010 г. достигла практически 70%) стало одним из важнейших факторов экономического рывка КНР, позволившего стране за короткий период стать ведущей мировой державой, второй экономикой мира. Процесс вступления Китая в фазу реализации первого демографического дивиденда характеризуется как поздний и интенсивный в сравнении с западными странами [8]. Демографическое старение в Китае до 2020 г. можно рассматривать в проекции старения «снизу» (т. е. за счет снижения рождаемости, а следовательно, доли населения младших возрастных когорт).

Китай стал «рекордсменом» по темпам демографического старения. Исследование процесса трансформации возрастной структуры предполагает учет гендерных особенностей. Статистика показывает, что изменения в Китае имеют сбалансированный характер по соотношению полов. Страна за последние полвека демонстрирует значительный прогресс в области улучшения показателей продолжительности жизни, как женского (с 60 до 88), так и мужского населения (с 53 до 84). Важно, что

по показателю ожидаемой продолжительности здоровой жизни в возрасте 65 лет (т. е. количество лет, которое индивид проживет без заболеваний, препятствующих активной жизнедеятельности) Китай также достиг больших результатов чем, например, Россия.

При сравнении демографического старения в Китае и России можно констатировать существенную разницу:

- доля регионов РФ, превосходящих среднемировое значение по доле людей в возрасте 65+, заметно выше, чем в КНР;
- примерно в половине регионов уровень демографической старости превышает среднее значение для соответствующего макрорегиона мира (для России это Восточная Европа, для Китая – Восточная Азия);
- разница между самым «старым» и самым «молодым» регионом в КНР значительно меньше (в 3 раза, в РФ – в 6 раз).

На рубеже XX–XXI столетий демографическое старение в Китае проходит более высокими темпами, чем в России. Влияние КНР на процесс глобального старения вырос и продолжит расти в дальнейшем.

Последствия старения населения в Китае

Традиционно потенциальные социально-экономические риски старения населения рассматриваются сквозь призму коэффициентов экономической зависимости от пожилого населения (КЗПН), которых на текущий момент три:

- 1) классический КЗПН используется ООН со времен Ф. Ноутстайна⁴ и является коэффициентом экономической зависимости от пожилого населения, рассчитывается как отношение численности людей старше 65 лет к численности населения в возрасте от 20 до 64 лет и умноженное на 100;
- 2) перспективный КЗПН (ПКЗПН) основан на концепции перспективного старения У. Сандерсона и С. Щербова [20; 21] и рассматривается как отношение численности людей в возрасте с продолжительностью жизни 15 лет и менее, приходящееся на 100 человек населения в возрасте от 20 лет и до определяемой верхней границы;
- 3) экономический КЗПН (ЭКЗПН) разработан в рамках экономики поколений и рассчитывается как эффективное число потребителей в возрасте 65 лет и старше (т. е. неработающих), деленное на эффективное число работников всех возрастов (т. е. работающих) и умноженное на 100.

Рост каждого из этих показателей демонстрирует увеличение зависимости (или нагрузки) «стареющих» государств от пожилого населения, что потенциально влечет за собой нарастание социально-экономических рисков старения населения. Согласно прогнозным расчетам ООН⁵, в России и Китае в период с 2019 по 2050 гг. по всем трем показателям будет наблюдаться рост: КЗПН увеличится с 24,7 до 41,7 в России, в Китае – с 17,7 до 47,5; ПКЗПН возрастет с 19,3 и 13,9 до 26,1 и 29,5 соответственно; ЭКЗПН увеличится с 27,3 и 18,7 до 47,5 и 53 соответственно. Причем из представленных данных видно, что Китай будет показывать более быстрый рост (более чем двукрат-

⁴ Фрэнк Уоллас Ноутстайн (1902–1983) – известный американский демограф, один из авторов теории демографического перехода. Подробнее см., напр.: К 30-летию со дня смерти Фрэнка Ноутстайна // Демоскоп Weekly. 18 ноября – 1 декабря 2013. № 575–576. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0575/nauka01.php> (дата обращения: 25.10.2021).

⁵ World Population Prospects 2019.

ный по каждому из коэффициентов). При этом в среднем по миру изменение данных показателей возрастет примерно в 1,3 раза.

Проведенное авторами статьи исследование с высокой долей вероятности дает основание утверждать, что Китай уже в ближайшем будущем столкнется с масштабными последствиями старения населения, которые могут существенным образом отразиться на фискальной устойчивости государства, расходах на здравоохранение, росте совокупного государственного долга. При этом уровень покрытия населения государственными пенсионными обязательствами в Китае едва превышает 30%. Это также один из значительных социальных вызовов в связи со старением для КНР.

Заключение

Научная новизна настоящего исследования обусловлена выявлением особенностей демографического старения Китая и социально-экономических вызовов, предопределенных процессом старения населения КНР. Китай практически исчерпал возможность использования первого демографического дивиденда, что неминуемым образом приведет к нарастанию масштабов последствий старения населения. В частности, страна уже в ближайшие десятилетия столкнется с колоссальным по мировым меркам ростом коэффициентов зависимости от пожилого населения (в особенности, роста чистых потребителей в старших возрастах). Потенциально это может привести не только к снижению темпов экономического роста, но и еще больше усугубить проблему бедности пожилых людей в Китае, которая сейчас является одной из наиболее ярко выраженных.

Китай, как и Россия, стоит перед необходимостью разработки эффективных долгосрочных политических мер, направленных на адаптацию к последствиям старения населения: стимулирование занятости населения старших возрастов, увеличение производительности труда, в том числе работников старших возрастов, трансформация пенсионного обеспечения, развитие человеческого потенциала путем в том числе через распространение непрерывного образования, создание эффективной геронтологической помощи и реформирование системы здравоохранения, основой которого должно стать выявление и профилактика заболеваний, включая хронические.

Список литературы

1. *United Nations Department of Economic and Social Affairs. World Population Ageing 2019: Highlights (ST/ESA/SER.A/430). New York: United Nations, 2019. 38 p. ISBN: 978-92-1-148325-3.*
2. *Россет Э. Процесс старения населения: Демографическое исследование / Пер. с пол. Н. Н. Малютиной и Э. Н. Фарберовой; под ред. А. Г. Волкова. – Москва: Статистика, 1968. – 509 с.*
3. *Сови А. Общая теория населения: В 2-х т. / Сокращ. пер. с фр. Ф. Р. Окуновой; предисл. А. Я. Боярского. – Москва: Прогресс, 1977. – Т. 2: Жизнь населений. – 1977. – 518 с.*
4. *Thompson W. S. Population. American Journal of Sociology. 1929. Vol. 34. No. 34. Pp. 959–975. DOI: <https://doi.org/10.1086/214874>.*
5. *Notestein F. W. Population – The Long View. In: Schultz T. W. (Ed.) Food for the World. Chicago: University of Chicago Press, 1945. 352 p.*
6. *Вишневецкий А. Г. Демографическая революция. – Москва: Статистика, 1976. – 240 с.*
7. *Golini A. Demographic Trends and Aging in Europe. Prospects, Problems and Policies. Genus. 1997. Vol. 53. No. 3/4. Pp. 33–74.*
8. *Lee R., Mason A. Population Aging, Wealth, and Economic Growth: Demographic Dividends and Public Policy. New York: WESS Background Paper, 2015. 35 p.*
9. *Reher D. Economic and Social Implications of the Demographic Transition. Population and Devel-*

opment Review. 2011. Vol. 37. Pp. 11–33. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00376.x>.

10. *Клунт М. А.* Парадигмы и оппозиции современной демографии // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. №1. С. 34–56. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i1.1826>.

11. *Orlicka E.* Impact of Population Ageing and Elderly Poverty on Macroeconomic Aggregates. *Proceedia Economics and Finance*. 2015. Vol. 30. Pp. 598–605. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)01272-1](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)01272-1).

12. *Kaplan M., Inguanzo M.* The Social, Economic, and Public Health Consequences of Global Population Aging: Implications for Social Work Practice and Public Policy. *Journal of Social Work in the Global Community*. 2017. No. 1. Pp. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.5590/JSWGC.2017.02.1.01>.

13. *Alper F, Alrep A., Ucan O.* The Economic Impacts of Aging Societies. *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2016. Vol. 6. No. 3. Pp. 1225–1235.

14. *Dobrokhleb V. G., Barsukov V. N.* Demographic Theories and the Regional Aspect of Population Ageing. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2017. Vol. 10. No. 6. Pp. 89–103. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2017.6.54.6>.

15. *Шабунова А. А.* Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2 (70). С. 7–17.

16. *Шабунова А. А., Барсуков В. Н.* Тенденции демографического старения населения Российской Федерации и пути их преодоления // Проблемы развития территории. 2015. № 1 (75). С. 76–87.

17. *Доброхлеб В. Г.* Социальные вызовы новой пенсионной реформы в условиях современной демографической ситуации в России // Уровень жизни населения регионов России. 2019. Том. 15. № 1. С. 59–64. DOI: <https://doi.org/10.19181/1999-9836-2019-10054>.

18. *Зиберт Х.* Эффект кобры: как избежать заблуждений в экономической политике / Хорст Зиберт; [пер. с нем. Валерий Брун-Цеховой]. – Москва: Новое издательство, 2005. – 268 с. ISBN 5-98379-035-8.

19. *Basten S., Jiang Q.* Fertility in China: An uncertain future. *Population Studies*. 2015. Vol. 69. Pp. 97–105. DOI: <https://doi.org/10.1080/00324728.2014.982898>.

20. *Sanderson W., Scherbov S.* Remeasuring Aging. *Science*. 2010. Vol. 329. Pp. 1287–1288. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.1193647>.

21. *Sanderson W., Scherbov S.* The Characteristics Approach to the Measurement of Population Aging. *Population and Development Review*. 2013. Vol. 39. No. 4. Pp. 673–685. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2013.00633.x>.

Сведения об авторах:

Доброхлеб Валентина Григорьевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН и Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: vdobrokhleb@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-4864-8231; РИНЦ Author ID: 312761; Web of Science Researcher ID: B-1337-2017; Scopus Author ID: 57193690883.

Барсуков Виталий Николаевич, исследователь Межрегиональной общественной организации содействия изучению, пропаганде научного наследия Н. Д. Кондратьева (МОО СИПНН Н. Д. Кондратьева), Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: lastchaost2@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-7819-8297; РИНЦ Author ID: 708125; Web of Science Researcher ID: I-8179-2016.

Благодарности и финансирование:

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00036 «Методология оценки рисков и возможностей адаптации к процессу демографического старения в субъектах Российской Федерации».

Статья поступила в редакцию 14.12.2021; принята в печать 15.02.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

FEATURES OF POPULATION AGING IN CHINA

Valentina G. Dobrokhleb

*Institute of Socio-Economic Studies of Population FCTAS RAS,
Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
E-mail: vdobrokhleb@mail.ru*

Vitaly N. Barsukov

*Interregional Public Organization for the Promotion of the Study, Promotion of
Scientific Heritage of N. D. Kondratiev, Moscow, Russia
E-mail: lastchaos12@mail.ru*

For citation: Valentina G. Dobrokhleb, Vitaly N. Barsukov. Features of Population Aging in China. DEMIS. Demographic Research. 2022. Vol. 2. No. 1. Pp. 11-18. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.11>

Abstract. Demographic aging is a global challenge, both for the world as a whole and for individual countries. The object of research in this text is the aging of the Chinese population, the subject of study is the specifics of the aging of the population in this country and the consequences associated with this process. The purpose of this work was to identify the risks of socio-economic development of the state caused by this phenomenon. The basis of the research methodology is the use of comparative analysis methods, as well as correlation and variation coefficients. The scientific novelty of the study is due to the identification of the features of China's demographic aging and socio-economic challenges associated with the aging process of the PRC population. China has completed the stage of implementing the first demographic dividend, which will inevitably lead to an increase in the scale of the consequences of population aging. In particular, in the coming decades, China will face a colossal increase by world standards in the coefficients of dependence on the elderly population (in particular, the growth of net consumers in older ages).

Keywords: demographic aging, population aging, socio-economic challenges.

References

1. United Nations Department of Economic and Social Affairs. *World Population Ageing 2019: Highlights* (ST/ESA/SER.A/430). New York: United Nations, 2019. 38 p. ISBN: 978-92-1-148325-3.
2. Rosset E. *Protsess stareniya naseleniya: Demograficheskoye Issledovaniye [The Process of Population Aging: A Demographic Study]*. Translation from Pol. by N. N. Malyutina and E. N. Farberova; ed. A. G. Volkova. Moscow: Statistics, 1968. 509 p. (In Russ.)
3. Sovi A. *Obshchaya teoriya naseleniya [General Population Theory]*: In 2 vols. Translation from French by F. R. Okuneva; foreword by A. Ya. Boyarsky. Moscow: Progress, 1977. Vol. 2: Zhizn' naseleniy [Life of the Populations]. 1977. 518 p. (In Russ.)
4. Thompson W. S. Population. *American Journal of Sociology*. 1929. Vol. 34. No. 34. Pp. 959–975. DOI: <https://doi.org/10.1086/214874>.
5. Notestein F. W. Population – The Long View. In: Schultz T. W. (Ed.) *Food for the World*. Chicago: University of Chicago Press, 1945. 352 p.
6. Vishnevskiy A. G. *Demograficheskaya revolyutsiya [Demographic Revolution]*. Moscow: Statistics, 1976. 240 p. (In Russ.)
7. Golini A. Demographic Trends and Aging in Europe. Prospects, Problems and Policies. *Genus*. 1997. Vol. 53. No. 3/4. Pp. 33–74.
8. Lee R., Mason A. *Population Aging, Wealth, and Economic Growth: Demographic Dividends and Public Policy*. New York: WESS Background Paper, 2015. 35 p.
9. Reher D. Economic and Social Implications of the Demographic Transition. *Population and Development Review*. 2011. Vol. 37. Pp. 11–33. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00376.x>.
10. Klupt M. A. Paradigms and Oppositions of Modern Demography. *Demographic Review*. 2014. Vol. 1. No. 1. Pp. 34–56. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i1.1826>. (In Russ.)
11. Orlicka E. Impact of Population Ageing and Elderly Poverty on Macroeconomic Aggregates. *Procedia Economics and Finance*. 2015. Vol. 30. Pp. 598–605. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)01272-1](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)01272-1).
12. Kaplan M., Inguanzo M. The Social, Economic, and Public Health Consequences of Global Pop-

ulation Aging: Implications for Social Work Practice and Public Policy. *Journal of Social Work in the Global Community*. 2017. No. 1. Pp. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.5590/JSWGC.2017.02.1.01>.

13. Alper F., Alrep A., Ucan O. The Economic Impacts of Aging Societies. *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2016. Vol. 6. No. 3. Pp. 1225–1235.

14. Dobrokhleb V. G., Barsukov V. N. Demographic Theories and the Regional Aspect of Population Ageing. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2017. Vol. 10. No. 6. Pp. 89–103. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2017.6.54.6>.

15. Shabunova A. A. Social Development and Modern Demographic Challenges. *Problems of Territory's Development*. 2014. No. 2 (70). Pp. 7–17. (In Russ.)

16. Shabunova A. A., Barsukov V. N. Trends in Demographic Ageing of Population of the Russian Federation and Ways of Overcoming Them. *Problems of Territory's Development*. 2015. No. 1 (75). Pp. 76–87. (In Russ.)

17. Dobrokhleb V. G. Social Challenges of the New Pension Reform in the Current Demographic Situation in Russia. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2019. Vol. 15. No. 1. Pp. 59–64. DOI: <https://doi.org/10.19181/1999-9836-2019-10054>. (In Russ.)

18. Siebert H. *Effekt kobry: kak izbezhat' zabluzhdeniy v ekonomicheskoy politike [Cobra Effect: How to Avoid Misconceptions in Economic Policy]*. / Horst Siebert; [translated from German by Valery Brun-Tsekho-va]. Moscow: Novoye Izdatelstvo Publishing House, 2005. 268 p. ISBN 5-98379-035-8. (In Russ.)

19. Basten S., Jiang Q. Fertility in China: An uncertain future. *Population Studies*. 2015. Vol. 69. Pp. 97–105. DOI: <https://doi.org/10.1080/00324728.2014.982898>.

20. Sanderson W., Scherbov S. Remeasuring Aging. *Science*. 2010. Vol. 329. Pp. 1287–1288. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.1193647>.

21. Sanderson W., Scherbov S. The Characteristics Approach to the Measurement of Population Aging. *Population and Development Review*. 2013. Vol. 39. No. 4. Pp. 673–685. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2013.00633.x>.

Bio note:

Valentina G. Dobrokhleb, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population FCTAS RAS, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: vdobrokhleb@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-4864-8231; RSCI Author ID: 312761; Web of Science Researcher ID: B-1337-2017; Scopus Author ID: 57193690883.

Vitaly N. Barsukov, Researcher, Interregional Public Organization for the Promotion of the Study, Promotion of Scientific Heritage of N. D. Kondratiev, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: lastchaos12@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-7819-8297; RSCI Author ID: 708125; Web of Science Researcher ID: I-8179-2016.

Acknowledgements and financing:

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) according to the research project No. 20-010-00036 "Methodology for assessing risks and opportunities for adaptation to the process of demographic aging in the constituent entities of the Russian Federation."

Received on 14.12.2021; accepted for publication on 15.02.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

EUROPEAN COUNTRIES' RESPONSE TO THE MIGRATION CRISIS AND ITS IMPLICATIONS FOR VIETNAM

Le Duc Anh

Diplomatic Academy of Vietnam, Hanoi, Vietnam

Email: ducanhle.cit@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.2>

For citation: Anh Le Duc. *European Countries' Response to the Migration Crisis and Its Implications for Vietnam*. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2. No. 1. Pp. 19–27. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.2>

Abstract. *Migration is a historical issue that exists along with the evolution of humanity. Since 2015, Europe has witnessed a strong wave of illegal migrant arrivals from the Middle East, Africa, and Asia, creating an economic, political, security, and social crisis in the region. This article is devoted to discussing how the migrant crisis has affected regional security and the reasons why the policy responses of the EU and member states are effective enough to handle this phenomenon. First, the author presents an overview of the migrant crisis in Europe since 2015 by indicating statistical information of the number of migrants coming to Europe each year, and demonstrating the motivations of their choices. Second, four negative impacts of the migrant crisis on the security of Europe are pinpointed. Third, the article seeks to deliver an in-depth analysis of European countries' policy responses to this problem, which opens up wholly new prospects, raises new questions, and presents new efforts towards the promotion of global and regional integration, cooperation, and unity. On this basis, the author personally comes up with some policy implications for Vietnam in dealing with the migration issue. To achieve these research objectives, the author mainly uses popular research methodologies in social science and international relations in particular to find out answers to the raised questions.*

Keywords: *migration, immigration, Europe, Vietnam, EU, crisis.*

Introduction

According to the International Organization for Migration (IOM), International migration means the movement of persons away from their place of usual residence and across an international border to a country of which they are not nationals. Similarly to the above definition, for statistical purposes, the United Nations Department of Economic and Social Affairs (UNDESA) defines an “international migrant” as “any person who changes his or her country of usual residence” (Recommendations on Statistics of International Migration, Revision 1 1998 [1]). That is to say, illegal migration is a form of international migration in which migrants do not comply with the regulations and laws on immigration and settlement of that country or region. From 2015, it has occupied much of the time of European leaders and has been high on the agenda of all their meetings. It has created deep divisions among them and shown the limits of their collective efforts. It has also imposed itself on internal politics within the bloc, with populist movements making the most of tensions fueled by the phenomenon.

The 21st century is the century of migrants, since global mobility is a highly stratified phenomenon, from global tourists to the undocumented and from human trafficking to refugees who must leave their country of origin due to climate change, poverty, or war. Thus, migration makes a contribution to changes in shifts and institutions in international political, economic and social relations [2]. Today there are two major demographic trends in the European Union (EU) [3]: continuous aging and increasing migration flows. Both are relevant to studying the relationship between demography and security, although this article only will focus on the second. The abolition of internal borders within the EU fostered the dissemination of narratives pointing to a security deficit and new challenges for public order from the opening of internal borders, which led to an increasing politicization

and securitization of migration [4]. This denationalization of state sovereignty requires cooperation, and although close cooperation on security and defense matters in the EU seems essential, there is no common “EU” position to address and overcome humanitarian crisis management in the aftermath of the crisis of refugees, which are based on divergent national strategies cultures that end up enforcing different security and defense policies in the EU [5]. An important term is ‘refugee’, which refers to a political and legal status in accordance with the 1951 Refugee Convention and its 1967 Protocol under international law. Most of the most recent EU institutional documents make this distinction as many of the forced migrants are still waiting for their legal status to be determined and are therefore not yet referred to as refugees but asylum seekers due to various bureaucratic restrictions [6, p. 55–56]. As a result, the author avoids using the expression ‘refugee crisis’ and uses ‘migrant crisis’ instead, considering different types of forced migrants, including asylum-seekers and refugees.

Materials and methods

It is believed that the study of Europe’s measures and experience in handling illegal immigration is of great importance for Vietnam as well as other countries in the region and all over the world to take lessons and implement their policies to address this issue. That is the reason why this article is devoted to presenting an overview of the migrant crisis in Europe, its causes, and negative impacts on regional security. Besides, the author also conducts an in-depth analysis of European countries’ responses to this problem, thereby puts forward several policy implications for Vietnam in dealing with the migration issue.

Statistics on illegal migration into Europe of the European Border and Coast Guard Agency (Frontex) indicate that European countries have received a massive flow of immigrants, most notably in 2015 (about 1,800,000 people)¹. This figure has been on a gradual decline in recent years as European governments adopted a series of effective measures to limit unauthorized immigration. According to data from the Frontex website, the total number of arrivals in Europe from 2016 to 2019 was 511,000; 204,700; 190,000, and 150,000 respectively. The figure in 2020 (collected by the end of November 2020) was 87,500². According to reports and statistics released by European countries, the flow of illegal migrants into Europe is mainly through land and sea routes. More than 91% of the migrants from Syria, Iraq, and Afghanistan have traveled to Europe via Greek and the shortest land route to Western Europe is via Macedonia, Serbia, Hungary, and Croatia whereas migrants from the Middle East, North Africa mainly use sea routes to travel to Turkey and Libya. Those migrants then crossed the Mediterranean Sea to enter Greece, Italy, and Spain. Between 2014 and 2015, roughly 1,015,078 migrants chose sea routes to travel to Europe as they are the shortest ones [7]. Up to now, there are no statistics on migrants from the Middle East, North Africa traveling to Europe by air.

Recent documents and reports on illegal migration into Europe suggest that there are several major driving forces behind the massive flow of illegal migrants into Europe. First, the long-lasting economic, political, social crisis and civil wars in the Middle Eastern and North African countries such as Afghanistan, Iraq, and Syria have sunk a myriad of people

¹ Sharp decline in illegal migrants entering EU in 2017: Frontex // Vietnam News. Newspaper. 21.02.2018. URL: <https://vietnamnews.vn/world/423131/sharp-decline-in-illegal-migrants-entering-eu-in-2017-frontex.html> (accessed on 20.09.2021).

² Situation at EU external borders – Western African route at record highs // Frontex. European Border and Coast Guard Agency [site]. URL: <https://frontex.europa.eu/media-centre/news/news-release/situation-at-eu-external-borders-western-african-route-at-record-highs-yzD0DS> (accessed on 01.12.2021).

in Syria, Iraq, Somalia, Nigeria, Niger, and Afghanistan into chronic hunger, poverty, and humanitarian crisis, forcing them flee their homelands for better lives. Second, Europe's tolerant and inconsistent policies towards illegal migrants have facilitated illegal migration from the Middle East and North Africa, triggering a big tide of immigration to Europe. Third, the existing differences in defining the terms 'migrants', 'refugees', and 'migrants' in the world's legal systems hinder European countries' efforts to properly categorize, receive and repatriate illegal migrants. It is a fact that many illegal immigrants have taken advantage of the Dublin Regulation on granting asylum and settlement status to enter Europe for economic purposes or to avoid wars in their countries of origin. As a result, an influx of migrants has flocked to frontline countries such as Greece, Italy, or Spain, intensifying the problem of over-reception, filtering out, and providing humanitarian assistance for migrants in these countries.

Results

European countries' responses to illegal migration

In response to the threats presented by the migrant crisis, Europe has adopted many comprehensive security measures to proactively prevent and mitigate those threats and ensure regional security. Europe's immigration policy has three main pillars: securing external borders; effectively implementing an anti-migrant smuggling policy and promoting on-site assistance to refugees. Europe has adopted two major solutions as follows:

First, Europe has imposed a variety of economic, political, and social measures, including cutting migrant flow into Europe by applying the allocation of migrant quotas and migrants' financial aids; Strengthening bilateral cooperation between European and non-European countries to prevent migrants from outside entering Europe (for example, from Turkey to Greece) or between European and European frontline countries such as Greece and Italy to set up screening centers for filtering out migrants in these countries, thereby reducing the mass of migrants entering Europe; Enhancing multilateral cooperation mechanisms to address the root causes of migrant crisis via meetings with African countries and Turkey. Some European countries such as Germany, the UK, France, Austria, Hungary, Slovakia, the Czech Republic, Poland, and Greece have advocated a common European solution while actively implementing their measures such as closing borders, strengthening border patrols, tightening immigration reviewing procedures and building bilateral or group-based cooperation mechanisms, to limit illegal migrants.

Second, at the bloc level, Europe has implemented a number of security measures focusing on information processing and exchange, ensuring cyber security, preventing terrorism, and tightening immigration controls. Some major measures are: (1) improving enforcement of laws against online terrorism, waterway terrorism, road traffic terrorism, and air terrorism such as the laws on Information and Cyber Security (issued in December 2015), and the laws on Airplane Passengers' Profile (issued in April 2016); (2) upgrading the Schengen Information System (SIS) by updating information from security and police agencies and reception centers to early detect terror suspects; (3) promoting the swift operation of new agencies such as the European Border and Coast Guard (established in June 2016), and the European Counter Terrorism Center (established in July 2016); (4) enhancing intelligence cooperation with the US, Russia, and India, joining in the fight against ISIS in the Middle East. At the national level, countries such as Belgium, Germany, France, Italy, the Netherlands have actively strengthened their own security measures including repatriating migrants that are not qualified for asylum grants, raising security

alert levels, investing in resources for counter-terrorism, granting counter-terrorism forces more rights, and stepping up international intelligence cooperation on counter-terrorism. In addition, Europe should strengthen its counter-terrorism forces, foster its cooperation with NATO to tighten border controls to stop immigrants, restore the Schengen open-border area, propose amendments to immigration regulations, and take the advantage of United Nations' support in addressing illegal immigration.

European countries with the big allocation of migrant quotas have adopted their own measures in response to the security threats presented by the influx of migrants. In the wake of violent terror attacks in Europe, Italian Foreign Minister Di Maio proposed to bring in the US-based European Patriot Act which enables investigators to probe into citizens' private lives. This facilitates their access to personal data and is beneficial in intercepting and obstructing terror plots. France has implemented its own security measures by launching a number of counter-terrorism operations such as the Cazeneuve operation (2014), the Valls operation (2016), the National Plan to combat extremism (2018), and Action Plan against Terrorism (2018), which helped foil around 30 terrorist plots³. Austria enacted new immigration laws allowing the implementation of stronger measures to deal with the migrant crisis. Accordingly, Austria can declare a state of emergency if the influx of refugees threatens national security and will only accept threatened refugees from a neighboring country or those whose relatives are living in Austria (excluding adolescents and pregnant women). This country also carried out migrants' asylum reviewing procedures at the border gates in 120-hour time limit. In addition, Austria also limited the duration of asylum status as well as aids for refugees' relatives. A series of other European countries such as Belgium, the Netherlands, the Czech Republic, Slovenia, Macedonia, Hungary, Bulgaria, Denmark, and Sweden have also adopted many strict measures to protect national security against the threats brought about by migrants.

Discussion

The negative impact of illegal migration on security in Europe

First, the dire threat that illegal migration may pose to Europe's security is that members of terrorist groups such as IS or Al-Qaeda can take advantage of loopholes in security controls or mechanisms of free movement within the Schengen visa-free area to infiltrate into Europe. Those terrorists then build networks and recruit European citizens with radicalized immigration backgrounds to carry out large-scale attacks on the continent. In 2015, about ten European countries have been attacked by terrorists. Notably, in France, about 30 terrorist plots have been foiled. All major terror attacks were carried out by Islamists of North African and Middle Eastern origin. Some member countries of the US-led anti-terror coalition or those who actively support this coalition such as Germany, England, and Italy have been put in a state of alarm due to terror threats. As European governments strengthen security controls, these terrorists engaged themselves with local criminal networks to carry out chemical and biological attacks against Europe.

Second, illegal migration into Europe results in the formation of new migrant smuggling groups using counterfeit documents and the growth of women and children trafficking networks on both land and maritime routes. Also, Europol's survey of 1,500 refugees and migrants in search of better economic circumstances revealed that 90% of

³ Gauriat V. Mass attacks and victim support: how has France changed since 2015? // EuroNews. Television news network. 28.09.2021. URL: <https://www.euronews.com/2021/09/24/victim-care-and-mass-attacks-how-has-france-changed-since-2015> (accessed on 20.10.2021).

them paid smugglers from \$3,000 to 6,000 on average to be transported to Europe [8]. According to the International Organization for Migration (IOM), in 2015, 3777 people died in the Mediterranean Sea, and more than 800 people lost their lives in the Aegean Sea in their attempt to reach Greece from Turkey⁴.

Third, brain drain is another problem that irregular immigration poses to Europe's economic security, as highly educated migrants are leaving their countries for richer ones to look for better jobs and lives. According to the United Nations sources, up to 60% of intellectuals of countries such as Guyana, Haiti, and Jamaica are living abroad⁵.

Fourth, illegal migration might bring about instability in social order and safety for host countries. In the wake of consecutive terrorist attacks in Europe, many European people have likened refugees and immigrants to terrorists. There's a bitter division among European members on how to handle illegal immigrants. Germany's open-door policy was opposed by most of the European members in Eastern Europe. The ruling parties in many Nordic countries such as Germany, Austria, Switzerland, the Netherlands, and Denmark advocate taking in immigrants while the oppositions disagree. Mass demonstrations against the ruling parties' immigration policies have taken place in these countries. European traditional values such as freedom of movement, democracy promotion, and human rights are now overshadowed by national interests.

In addition, European countries have shouldered a heavy economic burden as they have to provide security and humanitarian assistance for migrants. Eventually, Europe had to pay \$6 billion for Turkey, nearly \$3 billion for some African countries as well as supporting its member countries to effectively implement solutions to the migrant crisis. Also, it is estimated that the cost of the European border control is up to €18 billion per year [9].

Policy implications for Vietnam

In the context of international integration, the migrant crisis is a serious problem not only in Europe but also has become a global issue. Vietnam, as a Non-Permanent Member of the United Security Council, is increasingly participating deeply in multilateral international institutions. Vietnam is now a responsible partner in resolving global issues, including illegal immigration, to ensure regional and global security.

Regarding general perception, Vietnam's government needs to be fully aware of the legal difference between 'refugees' and 'migrants', which are often used interchangeably, so that it can have proper policies towards migration issues. A clear distinction between these two concepts is important as it is the decisive factor to determine who can legally stay or be repatriated. These terms are now conflated by some countries to avoid their responsibility or to serve their political calculation. Both the international laws and the laws on refugees of Western countries define 'refugee' as a person who owes to a well-founded fear of being persecuted for reasons of race, religion, nationality, political opinion. No country has the right to return refugees where their lives could be endangered. Those who flee wars or armed conflicts to seek international protection from dangers in their home countries, while normally deemed as refugees, are not granted refugee status as they don't meet the legal criteria of refugee protections. Meanwhile, 'migrant' does not have a single definition

⁴ IOM Counts 3,771 Migrant Fatalities in Mediterranean in 2015 // International Organization for Migration [site]. 05.01.2016. URL: <https://www.iom.int/news/iom-counts-3771-migrant-fatalities-mediterranean-2015> (accessed on 12.03.2021).

⁵ Nguyen K. D. International migration: The problem of the global security [Di cư quốc tế: vấn đề của an ninh thế giới hiện nay] // People's Public Security Newspaper [Công an Nhân dân]. 22.06.2006. URL: <https://cand.com.vn/Su-kien-Binh-luan-antg/Di-cu-quoc-te-van-de-cua-an-ninh-the-gioi-hien-nay-i284665/> (accessed on 10.10.2021). (In Viet.)

in international laws. Generally, 'migrant' refers to a person who consciously makes a choice to leave his or her homeland for a better life in another state, and he/she is not protected from being turned away or deported by a host country. The confusion may lead to the fact that destination countries might receive or reject migrants up to their calculation. It even can be used by extremists as an excuse to instigate the oppositions to flee to another country, thereby accusing the ruling governments of suppressing people due to political, religious, and ethnic differences and interfering in the internal affairs of those countries.

Concerning the national overall scheme, as a member of the global community, Vietnam's policy and regulations on migration must be within the legal frameworks of international laws and in line with the country's interests and security policy. At the same time, Vietnam's laws on migration must ensure the practices of basic human rights, including the right to life, freedom, and happiness. Vietnam defines migration as a long-term issue that could not be resolved without the collective efforts and a strong action plan of many countries. A distinction between 'refugee' and 'migrant' should be made clear in the country's legal documents so that proper policies for refugees and migrants can be worked out. Also, an overall action framework on dealing with the migration problem should be established at the international level, based on which each region and country imposes its own measures. This prevents the confusion of the two terms 'refugee' and 'migrant' from being used for political calculation.

Vietnam consistently affirms its support of promoting legal migration, preventing illegal migration as well as protecting migrants' rights on the basis of its respect for international and national laws. Vietnam supports other countries' enforcement of policies and laws that protect migrants against discrimination. For the re-admission of migrants, Vietnam suggests that it is necessary to promote cooperation among countries on this issue based on their laws, especially the laws of the country of origin and receiving. Countries need to develop cooperative mechanisms based on bilateral agreements on migrant readmission. Moreover, they need to encourage the participation of private organizations, NGOs, and the migrants themselves in the process of returning migrants to their home countries and reintegrating migrants into their communities. Regarding the contribution of migrants to the sustainable development of the country, Vietnam recommends that migration and settlement of migrants, especially of those who are victims of human trafficking and forced labor should not be criminalized; Host countries should be encouraged to receive and help migrants to integrate into the society and the local community.

The migration issue is posing challenges to Vietnam's national security and interests. According to the European Border Agency, Vietnam is in the group of countries with the most migrants to Europe. The estimated number of Vietnamese migrant arrivals in Europe between 2015 and 2019 are 461, 399, 261, 370, 62 respectively. In fact, the number of Vietnamese illegally migrating into Europe is much higher. According to reports of the border guards forces of Russia, Ukraine, Belarus, and Lithuania, a number of secret routes and migrant trafficking groups transporting Vietnamese people from Russia to Europe have been detected. Roughly 800 Vietnamese nationals were arrested while crossing the Russian border to neighboring European countries.

The fact that Vietnamese citizens illegally migrating and working abroad are usually facilitated by individuals and agencies specializing in sending people to work abroad illegally (not in accordance with labor cooperation agreements between the Government of Vietnam and host countries) in various ploys such as the cross-border movement; organizing workers to travel for the fake purposes of tourism, relatives visit, etc. When going abroad,

undocumented immigrants will find a way to stay or run away to work illegally. Vietnamese illegal migrant workers are often organized to travel across many different countries to work in European countries. However, they have to face many risks, including easily becoming victims of human traffickers, being arrested and detained by the authorities of the host country for violating the laws of the host country, spending a huge amount of money but could then be deported and barred from re-entering the country. Even, workers may be seriously affected by foreign criminal gangs without being protected by the host country's government due to illegal work and illegal migration.

Despite not being directly impacted by illegal migration, as a country of origin, Vietnam is affected by the global migrant crisis issues, which can be felt in major areas, including economic, social, and external relations. Apart from international terrorism, human trafficking, and brain drain, Vietnam also faces other threats posed by the migrant crisis. Economic and corrupt criminals also take advantage of the Western countries' policy for asylum seekers to avoid the prosecution of Vietnam. All of those threats are causing instability to Vietnam's cultural security.

In the context of globalization and international integration, all countries, including Vietnam, must actively respond to the migrant crisis. To ensure national and regional security and interests, Vietnam should take the following measures to deal with the migration issue:

First, it is essential that Vietnam strengthen international/regional and bilateral cooperation, connectivity, and information sharing between the countries of origin, receiving and transit in border control, migrants' exit, return, and reintegration process. At the same time, existing regional and global dialogue channels should be maintained to synchronize the implementation of standards in migration management. Vietnam should further strengthen the role of international organizations in exercising and monitoring migrants' human rights and establish a regional financial support mechanism to support countries affected by illegal immigration, thereby, fulfilling the criteria set out in the country's sustainable development plan to 2030.

International and regional cooperation is essential for Vietnam and other countries to: (1) share experience on tackling illegal migration and preventing terrorism and crimes; thereby, imposing solutions that effectively address these issues in Vietnam; (2) maintain peace and security in the borders and resolve border issues with a spirit of peace, stability, cooperation and sustainable development; (3) resolve the problem of illegal settlement in accordance with the bilateral agreements signed with other countries; (4) actively exchange immigration information with other countries in order to limit illegal migration and human trafficking; (5) restrain illegal migration and human trafficking through exchanging information; (6) provide urgent warnings about migrant smuggling using counterfeit documents; (7) closely review the visa issuance to ensure transparency; (8) closely supervise foreigners, especially those of African, Middle Eastern and Muslim origin who are living, studying and working in Vietnam; (9) deport people who violate Vietnam's immigration and settlement regulations.

Second, it is imperative to raise the awareness of Vietnamese people, particularly ethnic minorities about the hardship of the illegal Vietnamese workers abroad, and the immigration policy of Europe; prevent them from being provoked to flee the country for economic purposes and falling into the trap of the migrant smugglers.

Third, it is advisable to promote the completion of laws and policies on migration and the enforcement of those laws and policies to ensure the human rights practice in the country. This creates a legal and practical basis for the fight against illegal immigration.

Fourth, it is necessary to proactively detect socio-economic problems persisting in local communities, thereby internationalizing human right issue or using it to manipulate relations with Vietnam.

Conclusion

In the near future, the complex and damaging effects that illegal migration has on Europe are still putting the region in a tough position, especially in the context of the COVID-19 pandemic and Afghanistan humanitarian crisis. However, they are being ameliorated thanks to the collective efforts of European countries as well as the cooperation and support of the international community. Europe's success in dealing with the migrant crisis provides valuable lessons for other countries, including Vietnam, when dealing with the migration issue.

References

1. International Organisation for Migration. *World Migration Report 2003: Managing Migration Challenges and Response for People on the Move*. Geneva: International Organisation for Migration, 2003. 396 p. ISBN: 9789290681446. URL: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2003-managing-migration>.
2. Castles S., Miller M. J. *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*. New York: Palgrave Macmillan, 2009. 368 p. ISBN: 0230517846.
3. European Commission, Economic Policy Committee. *The 2015 Ageing Report: Underlying Assumptions and Projection Methodologies*. Brussels: European Commission, 2014. 413 p. ISBN: 978-92-79-35351-2. DOI: <https://doi.org/10.2765/76255>.
4. Vietti F., Scribner T. Human insecurity: Understanding International Migration from a Human Security Perspective. *Journal on Migration and Human Security*. 2013. Vol. 1. Issue: 1. Pp. 17–31. DOI: <https://doi.org/10.1177/233150241300100102>.
5. *Strategic Cultures in Europe* / Ed. by Biehl H., B. Giegerich, A. Jonas. Wiesbaden: Springer VS, 2013. 401 p. ISBN: 978-3-658-01168-0. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-658-01168-0>.
6. Bello V. *International Migration and International Security: Why Prejudice Is a Global Security Threat*. London: Routledge, 2017. 192 p. ISBN: 9781138689473.
7. Gursch-Adam R., Benková L. The Impact of Demographic Developments in Africa on Europe. *European View*. 2016. Vol. 15. Pp. 291–304. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12290-016-0425-3>.
8. Berry M., Garcia-Blanco I., Moore K. *Press Coverage of the Refugee and Migrant Crisis in the EU: a Content Analysis of Five European Countries*. Geneva: United Nations High Commissioner for Refugees, 2016. 276 p. URL: <http://www.unhcr.org/56bb369c9.html>.
9. International Organization for Migration Asia-Pacific Regional Data Hub. *Regional Secondary Data Review*. Bangkok: International Organization for Migration Regional Office for Asia and the Pacific, 2021. 47 p. URL: <https://publications.iom.int/system/files/pdf/regional-secondary-data-review.pdf>.

Bio note:

Le Duc Anh, Bachelor of Arts, Master's student, Diplomatic Academy of Vietnam, Hanoi, Vietnam.

Contact information: e-mail: ducanhle.cit@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-9152-0076.

Received on 02.12.2021; accepted for publication on 08.02.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

ОТВЕТ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН НА МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ВЬЕТНАМА

Ле Дык Ань

Дипломатическая академия Вьетнама, Ханой, Вьетнам

E-mail: ducanhle.cit@gmail.com

Для цитирования: Ле Дык Ань. Ответ европейских стран на миграционный кризис и его последствия для Вьетнама // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 1. С. 19–27. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.2>

Аннотация. Миграция – это вечная проблема, которая существовала на протяжении всей истории человечества. С 2015 г. европейские страны захлестнула крупнейшая волна нелегальных мигрантов, прибывающих из стран Ближнего Востока, Африки и Азии, что привело к экономическому, политическому, социальному кризисам, а также поставило под угрозу безопасность в регионе. Настоящая статья посвящена анализу проблем европейского миграционного кризиса, в особенности его влияния на региональную безопасность и эффективности ответа стран ЕС на данный вызов. Во-первых, проведен обзор миграционной ситуации в Европе, начиная с 2015 г., на основе статистической информации о численности мигрантов и причинах миграции. Во-вторых, выделены четыре основных направления негативного воздействия миграционного кризиса на безопасность в Европе. В-третьих, особое внимание в статье уделяется анализу политики европейских стран по противодействию миграционному кризису и принимаемых ими мер по продвижению глобальной и региональной интеграции, сотрудничества и единства, что открывает перед регионом новые перспективы. На основе проведенного анализа автор предлагает некоторые рекомендации относительно возможных политических решений проблем миграции во Вьетнаме. Методологическую основу исследования составили общие методы социальных и политических наук.

Ключевые слова: миграция, иммиграция, Европа, Вьетнам, ЕС, кризис.

Сведения об авторе:

Ле Дык Ань, бакалавр искусств, магистрант Дипломатической академии Вьетнама, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: ducanhle.cit@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-9152-0076.

Статья поступила в редакцию 02.12.2021; принята в печать 08.02.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

MIGRATION CRISIS IN EUROPE AND ITS LESSONS FOR THE ASIA-PACIFIC REGION

Phung Chi Kien

Vietnam National University, Hanoi, Vietnam

E-mail: phungchikien92@gmail.com

Le Minh Quang

University of Palermo, Palermo, Italy

E-mail: leminhquang.neu@gmail.com

Nguyen Lan Nguyen

Vietnam National University, Hanoi, Vietnam

E-mail: ussh.nguyen@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.3>

For citation: Phung Chi Kien, Le Minh Quang, Nguyen Lan Nguyen. Migration Crisis in Europe and Its Lessons for the Asia-Pacific Region. DEMIS. Demographic Research. 2022. Vol. 2. No. 1. Pp. 28–40. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.3>

Abstract. *International migration, especially the problem of refugees, is one of the hottest global issues today. The migration crisis 2015 – early 2016 in Europe was the latest testament to the complex nature and the influence of the issue. This crisis caused many complex political, economic, and social problems, leaving Europe facing one of the most difficult problems in recent years. Looking at the situation in many parts of the Asia-Pacific region at the moment, the painful problems that COVID-19 is causing continue to make the migration issue and its accompanying consequences a difficult problem for many countries in this region. This leads to the need to refer to the experiences drawn from the European case in 2015–2016 for the current process of formulating and implementing policies on migration in Asia-Pacific. However, it is a fact that the number of studies focusing on analyzing the political impacts of migration is still limited. Hence, in this article, based on a political perspective, we analyze the causes and clarify the political impacts of the 2015–2016 crisis on Europe, thus proposing some recommendations to solving the conundrum posed to the Asian-Pacific region.*

Keywords: *migration, migration crisis, political impact, Europe, Asia-Pacific, COVID-19 pandemic.*

Introduction

Historically, there have been many different causes of human migration. According to the issue, migrants may move from their place of residence due to reasons such as economy, political instability, environment, religious conflicts, family reunification, study, etc. Until 2021, the migration crisis in Europe in the period 2015 – early 2016 was one of the worst migration crises ever recorded in history, causing many negative impacts in all aspects for both immigrants and the societies to which they landed on the European continent. Among the areas most affected by this situation, politics shows sensitivity and vulnerability in many European countries, even among the leading European countries.

Since the outbreak of the COVID-19 pandemic until now, migration continues to be a hot issue in many regions, including Asia-Pacific. Although there has been no record of a migration crisis like that happened in Europe in 2015, the huge damage caused by COVID-19 combined with many complicated migration waves before and during the pandemic have led many Asia-Pacific countries to facing many risks in terms of politics, economy-society,

culture, religion, etc. This makes it difficult to analyze, forecast, and propose solutions for these problems. The above issue becomes urgent for countries in the region.

While many studies have focused on the socio-economic aspects of migration, the main contribution of this study is the focus on discussion of the political impacts that migration can have in many societies in the Asia-Pacific today. More specifically, we rely on databases and studies related to the political situation in Europe during the 2015–2016 migration crisis to draw valuable conclusions and recommendations for the situation in Asia-Pacific.

Of course, there are many major differences between the two regions, but referring to the European case in dealing with political issues stemming from the migration crisis is certainly still essential in planning and implement relevant policies in Asia-Pacific countries. Therefore, the scientific and practical significance of this study will be clearly demonstrated through the analysis, exchange, and relationship between the two cases, further supporting the study of migration in general and political impacts of migration in particular in the complicated context of the COVID-19 pandemic in the world.

Literature review

Since migration is a major social issue and has been studied by many scholars over the years, in this section, we only focus on discussing some typical studies related to the impact of migration. Political dynamics of migration in Europe 2015–2016 and Asia-Pacific in the context of the current COVID-19 pandemic.

Regarding the migration crisis in Europe, many works have been published to assess the seriousness of this crisis. Specific data from reputable organizations clearly show the general picture with many dark colors about the living situation of migrants (mainly refugees) and the disorder in the societies that receive them when they are displaced [1, p. 2]. The causes of the crisis have also been analyzed by many scholars, but in general, scholars believe that it is caused by a combination of two main causes, the turmoil in the migrants' homeland and the disagreements over policies to deal with the immigration crisis among European countries [2].

Regarding the political issues related to the immigration crisis of 2015–2016 in Europe, scholars have offered various analyzes both at the European level and from a typical country-by-country level. Accordingly, this migration crisis is really a test for cohesion within the EU as it causes a lot of divisions among countries on how to deal with the situation [3; 4; 5]. In a number of notable countries, namely Italy, which we selected as our case study, many major political problems have arisen from this immigration crisis, with long-lasting consequences for the national economy and politics. Of course, with the efforts of many European countries, the migration crisis has been resolved quite well, and now the migration situation in this continent is being better managed, thereby bringing many lessons to the world in solving similar problems in other countries and regions.

Regarding the current migration situation in the Asia-Pacific, the context and specific developments of this process have been clarified in a number of recent studies. In general, researchers share the view that migration has been a notable issue in Asia-Pacific since the beginning of the 21st century [6] and has become much more intense in this area during the COVID-19 pandemic [7; 8]. Even the risk of a refugee crisis is forecasted, especially with the case of “Afghan refugees residing in neighboring Iran and Pakistan and the Rohingya refugees from Myanmar in Bangladesh” [9, p. 44]. The studies also focus on clarifying the many impacts and risks that migration during the COVID-19 era can cause on many

countries in Asia-Pacific, focusing on the issues of people's lives, disturbances in the labor market, integration of migrants into new socio-religious communities, increasing inequality, etc. [10; 11; 12; 13; 14; 15]. The research results generally share the fact that “whether refugees living in overcrowded camps or jobless migrant workers forced to return home, the lives of millions of people in Asia-Pacific are threatened by the dangerous combination of displacement and the COVID-19 pandemic” [16, p. 1].

However, according to our observation, the number of direct studies on the political consequences of the complicated migration situation during the COVID-19 pandemic in Asia-Pacific is still limited. As mentioned, many published works are still focusing mainly on aspects such as socio-economic, cultural, and religious aspects. Of course, uncertainties in these aspects can indirectly cause political problems, but studies based on political approaches are still of particular importance in sensitive issues such as migration. In this respect, Asia-Pacific can draw valuable lessons from the case of Europe a few years ago. This is the main reason that motivates this research.

Methodology

The research is accomplished by a mixture of two methods: case study – comparison and quantitative.

The immigrant crisis in Europe during the 2015–2017 period is used as a benchmark for a notable case study of how the immigrant crisis can develop into political, social matters involving how media outlets had responded and shaped the arguments. The comparison method is used to clarify the correlation between the case of the EU and Asian-Pacific regions. As discussed in the next sections, some valuable lessons and experiences can be drawn from the migrant crisis 2015–2016 in European countries, which should be good references to the situations on the Asian-Pacific societies in the current context of the COVID-19 pandemic.

The quantitative method is applied to disclose the rise of populist parties in some European countries, especially the case of Italy. At the same time, this method is also workable when it comes to the status-quo of migration in the Asian-Pacific region. Due to limited data and statistics, in which few studies on the matter have been carried out thus far, the article resorts to the qualitative method to interlink the theoretical framework to provide some drastic lessons for the Asian-Pacific nations from the case of 2015–2016 migrant crisis in Europe.

Results

Some common concepts

Before studying the migration crisis in Europe, we need to interpret some of the basic concepts.

First, the concept of international migrants. We can understand an international migrant as an individual who has resided in a foreign country for more than one year irrespective of the causes, voluntary or involuntary, and the means, regular or irregular, used to migrate¹. Based on this definition, refugees, asylum-seekers, and economic migrants are included in its connotation. International migration occurs due to many different causes, which typically include the lack of job opportunities in the residence, the demand for the country's immigration and immigration policies to attract intellectuals,

¹ Key Migration Terms // International Organization for Migration [site]. URL: <https://www.iom.int/key-migration-terms> (accessed on 25.09.2021).

the disparity in living standards among countries and regions in the world, the working conditions, the ability to express themselves and the contribution of people are limited, war or civil war, etc.

Second, the concept of refugees. Unlike the concept of international migration, this one is clearly defined in international law. Specifically, in Article 1 A (2) of the 1951 Convention relating to the Status of Refugees, the United Nations defines a refugee as an individual who “owing to well-founded fear of being persecuted for reasons of race, religion, nationality, membership of a particular social group or political opinion, is outside the country of his nationality and is unable or, owing to such fear, is unwilling to avail himself of the protection of that country” [16]. No nation has the right to send refugees back to places where their lives may be threatened whether that country signed the 1951 Convention relating to the Status of Refugees or not. Stemming from this concept, “refugees, regardless of causes, should be mentioned as the issue that exists between countries. More broadly: to solve the issue of refugees is to solve essentially the relationship between countries” [17, p. 657].

Regarding the concept of asylum seekers, an asylum-seeker is “a person who seeks safety from persecution or serious harm in a country other than his or her own and awaits a decision on the application for refugee status under relevant international and national instruments. In case of a negative decision, the person must leave the country and may be expelled, as may any non-national in an irregular or unlawful situation, unless permission to stay is provided on humanitarian or other related grounds”².

Based on these mentioned concepts, we can define migration crisis as “a term that describes the complex and often large-scale migration flows and mobility patterns caused by a crisis which typically involves significant vulnerabilities for individuals and affected communities and generate acute and longer-term migration management challenges. A migration crisis may be sudden or slow in onset, can have natural or man-made causes, and can take place internally or across borders” [18].

Migration crises often lead to serious consequences that harm the sovereignty and threaten the security of the countries concerned. A large number of immigrants with a variety of components and objectives in a short time (like what happened in Europe) is a puzzle for governments. This is a sensitive phenomenon with numerous potential unpredictable threats. In general, such crises often generate the following influences:

Directly, they affect substantially the socio-political structure, traditional and cultural life of local countries. On the other hand, they are possibly presumed upon by the parties that join the conflict for political struggle or violent escalation, challenging the stability of governments.

Besides, the migration crisis also caused many other derivative influences including economic burdens for the international community and the region as the number of immigrants (especially refugees) is beyond local recipient countries' ability, the protection of human rights for refugees also faces many difficulties because of limited resources and management mechanisms, part of badly treated immigrants can prompt their hostilities that lead to extreme actions, even terrorism, and seeds of unpredictable instability in the future, etc.

Based on these arguments, we continue to analyze the causes and political impacts of the migration crisis in Europe.

² Key Migration Terms // International Organization for Migration [site]. URL: <https://www.iom.int/key-migration-terms> (accessed on 25.09.2021).

Causes and political impacts of the migration crisis in Europe till early 2016

The outline of the crisis until early 2016

The wave of migration to European countries has taken place for many years, but it really turned into a crisis in the summer of 2015. A massive number of people fleeing wars, terrorism came to Europe and caused serious chaos, instability. Most of them are from countries in the Middle East and Africa where conflicts are occurring such as Syria, Iraq, Afghanistan, Nigeria, Senegal, and Sudan. Syria is a country of origin with the largest number of refugees (more than 4 million people). Many of them have come to Europe by unequipped ships so thousands of people have died. They moved massively in summer to avoid winter and passed through the Balkan Mountains. First, they went to Greece because it is close to several countries, where there are numerous immigrants, such as Turkey, Libya, Italy, and the Lampedusa. From these places, many migrants tried to go through the Balkan route, which is cross-national. Many want to move to the north, to countries such as Germany and Sweden, where asylum applications are more likely to be affirmed.

Facing the increasing flow of migrants, European countries have expressed disagreement in policies. Germany, Italy, and France called for a more equal allocation of refugees across the EU. Meanwhile, four Eastern European countries as Poland, Hungary, Czech Republic, and Slovakia (the Visegrad group) strongly reject the policy on the allocation of refugees proposed by the European Commission President, Jean Claude Juncker, based on the initiative of Germany and France.

While disagreement is among European countries, the conflict in the Middle East and Africa remained. “Between 1–27 January 2016, at least 55,652 migrants and refugees have arrived in Europe by land and sea routes. Since January 2015, a total of 1,103,496 migrants and refugees have reached Europe by land and sea. The vast majority of this number arrived in Greece (910,663) and Italy (157,083)” [1, p. 2].

Until early 2016, there was a new development in the issue of migration crisis in Europe, which was Turkey’s participation to resolve the crisis. However, Turkey launched several other conditions in exchange for their assistance, notably, the EU would have to provide financial support for Ankara, agree to exempt Turkish from visa to the EU, and promote the process of negotiation, which would help Turkey join the EU. Obviously, it is not easy to accept these claims, especially the two latter ones. On the other hand, the EU has been divisive in terms of allocating immigrants, and Germany has been one of the countries that receives the largest number of immigrants.

Reasons for the migration crisis in Europe

There are several reasons for the crisis. The main cause of the crisis is the economic political and social crises in North Africa and the Middle East. “Today many countries in this region, such as Lebanon and Jordan, are home to a large number of refugees from previous Israeli-Palestinian conflicts. The capacities of these countries are already stretched thin and the new wave of refugees fleeing Iraq and Syria seriously threatens their social capacities, internal peace, and security. The paradigm shift triggered by the so-called Arab Spring in 2011 and the staggering disposal of long-standing dictators in a number of Arab countries gave a fresh impetus to the migration movement” [19, pp. 2–3]. Rampant unemployment, income gap which leads to social inequality in the regions has been mounting uninterruptedly. Especially, the stagnation and severe management policies implemented by local governments (over many years) have been generating the people’s discontent.

Another reason is that European countries did not have a consensus on the issue of refugees. Although the increase of migrants into Europe took place three years before the

crisis and many EU countries acceded to the international convention on refugees, and even some of them also participated in the Dublin regulation system³ on the responsibility of the member states in the procedures of refugee registration and reception, under strong pressure of migration wave in 2015, they seemed to be passive and divisive. Germany appeared to be ready to receive refugees whereas other countries such as Italy, Greece, and the Balkans (Serbia, Hungary, Croatia) were unready due to their concerns about domestic security and economic limitation. However, if the migrants want to reach the countries that agree to receive, they need go through the opposite ones. Instead of implementing the provisions of the Dublin system, the “front-line” countries closed their borders resolutely. Thus, chaos and instability, even violence, were growing. It can be said that, due to the lack of a consistent policy on solving the migration issue, the European countries made the crisis even more intricate. Besides, the thought of “Islamizing Europe” (according to some researchers) and human trafficking also contributed indirectly to the crisis.

Negative political impacts of the crisis

First, the crisis has been causing disagreement and political division within the EU domestically and regionally. There has been a major disagreement in dealing with the migration issue in many EU countries. The disagreement has been brought about among conflicting political parties, between the leadership and the people. The right-wing parties argue that the protection of national values is necessary for the state to set up stricter policies on immigration control; in the meantime, the left-wing parties suppose that the exchange of values is to promote mutual advancement, especially, humanitarian assistance will improve the national image and originate certain benefits. However, the most striking division is among EU countries. Germany, France, and Austria, Hungary have been criticizing each other concerning treatment for migrants. While the German government agreed to open “unconditionally” to the influx of refugees from Syria, the Hungarian and Austrian governments objected to the German decision that would increase turmoil in train stations, roads, and frontiers around them. France criticized Austria and Hungary for not respecting the common European values that they set up a barbed wire fence to prevent migrants. Besides, European countries remain deeply separate on the issue of immigrant quotas and humanitarian assistance. One side accepted the quotas (as in Germany) and another opposes them. One side wanted to help immigrants with a humanitarian spirit, another wanted to tighten immigration rules (as England did before the Brexit).

Second, the mounting influx of people gives a serious threat to the order and security of local countries. European security will be challenged by human trafficking, the turbulent illegal flow of migrants, social evils, conflicts, and so on. More dangerous is that the security and defense of Europe will be at stake by potential terrorist forces under the guise of migrants and refugees. In addition, some researchers have been concerned about a “Hijrah” based on the Islamic doctrine of migration in order to increase the influence of Islamic world in Europe.

Third, the crisis strongly affects the socio-economic development parties concerned. The migration crisis may threaten to put an economic burden on Europe. Refugees are not the same as voluntary migrants, it is very difficult for them to get a job in a new country. This means that if the European countries received those migrants into their country, they would have to spend an enormous amount of pension and social welfare. This would drain the public finance in the short term. German policy-makers said that the European econ-

³ Now being adopted in the EU, which stipulates that the countries that asylum-seekers enter first must be responsible for receiving them.

omy would suffer negative effects from the migration crisis when the state budget has to spend large amounts to provide necessities and accommodation for new arrivals. Besides, millions of migrants who move to Europe may undermine the social security system for health, unemployment assistance, pensions, and education, which have been raised by the indigenous people.

Fourth, the rise of extremist ideologies and racial discrimination. As in the US, where there is a strong prejudice against immigration, in Europe the extreme racist thought, anti-immigration attitude will have the opportunity to grow in the context of serious migration crisis. These protest movements include the fear that the entry of migrants will capture a great deal of living space, living conditions, depriving them of their rights. In fact, there is much evidence for this such as attacks on senior leaders who have an open mind to migrants, discrimination against and abuse of migrants.

Fifth, the crisis affects formidably regional countries' culture and religion. Because the majority of refugees are Muslims from Syria and Africa, while the people and governments of European countries have not been ready to accept this large Muslim community right in the heart of their societies. Many have feared that the influx of migration from the Middle East, North Africa would bring disruption to European culture, challenging policy responses of the region. However, some optimists have also believed that the arrival of immigrants can help enrich the cultural and spiritual life of the European countries.

Sixth, the crisis may affect the electoral results of European political parties. There are two main streams of opinion on this matter. The first argues that left-wing parties will be "crowned" because they have progressive ideas towards the exchange of national and regional values. They are likely to be open to migrants that meet the majority of migrants' aspirations. On the contrary, the second contends that the future of right-wing and conservative parties will be promising because they tend to reserve regional and national ideological values, protecting European citizens' stability and safety. This view has been more welcomed theoretically and practically in Europe.

For a better illustration of the political impacts of the migrant crisis on EU politics, it is worth considering the case of Italy. Amid Italian economic stagnation since the 2008 global financial crisis and political instability (three governmental changes in 6 years from 2011–2016), in late 2016, then-current Italian Prime Minister Matteo Renzi failed in a referendum on constitutional reform, essentially aimed at increasing the government's government, led to his resignation and the cabinet's dissolution. Since then, Italy's most recent general elections have seen the rise and victory of the new populist parties over traditional political parties. Why have traditional Italian politics been declining and were replaced by the quickly-emerged populist parties, aiming to run opposing policies scheme?

In a recent study, some underlying reasons have been exposed that populist movements benefit from the crisis over the representation of traditional political parties, and the national media and the process of political propaganda through social networks play a large role in the development of populism [20, p. 71]. Among other things, the migrant crisis was one of the most notorious motives for all of these occurrences.

The fact is that, from 2013 on, the immigration debate has continued to be one of the most sensitive issues on the agenda of the EU in general and in Italy in particular. Figure 1 shows the frequency of Italian media coverage of stories related to immigrants⁴. The fig-

⁴ Park J. Europe's Migration Crisis // Council on Foreign Relations. United States nonprofit organization [site]. 23.09.2015. URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/europes-migration-crisis> (accessed on 30.09.2021).

ure below shows the frequency of coverage by the Italian media on stories related to immigrants.

According to data for 2016 (the last year of government led by the PD, with Prime Minister Matteo Renzi), 2017 (when the “technical” government was replaced), and the foregoing, the Renzi Government’s constitutional referendum was the strongest deal-changer in the recent history of the Italian Government. Although former Foreign Minister Paolo Gentiloni came to power in 2017, his cabinet was only considered a transitional government before holding new elections later on March 4, 2018. Therefore, 2017 was also the year for opposition forces, mainly the Northern League and M5S, to set up their campaign programs. Specifically, the Northern League took a tougher approach to illegal immigration⁵, as evidenced by the implementation of Decree 113/2018, (known as Decreto Sicurezza, i. e. Decree on security) on the proposal of Interior Minister and Northern League leader Matteo Salvini. Subsequently, the immigration-unfriendly agenda caused friction between the newly formed Italian coalition government and the European Commission as well as several other member states. This can be clearly seen through the incident related to the incident of two ships carrying immigrants, the Aquarius⁶ the Diciotti⁷.

Notably, the media coverage of migration has been steadily increasing (see Fig. 1), supporting the populist campaign’s continued support through dramatization and changed tone of relevant news [21]. Even though the actual immigration problem was no longer so complicated due to the sharp decline in the number of migrants entering Italy (see Fig. 2), national media and political communication via social networks continued to push the boundaries of the country. This issue became a leading topic on the campaign agenda. Specifically, the number of articles about immigrants in Italian newspapers skyrocketed from 4,055 (in 2016) to 6,059 (in 2017); the same thing happened for news stories⁸ (up from 189 to 667 within a year), and the number of shares of those stories also increased from 953 to 2,998. Meanwhile, the amount of news devoted to the more open and friendly views on immigration by mainstream parties (such as the PD and other center-left parties in general) was significantly reduced across the media. As an example, news about safe and/or legal migration channels in Italy was limited; the practicality of the humanitarian corridor⁹ was cited in only 94 articles in 2017; stories about the resettlement of migrants were the focus of only 86 articles. All in all, these figures truly show a large part of a broader story about the severe political impacts of the migrant crisis on Italian politics in recent years.

⁵ Salvini Premier – Elezioni 2018: Programma Di Governo // Lega Nord. Italian political party [site]. URL: <https://www.leganord.org/component/phocadownload/category/5-elezioni?download=1514:programma-lega-salvini-premier-2018> (accessed on 30.09.2021).

⁶ On August 13, 2018, the ship Aquarius (flagged Gibraltar) carrying 141 immigrants was refused to receive by Italy, France, Spain, and Malta. See, ex.: Pizzi S. Nessuno vuole la Aquarius // Il Giornale. Italian national newspaper. 13.08.2018. URL: <https://www.ilgiornale.it/news/politica/nessuno-vuole-aquarius-1564657.html> (accessed on 30.09.2021).

⁷ On August 20, 2018, the Diciotti, an Italian Coast Guard patrol boat (carrying 177 migrants rescued on August 16 off the coast of Lampedusa) arrived at the port of Catania (in Sicily region), Southern Italy). However, no one was allowed to disembark, Malta refused to accept them and Italy let them off the ship in the absence of a European Union agreement on the distribution of refugees. See, ex.: Nave Diciotti, le tappe della vicenda // Il Sole 24 Ore. Italian national business newspaper. 26.08.2018. URL: <https://www.ilsole24ore.com/art/nave-diciotti-tappe-vicenda-AEWUDXFf> (accessed on 30.09.2021).

⁸ A news story is an article or interview written or recorded to inform the public about issues, ideas, or events of great interest at the time it is published.

⁹ A humanitarian corridor is a type of temporary demilitarized zone intended to allow the safe passage of humanitarian aid into a crisis area and/or refugees out of the area.

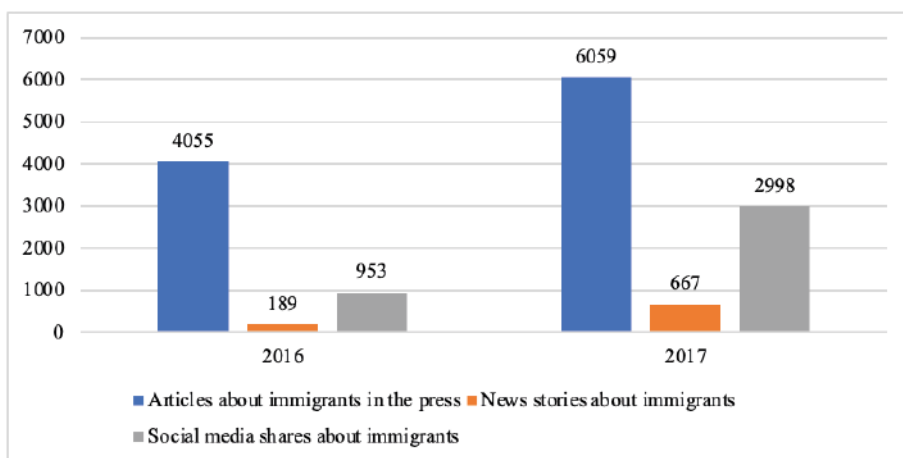

Fig. 1. Frequency of Italian media coverage of immigrants

Source: ANSA¹⁰

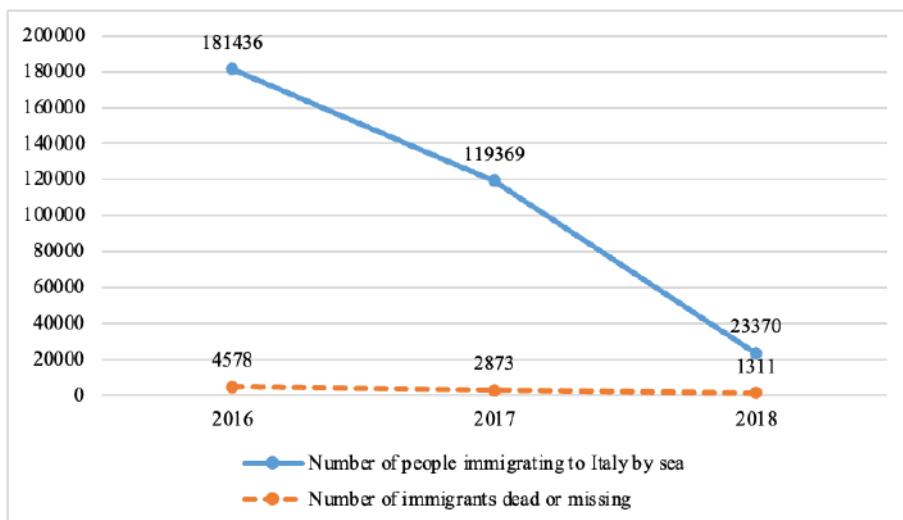

Fig. 2. Number of people immigrating to Italy in the period 2016–2018

Source: UNHCR Operational Data Portal¹¹

Discussion and conclusion

As revealed in many recent statistics, the status-quo of migration in the Asian-Pacific region has been alarming. In 2020, in East Asia and Pacific, 186,000 people were internally displaced due to conflict and violence, while disasters triggered another 12,063,000 new

¹⁰ ANSA. More coverage of migration in Italian media // InfoMigrants. News and information site. 17.10.2017. URL: <https://www.infomigrants.net/en/post/5642/more-coverage-of-migration-in-italian-media> (accessed on 01.09.2021).

¹¹ Mediterranean Situation: Italy // UNHCR Operational Data Portal: Refugee Situations. URL: <https://data2.unhcr.org/en/situations/mediterranean/location/5205> (accessed on 30.09.2021).

displacements in the region¹². East Asian and Pacific countries hosted 616,505 refugees, with generally increasing trend over the past decade¹³. The number of international migrants living in the region has exceeded 25 million people and continues to rise¹⁴.

However, many current studies are mainly concerned with the socio-economic perspective of the matter. This makes the political lessons drawn from the case of the EU migrant crisis 2015–2016 considerably important to the relevant policy-making process. Although further studies on the correlation between EU and Asian-Pacific regions should be carried out, we still need to take into account some helpful upshots based on this analysis.

First and foremost, based on the case of the EU [22, pp. 4–5], to deal with the problems posed by migration, the Asian-Pacific nations should keep in mind some of the challenges and difficulties facing the parties concerned.

First, the practical challenge presented by the sheer scale of the crisis should not be underestimated.

Second, identifying those in need of international protection and those who are not is complex.

Third, there is a substantial financial cost to countries receiving large-scale influxes of refugees and others granted international protection in terms of integration support (e. g. housing, education, health, and other welfare services).

Fourth, the movement of refugees and other migrants is a key concern for many governments.

Fifth, public opinion on international migration is highly divided, affecting both government policies and integration prospects for refugees and other migrants.

Sixth, obtaining a coherent approach from all parties concerned is proved extraordinarily difficult. Encountering these challenges, lessons from the EU provide us with some of the following solutions.

Anti-immigration sentiments have been gaining more popularity and importance in some of not limited to main parties' agenda but also governments' discussions. This research suggests a change in such negative attitudes from those stakeholders to immigration issues and seeks possibilities of recognizing the opportunities and benefits that immigration brings. "The human capital of refugees and other migrants has barely featured in political and public discourse. In practice, however, they invariably bring skills, entrepreneurial expertise and capacities that may help address the labor market and income gaps that many EU states face as their population's age and birth rates decline" [22, pp. 5–6]. Such changes can be achieved by more insightful communications and analyses from think-tanks. Besides, achieving more positive views towards immigrants also make the participants become more discernible in policy-making, limiting pejorative attitudes and violation of human rights, thereby reducing indirectly potential hostility.

Otherwise, there should be synchronous solutions with three main levels. At the national level, each state should have a more cooperative attitude to jointly resolve the crisis rather than just care about their interests. Besides, the home countries immigrants also need external assistance to quickly stabilize their economy, politics, and society. Through this kind of joint contribution in a comprehensive way at every level could the migration

¹² Global Internal Displacement Database // Internal Displacement Monitoring Centre [site]. URL: <https://www.internal-displacement.org/database/displacement-data> (accessed on 30.09.2021).

¹³ Refugee population by country or territory of asylum - East Asia & Pacific // World Bank Data [site]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SM.POP.REFG?locations=Z4> (accessed on 30.09.2021).

¹⁴ International migrant stock, total - East Asia & Pacific // World Bank Data [site]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SM.POP.TOTL?locations=Z4> (accessed on 30.09.2021).

problems in the Asian-Pacific countries be restrained and solved rapidly and effectively. At the regional level, there should be a greater consensus within the Asian-Pacific region. The countries, not limited to directly involved, but also others, are expected to share responsibilities for receiving immigrants based on their domestic economic conditions. It is aligned with the main idea of positive globalization. In the case of the EU, its members' capacity, economic potentials, and needs of immigrants are different from each other with a flexible regulatory mechanism inside and outside the union (instead of the Dublin system which has become obsolete). In addition, at the international level, the mobilization of international efforts, especially the UN, to resolve the current migration crisis plays a very important role. Other organizations such as the International Organization for Migration and non-governmental organizations are also protagonists in this regard. Besides, such powers the US, Russia, China, and European Union are expected to have more responsible coordination and responsive programs.

References

1. International Organization for Migration. *Europe/Mediterranean Migration Response*. Situation Report 28 January 2016. Electronic publication. 7 p. URL: <https://www.iom.int/sitreps/europe/mediterranean-migration-crisis-response-situation-report-28-january-2016>.
2. Tagliapietra A. *The European Migration Crisis: A Pendulum between the Internal and External Dimensions*. Rome: Istituto Affari Internazionali (IAI), 2019. 22 p. ISBN: 978-88-9368-104-9.
3. Niemann A., Zaun N. EU Refugee Policies and Politics in Times of Crisis: Theoretical and Empirical Perspectives. *Journal of Common Market Studies*. 2018. Vol. 56. No. 1. Pp. 3–22. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.12650>.
4. Karolewski I., Benedikter R. Europe's Refugee and Migrant Crisis. Political Responses to Asymmetrical Pressures. *Politique Européenne*. 2018. Vol. 60. No. 2. Pp. 98–132. DOI: <https://doi.org/10.3917/poeu.060.0098>.
5. Geddes A., Scholten P. *The Politics of Migration and Immigration in Europe*. London: Sage, 2016. 288 p. ISBN: 9781473982703. DOI: <https://dx.doi.org/10.4135/9781473982703>.
6. Hugo G. *Migration in the Asia-Pacific Region*. Geneva: Global Commission on International Migration, 2005. 61 p. URL: <https://www.iom.int/resources/migration-asia-pacific-region-graeme-hugo>.
7. United Nations, Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. *Asia-Pacific Migration Report 2020: Assessing Implementation of the Global Compact for Migration (ST/ESCAP/2801)*. Bangkok: United Nations, 2020. 225 p. URL: <https://www.unescap.org/resources/asia-pacific-migration-report-2020>.
8. International Organization for Migration. *Asia-Pacific Migration Data Report 2020*. Bangkok: International Organization for Migration Regional Office for Asia and the Pacific, 2021. 161 p. Reference No. PUB2021/119/R. URL: <https://publications.iom.int/books/asia-pacific-migration-data-report-2020>.
9. *Disrupted: How COVID-19 is Affecting Societies across Asia* / Günther M., I. Mischke, L. Gölnitz (eds.). Singapore: Friedrich-Ebert-Stiftung Office for Regional Cooperation in Asia, 2020. 131 p. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/singapur/16819.pdf>.
10. Pacific Climate Change Migration and Human Security Programme. *Impacts of COVID-19 on Labour Mobility in the Pacific Region*. Electronic publication. 4 p. URL: <https://apmigration.ilo.org/resources/impacts-of-covid-19-on-labour-mobility-in-the-pacific-region/>.
11. Inter-Agency Standing Committee. *Interim Guidance on Scaling-up COVID-19 Outbreak Readiness and Response Operations in Camps and Camp-like Settings* / IFRC, IOM, UNHCR, WHO, 2020. Electronic publication. 8 p. URL: <https://interagencystandingcommittee.org/camp-coordination-and-management/interim-guidance-scaling-covid-19-outbreak-readiness-and-response-operations-camps-and-camp-settings>.
12. OHCHR. *COVID-19 and the Human Rights of Migrants: Guidance*. 7 April 2020. Electronic publication. 3 p. URL: https://www.ohchr.org/Documents/Issues/Migration/OHCHRGuidance_COVID19_Migrants.pdf.
13. World Health Organization. *Interim Guidance for Refugee and Migrant Health in Relation to COVID-19 in the WHO European Region*. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe, 2020. 7 p. URL:

https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0008/434978/Interim-guidance-refugee-and-migrant-health-COVID-19.pdf.

14. World Health Organization. *Preparedness, Prevention and Control of Coronavirus Disease (COVID-19) for Refugees and Migrants in Non-Camp Settings*. 17 April 2020. Electronic publication. URL: <https://apps.who.int/iris/rest/bitstreams/1275039/retrieve>.

15. McAdam M. *COVID-19 Impacts on the Labour Migration and Mobility of Young Women and Girls in South-East Asia and the Pacific*. Geneva: International Organization for Migration, 2020. 17 p. ISBN: 978-92-9068-856-3.

16. *The 1951 Convention Relating to the Status of Refugees and Its 1967 Protocol / United Nations High Commissioner for Refugees*. Geneva: UNHCR, 2011. 13 p. URL: <https://www.unhcr.org/about-us/background/4ec262df9/1951-convention-relating-status-refugees-its-1967-protocol.html>.

17. Vuong Dat Chau [Vương Dật Châu]. *International Security in the Age of Globalization* [An ninh quốc tế trong thời đại toàn cầu hoá]. Hanoi [Hà Nội]: National Political Publishing House [Chính trị quốc gia], 2004. 818 p. (In Viet.)

18. *IOM's Migration Crisis Operational Framework / International Organization for Migration*. Electronic publication. 2 p. URL: https://www.iom.int/sites/g/files/tmzbd1486/files/migrated_files/What-We-Do/docs/IOM_MCOF_Infosheet_10March2013.pdf.

19. Von Helldorff J. *The EU Migration Dilemma*. Berlin: Heinrich Böll Foundation, 2015. 11 p. URL: https://eu.boell.org/sites/default/files/uploads/2015/09/the_eu_migration_dilemma.pdf.

20. Le Quang Minh, Le Minh Quang, Phung Chi Kien [Lê Quang Minh, Lê Minh Quang, Phùng Chí Kiên]. The Rise of Italian Populism In Recent Years: Causes And Forecasts [Sự trỗi dậy của chủ nghĩa dân túy Ý trong những năm gần đây: Nguyên nhân và dự báo]. *European Studies [Nghiên cứu Châu Âu]*. 2021. No. 2. Pp. 70–83. (In Viet.)

21. Kriesi H., Schulte-Cloos J. Support for Radical Parties in Western Europe: Structural Conflicts and Political Dynamics. *Electoral Studies*. 2020. Vol. 65. Article No. 102138. 19 p. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2020.102138>.

22. Metcalfe-Hough V. *A migration crisis? Facts, challenges and possible solutions*. London: Overseas Development Institute, 2015. 6 p. URL: <https://odi.org/documents/4974/9913.pdf>.

Bio note:

Phung Chi Kien, PhD (Politics), Lecturer, University of Social Sciences and Humanities, Vietnam National University, Hanoi, Vietnam.

Contact information: e-mail: phungchikien92@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-9030-8305.

Le Minh Quang, PhD Candidate, Research Fellow, Faculty of Political Science, University of Palermo, Palermo, Italy.

Contact information: e-mail: leminhquang.neu@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-5330-5655.

Nguyen Lan Nguyen, PhD Candidate, Lecturer, University of Social Sciences and Humanities, Vietnam National University, Hanoi, Vietnam.

Contact information: e-mail: ussh.nguyen@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-5081-8378.

Acknowledgements and financing:

This research is funded by Vietnam National University, Hanoi (VNU) under the Project No. QG.20.30.

Received on 15.11.2021; accepted for publication on 18.01.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС В ЕВРОПЕ И ВЫВОДЫ ДЛЯ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Фунг Чи Киен

Вьетнамский национальный университет, Ханой, Вьетнам

E-mail: phungchikien92@gmail.com

Ле Мин Куанг

Палермский университет, Палермо, Италия

E-mail: leminhquang.neu@gmail.com

Нгуен Лан Нгуен

Вьетнамский национальный университет, Ханой, Вьетнам

E-mail: ussh.nguyen@gmail.com

Для цитирования: Фунг Чи Куен, Ле Мин Куанг, Нгуен Лан Нгуен. Миграционный кризис в Европе и выводы для Азиатско-Тихоокеанского региона // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 1. С. 28–40. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.3>

Аннотация. Международная миграция, особенно проблема беженцев, сегодня является одним из самых острых глобальных вопросов. Миграционный кризис в Европе 2015 – начала 2016 гг. стал новым свидетельством сложнейшего характера данной проблемы и ее комплексного воздействия на жизнь общества. Европейский миграционный кризис породил множество политических, экономических и социальных сложностей, в результате чего Европа столкнулась с одним из самых больших вызовов за последнее время. Говоря о ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе на данный момент, следует отметить, что негативные последствия пандемии COVID-19 обостряют проблемы миграции и связанные с ними вопросы для многих стран региона. В свете этого целесообразно обратиться к опыту европейских стран в период кризиса 2015–2016 гг. и использовать его для разработки и реализации миграционной политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе на текущем этапе. Однако число научных исследований, посвященных анализу политических последствий миграции, на сегодняшний день невелико. Поэтому в данной статье причины и последствия европейского миграционного кризиса 2015–2016 гг. рассматриваются с политической точки зрения с целью обосновать некоторые рекомендации по управлению миграционными процессами и предложить пути выхода из сложной ситуации, в которой Азиатско-Тихоокеанский регион находится в данном плане сегодня.

Ключевые слова: миграция, миграционный кризис, политические последствия, Европа, Азиатско-Тихоокеанский регион, пандемия COVID-19.

Сведения об авторах:

Фунг Чи Куен, доктор политических наук, преподаватель Университета социальных и гуманитарных наук Вьетнамского национального университета, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: phungchikien92@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-9030-8305.

Ле Мин Куанг, соискатель степени доктора наук, научный сотрудник факультета политических наук Университета Палермо, Палермо, Италия.

Контактная информация: e-mail: leminhquang.neu@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-5330-5655.

Нгуен Лан Нгуен, соискатель степени доктора наук, преподаватель Университета социальных и гуманитарных наук Вьетнамского национального университета, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: ussh.nguyen@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-5081-8378.

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Вьетнамского национального университета в Ханое (ВНУ) в рамках научного проекта № QG.20.30.

Статья поступила в редакцию 15.11.2021; принята в печать 18.01.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

РУССКОЯЗЫЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ВЕНГРИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Храмова М. Н.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: kh-mari08@yandex.ru

Смирнов А. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: sofetel@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.4>

Для цитирования: Храмова М. Н., Смирнов А. В. Русскоязычное население Венгрии в период пандемии COVID-19 // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 1. С. 41–54. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.4>

Аннотация. В статье дается анализ положения русскоязычных сообществ в Венгрии в период до и во время пандемии COVID-19. Приводятся некоторые данные о численности и расселении русскоязычного населения Венгрии, особенностях адаптации к новым условиям и коммуникации в период пандемии. Показано, что наиболее трудным стал период 1–3 волн, когда в Венгрии были введены жесткие ограничения на перемещения, закрыты многие предприятия и организации, а университеты переведены на онлайн-обучение. Особенно ощутимо воздействие ограничительных мер на себе почувствовали те соотечественники, которые задействованы в сфере туризма, владельцы малых бизнесов, где переход на удаленный характер ведения бизнеса был затруднен в силу разных причин. На основе данных Ростуризма, а также Центрального статистического офиса Венгрии, исследуются тенденции туристических потоков в Венгрию из России в 2014–2020 гг. Среди европейских стран Венгрия являлась первой страной, открывшейся для российских туристов во второй половине 2021 г. Не входя до пандемии в первую пятерку европейских стран, привлекательных для россиян, Венгрия в 2021 г. значительно укрепила свои позиции по востребованности среди россиян, явившись фактически единственным «окном в Европу». Ключевыми факторами притяжения стали признание российской вакцины Спутник-V, возможность въезда по ПЦР-тесту, снятие к осени 2021 г. необходимости карантина после прибытия, невысокие цены в стране, возможность приобрести относительно недорогие авиабилеты. В заключении делается вывод о том, что русскоязычные сообщества в Венгрии в целом показали достаточно хорошую адаптивность к условиям пандемии.

Ключевые слова: русскоязычные сообщества, русскоязычная экономика, Венгрия, пандемия COVID-19, ограничительные меры, признание вакцин, цифровизация коммуникативных практик.

Введение

Численность русскоязычных сообществ в Венгрии не так велика, как, например, в Германии, или соседней Австрии. Данные венгерской переписи населения 2011 г. указывают лишь на 2,5 тыс. граждан России, проживающих в Венгрии, что составляет 1,79% численности иностранного населения страны [1]. Около 60% из них живет в Будапеште, также относительно велико присутствие россиян в таких регионах, как Пешт и Зала. Данные ООН (ревизия 2019 г.) свидетельствуют о 4 тыс. человек, родившихся в России, среди них 61,5% – женщины¹. Однако в реальности численность русскоязычных сообществ в Венгрии может быть существенно выше. На это указывают, в частности, ответы респондентов в ходе переписи 2011 г. Так, только по Будапешту национальность «русский» указали 3 124 человека, 3 750 человек считают русский язык родным, а «принадлежность к русской культуре» указывают 6 158 человек². Весьма интересны оценки,

¹ International migrant stock 2019 // United Nations Department of Economic and Social Affairs. Population Division [site]. URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates19.asp> (accessed on 13.12.2021).

² Detailed tables // Population Census 2011 / Hungarian Central Statistical Office [site]. URL: https://www.ksh.hu/nepszamlalas/detailed_tables (accessed on 13.12.2021).

полученные венгерскими исследователями И. Гедри и З. Чаньи. На основе анализа двух переписей населения Венгрии в 2001 и 2011 гг. они показали, что владеть русским языком в той или иной степени и общаться на нем в Венгрии может до 150 тыс. человек. Это, во-первых, венгры, изучавшие русский язык еще во времена Советского Союза, или учившиеся в СССР, а также наши специалисты, работавшие в Венгрии и в дальнейшем оставшиеся там на постоянное место жительства. Их число может составлять от 30 до 45 тыс. человек. Во-вторых, в дальнейшем за постсоветский период из стран бывшего СССР в Венгрию приехали около 106 тыс. человек, владеющих русским языком [2].

Таким образом, в зависимости от критерия идентификации, который положен в основу, мы можем получать весьма сильно различающиеся оценки численности русскоязычных сообществ в Венгрии: от 2,5 тыс. человек (нижняя граница) до 150 тыс. человек (верхняя граница). Русскоязычные сообщества в Венгрии весьма неоднородны как по этническому, так и по половозрастному составу.

В период пандемии COVID-19 взаимодействие между русскоязычным населением Венгрии претерпело ряд качественных изменений. Это было обусловлено длительным периодом самоизоляции, отсутствием «живого» общения, невозможностью ведения бизнеса в привычном режиме. В итоге получили более широкое распространение цифровые каналы коммуникации, связанные с взаимодействием через социальные сети. Изменения коснулись и функционирования русскоязычной экономики в Венгрии. В связи с введением жестких мер контроля за распространением коронавирусной инфекции развитие туристической отрасли замедлилось. Это значительно снизило востребованность русскоязычных гидов. Часть русскоязычного населения также была задействована в сфере услуг, например, парикмахерских, маникюрных салонах, автомастерских и т. п. Их работа в течение локдауна также была приостановлена. Действующие в Венгрии школы и образовательные центры с изучением русского языка, наравне с другими образовательными учреждениями страны, должны были перейти на онлайн-режим. Почти два года пандемии и изменяющаяся в зависимости от эпидемиологической ситуации система ограничений привели к изменениям ежедневных практик общения как местного населения, так и иностранных граждан, проживающих на территории страны.

Источники и методы

В настоящей работе мы применяли статистический и аналитический методы анализа данных. Так, для оценки численности русскоязычных сообществ мы использовали результаты переписи населения Венгрии 2011 г., данные последней ревизии ООН (2019 г.), и оценки, полученные в ходе масштабного исследования И. Гедри и З. Чаньи [2] о возможной численности населения Венгрии, владеющего русским языком и использующего его в общении. Также нами был проведен ряд встреч с представителями русскоязычных сообществ в Будапеште в 2019–2021 гг., которые позволили установить основные каналы взаимодействия русскоязычного населения Венгрии и проблемы, с которыми сталкиваются в своих ежедневных практиках представители русскоязычных сообществ.

Для анализа заболеваемости и смертности от COVID-19 в Венгрии нами использовался ресурс ourworldindata.org³, агрегирующий в ежедневном режиме сведения о числе новых подтвержденных случаев заболевания, числе умерших по странам мира.

³ Hungary: Coronavirus Pandemic Country Profile // Our World in Data. Scientific online publication. URL: <https://ourworldindata.org/coronavirus/country/hungary> (accessed on 13.12.2021).

Данные, представленные на официальных сайтах Ростуризма и Центрального статистического офиса Венгрии, позволили выявить масштабы и особенности туристических потоков из России в Венгрию в 2014–2020 гг.

Для изучения особенностей коммуникации русскоязычных сообществ в Венгрии в период пандемии коронавирусной инфекции мы провели контент-анализ русскоязычных сайтов в Венгрии и социальных сетей.

Результаты

Динамика заболеваемости и смертности от COVID-19 в Венгрии и возможности вакцинаирования для иностранного населения

Первые случаи заболевания COVID-19 в Венгрии были зафиксированы 4 марта 2020 г. Венгрия отреагировала на изменяющуюся эпидемиологическую ситуацию достаточно быстро, и уже с 17 марта 2020 г. границы были практически полностью зарыты, в страну могли въехать только граждане Венгрии⁴. Надо отметить, что «первую волну» Венгрия прошла с относительно невысоким уровнем заболеваемости и смертности: пиковые значения числа заболевших доходили до 210 человек в день (на 10 апреля 2020 г.), а число умерших с подтвержденным диагнозом COVID-19 на 30 июня 2020 г. составило 585 человек⁵. «Вторая» и «третья» волны были более мощными и ярко выраженными, их пики пришлись на ноябрь 2020 г. и март 2021 г. Распределение числа заболевших с марта 2020 г. по январь 2022 г. в Венгрии представлено на рис. 1. По состоянию на конец января 2022 г. в Венгрии в общей сложности заболели COVID-19 1,55 млн человек, умерли – 41,4 тыс. человек.

Рис. 1. Распределение числа заболевших COVID-19 в Венгрии в марте 2020 г. – январе 2022 г.

Fig. 1. Distribution of the number of COVID-19 cases in Hungary in March 2020 - January 2022

Источник: Our World in Data⁶

⁴ Вступил в силу запрет на въезд иностранцев [Életbe lépett a külföldiek beutazási tilalma] // koronavirus.gov.hu. Официальный сайт правительства Венгрии с информацией о коронавирусе [Tájékoztató oldal a koronavírusról]. 17.03.2020. URL: <https://koronavirus.gov.hu/cikkek/életbe-lepett-kulföldiek-beutazasi-tilalma> (дата обращения: 13.12.2021). (На венгер.)

⁵ Hungary: Coronavirus Pandemic Country Profile.

⁶ Там же.

С началом массовой кампании по вакцинации населения, которая во всех странах ЕС началась с 27 декабря 2020 г., а в Венгрии на день раньше – с 26 декабря, местное население, а также иностранные граждане, проживающие в стране, имеют возможность сделать бесплатную прививку. Для этого необходимо зарегистрироваться на официальном сайте⁷, далее, дождавшись информационного письма, выбрать день и время вакцинации. В случае иностранных граждан для записи на прививку требуется вид на жительство (в заявке указывается соответствующий номер (residency permit number) или свидетельство о регистрации (personal identity number, указанный на лицевой стороне карточки lakcímkárta, выданной венгерскими властями; такой номер, в частности, получают студенты не из стран Европейской экономической зоны, в т. ч. из России). Поскольку более высокому риску заражения были подвержены пожилые люди, то в первую очередь вакцинирование проходили именно они. После двух доз вакцины на почту направлялась пластиковая карта привитого с QR-кодом. Однако в первое время было достаточно много сбоев, карточки не доходили до адресатов, не было единой европейской системы считывания кодов. В дальнейшем на уровне ЕС был разработан цифровой сертификат (EU Digital COVID Certificate)⁸, в который вносились данные о вакцинации. С таким цифровым кодом граждане стран ЕС и иностранные граждане, сделавшие полный курс вакцинации, могли беспрепятственно совершать поездки внутри Евросоюза.

В ЕС Венгрия является единственной страной, где была одобрена российская вакцина Спутник-V, признание получила также китайская вакцина СиноФарм. Исследования венгерских социологов, проведенные перед началом массовой кампании по вакцинации, показали весьма скептические настроения населения относительно вакцинации, свыше трети населения заявляли о своем нежелании делать прививку. В своем выступлении Премьер-министр Виктор Орбан отметил, что такая ситуация возникла в том числе из-за излишней политизированности в отношении признания различных вакцин: «Я рассматриваю вакцину не как политический вопрос, а как вопрос здравоохранения. Надо спасать жизни»⁹. Через полгода, к концу июня 2021 г., Венгрия среди стран ЕС заняла первое место по числу полностью вакцинированного населения (55,4% населения страны). Это дало возможность венгерским властям сделать заявление о вакцинации иностранных граждан из сопредельных стран, таких, как Румыния, Сербия, Хорватия, Словения, Австрия, Словакия и Украина¹⁰ уже с июля 2021 г. Правда, к октябрю 2021 г. вакцинация иностранных граждан без соответствующих документов, о которых выше шла речь, так и не набрала обороты.

⁷ Registration for vaccination // vakcinainfo.gov.hu. Официальный сайт правительства Венгрии с информацией о вакцинации. URL: <https://vakcinainfo.gov.hu/registration> (дата обращения: 13.12.2021). (На венгер., англ.)

⁸ EU Digital COVID Certificate // European Commission [site]. URL: https://ec.europa.eu/info/live-work-travel-eu/coronavirus-response/safe-covid-19-vaccines-europeans/eu-digital-covid-certificate_en (accessed on 13.12.2021).

⁹ Юранец А. «Прививочный национализм»: зачем Венгрии российская вакцина. В Евросоюзе началась вакцинация против COVID-19 // Газета.ру. Российское интернет-издание. 28.12.2020. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/12/28_a_13418150.shtml (дата обращения: 13.12.2021).

¹⁰ Рокоссовская А. Прививка для соседа. В Венгрии вакцинируют жителей сопредельных государств // Российская газета. Официальный печатный орган Правительства Российской Федерации. 24.06.2021. URL: <https://rg.ru/2021/06/24/v-vengrii-vakciniruiut-zhitelej-sopredelnyh-gosudarstv.html> (дата обращения: 13.12.2021).

Тем не менее, с 27 июля 2021 г. Правительство Венгрии разрешило въезд в страну с туристическими целями для граждан России¹¹. В условиях почти полного закрытия границ Евросоюза для туристов из третьих стран, Венгрия для россиян явилась фактически единственным «окном в Европу». Помимо шенгенской визы, для граждан РФ необходим сертификат о полной вакцинации (Спутник-V или другая признанная Венгрией вакцина) или отрицательный ПЦР-тест, сделанный не ранее, чем за 72 часа до въезда в страну (с 13 августа 2021 г.)¹². Стоит отметить, что QR-коды на российских сертификатах и тестах не распознаются европейскими скан-системами, поэтому в большинстве случаев предъявление наших документов об отсутствии заболевания или вакцинации становятся чистой формальностью.

Туристические потоки из Россию в Венгрию в 2014–2020 гг. и потенциал после выхода из пандемии

Для Венгрии развитие международного туризма является одним из основных факторов устойчивого социально-экономического развития. Доходы от туристической отрасли составляли до пандемии около 9,8% ВВП, а число занятых непосредственно в сфере туризма и других отраслях экономики, так или иначе связанных с туризмом, достигало 12% от общей численности занятых в национальной экономике [3]. Среди стран, не входящих в ЕС, Россия для Венгрии играла весьма значимую роль на рынке туристических услуг.

Венгрия занимает очень выгодное географическое положение в Европе: с одной стороны, Россию и Венгрию разделяет лишь двухчасовой перелет, с другой стороны, можно очень быстро и недорого доехать наземным транспортом (железнодорожным или на машине) до других европейских стран, например, Австрии (примерно 200 км), Хорватии (300 км), Италии (600 км). Развитая железнодорожная сеть и невысокая стоимость билетов делают Венгрию весьма привлекательным направлением для выездного туризма россиян. Многие российские туроператоры до пандемии реализовали автобусные, железнодорожные и авиатур в Венгрию и соседние страны, когда за одну поездку длительностью около недели или более можно было охватить несколько стран, посетить основные достопримечательности, познакомиться с местной культурой, кухней. В 2014–2020 гг. стабильно фиксировался рост числа въездных поездок из РФ в Венгрию. Это свидетельствует о достаточно высоком интересе россиян к данной стране. Некоторые характеристики въездных поездок россиян в Венгрию приведены в таблице 1.

Среднее время пребывания туристов-россиян в стране колеблется от 4,7 дней до недели. За это время можно полноценно успеть посетить столицу – Будапешт, а также другие регионы. Как видно из приведенной таблицы, большинство россиян в Венгрии останавливаются именно в Будапеште, вторым по востребованности является регион озера Балатон – важнейший курортный регион Венгрии с термальными источниками. Наибольшую популярность среди россиян получил Хевиз – небольшой городок с населением около 5 тыс. человек, где расположено одноименное озеро с самым известным в стране круглогодичным термальным курортом.

¹¹ Изменения правил въезда в Венгрию для граждан России // Посольство Венгрии в Москве [сайт]. URL: <https://moszkva.mfa.gov.hu/rus/news/pravitelstvo-vengrii-razreshilo-vezd-na-territoriyu-strany-grazhdanam-rossii> (дата обращения: 13.12.2021).

¹² Подать заявление на визу // VFS Global. Аутсорсинговая компания [сайт]. 13.08.2021. URL: <https://visa.vfsglobal.com/rus/ru/hun/news/submitting-documents-for-visas> (дата обращения: 13.12.2021).

Таблица 1.

Некоторые характеристики въездных поездок в Венгрию из России в 2014 – 2020 гг.

Table 1.

Some characteristics of inbound trips to Hungary from Russia in 2014-2020

Год	Число въездных поездок по данным ЦСО Венгрии, тыс. ед.	Средняя длительность пребывания, дней	Распределение пребывания граждан России с целью туризма по некоторым регионам Венгрии, по длительности пребывания в %		Число туристических поездок россиян в Венгрию по данным Ростуризма, тыс. ед.
			Будапешт	Регион озера Балатон	
2014	199	4,8	77,6	10,8	118,0
2015	187	6,7	84,2	9,3	95,3
2016	207	7,0	79,6	7,2	94,8
2017	246	4,8	87,3	6,0	111,6
2018	294	5,0	84,1	10,8	168,7
2019	340	5,1	80,3	7,8	194,6
2020	73	4,7	66,6	16,0	39,5

Источник: Центральный статистический офис Венгрии^{13, 14}, Ростуризм¹⁵

Стоит отметить, что Ростуризм дает несколько иные сведения о выездных туристских поездках россиян в Венгрию (см. последний столбец табл. 1). Отличие от венгерских данных в меньшую сторону может быть обусловлено тем, что часть россиян, имея туристические шенгенские визы, приезжали и с другими целями, например, для участия в мероприятиях, для лечения, посещения родственников и т. п., а потому в статистику Ростуризма не попадали.

С началом пандемии поток туристов из России в Венгрию прекратился более чем на год, в страну могли въезжать граждане Венгрии, иностранные граждане, имеющие вид на жительство, некоторые другие категории иностранных граждан в соответствии с двусторонними договоренностями. После закрытия границ и отмены регулярного и чартерного авиасообщения в Венгрии оставались российские туристы. Те, кто не мог выехать самостоятельно, были отправлены на родину вывозными рейсами. Так, по состоянию на середину апреля 2020 г., 80 россиян выразили желание покинуть Венгрию. Об этом сообщили представители российского Посольства¹⁶. Согласно информации, размещенной на сайте Посольства РФ в Венгрии, вывозные

¹³ The number of inbound trips to Hungary and the related expenditures by countries // Hungarian Central Statistical Office [site]. URL: https://www.ksh.hu/stadat_files/tur/en/tur0004.html (accessed on 13.12.2021).

¹⁴ Distribution of inbound overnight trips to Hungary by region and countries // Hungarian Central Statistical Office [site]. URL: https://www.ksh.hu/stadat_files/tur/en/tur0009.html (accessed on 13.12.2021).

¹⁵ Число выездных туристских поездок граждан Российской Федерации за рубеж (Росстат) // Федеральное агентство по туризму (Ростуризм). URL: <https://tourism.gov.ru/contents/analytics/statistics/chislo-vyezdnykh-turistskikh-poezdok-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-za-rubezh-rosstat/> (дата обращения: 13.12.2021).

¹⁶ Из Венгрии хотят вернуться 80 россиян // РИА Новости. Российское информационное агентство. 17.04.2020. URL: <https://ria.ru/20200417/1570176139.html> (дата обращения: 13.12.2021).

рейсы осуществлялись 17 мая¹⁷ и 11 августа 2020 г.¹⁸ С 16 марта по 31 мая 2020 г. гражданам РФ, попавшим в трудные жизненные обстоятельства и имеющим обратные билеты в Россию, оказывалась материальная поддержка в размере 2 400 руб. в сутки на взрослого и 1 600 руб. в сутки на ребенка¹⁹.

С открытием Венгрией границ для туристических поездок россияне активно начали приобретать как пакетные туры в страну, так и планировать самостоятельные путешествия. Число авиарейсов, совершаемых в Венгрию из России, стало сопоставимо с уровнем 2019 г. По данным Ассоциации туроператоров России (АТОР), по итогам 2021 г. Венгрия по востребованности у россиян среди зарубежных стран, открытых для посещения туристов, заняла 12-е место в целом и 5-е место среди визовых стран²⁰. Возможное число туристических поездок россиян в Венгрию могло составить около 70 тыс. единиц.

Русскоязычный интернет в Венгрии

В настоящее время в Венгрии действует более десяти русских культурных обществ, объединяющих помимо этнических русских также и представителей других национальностей. Преимущественно они сконцентрированы в нескольких городах Венгрии: Будапеште, Пакше, Печи, Капошваре, Эгере, Дебрецене, Дьере [1; 4]. В стране действует Координационный совет российских соотечественников. Его работа в период ковидных ограничений проходила в онлайн-формате. Одна из встреч состоялась 19 февраля 2021 г. На ней обсуждались вопросы консолидации русской диаспоры и ее участия в общественных процессах, а также подготовка к основным российским праздникам: Дню Победы, Дню России, Дню народного единства. Первая после снятия основных ограничений офлайн-встреча Координационного совета прошла 9 октября 2021 г. В повестку дня были включены вопросы развития побратимских связей с российскими городами, развитие практик работы с русскоязычной молодежью, в частности, организация семинара «Молодежная мастерская»²¹. В январе 2022 г. довольно многочисленная татарская община отметила день родного языка. В этой встрече приняли участие также соотечественники, приехавшие из Австрии.

Русскоязычный бизнес в Венгрии представлен несколькими магазинами, где можно найти традиционные русские продукты. Самыми известными являются магазины «Арбат» и «Смак», имеющие свои интернет-страницы. В период пандемии

¹⁷ Вывозной рейс из Венгрии 17 мая // Посольство Российской Федерации в Венгрии [сайт]. 13.05.2020. URL: https://hungary.mid.ru/ru/press-centre/news/vyvoznoy_reys_iz_vengrii_17_maya/ (дата обращения: 13.12.2021).

¹⁸ Вывозной рейс из Венгрии 11 августа 2020 года // Посольство Российской Федерации в Венгрии [сайт]. 06.08.2020. URL: https://hungary.mid.ru/ru/press-centre/news/vyvoznoy_reys_iz_vengrii_11_avgusta_2020_goda/ (дата обращения: 13.12.2021).

¹⁹ Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. N 433 «Об утверждении Положения об оказании социальной поддержки (помощи) российским гражданам, находящимся на территории иностранного государства и не имеющим возможности вернуться в Российскую Федерацию в связи с распространением новой коронавирусной инфекции» // Гарант.ру. Справочно-правовая система по законодательству Российской Федерации. URL: <https://base.garant.ru/73843068/> (дата обращения: 13.12.2021).

²⁰ В АТОР подвели туристические итоги 2021 г. // Ассоциация туроператоров России [сайт]. 22.12.2021. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/58171.html> (дата обращения: 13.12.2021).

²¹ Заседание КС – 15 января 2022 // Координационный совет организаций российских соотечественников в Венгрии [сайт]. 16.01.2022. URL: <https://russkie.hu/category/meetings/> (дата обращения: 17.01.2022).

они стали оказывать услуги по доставке товаров. Например, бесплатную доставку по пятницам и субботам предлагает сеть магазинов Arbat Delicates в Будапеште²². Заметим, что ассортимент русских магазинов в Венгрии не исчерпывается исключительно товарами российского производства. Широко представлены товары европейского производства, украинские товары.

Есть русскоязычные врачи, имеющие как собственную практику, так и ведущие прием в венгерских клиниках. Информацию о них можно найти на различных форумах в социальных сетях, например, ВКонтакте²³. Часто на форумах и русскоязычных сайтах в Венгрии можно встретить информацию об адвокатах, специализирующихся преимущественно на иммиграционных вопросах, оформлении недвижимости и бизнеса^{24,25}. Стоит обратить внимание на то, что далеко не всегда это этнические русские или выходцы из стран постсоветского пространства, но зачастую – и граждане Венгрии, хорошо владеющие русским языком. Русскоязычное население в Венгрии задействовано в сфере туризма (гиды)²⁶, сфере услуг (парикмахерские услуги, услуги маникюра, услуги автомастера и пр.). Как правило, найти нужного специалиста со знанием русского языка можно на многочисленных форумах. Не все форумы в настоящее время поддерживают высокий уровень активности. Так, один из известных форумов «Венгрия. Взгляд изнутри», основанный около 20 лет назад, имеет большое количество разделов, связанных с различными аспектами взаимодействия русскоязычных сообществ: афиша, новости, услуги, погода, частные объявления, знакомства, лечение, недвижимость и др. Среди них обновляются регулярно разделы «Афиша» и «Частные объявления», новостная лента с основными новостями о Венгрии и других странах. В некоторых разделах актуальность информации установить не получается, поскольку отсутствуют даты публикации, некоторые ветки форумов не обновлялись в течение нескольких лет. Наиболее часто встречаются объявления, связанные с организацией мероприятий, автоперевозок, предлагаются услуги русскоязычных гидов, или, наоборот, фирмы ищут сотрудников со знанием русского языка²⁷.

В Будапеште действует культурно-образовательный фонд «Алфавит», возглавляемый Р. Хасановой. В школе «Алфавит» дети из российских и смешанных семей, а также дети из венгерских семей могут изучать русский язык, готовиться к сдаче экзаменов по русскому языку, заниматься в кружках по интересам (рис. 2). Это единственный русский образовательный центр в Венгрии, имеющий собственное поме-

²² Главная // «Арбат». Сеть русских магазинов на территории Венгрии [сайт]. URL: https://www.arbat.hu/index.php?option=com_content&view=article&id=10&Itemid=256&lang=ru (дата обращения: 13.12.2021).

²³ Список русскоговорящих врачей Будапешта // Российская социальная сеть «ВКонтакте». URL: https://vk.com/doc185812536_377025257?hash=f529c947c55bf8e3be (дата обращения: 13.12.2021).

²⁴ Ваш адвокат в Венгрии, Будапешт. Адвокатская компания [сайт]. URL: <https://www.advokatbudapest.com/> (дата обращения: 13.12.2021).

²⁵ Русскоговорящие адвокаты в Венгрии // Виза инвестора. Открытая ассоциация иммиграционных адвокатов [сайт]. URL: <https://visa-investora.ru/immigracija-v-vengriju/russkogovorjashhie-advokaty-v-vengrii/> (дата обращения: 13.12.2021).

²⁶ Частные гиды в Венгрии // Туристер. Каталог частных гидов [сайт]. URL: <https://experts-tourister.ru/hungary/guides> (дата обращения: 13.12.2021).

²⁷ Венгрия. Взгляд изнутри. Все о Венгрии. Информационно-справочное онлайн издание. URL: <http://www.hungary-ru.com/> (дата обращения: 13.12.2021).

щение²⁸. В период пандемии школа «Алфавит» начала реализацию образовательных программ онлайн²⁹. Постепенное восстановление офлайн-обучения началось после снятия основных ограничений по результатам вакцинации населения. Набор на программы обучения в 2021/22 учебном году велся уже в очном режиме.

а) встреча исследовательского коллектива в Российском центре науки и культуры в Будапеште

б) директор Фонда «Алфавит» Р. Хасанова

в) встреча-интервью в Фонде «Алфавит»

Рис. 2. Рабочие встречи по изучению положения русскоязычных сообществ в Венгрии в феврале 2020 г. (фото из личных архивов С. В. Рязанцева и М. Н. Храмовой)

Fig 2. Working meetings to study the situation of Russian-speaking communities in Hungary in February 2020 (photos from the personal archives of S. V. Ryazantsev and M. N. Khramova)

²⁸ Интервью с руководителем Фонда «Алфавит» в конце февраля 2020 г. провели С. В. Рязанцев, М. Н. Храмова и И. Н. Молодикова (Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН).

²⁹ «Алфавит». Культурно-образовательный общественно-полезный фонд [сайт]. URL: <http://alfavit.hu/ru/> (дата обращения: 13.12.2021).

В Венгрии зарегистрирована русскоязычная газета «Российский курьер»³⁰. Это наиболее известное и авторитетное издание на русском языке, выходящее как в бумажном, так и онлайн-форматах. Оно охватывает все основные стороны жизни и взаимодействия русскоязычных соотечественников в Венгрии. Содержит обзоры основных событий в Венгрии, рынка недвижимости (в том числе влияния пандемии на уровень цен), проводимых мероприятий, актуальные новости венгерского туризма, статьи, посвященные русской православной церкви.

В период пандемии жизнь русскоязычных сообществ активизировалась в социальных сетях. Среди основных площадок для общения можно назвать многочисленные группы в Facebook, ВКонтакте (наиболее многочисленными и посещаемыми являются «Русскоязычный Будапешт», «Русскоязычная Венгрия», «Женский клуб», «Русскоязычная молодежь Венгрии»). В своем исследовании И. Молодикова и С. Тепавчевич дали такую классификацию русскоязычных сайтов и форумов в Венгрии, существовавших ранее и получивших распространение в период пандемии COVID-19: 1) официальные сайты и порталы институционализированных учреждений России, имеющие свои представительства в Венгрии; 2) институционализированные сайты клубного типа; 3) страницы не институционализированных виртуальных сообществ в Фейсбуке, Инстаграме; 4) информационно-аналитические и информационные региональные форумы; 5) информационные сайты и форумы по типу «доска объявлений»; 6) сайты и форумы клубного типа по интересам [4]. В период пандемии активность русскоязычных пользователей на этих сайтах и форумах была направлена на обмен новостями, моральную поддержку в условиях ограничений (своеобразная психологическая поддержка), обмен сведениями о возможностях подработки, аренды и купли-продажи недвижимости, транспортных услугах (в том числе по пересечению границ). Русскоязычные гиды начали предлагать пешеходные экскурсии для малых групп и виртуальные туры. Это позволяло в период действия ограничений сохранить хотя бы частичную занятость и заработок, поскольку туристическая отрасль в Венгрии, равно как и в других странах, пострадала наиболее сильно.

Довольно многочисленную группу русскоязычного населения Венгрии составляют студенты, которые проходят обучение в венгерских вузах по различным образовательным программам. Точных данных о численности российских студентов в вузах Венгрии в открытом доступе нет. Часть студентов приезжают самостоятельно, часть – в рамках программ обмена и различных стипендиальных программ. Одной из востребованных венгерских программ является Stipendium Hungaricum. Эта стипендиальная программа реализуется с 2013 г. и позволяет иностранным студентам в рамках действующих соглашений с зарубежными партнерами проходить обучение в ряде венгерских вузов. В настоящее время в программе участвуют 29 вузов в Венгрии. На постсоветском пространстве вузы-партнеры сосредоточены в следующих странах: Азербайджан, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Туркменистан и Украина³¹. По данным Министерства науки и высшего образования РФ, венгерская стипендиальная программа пользуется среди российских студентов спросом. Популярность программы Stipendium Hungaricum начала расти с 2015 г., когда венгерские вузы начали прием на англоязычные образовательные программы.

³⁰ Российский Курьер Центральной Европы. Газета [сайт]. URL: <https://www.kurier.hu/> (дата обращения: 13.12.2021).

³¹ Sending Partners and Available Study Programmes // Stipendium Hungaricum Scholarship Programme [site]. URL: <https://stipendiumhungaricum.hu/partners/> (accessed on 13.12.2021).

В 2016 г. 103 студента из России воспользовались этой возможностью, в 2017 г. – уже 186, в 2018 г. – 211, в 2019 – 195 и 12 продлили срок обучения, а в 2020 г. была выбрана максимальная квота в 200 человек, и 25 продлили обучение³². В период пандемии COVID-19 российские студенты продолжили обучение по выбранным программам, перейдя на удаленный режим.

Один из самарских студентов поделился впечатлениями от обучения в Венгрии в период пандемии с изданием «Вокруг света». Он рассказал, что первое время после объявления пандемии было наиболее сложным: обязательный масочный режим, комендантский час после 8 вечера, работа магазинов только до 7 вечера, из-за чего с шести вечера там образовывались очереди, а потом – тотальный локдаун, когда было закрыто все, кроме продуктовых магазинов и аптек. Ситуация стала легче после начала массового вакцинирования, и по мере того, как рос процент, сделавших прививку, власти снимали часть ограничений. Основными проблемами, с которыми сталкиваются студенты, приехавшие из России в Венгрию по стипендиальным программам, является изучение венгерского языка, а также небольшая стипендия, которой хватает только на удовлетворение основных нужд и аренду экономичного жилья. Поэтому студенты берутся за подработки в свободное от учебы время. После возобновления авиасообщения число россиян в Венгрии заметно прибавилось: «Русских ребят всегда можно вычленишь по незабываемому акценту [...]. Проходя по центральным улицам, ты не раз встретишь родную речь. Ну и в целом небольшое комьюнити есть. Сюда регулярно приезжают учиться»³³. На вопрос о дальнейших планах самарский студент ответил, что надеется в будущем остаться в Венгрии, получить рабочую визу и найти работу по специальности. Подобные карьерные траектории для российских студентов, обучающихся за рубежом, являются отнюдь не единичными. Среди основных притягивающих факторов называются хороший климат, развитость инфраструктуры, позволяющая с небольшими затратами времени и средств совершать путешествия по всей Европе.

Обучение русскому языку в венгерских вузах в период пандемии COVID-19 претерпело ряд изменений. Переход на онлайн-обучение потребовал дополнительных усилий как со стороны преподавателей, так и со стороны студентов. Так, в своем исследовании, основанном на субъективной оценке 18 преподавателей и 84 студентов четырех венгерских вузов, где есть отделения русистики (Дебреценский, Печский, Сегедский университеты и Университет им. Л. Этвеша в Будапеште), преподаватель-русист Б. Дьерфи делает вывод о том, что есть значимые различия эффективности онлайн- и офлайн-обучения русскому языку. В наибольшей степени они проявляются на семинарских занятиях. И студенты, и преподаватели отметили сложности в развитии практик говорения и письма, в то время как подготовка переводчиков пострадала от перехода в онлайн-формат в меньшей степени [5].

³² Программа исходящей международной академической мобильности // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Департамент международного сотрудничества [сайт]. URL: <http://academicmobility.ru/> (дата обращения: 13.12.2021).

³³ Христофоров И. «Стипендии едва хватает на оплату счетов»: история молодых людей, которые переехали учиться в Венгрию // Вокруг света. Журнал Русского географического общества. Материал опубликован в журнале «Вокруг света» № 2, февраль 2006. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/articles/stipendii-edva-khvataet-na-oplatu-schetov-istoriya-molodozhenov-kotorye-pereekhali-uchitsya-v-vengriyu-id716127/> (дата обращения: 13.12.2021).

Заключение

Пандемия COVID-19 оказала значимое влияние на все стороны жизни населения стран мира. Ограничения мобильности, вызванные необходимостью снижения рисков распространения коронавирусной инфекции, привели к закрытию государственных границ, снижению деловой активности, ограничениям в ежедневном общении между людьми, реформированию привычных форм ведения бизнеса. Русскоязычные сообщества во всех странах мира почувствовали на себе в той или иной мере произошедшие изменения. В Венгрии русскоязычные сообщества представлены не только этническими русскими, но и представителями других народов России и стран постсоветского пространства, которые в своих ежедневных практиках используют в различной мере русский язык. Эти сообщества формировались еще с советских времен и имеют весьма неоднородную социально-демографическую структуру.

В период пандемии из-за невозможности или ограниченности очного общения получили распространение как существующие, так и возникли новые социальные сети, ориентированные на взаимодействие русскоязычного населения по самым разным вопросам: от основных новостей Венгрии, России, других стран, до обмена информацией о возможностях совершения заграничных поездок, поиска работы или подработки, аренды и покупки жилья, проведения экскурсий, поиска врачей и адвокатов и т. п.

В результате признания российской вакцины Sputnik-V венгерскими властями и открытия границ во второй половине лета 2021 г., масштабы туристических поездок россиян в Венгрию стали быстро расти и достигли к концу 2021 г. примерно 70 тыс. поездок, в результате чего Венгрия среди визовых стран, разрешивших въездной туризм, вышла на пятое место по востребованности россиянами.

Анализ русскоязычных сайтов, ряда проведенных в период пандемии опросов и интервью с русскоязычными соотечественниками в Венгрии позволяет нам сделать вывод о том, что в целом представители русскоязычных сообществ показали довольно хорошую адаптивность к изменившимся внешним условиям. В большей степени пострадали те, кто задействован в туристическом бизнесе и сфере услуг. Переход на удаленные формы работы в образовательной сфере позволил сохранить занятость учителей русского языка и преподавателей-русистов в венгерских вузах, однако есть тенденции к ухудшению качества образования при переходе в онлайн-среду. В настоящее время сложно говорить о восстановлении русскоязычной экономики в Венгрии, поскольку сохраняется высокая неопределенность по дальнейшему снятию коронавирусных ограничений и восстановлению полноценных экономических связей между Россией и Венгрией.

Список литературы

1. Рязанцев С. В., Храмова М. Н., Молодикова И. Н., Фалуди Юлиана. Русскоговорящие сообщества в Австрии и Венгрии: подходы к идентификации, оценка численности и социально-демографическая структура // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2020. № 1–2. С. 5–20. DOI: <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-1-2-01>.
2. Gödri I., Csányi Z. Immigration from the former Soviet Union to Hungary: Economic Mobility, Rooted in Historical Links and Ethnic Ties. In: Migration from Newly Independent States. Society and Political order in Transition / M. Denisenko, S. Strozza, M. Light (Eds.). Cham: Springer, 2020. 552 p. ISBN: 978-3-030-36075-7. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-36075-7>. Pp. 483–509.
3. Csapó J., Marton G. The Role and Importance of Spa and Wellness Tourism in Hungary's Tourism

Industry. Czech Journal of Tourism. 2017. Vol. 6. No. 1. Pp. 55–68. DOI: <https://doi.org/10.1515/cjot-2017-0003>.

4. Молодикова И. Н., Тепавчевич С. Особенности дигитальных коммуникаций и интернет-предпринимательство русскоговорящих сообществ в период карантина COVID-19 на примере Венгрии // Вестник «Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания». 2021. № 35. С. 156–163. HU ISSN 147-8060.

5. Дьерфи Б. Эффективность онлайн-обучения в венгерских вузах: результаты опроса // Вестник «Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания». 2021. № 35. С. 29–34. HU ISSN 147-8060.

Сведения об авторах:

Храмова Марина Николаевна, кандидат физико-математических наук, заместитель директора по международной и образовательной деятельности Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: kh-mari08@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-0893-3935; РИНЦ Author ID: 126144; Web of Science Researcher ID: C-8107-2015; Scopus Author ID: 57195735740.

Смирнов Алексей Викторович, младший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: sofetel@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-6559-1679; РИНЦ Author ID: 1068065.

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Фонда «За русский язык и культуру» в Венгрии в рамках научного проекта № 19-511-23001.

Статья поступила в редакцию 24.12.2021; принята в печать 21.02.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

THE RUSSIAN-SPEAKING POPULATION OF HUNGARY DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Marina N. Khramova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: kh-mari08@yandex.ru

Alexey V. Smirnov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: sofetel@mail.ru

For citation: Marina N. Khramova, Alexey V. Smirnov. The Russian-Speaking Population of Hungary during the COVID-19 Pandemic. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2. No. 1. Pp. 41–54. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.4>

Abstract. The article analyzes the situation of the Russian-speaking communities in Hungary before and during the COVID-19 pandemic. Some data are given on the size and distribution of the Russian-speaking population of Hungary, the features of adaptation to new conditions and communication during the pandemic. It is shown that the most difficult period was between the first and third waves, when strict restrictions on movement were introduced in Hungary, many enterprises and organizations were closed, and university students switched to online learning. The impact of restrictive measures was especially felt by those compatriots who are involved in the tourism sector, owners of small businesses, where the transition to a remote mode of doing business was difficult for various reasons. Based on the data of Rostourism, as well as the Central Statistical Office of Hungary, the trends of tourist flows to Hungary from Russia in 2014-2020 are studied. Among European countries, Hungary was the first country to open for Russian tourists in the second half of 2021. Without being included in the top five European countries attractive to Russians before the pandemic, Hungary became a “window to Europe” in 2021 and significantly strengthened its position in terms of demand among Russians. The key attraction factors were the recognition of the Russian Sputnik-V vaccine, the possibility of entry by PCR test, the removal of the need for quarantine after arrival by the fall of 2021, relatively low prices in the country, and the opportunity to purchase inexpensive air tickets. In conclusion, it is concluded that the Russian-speaking communities in Hungary as a whole showed fairly good adaptability to the conditions of the pandemic.

Keywords: *Russian-speaking communities, Russian-speaking economy, Hungary, COVID-19 pandemic, restrictive measures, vaccine recognition, digitalization of communication practices.*

References

1. Ryazantsev S. V., Khranova M. N., Molodikova I. N., Faludi Julianna. Russian Speaking Communities in Austria and Hungary: Approaches to Identification, Assessment of Numbers and Socio-Demographic Structure. *Scientific Review. Series 1. Economics and Law*. 2020. No. 1–2. Pp. 5–20. DOI: <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-1-2-01>. (In Russ.)
2. Gödri I., Csányi Z. Immigration from the former Soviet Union to Hungary: Economic Mobility, Rooted in Historical Links and Ethnic Ties. In: *Migration from Newly Independent States. Society and Political order in Transition* / M. Denisenko, S. Strozza, M. Light (Eds.). Cham: Springer, 2020. 552 p. ISBN: 978-3-030-36075-7. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-36075-7>. Pp. 483–509.
3. Csapó J., Marton G. The Role and Importance of Spa and Wellness Tourism in Hungary's Tourism Industry. *Czech Journal of Tourism*. 2017. Vol. 6. No. 1. Pp. 55–68. DOI: <https://doi.org/10.1515/cjot-2017-0003>.
4. Molodikova I. N., Tepavchevich S. Osobennosti digital'nykh kommunikatsiy i internet-predprinimatel'stvo russkogovoryashchikh soobshchestv v period karantina COVID-19 na primere Vengrii [Features of digital communications and Internet entrepreneurship of Russian-speaking communities during the COVID-19 quarantine period on the example of Hungary]. *Vestnik "Sovremennyy russkiy yazyk: funktsionirovaniye i problemy prepodavaniya" [Bulletin "Modern Russian Language: Functioning and Problems of Teaching"]*. 2021. No. 35. Pp. 156–163. HU ISSN 147-8060. (In Russ.)
5. Györffy B. Effektivnost' onlayn-obucheniya v vengerskikh vuzakh: rezul'taty oprosa [Efficiency of online learning in Hungarian universities: survey results]. *Vestnik "Sovremennyy russkiy yazyk: funktsionirovaniye i problemy prepodavaniya" [Bulletin "Modern Russian Language: Functioning and Problems of Teaching"]*. 2021. No. 35. Pp. 29–34. HU ISSN 147-8060. (In Russ.)

Bio note:

Marina N. Khranova, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Deputy Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: kh-mari08@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-0893-3935; RSCI Author ID: 126144; Web of Science Researcher ID: C-8107-2015; Scopus Author ID: 57195735740.

Alexey V. Smirnov, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: sofetel@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-6559-1679; RSCI Author ID: 1068065.

Acknowledgements and financing:

The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and Foundation for the Russian Language and Culture (FRLC) in Hungary according to the research project No. 19-511-23001.

Received on 24.12.2021; accepted for publication on 21.02.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ МОНГОЛИИ И УЗБЕКИСТАНА: НОВЫЕ ТРЕНДЫ И ПОДХОДЫ К РЕГУЛИРОВАНИЮ

Тувшинтугс Адъяа

Финансово-экономический университет, Улан-Батор, Монголия

E-mail: tuvshintogs.a@ufe.edu.mn

Имидеева И. В.

Финансово-экономический университет, Улан-Батор, Монголия

E-mail: imideevaiv@mail.ru

Пуревзул Пуревсурен

Финансово-экономический университет, Улан-Батор, Монголия

E-mail: purevzul.p@ufe.edu.mn

Рязанцев Н. С.

МГИМО МИД России, Москва, Россия

E-mail: ryazantsev080700@ya.ru

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.5>

Для цитирования: Тувшинтугс А., Имидеева И. В., Пуревзул П., Рязанцев Н. С. Трудовая миграция в Монголии и Узбекистане: новые тренды и подходы к регулированию // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 1. С. 55–68.
DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.5>

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции и подходы к регулированию трудовой миграции в двух странах Евразии – Республике Узбекистан и Монголии – в сравнительном аспекте. Выделяются факторы, способствующие развитию трудовой эмиграции из государств, в том числе демографические, социально-политические и экономические. Монголия и Узбекистан имеют сходные социально-экономические и демографические условия развития. Они находятся примерно на одном и том же этапе демографического перехода, имеют достаточно молодую возрастную структуру населения, являются трудоизбыточными странами, готовы экспортировать трудовые ресурсы за границу. Эти факторы делают их активными миграционными донорами. Значительная численность трудовых мигрантов, включая молодых людей, ищут возможности трудоустройства за границей. Главным образом мигранты ориентируются на более развитые соседние страны: узбекистанцы – на Российскую Федерацию, монголы – на Республику Корея. Учитывая значимость трудовой миграции в социально-экономическом развитии обеих стран, со стороны правительств отмечаются достаточно активные шаги в направлении придания процессам трудовой эмиграции организованного и документированного характера. Власти Республики Узбекистан содействуют открытию странами приема центров предвыездной подготовки, заключают межправительственные соглашения об организованном наборе рабочей силы в ключевых странах приема. Власти Монголии в большей степени концентрируются на организационно-правовых вопросах приведения трудовой миграции в документированное русло. В обеих странах сложился подход к пониманию трудовой миграции как фактора устойчивого развития общества и государства. В этой связи миграционная политика Монголии и Узбекистана выстраивается вокруг поиска решений оптимального регулирования трудовой миграции в интересах национального развития.

Ключевые слова: трудовая миграция, Монголия, Узбекистан, социально-демографическая структура, регулирование трудовой миграции.

Теоретические основы изучения трудовой миграции

Трудовая миграция стала важным и масштабным явлением в современном мире, не стали исключением и страны Евразии. Трудовая миграция находит отражение в классических и неоклассических миграционных теориях современной науки.

Основоположником миграционной теории считают английского географа Э. Равенштейна, который в конце 1880-х гг. выпустил трактат «О законах миграции». Основоположником эконометрической модели миграции можно назвать Э. Ли, который фактически переформулировал миграционную теорию Равенштейна. Основной акцент Ли сделал на факторах выталкивания и притяжения мигрантов, которые определяют направление и интенсивность миграционных потоков. Эти модели доминировали в науке до конца 1960-х гг. и в определенной мере отражали неоклассическую экономическую парадигму, которая основана на представлениях о том, что выбор человека всегда рационален, в том числе и при совершении трудовой миграции [1].

Новые теории появились вместе с новыми формами миграции как глобального феномена в постиндустриальном обществе. В рамках новых концепций исследователи стали уделять внимание анализу социальных связей индивидуумов, мотивации и контекста миграционных процессов. В том числе новая экономическая теория миграции позволила изучить, как миграция влияет на жизнь семей и домохозяйств [2].

Среди таких теорий следует упомянуть теорию мировой системы И. Валлерстайна, которая рассматривала миграции в рамках глобализации мирового хозяйства, когда причиной миграций становится уже не просто разница в оплате труда, а «общие условия экономического неравенства между периферией и центром». Возникли и другие теории, такие как концепция мобильного перехода В. Зелинского (1971 г.), ставшая в дальнейшем альтернативой статистическому подходу неоклассических и исторических концепций, и сетевая теория миграции социолога Д. Массея, которая объясняла международную миграцию преобладанием капиталистических отношений в обществах, где отсутствует рынок [1].

Европейские миграционные концепции сформировались намного позже на базе вышеизложенных американских. По сей день для Европы потребность в дешевой рабочей силе является неотъемлемой частью экономико-демографического развития. Вокруг этой проблемы и формируются все подходы европейских исследователей к проблемам миграции. Все они учитывают как экономические, так и демографические факторы. Другой особенностью европейской методологии и концептуальных исследований является изучение влияния религии на интеграцию мигрантов, поскольку доля мигрантов-мусульман в Европе значительно выше, чем в тех же США и других странах [1].

Исследователи трудовой миграции выделяют три группы факторов:

– *во-первых*, «притягивающие факторы» – дефицит трудовых ресурсов, более высокий уровень оплаты труда, наличие открытых вакансий в различных нишах экономики в условиях изменения демографической ситуации и потребностей рынка труда в странах приема мигрантов;

– *во-вторых*, «выталкивающие факторы» – перенаселение, избыток трудовых ресурсов, безработица, различные кризисы в странах – донорах рабочей силы;

– в-третьих, «отталкивающие факторы» – факторы внутри страны-реципиента, делающие ее непривлекательной для уже прибывших мигрантов. К «отталкивающим» факторам можно отнести: негативное отношение населения к представителям другой национальности, расы, культуры; неблагоприятную экономическую ситуацию (экономический спад, высокий уровень безработицы и т. д.); сложную и длительную процедуру получения визы и разрешения на работу; ограничения на въезд членов семей трудовых мигрантов и создание некомфортной обстановки для их пребывания в стране (невозможность получить разрешение на работу второму супругу, высокая стоимость обучения детей и т. д.); необходимость подтверждения квалификации; требование частой перерегистрации (напр., обновлять визу ежегодно) [3].

Методологические основы и источники данных

Цель настоящей статьи – выявление трендов и подходов к регулированию трудовой миграции в двух странах-донорах рабочей силы. Объектом исследования являются потоки трудовых мигрантов из Монголии и Узбекистана за границу. Предмет исследования – факторы, социально-демографическая структура, географические особенности, а также инструменты регулирования трудовой миграции за границу в Монголии и Узбекистане.

В статье использовался системный подход к анализу количественных и качественных характеристик потоков трудовых мигрантов из двух стран-доноров – Монголии и Узбекистана – на основе доступных данных статистики стран происхождения и приема трудовых мигрантов, а также анализа нормативно-законодательных документов о регулировании трудовой миграции.

Эмпирической базой для анализа послужили данные национальных статистических служб Монголии и Узбекистана, международных организаций системы ООН (Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА), Международной организации по миграции (МОМ), Международной организации труда (МОТ)), Всемирного банка, а также некоторые юридические документы, регулирующие миграцию в Монголии и Узбекистане, документы (международные конвенции) МОТ.

Трудовая миграция из Монголии: тренды и подходы к регулированию

Имеющийся спектр исследований по трудовой миграции в Монголии представлен трудами российских, монгольских и корейских исследователей, а также ученых из Западной Европы, Китая, Японии, США [4]. Внимание монгольских исследователей привлекали в основном этнокультурные и диаспоральные аспекты миграционных процессов. Основной задачей таких исследований становится выявление факторов формирования культуры межэтнических отношений между принимающим обществом и мигрантами, изучение региональной специфики, самоорганизации монгольских диаспор и их институционализации в некоторых странах Азии, Европы и Америки [5].

Социологические исследования по изучению международной миграции из Монголии были выполнены Б. Баттур [6], А. Солонгоо [7] и др. На основе интервью и анкетирования монгольских мигрантов, проживающих в Южной Корее, авторы выявили основные причины, а также положительные и отрицательные последствия миграции. Экономические факторы трудовой миграции рассмотрены в диссертации монгольского исследователя Н. Батмагнай [8]. В качестве выталкивающих факторов в работе названы социально-экономическая ситуация в Монголии (безработица,

низкий уровень дохода, инфляция). Среди притягивающих факторов выделяются высокий уровень развития экономики Южной Кореи и реализуемая страной миграционная политика, направленная на привлечение трудовых ресурсов из-за рубежа.

Вопросы трудовой миграции из Монголии в период пандемии были исследованы в работах И. В. Имидеевой, Н. Нандинцэцэг, В. А. Медведь [9], Д. Бумдарь [4]. Данный вопрос наиболее подробно и системно исследован в работе И. Г. Актамова и Ю. Г. Григоровой, которые отметили, что «на миграционные волны в том числе влияют зоны турбулентности, связанные как с природными явлениями («дзуд» – бескормица, которая приводит к массовому падежу скота), так и с политическими кризисами, подталкивающими молодежь к поиску стабильного источника дохода, который не зависит от изменения политической конъюнктуры» [10].

Сравнительный анализ миграционных потоков из Монголии в Южную Корею, США, ЕС, Японию представлен в работе Ц. Долгорсурэн [11]. В данном исследовании показано, что на современном этапе Южная Корея является более привлекательной страной для иммиграции, в первую очередь трудовой, чем прочие рассмотренные направления. Особый вклад в изучение монгольской миграции в Южную Корею внесли исследователи из Монголии, проживающие или получившие образование в этой стране. Значительная часть их работ посвящена трудовой, образовательной и брачной миграции монголов в Южную Корею [10]. Монгольская миграция также стала объектом исследования для южнокорейских ученых. Однако их исследования либо проведены совместно с монгольскими коллегами, либо изучены в комплексе общей миграционной ситуации в Республике Корея. Можно выделить работы Ким Юнг Хи [12], Ли Гю Ён [13], Ю Кил Сан [14], Пак Ён Бом [15].

В настоящее время основной поток трудовых мигрантов из Монголии направлен в Южную Корею, Японию, США, европейские страны. Южная Корея стала весьма популярным направлением трудовой миграции граждан Монголии. Согласно данным статистического управления Южной Кореи, мигранты из Монголии составляют около 2% (около 30 тыс. человек) от 1,5 млн трудовых мигрантов в Южной Корее¹.

Главным образом монгольская трудовая миграция происходит в организованной форме на основе двусторонних соглашений между Республикой Корея и Монголией. Доля виз категории «Е-9. Неквалифицированный труд» для монгольских граждан составляла в Южной Корее около 13%.

Несмотря на усилия правительства Республики Корея в области миграционного контроля, в стране существует большая проблема в области незаконной миграции. Граждане Монголии составляют около 4,5 % (четвертое место) от общего числа недокументированных мигрантов на территории Южной Кореи (табл. 1).

Таблица 2.

Численность недокументированных мигрантов по странам происхождения в Республике Корея в 2018–2019 гг.

Страны	2018	% от общего числа	2019	% от общего числа
Таиланд	138 591	39,0	152 439	39,1
Китай	71 070	20,0	70 536	18,1
Вьетнам	45 056	11,8	58 686	15,0
Монголия	15 919	4,5	17 510	4,5

¹ International Migration Statistics // Statistics Korea. Korea's official national statistical organization [site]. URL: <http://kostat.go.kr/portal/eng/pressReleases/8/5/index.board> (accessed on: 02.10.2021).

Страны	2018	% от общего числа	2019	% от общего числа
Филиппины	13 020	3,7	13 095	3,4
Россия	10 906	3,1	12 090	3,1
Казахстан	11 413	3,2	11 092	2,8
Индонезия	8 110	2,3	8 460	2,2
Узбекистан	6 162	1,7	7 317	1,8
Камбоджа	5 897	1,7	6 099	1,6
Шри-Ланка	5 100	1,4		
Другие страны	26 882	7	33 137	8,4
Всего	355 126	100,0	390 281	100,0

Источник: [10]

В период пандемии COVID-19 с 29 апреля 2020 г. в Монголии вступил в силу единовременный закон о борьбе с распространением инфекционной болезни и снижении ее негативного социально-экономического воздействия², действие которого продлевается Парламентом Монголии один раз в шесть месяцев включительно по 31 декабря 2021 г. Согласно этому закону, с осени 2020 г. до апреля 2021 г. действовал режим карантина и закрытых границ. Все это время Правительство Монголии предпринимало ряд мер по возвращению своих граждан на родину. Так, на 5 июля 2021 г. более 40 000 монгольских граждан вернулись в страну, оставив за границей работу, учебу, лечение, места жительства и др.

В Монголии было принято несколько нормативных правовых актов о регулировании трудовой миграции: Правила отправки рабочей силы за границу и приема рабочей силы из-за границы (1994 г.), Правила наделения полномочиями агентств и физических лиц, занятых в сфере экспорта рабочей силы (1995 г.)³, Закон о направлении рабочей силы за границу и приеме рабочей силы и специалистов из-за границы (2001 г.)⁴. Принятие данных документов увеличило количество трудовых мигрантов, прибывших через официальные каналы. Однако число людей, покидающих страну через неофициальные каналы, то есть, частных посредников или «на свой страх и риск», не уменьшается. Это доказывает усиление миграционной активности монгольского населения. Исследования показывают, что около 55% трудовых эмигрантов из Монголии являются молодыми людьми в возрасте от 20 до 35 лет [9].

Для Монголии в последние годы трудовая миграция стала приоритетным направлением национальной повестки дня. Правительство делает большие шаги для организации легальной трудовой миграции с целью ускорения социально-экономического развития страны. Это стремление основано на проверенном тезисе, что трудовая миграция при надлежащем управлении приводит к росту занятости и дохо-

² Коронавируст халдвар/ковид19/-ын цар тахлаас урьдчилан сэргийлэх, тэмцэх, нийгэм, эдийн засагт үзүүлэх сөрөг нөлөөллийг бууруулах тухай // Legalinfo.mn. Объединенная система правовой информации. 03.12.2020. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/15752> (дата обращения:02.10.2021). (На монгол.)

³ Постановление правительства об утверждении положений «Отправка за границу и ввоз из-за границы рабочей силы» [Засгийн газрын тогтоол журам батлах тухай /Ажиллах хүч гадаад оронд гаргах, гадаад орноос авах /] // Legalinfo.mn. Объединенная система правовой информации. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/2565/2/201777> (дата обращения:02.10.2021). (На монгол.)

⁴ Закон «О рабочей силе, иностранной рабочей силе и подборе специалистов» [Хуулийг ажиллах хүч гадаадад гаргах, гадаадаас ажиллах хүч, мэргэжилтэн авах тухай] // Legalinfo.mn. Объединенная система правовой информации. 12.04.2001. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/35> (дата обращения:02.10.2021). (На монгол.)

дов семей, повышению уровня квалификации рабочей силы, снижению давления на рынке труда и социальной напряженности.

Министерство труда и социальной защиты Монголии подготовило новую редакцию закона о трудовой миграции⁵. В рабочую группу по разработке закона вошли ученые, эксперты, представители министерств, неправительственных организаций. В законопроекте учитывался позитивный опыт управления трудовой миграцией в таких странах, как Филиппины, Южная Корея, Вьетнам и Япония.

Законопроект включает следующие новые положения:

– *во-первых*, подробно регламентированы отношения предоставления услуг по трудоустройству граждан Монголии для трудоустройства за рубежом. В соответствии с Конвенцией № 181 МОТ о частных службах занятости⁶ и другими соответствующими конвенциями отражается правовая основа для посреднической деятельности, и владелец лицензии привлекается к ответственности. Лицензия выдается юридическому лицу, обладающему финансовыми и кадровыми возможностями;

– *во-вторых*, включен вопрос о предотвращении нарушения интересов медиатора, уменьшении ущерба и компенсации. Были приняты меры для проектов и программ по поддержке переселения монголов, работающих за границей;

– *в-третьих*, прописана общая сумма брокерского вознаграждения, которая не должна превышать месячную заработную плату брокера по месту работы, а большая часть брокерских расходов ложится на работодателя.

Кроме того, в стране функционируют законы, в которых рассматриваются вопросы внешней трудовой миграции: Закон о содействии занятости, Закон о труде и Закон о правовом статусе иностранных граждан. Пока в Монголии остается до конца не решенной проблема лицензирования посредников или организаций, которые нанимают иностранных рабочих⁷.

Существует нехватка статистических данных о внешней трудовой миграции из Монголии. Имеющаяся статистика не позволяет в полной мере анализировать миграционные потоки в их временной динамике, социально-демографической структуре, пространственной дифференциации. Необходимо создать систему для сбора информации о внешней трудовой миграции, в частности, для сбора подробной информации о целях и задачах внешней трудовой миграции, условиях труда и проживания мигрантов, их проблемах и трудностях, последствиях миграции. Эти данные необходимы для анализа и разработки мер миграционной политики.

Следует также отметить важность изучения вопросов возвратной миграции в Монголию. Поскольку адаптация и реинтеграция вернувшихся на родину мигрантов представляет собой длительный и сложный процесс. Учитывая масштабы миграции из Монголии, следует ожидать и роста потоков возвратной миграции. Это явление

⁵ Запрашиваются комментарии к законопроекту о трудовой миграции [Ажиллах хүчний шилжилт хөдөлгөөний тухай хуулийн төсөлд санал авч байна] // Министерство труда и социальной защиты Монголии [Хөдөлмөр, нийгмийн хамгааллын яам]. 09.11.2020. URL: <https://mlsp.gov.mn/content/detail/896> (дата обращения: 02.10.2021). (На монгол.)

⁶ Конвенция МОТ № 181 о частных агентствах занятости. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---cd_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c181_ru.htm (дата обращения: 02.10.2021).

⁷ Мунх-Оргил Ц. Закон о трудовой миграции может стать законом, регулирующим лицензирование [Ц.Мөнх-Оргил: Ажиллах хүчний шилжилт хөдөлгөөний тухай хууль нь тусгай зөвшөөрөл олголтгь зохицуулдаг хууль болох вий] // Ikon News. Монгольский информационный сайт. 22.12.2020. URL: <https://ikon.mn/n/22tk> (дата обращения: 02.10.2021). (На монгол.)

следует рассматривать как позитивный момент для страны и ее социально-экономического развития, поскольку мигранты будут возвращаться на родину, приобретая за границей новые знания и опыт, а также скопив некоторые материальные ресурсы.

Трудовая миграция из Узбекистана: тренды и подходы к регулированию

Трудовая миграция является важным фактором экономического развития Узбекистана. Страна обладает мощным демографическим потенциалом, имеет многочисленное население – около 35 млн человек. На протяжении последнего десятилетия страна является крупнейшим донором трудовых мигрантов на постсоветском пространстве. Основной поток трудовых мигрантов из Узбекистана направляется в Российскую Федерацию, Казахстан, Турцию, Южную Корею, страны Ближнего Востока. По данным узбекистанской статистики, за рубежом работает 2,5 млн граждан Узбекистана, в том числе примерно 1,5 млн – в Российской Федерации. Согласно официальным данным российской статистики, основанной на выдаче разрешительных документов (патентов и разрешений на работу), в Российской Федерации до пандемии COVID-19 в 2019 г. были зарегистрированы 1 041 тыс. граждан Республики Узбекистан (табл. 2).

Таблица 2.

Численность мигрантов из Республики Узбекистан в Российской Федерации в 2021 г., человек

Виды мигрантов	Человек
Количество зарегистрированных по месту пребывания	4 902 805
в том числе зарегистрированные с целью работы	4 519 618
Число разрешений на временное проживание	32 375
Число действующих видов на жительство	80 583
Принято решений о гражданстве	31 867
Выдано патентов	1 149 731
Получено уведомлений о заключении трудового договора	627 661

Источник: Данные МВД России⁸

В течение постсоветского периода Узбекистаном было принято множество качественно новых правовых документов, которые, как ожидается, помогут урегулировать и облегчить трудности, с которыми сталкиваются узбекские мигранты, работающие или планирующие работать за рубежом. Новые меры направлены в том числе на покрытие дорожных расходов и содействие получению мигрантами разрешений, страховок, пенсий или ссуд, а также на обеспечение защиты трудовых прав мигрантов после их отъезда [11].

Отметим современные направления миграционной политики Узбекистана.

Во-первых, поддержка узбекских граждан за рубежом. На агентство по миграции возложена ответственность за открытие представительств в странах назначения и аккредитацию компаний в целях набора узбекских трудовых мигрантов. Планируется открытие зарубежных представительств в Стамбуле, Дубае и четырех городах

⁸ Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 г. с распределением по странам и регионам // Министерство внутренних дел Российской Федерации [сайт]. 25.01.2022. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/28104344/> (дата обращения: 25.01.2022).

России – Екатеринбург, Новосибирске, Волгограде и Пятигорске. Эти региональные представительства уполномочены напрямую заключать контракты с иностранными работодателями и впоследствии направлять граждан за рубеж, сотрудничать с организациями диаспоры за рубежом и привлекать средства технической помощи и гранты от международных финансовых институтов и организаций для развития организованной трудовой миграции.

Во-вторых, организация найма трудовых мигрантов в Узбекистане. Правительство разрешило частным агентствам занятости предоставлять услуги по трудоустройству узбекским гражданам за рубежом. Регулирование деятельности всех агентств занятости закреплено в Законе о частных агентствах занятости⁹. Министерством занятости и трудовых отношений Узбекистана предусматривается заключение соглашений о взаимном сотрудничестве между частными агентствами и иностранными работодателями или партнерами, в соответствии с которыми такие гарантии будут определены как необходимое предварительное условие найма.

В-третьих, дополнительная законодательная поддержка в сфере трудовой миграции. Законодательство включает различные меры, направленные на повышение количества и облегчение выезда узбекских граждан за рубеж, обеспечение краткосрочных потребностей с целью стимулирования долгосрочного роста, в том числе: возмещение транспортных и других затрат, понесенных трудовыми мигрантами, финансовую помощь при оформлении необходимых документов, а также предоставление кредитов, микрозаймов и субсидий для страхования жизни и здоровья мигрантов. Дальнейшие положения касаются организации краткосрочных тренингов по миграционному и трудовому законодательству, оказание помощи возвращающимся трудовым мигрантам в других вопросах и обеспечение жилищных условий для нуждающихся семей мигрантов¹⁰.

В-четвертых, подписание межгосударственных соглашений. Узбекистан активно подписывает двусторонние и межправительственные соглашения со странами, принимающими большое количество трудовых мигрантов, внедряя организованные формы сотрудничества и предоставляя поддержку узбекским гражданам. 30 ноября 2020 г. состоялось официальное открытие представительства Российского университета дружбы народов (РУДН) в столице Узбекистана Ташкенте¹¹. На РУДН в Узбекистане возложена реализация совместных проектов с Министерством занятости и трудовых отношений Узбекистана по следующим направлениям: обучение методике преподавания русского языка и проведение курсов повышения квалификации учителей-русистов; проведение предвыездной подготовки для граждан Республики Узбекистан, желающих осуществлять трудовую деятельность в РФ; подготовка и проведение экзаменов по русскому языку в соответствии с требованиями российского законодательства о найме иностранной рабочей силы. В апреле 2019 г. Президент

⁹ Закон Республики Узбекистан «О частных агентствах занятости» // Lex Uz Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/3992894> (дата обращения: 02.10.2021).

¹⁰ Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по защите прав и законных интересов граждан Республики Узбекистан, осуществляющих временную трудовую деятельность за рубежом» // Lex Uz Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/4486615> (дата обращения: 02.11.2021).

¹¹ Торжественное открытие Представительства РУДН в Республике Узбекистан // Российский университет дружбы народов [сайт]. 30.11.2020. URL: <https://www.dpo.rudn.ru/news/torzhestvennoe-otkrytie-predstavitelstva-rudn-v-respublike-uzbekistan/> (дата обращения: 02.11.2021).

Республики Казахстан посетил Республику Узбекистан с государственным визитом для подписания двустороннего соглашения о защите трудовых прав граждан Казахстана, работающих в Узбекистане, и такими же условиями для граждан Узбекистана, работающих в Казахстане¹². 25 февраля 2020 г. между Республикой Узбекистан, Республикой Корея и Финансовой корпорацией «Probest» был подписан Меморандум о сотрудничестве для создания благоприятных условий и обеспечения безопасного и здорового пребывания граждан, осуществляющих трудовую деятельность, а также студентов и учащихся на территории Южной Кореи¹³.

В-пятых, повышение информированности о рынке труда и улучшение навыков. Правительство запустило онлайн-базу данных LaborMigration.uz, в которой содержится полная информация для мигрантов в стране будущего трудоустройства, освещаются правовые аспекты заключения трудовых договоров с иностранными работодателями и меры финансовой поддержки, предусмотренные законодательством. Зарегистрированные трудовые мигранты, оказавшиеся в сложной ситуации за рубежом, также могут воспользоваться порталом LaborMigration.uz¹⁴ для обращения за помощью в Агентство по трудовой миграции. На момент написания публикации в базе данных было зарегистрировано более 230 тыс. человек, при этом оказываемые услуги охватывали в общей сложности 182 857 случаев.

Одним из наиболее значительных шагов, предпринятых правительством Республики Узбекистан, стало развитие системы безопасной, упорядоченной и легальной трудовой миграции. В данном направлении осуществляются следующие меры.

1. Реализация плана мероприятий по налаживанию обязательного профессионального образования и обучения иностранным языкам граждан, выезжающих за рубеж в целях трудоустройства. В планах значится и расширение практики страхования жизни и здоровья трудовых мигрантов, обеспечение реинтеграции лиц, вернувшихся из трудовой миграции, а также обеспечение занятости, профессионального развития и создание благоприятных условий для ведения предпринимательской деятельности.

2. Для обеспечения оперативного распространения информации в сфере внешней трудовой миграции были запущены официальные информационные каналы Агентства по внешней трудовой миграции в режиме онлайн через социальные сети (Telegram, Facebook).

3. С 1 января 2021 г. осуществление временной трудовой деятельности за рубежом посредством организованной трудовой миграции приравнивается к видам деятельности самозанятых лиц. Еще одна инициатива, основанная на Статье 369 На-

¹² О подписании Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Республики Узбекистан о трудовой деятельности и защите прав трудящихся-мигрантов, являющихся гражданами Республики Казахстан, в Республике Узбекистан и трудящихся-мигрантов, являющихся гражданами Республики Узбекистан, в Республике Казахстан // Эділет. Информационно-правовая система. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000197> (дата обращения: 02.11.2021).

¹³ Подписан меморандум о сотрудничестве // Министерство занятости и трудовых отношений Республики Узбекистан [сайт]. 25.02.2020. URL: <https://mehnat.uz/ru/news/podpisan-memorandum-ot-sotrudnichestve> (дата обращения: 02.11.2021).

¹⁴ Агентство по внешней трудовой миграции Республики Узбекистан [сайт]. URL: <https://labormigration.uz/> (дата обращения: 02.11.2021).

логового кодекса, освобождает самозанятых лиц от подоходного налога – они могут (добровольно) платить социальный взнос в национальный Пенсионный фонд¹⁵.

4. Были инициированы планы по запуску колл-центра через онлайн-платформу на территории России для оказания юридической помощи мигрантам.

5. Мигранты, которые возвращаются из-за рубежа и регистрируются в единой базе данных, описанной выше, имеют право на субсидию в размере 2,2 млн сум (около 175 евро), предназначенных для оплаты первых трех месяцев аренды коммерческого помещения (с даты регистрации в качестве индивидуального предпринимателя).

В апреле 2017 г. было подписано межправительственное соглашение об организованном наборе и привлечении рабочей силы между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан, призванное обеспечить российских работодателей трудовыми ресурсами, отвечающими необходимым требованиям, а также защитить права и законные интересы трудящихся-мигрантов. Во время пандемии COVID-19 началась реальная проработка механизма организованного набора. 23 апреля 2021 г. был утвержден Алгоритм действий по привлечению в экономику Российской Федерации иностранных граждан, который в сочетании с межгосударственным соглашением с Республикой Узбекистан по сути сформировал реальный механизм и предоставил возможность крупным российским работодателям (среднесписочная численность работников более 250 человек, а доход более 2 млрд рублей) для организованного ввоза рабочей силы в Россию [16].

Заключение

Сравнительное исследование трудовой эмиграции в Монголии и Республике Узбекистан позволило выявить факторы, способствующие развитию трудовой эмиграции, в том числе демографические, социально-политические и экономические. Монголия и Узбекистан имеют сходные социально-экономические и демографические условия развития. Они находятся примерно на одном и том же этапе демографического перехода, имеют достаточно молодую возрастную структуру населения, являются трудоизбыточными странами, готовы экспортировать трудовые ресурсы за границу.

Эти факторы делают их активными миграционными донорами. Значительное число трудовых мигрантов, включая молодых людей, ищет возможности трудоустройства за границей. Главным образом мигранты ориентируются на более развитые соседние страны: узбекистанцы – на Российскую Федерацию, монголы – на Республику Корея.

Учитывая значимость трудовой миграции в социально-экономическом развитии обеих стран, со стороны правительств отмечаются достаточно активные шаги в направлении придания процессам трудовой эмиграции организованного и документированного характера. Власти Республики Узбекистан содействуют открытию странами приема центров предвыездной подготовки, заключают межправительственные соглашения об организованном наборе рабочей силы с ключевыми странами приема. Власти Монголии в большей степени концентрируются на организационно-правовых вопросах приведения трудовой миграции в документированное русло. В обеих странах сложился подход к пониманию трудовой миграции как фактора устойчивого

¹⁵ К трудовым мигрантам будет применяться порядок исчисления пенсии, установленный для самозанятых // Kun.uz. Новостной сайт. 16.09.2020. URL: <https://kun.uz/ru/35567982> (дата обращения: 02.11.2021).

развития общества и государства. В этой связи миграционная политика Монголии и Узбекистана выстраивается вокруг поиска решений оптимального регулирования трудовой миграции в интересах национального развития.

Список литературы

1. Миграционные процессы в Евросоюзе: современные проблемы и вызовы / Под ред. О. Е. Трофимовой. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. – 211 с. ISBN: 978-5-9535-0562-8. DOI: <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0562-8>.
2. Gurieva L. K., Dzhioev, A. V. Economic Theories of Labor Migration. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6. No. 6 S7. Pp. 101–109. DOI: <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n6s7p101>.
3. Ломовцева Е. Г. Факторы трудовой миграции как основа создания механизма регулирования процесса миграции // Научные труды VIII отчетной конференции молодых ученых ГОУ ВПО УГТУ-УПИ: сборник статей: в 2-х частях. – Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2005. – Часть 1. – С. 506–508. URL: <http://hdl.handle.net/10995/86765>.
4. Бумдарь Д. Оценка влияния COVID-19 на внутримонгольскую и международную миграцию [Монгол ба олон улсын шилжилт хөдөлгөөнд Ковид-19-ийн нөлөө тойм судалгаа] // Новое отражение [Шинэ толь]. 2020. № 81. – Электронное издание. – URL: <https://academy.edu.mn/content/covid19-survey-bumdari/> (На монгол.)
5. Миграции и диаспоры в монгольском мире: стратегии и практики транскультурного взаимодействия: кол. монография. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. – 414 с. ISBN: 978-5-7925-0502-5.
6. Battur B. Export of Mongolia's Labor Force to South Korea: Impact and Consequences for Domestic Policy. PhD thesis. Seoul: Seoul National University, 2016. 83 p.
7. Alгаа S. Impact of Out-Migration to Korea: Macro- and Micro-Level Consequences in Mongolia. *OMNES: The Journal of Multicultural Society*. 2013. Vol. 4. No. 1. Pp. 32–75. DOI: <https://doi.org/10.15685/omnes.2013.07.4.1.32>.
8. Batmagnai N. Underlying Causes of International Migration Case of Mongolian Migrants in Korea. PhD thesis. Seoul, 2015. 91 p.
9. Имидеева И. В., Болдбаатар Н., Медведь В. А. Трудовая миграция в Монголии в период пандемии COVID-19 // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2020. № 3. С. 122–133. DOI: <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-11>.
10. Актамов И. Г., Григорьева Ю. Г. Монгольская трудовая миграция в Республику Корея в новейший исторический период: вынужденная мобильность и социальное событие // Научный диалог. 2021. № 7. С. 359–380. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-7-359-380>.
11. Dalgorsuren Ts. The Major Determinant Factors of Labor Migration Flow to South Korea from Mongolia. Master's thesis. Seoul: Sungkyunkwan University, 2016. 74 p.
12. Kim N. H.-J. Korean Immigration Policy Changes and the Political Liberals' Dilemma. *The International Migration Review*. 2008. Vol. 42. No. 3. Pp. 576–96. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2008.00138.x>.
13. Lee K. Y. Changes in Policies for Migrant Workers. Seoul, 2017. 38 p.
14. Yoo K. S. Immigration and Labor Market. Issues in Korea. Workshop on International Migration and Labor Markets in Asia. Seoul, 2001. 35 p. URL: <https://www.kli.re.kr/downloadBbsFile.do?atchmfnl-No=9832>.
15. Migration Issues in the Asia Pacific / Brownlee P., Mitchell C. (Eds.) Asia Pacific Migration Research Network: Working Papers Series, 1. Wollongong: APMRN Secretariat Centre for Multicultural Studies, University of Wollongong, 1997. 174 p. ISSN: 1328-2530. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000115931>.
16. Рязанцев С. В. и др. Оценка потребности работодателей в иностранной рабочей силе в ключевых регионах Российской Федерации. – Москва: Международная организация по миграции, 2021. – 110 с. URL: https://moscow.iom.int/sites/default/files/research_ryazantsev_russia_2021.pdf.

Сведения об авторах:

Тувшинтугс Адъяа, доктор наук, профессор, старший научный сотрудник Института глобальных экономических исследований Финансово-экономического университета, Улан-Батор, Монголия.

Контактная информация: e-mail: tuvshintogs.a@ufe.edu.mn; ORCID ID: 0000-0002-2127-7055..

Имидеева Ирина Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, руководитель по Евразийскому сотрудничеству Финансово-Экономического университета, Улан-Батор, Монголия.

Контактная информация: e-mail: imideevaiv@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-6248-7758.

Пурэвзул Пурэвсүрэн, специалист департамента по исследованиям и докторантуре Финансово-Экономического университета, Улан-Батор, Монголия.

Контактная информация: e-mail: purevzul.p@ufe.edu.mn; ORCID ID: 0000-0002-6146-981X.

Рязанцев Никита Сергеевич, студент факультета международных отношений МГИМО МИД России, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ryazantsev080700@ya.ru; ORCID ID: 0000-0001-6835-310X; PИНЦ Author ID: 1032293.

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена при поддержке Совета Президента РФ по поддержке ведущих научных школ Российской Федерации (грант № НШ-53.2022.2).

Статья поступила в редакцию 13.12.2021; принята в печать 14.02.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

LABOR MIGRATION FROM MONGOLIA AND UZBEKISTAN: NEW TRENDS AND APPROACHES TO REGULATION

Adiya Tuvshintugs

University of Finance and Economics, Ulaanbaatar, Mongolia

E-mail: tuvshintogs.a@ufe.edu.mn

Irina V. Imideeva

University of Finance and Economics, Ulaanbaatar, Mongolia

E-mail: imideevaiv@mail.ru

Purevsuren Purevzul

University of Finance and Economics, Ulaanbaatar, Mongolia

E-mail: purevzul.p@ufe.edu.mn

Nikita S. Ryazantsev

MGIMO University, Moscow, Russia

E-mail: ryazantsev080700@ya.ru

For citation: Adiya Tuvshintugs, Irina V. Imideeva, Purevsuren Purevzul, Nikita S. Ryazantsev. Labor Migration from Mongolia and Uzbekistan: New Trends and Approaches to Regulation. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2. No. 1. Pp. 55–68. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.5>

Abstract. The article discusses trends and approaches to the regulation of labor migration in two countries of Eurasia – the Republic of Uzbekistan and Mongolia – in a comparative aspect. The research highlights factors contributing to the development of labor emigration from the states, including demographic, socio-political and economic factors. Mongolia and Uzbekistan have similar socio-economic and demographic development conditions. They are at approximately the same stage of the demographic transition, have a fairly young population age structure, are labor-surplus countries, and are ready to export labor resources abroad. These factors make them active migratory donors. A significant number of labor migrants including young people are looking for employment opportunities abroad. Migrants are mostly heading for more developed neighboring countries: Uzbeks go to the Russian Federation, and Mongols – to the Republic of Korea. Given the importance of labor migration in the socio-economic development of both countries, on the part of the governments there are quite active steps towards giving the processes of labor emigration an organized and documented character. The authorities of the Republic of Uzbekistan facilitate the opening of pre-departure training centers by receiving countries, conclude intergovernmental agreements on organized labor recruitment in key destination states. The Mongolian authorities are more focused on the organizational and legal issues of bringing labor migration

into a documented channel. Both countries have developed an approach to understanding labor migration as a factor in the sustainable development of society and the state. In this regard, the migration policy of Mongolia and Uzbekistan is built around finding solutions for the optimal regulation of labor migration in the interests of national development.

Keywords: labor migration, Mongolia, Uzbekistan, socio-demographic structure, regulation of labor migration.

References

1. Migration Processes in European Union: Problems and Challenges / O. Trofimova, ed. – Moscow, IMEMO, 2019. 211 p. ISBN 978-5-9535-0562-8. DOI: <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0562-8>. (In Russ.)
2. Gurieva L. K., Dzhioev, A. V. Economic Theories of Labor Migration. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6. No. 6 S7. Pp. 101–109. DOI: <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n6s7p101>.
3. Lomovtseva E. G. Faktory trudovoy migratsii kak osnova sozdaniya mekhanizma regulirovaniya protsessa migratsii [Factors of labor migration as the basis for creating a mechanism for regulating the migration process]. VIII Reporting Conference of Young Scientists of the State Educational Institution of Higher Professional Education USTU-UPI: Conference Proceedings: in 2 vols. Ekaterinburg: GOU VPO USTU-UPI, 2005. Vol. 1. Pp. 506–508. URL: <http://hdl.handle.net/10995/86765>. (In Russ.)
4. Bumdar D. An overview of the impact of Covid-19 on Mongolian and international migration [Монгол ба олон улсын шилжилт хөдөлгөөнд Ковид-19-ийн нөлөө тойм судалгаа]. *New mirror* [Шинэ толь]. 2020. No. 81. Electronic publication. URL: <https://academy.edu.mn/content/covid19-survey-bumdari/> (In Mongol.)
5. Migratsii i diasporas v mongol'skom mire: strategii i praktiki transkul'turnogo vzaimodeystviya [Migrations and Diasporas in the Mongolian World: Strategies and Practices of Transcultural Interaction]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2017. 414 p. ISBN: 978-5-7925-0502-5. (In Russ.)
6. Battur B. Export of Mongolia's Labor Force to South Korea: Impact and Consequences for Domestic Policy. PhD thesis. Seoul: Seoul National University, 2016. 83 p.
7. Alгаа S. Impact of Out-Migration to Korea: Macro- and Micro-Level Consequences in Mongolia. *OMNES: The Journal of Multicultural Society*. 2013. Vol. 4. No. 1. Pp. 32–75. DOI: <https://doi.org/10.15685/omnes.2013.07.4.1.32>.
8. Batmagnai N. Underlying Causes of International Migration Case of Mongolian Migrants in Korea. PhD thesis. Seoul, 2015. 91 p.
9. Imideeva I. V., Boldbaatar N., Medved V. A. Labor Migration in Mongolia during the COVID-19 Pandemic. *Scientific Review. Series 1. Economics and Law*. 2020. No. 3. Pp. 122–133. DOI: <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-11>.
10. Aktamov I. G., Grigorieva Yu. G. Mongolian Labor Migration to Republic of Korea in Recent Historical Period: Forced Mobility and Social Event. *Nauchnyi Dialog*. 2021. No. 7. Pp. 359–380. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-7-359-380>.
11. Dolgorsuren Ts. The Major Determinant Factors of Labor Migration Flow to South Korea from Mongolia. Master's thesis. Seoul: Sungkyunkwan University, 2016. 74 p.
12. Kim N. H.-J. Korean Immigration Policy Changes and the Political Liberals' Dilemma. *The International Migration Review*. 2008. Vol. 42. No. 3. Pp. 576–96. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2008.00138.x>.
13. Lee K. Y. Changes in Policies for Migrant Workers. Seoul, 2017. 38 p.
14. Yoo K. S. Immigration and Labor Market. Issues in Korea. Workshop on International Migration and Labor Markets in Asia. Seoul, 2001. 35 p. URL: <https://www.kli.re.kr/downloadBbsFile.do?atchmfnlNo=9832>.
15. Migration Issues in the Asia Pacific / Brownlee P, Mitchell C. (Eds.) Asia Pacific Migration Research Network: Working Papers Series, 1. Wollongong: APMRN Secretariat Centre for Multicultural Studies, University of Wollongong, 1997. 174 p. ISSN: 1328-2530. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000115931>.
16. Ryazantsev S. V. et al. Otsenka potrebnosti rabotodateley v inostrannoy rabochey sile v klyuchevykh regionakh Rossiyskoy Federatsii [Assessment of employers' needs for foreign labor in key regions of the Russian Federation]. Moscow: International Organization for Migration, 2021. 110 p. URL: https://moscow.iom.int/sites/default/files/research_ryazantsev_russia_2021.pdf. (In Russ.)

Bio note:

Adiya Tuvshintogs, PhD, Professor, Senior Researcher, Institute for Global Economic Research, University of Finance and Economics, Ulaanbaatar, Mongolia.

Contact information: e-mail: tuvshintogs.a@ufe.edu.mn; ORCID ID: 000-0002-2127-7055.

Irina V. Imideeva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head for Eurasian Cooperation, University of Finance and Economics, Ulaanbaatar, Mongolia.

Contact information: e-mail: imideevaiv@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-6248-7758.

Purevsuren Purevzul, Research and PhD Specialist, University of Finance and Economics, Ulaanbaatar, Mongolia.

Contact information: e-mail: purevzul.p@ufe.edu.mn; ORCID ID: 0000-0002-6146-981X.

Nikita S. Ryazantsev, student, Faculty of International Relations, MGIMO University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ryazantsev080700@ya.ru; ORCID ID: 0000-0001-6835-310X; RSCI Author ID: 1032293.

Acknowledgements and financing:

The article was prepared with the support from the Council of the President of the Russian Federation for the support of leading scientific schools of the Russian Federation (Grant No. NSh-53.2022.2).

Received on 13.12.2021; accepted for publication on 14.02.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

EMIGRATION FROM VIETNAM AND REMITTANCES MANAGEMENT

Nguyen Dac Hung

Hung Yen University of Technology and Education, Hung Yen, Vietnam

E-mail: ndhungsbv@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.6>

For citation: Nguyen Dac Hung. Emigration from Vietnam and Remittances Management. DEMIS. Demographic Research. 2022. Vol. 2. No. 1. Pp. 69–79. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.6>

Abstract. *The migration of Vietnamese people abroad to live and do business there is associated with the transfer of money back home to relatives and family members, which is commonly known as remittances. Over the past 100 years, Vietnam has witnessed many waves of population migration abroad with many different causes and conditions. As a result of Vietnamese migration abroad, remittances increased. Remittances make up a considerable part of Vietnam's GDP, and they are not only an important source of income for many families but also an important source of foreign currency capital to ensure the balance of payments. In general, remittances contribute significantly to promoting the economic and socio-economic growth of developing countries like Vietnam. In the context of the current trend of economic integration and globalization, the fact that Vietnamese people migrate abroad, live and do business there transferring money back home is a positive point for the country. Taking into account the important role of remittances, accurate identification of their sources is extremely important for appropriate management solutions. The article builds some general theoretical bases on migration and remittances, analyzes the major trends in Vietnamese migration abroad over the past 50 years, and clarifies the current situation with the money transfers from migrants. Also, the author makes some recommendations on managing migration on remittances.*

Keywords: *migration, remittances, Vietnam, labor export, economic integration, management, policy recommendations.*

Introduction

Vietnam is an emerging economy in Asia, which is now integrating into the world economic community. Currently, Vietnam is implementing 17 multilateral and bilateral agreements on economic cooperation with different organizations, countries, and territories. Therefore, more and more foreigners are coming to Vietnam to settle, work, study and do business in the country. On the other hand, there is a sharp increase in the number of Vietnamese people who go abroad to stay there short-term, medium-term, or long-term for different purposes, such as improving living standards, family reunification, working and doing business [1]. That is, becomes more and more Vietnamese who currently work, study or train overseas. The migration of foreigners to Vietnam, as well the migration of Vietnamese abroad promotes the development of Vietnam's labor market and helps the country to integrate quickly into the economy of the region and the world and attract foreign capital to invest into the national economy. Therefore, studying the relationship between migration and remittances is of great consequence today for developing, relevant policy recommendations.

Research methods

The article analyzes the relationship between Vietnamese migration abroad and migrant workers' remittances from a practical standpoint. To implement the goal of the research, the author uses qualitative research methods based on data collections and documents published by foreign and domestic organizations to synthesize, analyze, compare and evaluate the materials and make policy recommendations according to the research objectives. The research does not have conditions to use quantitative research

methods, build models or functions, design questionnaires, and conduct surveys or interviews.

Theoretical basis of the research

The concept of migration

International migration is the movement of people from one country to another. People migrate abroad for many reasons such as increasing employment opportunities or improving their quality of life. Migration affects the economies of the countries involved both in positive and negative ways, depending on the current state of the economies of the countries.

When people leave a country, that country's labor force and consumer spending also decrease. If a migrant-sending country has a surplus of the labor force, this can have a positive effect on reducing unemployment. On the other hand, host countries tend to benefit from more available workers. Migrant workers also contribute to the host countries' economies by spending money. Most countries strictly regulate the number of foreign migrants and create strict rules and protocols for migration [2].

The financial impact of migration

When people migrate to live and work in a foreign country, they pay taxes to this country based on their incomes and other factors. They also have to pay value-added taxes (VAT) when buying goods and services. Migrants may also be eligible for social services provided by that country, such as education for children, health care, and other services depending on the country. Each country should ensure that new tax revenues are matched with the additional costs of social services provided to migrants and their families [3].

The impact of migration on the job market and wages

When a large group of migrants enters the job market in their destination country, there is an effect on the number of jobs available and the salary one can ask for a particular job. The host country needs enough employment opportunities to support migration without sacrificing the opportunities of the local workforce to find a job. In addition, if migrants take certain job positions with a lower salary than local people do, it can lead to a reduction in wages for both migrants and permanent residents [4].

The impact of migration on remittances

Although there are many concepts of remittance, we would like to give two interpretations. According to the World Bank, "personal remittances comprise personal transfers and compensation of employees. Personal transfers consist of all current transfers in cash or in kind made or received by resident households to or from nonresident households. Compensation of employees refers to the income of border, seasonal, and other short-term workers who are employed in an economy where they are not resident"¹⁶. In the simplest terms, remittance is the movement of money from people living and working abroad to their relatives in their homeland. Thus, with both of the above concepts, it means that the money sent by individuals from abroad to family and relatives in the country are considered as remittances.

Migrants who move from emerging countries to advanced markets provide an important source of remittances for their relatives at home, improving the current living standards. Remittances are also an important source of capital for investment in the socio-

¹⁶ Personal remittances, paid (current US\$) / Metadata Glossary // The World Bank DataBank. URL: <https://databank.worldbank.org/metadataglossary/Jobs/series?search=remittance> (accessed on 19.11.2021).

economic development of the country. The cases of India, the Philippines, Nigeria, Vietnam, etc. clearly illustrate this trend. Moreover, migration also boosts the development of human capital in migrant-sending countries as migrants attract their children to study abroad in the developed countries where they reside [5].

Major waves of Vietnamese migration and sources of remittances

According to the above concept, in general, there have been three major waves of Vietnamese migrants who currently live abroad and remit money back through different channels as follows:

1. Past generations of Vietnamese people who migrated before 1945 and before 1975

Before 1945, quite many Vietnamese people migrated abroad, mainly to France and French colonies. Broadly speaking, they had three major reasons for migration: (1) travel for work; (2) staying overseas after service in the French Army; (3) staying abroad after studying in France. Besides, a part of Vietnamese people migrated to China, Laos, Cambodia, and Thailand to do business. Most of those who resettled before 1945 are already dead now.

Before 1975, many people also emigrated from the South of Vietnam to the US, France, Australia, and some other developed countries. There were generally three reasons for this wave of migration: (1) staying abroad for work after studying there; (2) going abroad to do business there; (3) other personal reasons. Likewise, the majority of pre-1975 emigrants are dead or very old by now [6].

Therefore, the above-mentioned migrant families are now mainly their descendants, most of whom are called 'overseas Vietnamese.' Most of these people were born and raised abroad, they studied there and have foreign citizenship, but the vast majority still has relatives in Vietnam. Since they have family relationships with people in Vietnam, they often send money back home to support their close ones. Some others send money to Vietnam for investment and business. However, the amount of money currently transferred by overseas Vietnamese to Vietnam for investment is not that considerable.

2. The current generation of overseas Vietnamese

By 1980, after two long wars, a large number of Vietnamese people strived for migrating abroad due to objective reasons. In South Vietnam, people continued to leave the country, often travelling by boat and crossing the borders illegally in a bid to reach the US and other developed countries.

During the period of the subsidized bureaucratic economy, from 1975 to 1990, especially in the late 1970s and in the 1980s, the flow of Vietnamese people going abroad continued to increase. There were many different channels for emigration, but the biggest ones were labor export cooperation and studying in the socialist (former socialist) countries, such as the former Soviet Union, the German Democratic Republic, the Czech Republic, Slovakia, Poland, Hungary, Bulgaria, etc. [7]. After graduation, some people returned home, while a large number of others stayed overseas to live, work or do business there. They gradually adapted to the business, legal, and cultural environment of the host countries, so many Vietnamese became large business owners by now.

These people are still regularly sending money back home, not only for the purpose of helping their relatives but for investment and asset movement. Currently, this business trend increases and becomes more prominent. However, such capital flow depends, on the one hand, on overseas Vietnamese's income and the state of business environment abroad, but on the other hand, on the policies and developments in the national markets of Vietnam. In 2002–2010, large sums of money from such overseas Vietnamese were transferred to

Vietnam to invest in big real estate projects, equitize SOEs, buy shares in commercial banks, public and joint-stock companies, invest in the commercial deposit market, etc.¹⁷

Also, after 1975, some Vietnamese continued to migrate to economically developed countries such as the US, Canada, UK, France, Germany, etc. in search of a better life [8]. Most of them have already naturalized overseas, but migrants of this type seek all ways to provide material support to their relatives in the country, including sending them money in order to support them and improve their living as well. However, remittances for the purpose of repatriating income, investing, saving, moving assets for resettlement or inheritance, or dividing assets among relatives in the country are quite rare.

In general, the post-1975 generation of overseas Vietnamese is in the age of retirement now. They are enjoying pensions and social benefits, but still sending money back to their relatives in their homeland. Most often they bring cash when visiting the country, but the amount of money they bring each time is not big. A small share of this generation is large business owners (like Mr. Pham Nhat Vuong, the Chairman of Vingroup JSC, or some shareholders of Masan, Techcombank, MSB, VIB, etc.) who invest in commercial projects in Vietnam. Another small share of overseas Vietnamese transfer money to buy houses, land, and properties to repatriate in old age, or divide inheritances among their children who are still in Vietnam. But this source of remittances is not large, and the number of people doing such transfers does not increase.

3. The new generation of overseas Vietnamese

The outflow of the Vietnamese population abroad continues, so there are many younger people currently living abroad. Some of them moved there as children with their parents and families. Many have already graduated, work hard and have a decent income, or effectively run businesses. They send remittances to help their relatives, but the sums are not big and the transfers are not regular. However, such younger overseas Vietnamese often do domestic investment. The amount of money they invest into the Vietnamese national economy depends on the interest rate policy, the state of the foreign currency market and the stock market, regulations on foreign exchange management, equitization processes, the development of real estate market, and tourist facilities, etc. in the country.

A lot of money is sent back home by overseas Vietnamese, but a certain amount is, on the contrary, transferred to foreign countries where they live in different ways when recovering investment capital, transferring income, withdrawing investment capital, etc. Foreign currency deposit interest rates in Vietnam are about 4–6% a year, but VND deposit interest rates are up to 9–16% a year, so many overseas Vietnamese remit their money to the country to deposit in banks. Commercial banks enjoy high interests due to the large difference compared to deposits at banks abroad.

4. Labor migrants

After the US lifted the embargo against Vietnam in 1993 and the country resumed normal relations with international monetary and financial institutions such as the International Monetary Fund (IMF), the World Bank (WB), the Asian Development Bank (ADB), etc. and started to implement the policy of renewal and open doors followed by integration and participation in international agreements and commitments, the number of Vietnamese going abroad for different purposes continued to increase, and the spatial differentiation of their migration flows largely expanded. The number of Vietnamese

¹⁷ Reports on foreign direct investment // Ministry of Planning and Investment of the Socialist Republic of Vietnam [site]. URL: <https://www.mpi.gov.vn/en/Pages/chuyenmuctin.aspx?idcm=122&hvb=0> (accessed on 25.10.2021).

working abroad has especially increased since Vietnam officially became a member of the World Trade Organization WTO in 2007. A big proportion of such people resides overseas.

Today more and more Vietnamese people go abroad to work or study. Many of them then stay in the host countries or resettle to other foreign countries. Those who work overseas are sometimes employed in big Vietnamese enterprises or joint venture companies. Others choose jobs depending on the developments in the job markets of the host countries or go freelance. Some people work for branches or representative offices of foreign enterprises in Vietnam, thus technically being employed abroad as well.

The number of labor migrants from Vietnam is constantly increasing. Thus, in 2008–2010 about 50,000–60,000 Vietnamese went to work abroad officially, and in 2013–2014 their number reached 70,000–80,000 people. In 2015, Vietnam sent more than 100,000 people to work abroad, exceeding the initial target by 15%. In 2016–2019, the number of Vietnamese employed in foreign countries reached an average of 130,000 people¹⁸. In reality, these numbers might be considerably higher, as self-employed, freelance, or undocumented workers cannot be accounted for.

Another important trend is that the employment structure of Vietnamese migrants is improving. More and more Vietnamese people are able to find a job in new labor markets with high and stable incomes. Similarly, Vietnamese who stay abroad after graduating there are also getting better and better job positions. On the other hand, remittances from overseas Vietnamese repatriating to the country are on the rise. To go abroad, most families have to take out a loan, so they have to transfer money back to pay the debt and also aid their families if they stay in the country. And migrants with higher incomes take part in investment promoting the country's economic development.

General quantitative assessment of remittances

Overall, up to now, Vietnam has about 4.5 million people living and working abroad, of whom about 3 million are considered overseas Vietnamese and mainly concentrated in developed countries with high per capita income. About 1.5 million Vietnamese are concentrated in the US, about 350,000 live in France, Canada hosts about 200,000, and 250,000 are settled in Australia; the rest are scattered throughout other countries around the world¹⁹.

Due to the combination of the above-mentioned factors, the overall amount of remittances transferred to Vietnam has increased continuously, from 44 million USD in 1997 to 1.75 billion USD in 2000, to more than 2.6 billion USD in 2003, and up to 4 billion USD in 2005 (equivalent to over 8% of Vietnam's GDP, and equal to the total registered foreign direct investment (FDI) that year). By the early 2000s, on average, an overseas Vietnamese sent home about 1,000 USD a year. These capital inflows had a great impact on the wealth of individuals receiving this money and even more importantly, on the country's socio-economic development in general.

Since then, the amount of remittances to Vietnam has continuously increased at a growing pace. By 2006, it increased by over 30% compared to 2005, reaching 5.2 billion USD, and in 2007, reached 6.7 billion USD accounting for nearly 10% of Vietnam's GDP.

¹⁸ Statistics [Số liệu thống kê] // Ministry of Labour, Invalids and Social Affairs of Vietnam [Bộ Lao động, Thương binh và Xã hội] [site]. URL: <http://thongke.molisa.gov.vn/> (accessed on 22.11.2021). (In Viet.)

¹⁹ International migrant stock 2019 // United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division [site]. URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates19.asp> (accessed on 28.09.2021).

Especially, it peaked at USD 8 billion in 2008. The amount of remittances in 2008 was 180 times larger than in 1991, an average annual increase of over 35%²⁰.

In 2009, the amount of remittances transferred to Vietnam decreased due to the world financial crisis, which originated in the US and then spread to a number of other countries. But by 2010, the amount of remittances repatriated to the country recovered again along with the recovery of the world economy, and the number of Vietnamese going abroad for work started to increase again. Therefore, in 2010, remittances exceeded expectations and reached a new record of nearly 8.2 billion USD. They amounted to 9.6 billion USD in 2011. In 2012, although the world economic growth slowed down and the EU countries suffered a public debt crisis, the amount of remittances to Vietnam was estimated to 11 billion USD and generally followed a rising trend ever since (11.2 billion USD in 2013; 12 billion USD in 2014; 14 billion USD in 2015; 15.4 billion USD in 2016; 14 billion USD in 2017; 18.9 billion USD in 2018; 16.7 billion USD in 2019; 17.2 billion USD in 2020)²¹.

However, these remittances do not have much impact on the economy. In fact, the vast majority of them are used by families of migrants for living needs, such as buying food and necessities, paying for their children's education and medical treatment, etc. Often remittances are used to pay off bank loans. Remittances for investment in production and business are not common, so they have not really promoted job creation and income improvement in Vietnam.

Policy analysis and recommendations

Migration policy of the Government of Vietnam

Over the years, the Government of Vietnam has not prohibited Vietnamese people from moving abroad if they travel in accordance with Vietnamese law, are accepted by the Government of the host country, have a passport and an appropriate immigrant visa. The Vietnamese Government also encourages Vietnamese people to study abroad by finding scholarships and taking scholarships from foreign governments or going to study abroad on their own, etc. A part of the people who went abroad to study or train then stayed and settled there. They become a part of migrant social networks promoting and attracting their relatives and friends in the country to come to foreign countries. In addition, the Government of Vietnam also promotes the expansion of labor export and creates favorable conditions for Vietnamese people to live, work and do business abroad legally. However, in addition, a part of Vietnamese labor migrants still move illegally, causing many risks to themselves and their families both in terms of their security and finance.

Therefore, the Government of Vietnam should continue to affirm its commitment to migration management based on the legitimate rights of workers. Only when the rights of migrant workers are respected, their journey is safe, they can improve their skills and get a higher income, while their families and the whole society can benefit from remittances.

Illegal labor migration is the movement of people outside the framework of laws, regulations, or international agreements related to the entry and exit from the country of origin, the country of transit, or destination country [9]. Labor migration without proper channels puts migrant workers at risk of exploitation, limiting their access to support and justice while abroad. Illegal workers have little control over the success or failure of their migration, no matter what channel they decide to use.

²⁰ Personal remittances, received (current US\$) // World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TR.F.PWKR.CD.DT> (accessed on 15.11.2021).

²¹ Ibidem.

One of the issues is that Vietnamese workers have to pay higher costs compared to other countries of the region to work abroad. Workers and their families have to borrow large sums of money and work for longer terms (on average up to 11–12 months or longer) to repay the debt and cover the costs of their journey.

The Vietnamese Government should consider amending the law related to the management of migrant workers abroad. This is an important opportunity to improve the legal framework for labor migration and to make legal migration channels more attractive to people.

The Government of Vietnam should proactively promote cooperation with migrant-sending, transiting, and receiving countries to enhance and secure legitimate migration options, especially for female workers, and ensure the needs of demand for decent work. The Vietnamese Government also needs to promote the development of legal migration channels that are less costly, time-consuming, and less complicated. Although currently, legal migration can increase the likelihood of positive outcomes, the benefits are greatly diminished by the current high costs of legal migration and the long duration of the procedures, which induces migrants to choose more accessible routes, including through illegal brokers.

The Vietnamese Government needs to direct relevant agencies to negotiate and amend regulations on transferring recruitment costs from workers to employers. In accordance with the ILO's general principles and fair employment practices guidelines, workers or job seekers are not subject to any recruitment fees or related costs [10]. The Government also needs to expand access to legal assistance for migrant workers, especially female workers who face abuse, assault, and exploitation more often than male employees both at home and abroad [11]. The ability of migrant workers to access grievance mechanisms for abuse during recruitment and employment is critical to ensuring equitable and responsive remedies.

The Government should direct functional ministries to take measures to require schools to improve the quality of vocational skills training in line with the requirements of employers, without creating additional burdens on time and finance for employers when hiring with migrant workers. This benefits both employers and migrants, contributing to increased labor productivity, improved wages and working conditions. Right from the school level, it is necessary to strengthen foreign language training for students. Also, students should get more career counseling when they are still in high school. Vocational schools need to improve the quality of training according to international standards, especially by professions that are in demand in the world today, such as nurses, midwives, elderly care workers, domestic helpers, mechanics, information technology, construction staff, etc. [12].

The Government of Vietnam also needs to expand services for migrant workers and their families to assist them in their return home and reintegration into the community, to ensure that migrant workers can successfully reintegrate both socially and economically, smooth difficulties in finding a new job in Vietnam.

Financial monetary policy and banking services

Regarding interest rate policy, as mentioned above, during the period when the interest rates on foreign currency and especially VND deposits in Vietnam were high, a large amount of money was transferred from abroad to invest in the deposit market of domestic banks. There are no exact statistics, but implicit data evidence that this amount matters to the national economy. The money can be remitted in many different ways, with a significant proportion being then transferred abroad again, and a fair share left in Vietnam for investment and asset purchase. Currently, the Government of Vietnam is steadfast in its

goal of anti-dollarization of the economy, so the USD deposit interest rate is zero (0%), and at the same time, the VND deposit interest rate is gradually entering a stable position. Thus, it is impossible to rely on interest rate policy changes to attract remittances²².

Regarding the exchange rate policy, which also pursues the consistent goal of reducing dollarization in the economy, the Government of Vietnam does not encourage depositing foreign currency in banks for interest, as well as hoarding or storing in foreign currencies. Besides, the operating goal of the State Bank of Vietnam (SBV) is to stabilize the exchange rate and improve the position of VND. Over the past 8 years, the VND/USD exchange rate has increased only by 1–2 % a year, and according to numerous forecasts, in the next few years, it is likely to be still within that range. Therefore, the exchange rate policy cannot be expected to attract remittances as well²³.

Regarding financial policies and banking services, the recipient of foreign exchange is not required to pay income tax, and the sender is free to transfer to any foreign currency. Besides, commercial banks are competing fiercely with each other to expand remittance services. Many commercial banks now have remittance services for recipients at home addresses, etc.

In terms of credit policy, the Government needs to expand the scale of preferential credit sources to lend loans to people going abroad to work, with a loan level that meets their needs, including the costs of learning foreign languages and vocational training before the departure. The preferential loan interest rate should be only ½ of the lending interest rate for production and business capital of commercial banks; the recommended loan period is from 5 to 10 years. The Government needs to increase the scale and actively allocate capital for migrant workers at the Vietnam Bank for Social Policies (VBSP), including loans for learning languages or vocational training, increase loan amount and loan term, and conduct more flexible policies on handling the credit risk in this field.

Labor export policy associated with education and training policy reform

Labor export policy and training policy are closely related but have specific goals. Both policies aim to renew and improve the quality of education and training in order to integrate more deeply into the international labor market, but still each policy also has specific targets and tasks.

Labor export policy requires synchronous participation from the Government, the Ministry of Foreign Affairs, the Ministry of Labor, War Invalids and Social Affairs, etc. in negotiating agreements, building diplomatic relations, clearing contract contents in labor market development promotion activities. These governmental bodies should work together to protect the interests of migrant workers, develop policies to encourage enterprises to find new labor export markets, stimulate Vietnamese to go abroad for work by themselves, and to implement measures to protect Vietnamese citizens abroad.

Education and training policies should pursue the goal to innovate synchronously general education, vocational training, professional training, academic education, and other related activities. In that direction, it is necessary to improve the quality of teaching English and other foreign languages, information and technological literacy, as well as vocational training for Vietnamese citizens.

²² Interest rate [Lãi suất] // State Bank of Vietnam [Ngân hàng Nhà nước Việt Nam] [site]. URL: <https://www.sbv.gov.vn/webcenter/portal/vi/menu/rm/lis> (accessed on 15.11.2021). (In Viet.)

²³ Exchange rate [Tỷ giá] // State Bank of Vietnam [Ngân hàng Nhà nước Việt Nam] [site]. URL: <https://www.sbv.gov.vn/TyGia/faces/TyGia.jspx> (accessed on 15.11.2021). (In Viet.)

The Government needs to work together with the VBSP to detect the preferential capital sources and expand vocational training loans for potential labor migrants. Currently, there is a number of non-refundable state budget investment programs and projects arranged by the Ministry of Labor, War Invalids and Social Affairs, the Ministry of Agriculture and Rural Development, etc. [13]. If they are transferred to the VBSP for preferential credit loans, it might help to reduce interest rates, extend loan terms, introduce more flexible risk management mechanisms, and minimize negative impacts on education and labor export.

The investment budget plan for the rural vocational training program needs to be evaluated for effectiveness in a comprehensive way, on that basis, a part of the funding might be diverted to the VBSP to expand lending to the main target audience. The Government should closely evaluate the effectiveness of this program in order to make adjustments for the sake of labor market development in the context of the global integration trend.

The state budget should actively allocate capital for the VBSP with a growth rate of at least 15–20% to expand loan lending under the current credit programs, especially the low-income credits for businesses in crisis situations, poor households, people going to work abroad, students, households in disaster areas, etc.

The Government, relevant ministries and sectors should commit international funding, official development assistance (ODA), etc. through the VBSP to transfer capital to policy beneficiaries. To achieve this effect, it is necessary to strengthen the mobilization and propaganda, so that donors would understand the new model and see the unique creative ways of the policy implemented by the Party and Government of Vietnam.

Conclusion

International integration in the labor market is a very important field of international economic integration. To seize the opportunities, Vietnam needs to actively participate in fierce competition in this market and promote legal migration. And policies in this field should be evaluated from the practical perspective in terms of their relevance to international experience. Relevant ministries and government sectors should implement the policies synchronously and responsibly. When the COVID-19 pandemic is contained, Vietnamese migration abroad will continue to increase as more people resettle or go temporarily to developed countries. Thus, the influx of remittances will increase again, contributing to expanding the country's financial capacity, creating more investment opportunities, and improving the living conditions of the families of international migrants. After the pandemic, the amount of remittances to Vietnam is forecasted to reach over 20 billion USD per year, which is a considerable sum of money to promote the development of Vietnam's economy and its faster integration into the international community.

References

1. *Viet Nam Migration Profile 2016*. Ha Noi: International Organization for Migration, 2017. 116 p. Reference No. ENG0542. URL: <https://publications.iom.int/books/viet-nam-migration-profile-2016>.
2. International Organization for Migration. *World Migration Report 2022*. Geneva: International Organization for Migration, 2021. 52 p. ISBN: 978-92-9268-076-3. Reference No. PUB2021/032/L*. URL: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022>.
3. International Monetary Fund. Research Dept. *World Economic Outlook, April 2020*. Washington, DC: International Monetary Fund, 2020. 158 p. ISBN: 9781513539744. DOI: <https://doi.org/10.5089/9781513539744.081>.
4. Brucker H., Jahn E. J. Migration and Wage-Setting: Reassessing the Labor Market Effects of Migration. *The Scandinavian Journal of Economics*. 2011. Vol. 113. No. 2. Pp. 286–317. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9442.2010.01634.x>.

5. World Bank. *Global Economic Prospects 2006: Economic Implications of Remittances and Migration*. Washington DC: World Bank, 2006. 157 p. ISBN: 978-0-8213-6344-4. DOI: <https://doi.org/10.1596/978-0-8213-6344-7>.
6. Koh P. You Can Come Home Again: Narratives of Home and Belonging among Second-Generation Việt Kiều in Vietnam. *Journal of Social Issues in Southeast Asia*. 2015. Vol. 30. No. 1. Pp. 173–214. DOI: <https://doi.org/10.1355/sj30-1f>.
7. Szymańska-Matusiewicz G. The Vietnamese Communities in Central and Eastern Europe as Part of the Global Vietnamese Diaspora. *Central and Eastern European Migration Review*. 2015. Vol. 4. No. 1. Pp. 5–10. URL: <http://www.ceemr.uw.edu.pl/vol-4-no-1-june-2015/editorial/vietnamese-communities-central-and-eastern-europe-part-global>
8. *Review of Vietnamese Migration Abroad*. Ha Noi: Consular Department, Ministry of Foreign Affairs of Viet Nam, 2012. 76 p. URL: http://eeas.europa.eu/archives/delegations/vietnam/documents/eu_vietnam/vn_migration_abroad_en.pdf.
9. International Organization for Migration. *Glossary on Migration*. Geneva: International Organization for Migration, 2019. 236 p. ISSN: 1813-2278. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/iml_34_glossary.pdf.
10. *General Principles and Operational Guidelines for Fair Recruitment & Definition of Recruitment Fees and Related Costs*. International Labour Office – Fundamental Principles and Rights at Work Branch, Labour Migration Branch. Geneva: International Labor Organization, 2019. 34 p. ISBN: 978-92-2-133333-3.
11. Vu T. T. Vietnamese Migrant Women Working Abroad: Risks and Challenges for Accessing Support Services. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1. No. 1. P. 71–78. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.1.8>.
12. Lindgren D., Ratnawulan D., Tuenpakdee N. *Labour Market Assessment: Identifying Opportunities for Vulnerable Vietnamese from Selected Provinces of Viet Nam*. Ha Noi: International Organization for Migration, 2021. 95 p. ISBN: 978-92-9268-096-1. URL: <https://publications.iom.int/books/labour-market-assessment-identifying-opportunities-vulnerable-vietnamese-selected-provinces>.
13. Thi Thai Ha Trần. Education financing in Vietnam. *International Journal of Education of Sèvres [Revue internationale d'éducation de Sèvres]*. Conference: Education in Asia in 2014: What Global Issues? 2014. ISSN: 2261-4265. URL: <http://journals.openedition.org/ries/3895>.

Bio note:

Nguyen Dac Hung, PhD, Associate Professor, Department of Economics, Hung Yen University of Technology and Education, Hung Yen, Vietnam.

Contact information: e-mail: ndhungsbv@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-9599-7653.

Received on 05.11.2021; accepted for publication on 11.01.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

ЭМИГРАЦИЯ ИЗ ВЬЕТНАМА И УПРАВЛЕНИЕ ДЕНЕЖНЫМИ ПЕРЕВОДАМИ

Нгуен Дак Хунг

Технологический и образовательный университет Хун Йена, Хун Йен,
Вьетнам

E-mail: ndhungsbv@gmail.com

Для цитирования: Нгуен Дак Хунг. Эмиграция из Вьетнама и управление денежными переводами // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 1. С. 69–79. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.6>

Аннотация. Миграция вьетнамцев за границу с целью проживания и ведения там бизнеса связана с переводами денег на родину родственникам и членам семьи, что составляет такой объект научных исследований, как «денежные переводы мигрантов». За последние сто лет имели место быть несколько крупных волн миграции населения из Вьетнама, которые происходили по разным причинам и при разных обстоятельствах. По мере роста контингента вьет-

намцев, проживающих за границей, объем денежных переводов от них также увеличивался. Сегодня денежные переводы мигрантов составляют значительную часть ВВП Вьетнама и являются не только важным источником дохода для многих семей, но и важным источником капитала в иностранной валюте для обеспечения платежного баланса в стране. В целом денежные переводы вносят значительный вклад в содействие экономическому и социально-экономическому росту таких развивающихся стран, как Вьетнам. В контексте современной тенденции экономической интеграции и глобализации тот факт, что вьетнамцы мигрируют за границу, живут и ведут там бизнес, переводя деньги домой, является позитивным моментом для страны. Принимая во внимание, насколько велика роль денежных переводов для Вьетнама, идентификация их источников чрезвычайно важна для принятия соответствующих управленческих решений. В настоящей статье обобщены теоретические основы современных подходов к научному осмыслению миграции и денежных переводов мигрантов, проанализированы основные тенденции миграции вьетнамцев за границу за последние 50 лет, охарактеризована текущая ситуация с денежными переводами. Также автор дает некоторые рекомендации по государственному управлению миграцией и денежными переводами мигрантов.

Ключевые слова: миграция, денежные переводы, Вьетнам, экспорт рабочей силы, экономическая интеграция, управление, политические рекомендации.

Сведения об авторе:

Нгуен Дак Хунг, доктор наук, доцент Технологического и образовательного университета Хун Йена, Хун Йен, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: ndhungsbv@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-9599-7653.

Статья поступила в редакцию 05.11.2021; принята в печать 11.01.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ АНГОЛА

Рязанцев С. В.

МГИМО МИД России;

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: riazan@mail.ru

Мигел Мауру А. Л.

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

E-mail: mauiromiguel@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.7>

Для цитирования: *Рязанцев С. В., Мигел Мауру А. Л. Экономические аспекты миграции в Республике Ангола // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 1. С. 80–93. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.7>*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности миграции в Республике Ангола. Страна обладает мощным демографическим и экономическим потенциалом. Миграционные процессы происходят в двух направлениях: происходит иммиграция в страну квалифицированных и высококвалифицированных специалистов, возвратных вынужденных мигрантов; а из страны эмигрируют трудовые и образовательные мигранты. Между Анголой и Португалией существуют достаточно устойчивые миграционные связи. В бывшей метрополии сформировалась самая крупная ангольская диаспора за пределами Африки. Португалия привлекает ангольцев общностью языка, историческими связями, возможностями рынка труда, перспективами интеграции в общество. Также ангольские диаспоры стали формироваться в так называемых странах «новой эмиграции» – Франции, США, ЮАР, Бразилии. Самым недавним трендом стала эмиграция ангольцев в Китай, который развивается активно и налаживает прочные связи со странами Африки. Денежные переводы трудовых мигрантов и представителей ангольских диаспор характеризуют новые направления эмиграции из страны. Денежные переводы в Анголу поступают в основном из тех стран, в которые выезжают на работу трудовые мигранты. Ангола постепенно из страны оттока вынужденных мигрантов трансформировалась в страну приема вынужденных мигрантов. В страну происходит масштабная возвратная миграция ангольских беженцев, ранее покинувших родину. Несмотря на масштабность явления вынужденной миграции, исследований об интеграции беженцев и реинтеграции вернувшихся беженцев в ангольское общество немного. В результате потенциал бывших беженцев не используется в полной мере с точки зрения развития человеческого капитала Анголы и ее регионов.

Ключевые слова: Республика Ангола, миграция, население, эмиграция, иммиграция, трудовая миграция, вынужденная миграция, денежные переводы, диаспоры.

Введение

Республика Ангола представляет собой крупное государство на юге Африканского континента с численностью населения более 34 млн человек. Страна обладает запасами нефти и алмазов, добыча которых в лучшие годы обеспечивала поступления в бюджет и рабочие места для населения и экспатов из зарубежных стран. Доля доходов от нефти в госбюджете Анголы доходила до 90%, но в 2019 г. сократилась на 10%. Аналогично и доля поступлений от второй по значимости отрасли экономики – алмазодобывающей промышленности – сократилась на 11%. В настоящее время ангольская экономика переживает кризис, что отразилось на сокращении притока экспатов и квалифицированных специалистов в страну. При этом около 60% населения Анголы живет в условиях крайней нищеты, многие ангольцы вынуждены выезжать на заработки за границу. У Анголы сложились прочные миграционные связи с бывшей метрополией – Португалией. Причем в лучшие для экономики годы эти

миграционные потоки были двусторонне направленными: португальские специалисты работали в Анголе, а ангольцы – в Португалии. В настоящее время преобладает трудовая эмиграция в бывшую метрополию. Также Ангола вовлечена в процессы вынужденной миграции на африканском континенте. Ранее она выступала страной, отдававшей беженцев в ходе гражданской войны, а в настоящее время принимает вынужденных мигрантов из некоторых зон конфликтов. К 2020 г. в Анголе было около 656 тыс. международных мигрантов, что составляло 2% населения страны. Таким образом, государство активно участвует в миграционных процессах.

Источники информации и методы исследования

В статье используются аналитический и статистический методы исследования. Анализируются три ключевых формы миграции: трудовая, вынужденная и образовательная. Они рассматриваются в социально-экономическом измерении, а также в виду двух разнонаправленных потоков (иммиграции в Анголу и эмиграции из страны). Необходимо отметить, что статистические данные по миграции в Анголе носят достаточно ограниченный характер, и зачастую авторы прибегают к данным международных организаций.

При подготовке настоящей статьи были использованы данные национальной и международной статистики по населению и миграции в Республике Ангола. В том числе анализируются данные Министерства иностранных дел, Министерства внутренних дел, Министерства труда и социального обеспечения, Министерства образования Республики Ангола. Кроме того, в статье используются данные международных организаций системы ООН: Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), Международной организации по миграции (МОМ), Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА), а также Всемирного банка.

Демографические и социально-экономические факторы миграции в Анголе

Население Анголы на начало 2022 г. составило 34 512 тыс. человек и за 2021 г. увеличилось на 1 099 тыс. человек (годовой прирост – 3,29%). В стране отмечался как естественный прирост (1 069 тыс. человек) за счет высокой рождаемости, так и небольшой миграционный прирост населения (29 тыс. человек) за счет прибывших мигрантов. Общий прирост населения страны в 2000-е гг. составлял от 3% до 4% в год. Население страны можно считать молодым: 43,2% – младше 15 лет, 54,1% – от 15 до 65 лет, 2,7% – старше 64 лет¹. Половозрастная пирамида характеризует прогрессивный (растущий) тип населения. То есть, численность нетрудоспособного населения (молодежь и пожилые) примерно равна численности трудоспособного населения. Официальный и самый распространенный язык в Анголе – португальский, поскольку страна является бывшей колонией Португалии. Заметную долю среди населения страны составляют этнические китайцы, на которых приходится около 1,5% населения. Это связано с активным внедрением китайского капитала в экономику Анголы в последние годы.

Плотность населения в Анголе составляет 27,7 человека на кв. км. При этом отмечается ложная урбанизация в столице страны – Луанде. В ядре столицы сосредоточено около 2,6 млн человек. Но значительная численность бедного населения также концентрируется в пригородах столицы, а также в бедных районах («мусеках»). Здесь крайне плохие санитарные условия (отсутствуют водопровод, канализация), прими-

¹ Население Анголы // Countrymeters.info. Сайт демографической статистики. URL: https://countrymeters.info/ru/Angola#population_2021 (дата обращения: 25.12.2021).

тивное и некомфортное жилье. Это влияет на распространение болезней и смертность населения трущоб. Около 70% населения беднейших районов живут на 2 долл. в день, то есть, находятся за чертой абсолютной бедности. Как считают эксперты, гипертрофированная урбанизация и люмпенизация создают реальную угрозу безопасности в африканских странах, и Ангола – тому наглядный пример².

Общая численность международных мигрантов на территории Республики Ангола за последние двадцать лет увеличивалась быстрыми темпами: с 46 тыс. (2000 г.) по 656 тыс. (2020 г.) человек. Наиболее интенсивным рост численности международных мигрантов в стране был в 2010–2015 гг. (рис. 1). Своего пика доля международных мигрантов в численности населения Анголы достигла в 2015 г., составив 2,3%.

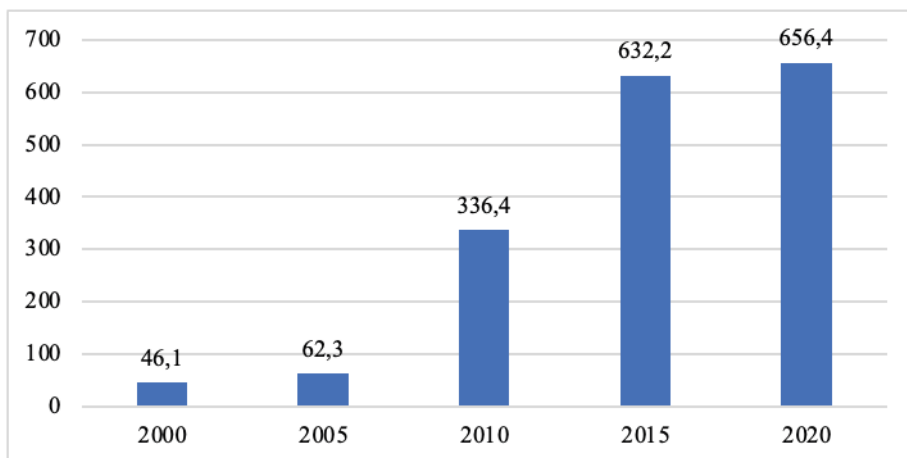

Рис. 1. Численность международных мигрантов в Анголе в 2000–2020 гг., тыс. чел.
Fig. 1. The number of international migrants in Angola in 2000–2020, thousand people

Источник: Statista³

Трудовая миграция в Анголу

В начале 2000-х гг. в Анголе завершилась гражданская война, и на мировом рынке нефти существовала благоприятная конъюнктура, что привело к расцвету нефтяной и алмазодобывающей промышленности. В результате трудовая миграция оказалась сильно дифференцированной, состоящей из двух разнонаправленных миграционных потоков.

С одной стороны, в страну происходил приток высококвалифицированных специалистов (экспатов) из различных стран, которых привлекает высокий уровень заработной платы. Ранее страна испытывала дефицит квалифицированных технических специалистов в нефтедобывающей и алмазодобывающей отраслях (в том числе в компаниях Sonagol Group, Diamang, Chevron, Exxon Mobil, Total). Также высококвалифицированные иностранцы работают в консалтинге, строительстве, международных организациях. Наиболее востребованы в Анголе инженеры, геологи, строители,

² Косухин Н. Африка на игле миграции // Российский совет по международным делам (РСДМ) [сайт]. 01.12.2011. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/afrika-nagle-migratsii/> (дата обращения: 25.12.2021).

³ Stock of international migrants in Angola from 2000 to 2020 // Statista. Market and consumer data website. URL: <https://www.statista.com/statistics/1232375/stock-of-international-migrants-in-angola/> (accessed on 25.12.2021).

программисты, геодезисты, экологи, медицинские работники. Иностранцы трудоустроивались в крупных ангольских и зарубежных компаниях (с оплатой труда до 3 млн кваз, или примерно 4 500 долл. США в месяц)⁴. На рынке труда Анголы присутствует значительное количество специалистов из КНР, стран Европы, России и стран бывшего СССР. В результате Луанда стала одним из наиболее дорогих городов мира.

С другой стороны, в Анголу отмечается приток трудовых мигрантов из соседних менее развитых африканских государств (главным образом из соседней Намибии), востребованных на непрестижных и малооплачиваемых работах в сфере строительства, уборки и обслуживания.

Бум трудовой миграции отмечался до 2014 г., когда цены на нефть резко упали, и иностранные компании сократили экономическую деятельность в стране. Ярким маркером снижения численности экспатов стали полузаселенные кондоминиумы в новых пригородах Луанды. При строительстве они были рассчитаны на обеспеченных покупателей, но так и не были заселены из-за сокращения деятельности нефтяных компаний⁵.

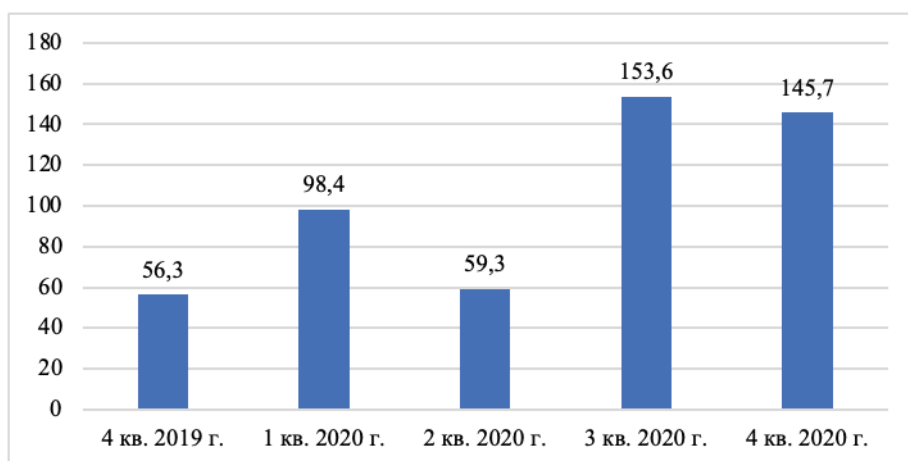

Рис. 2. Объемы денежных переводов из Анголы в 2019–2020 гг., млн долл. США
Fig. 2. Value of remittances sent from Angola 2019–2020, million USD

Источник: Statista⁶

⁴ Работа и вакансии в Анголе // HochusvaliT.com. Информационный сайт о миграции. URL: <https://hochusvalit.com/rabota/rabota-v-angole> (дата обращения: 25.12.2021).

⁵ Anna Grave. Как я жила и работала в самом дорогом городе мира для экспатов // Vc.ru. Интернет-издание о бизнесе. URL: <https://vc.ru/migrate/30446-kak-ya-zhila-i-rabotala-v-samom-dorogom-gorode-mira-dlya-ekspatov> (дата обращения: 25.12.2021).

⁶ Value of remittances sent from Angola from Q1 2020 to Q1 2021 // Statista. Market and consumer data website. URL: <https://www.statista.com/statistics/1235707/value-of-remittance-outflows-from-angola/> (accessed on 25.12.2021).

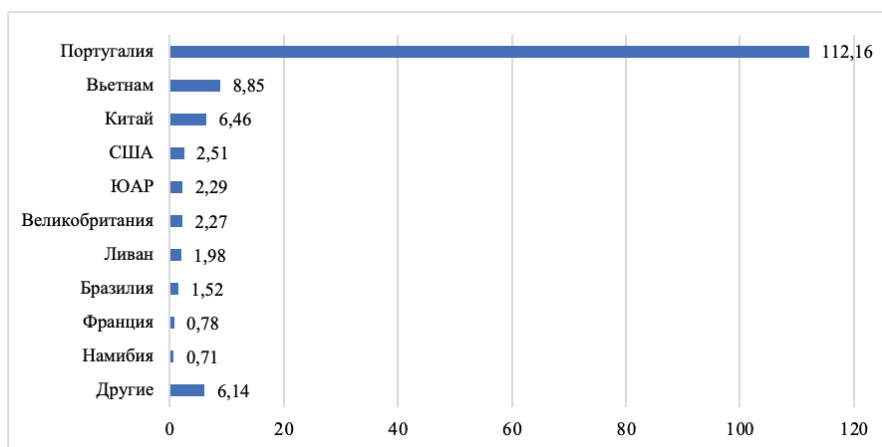

Рис. 3. Объемы денежных переводов мигрантов из Анголы в четвертом квартале 2020 г. по странам назначения, млн долл. США

Fig. 3. Value of remittances sent from Angola in Q4 2020 by country of destination, million USD

Источник: Statista⁷

Наиболее ощутимым экономическим последствием трудовой миграции являются денежные переводы трудящихся-мигрантов на родину. Максимальный объем денежных переводов из Анголы отмечался в третьем и четвертом кварталах 2020 г.: 153,6 и 145,7 млн долл. США соответственно (см. рис. 2). Главными направлениями денежных переводов в четвертом квартале 2020 г. были Португалия (112,16 млн), Вьетнам (8,85 млн), КНР (2,51 млн), США (2,51 млн), Южная Африка (2,29 млн), Великобритания (2,27 млн), Ливан (1,98 млн), Бразилия (1,52 млн), Франция (0,78 млн), Намибия (0,71 млн долл. США) (см. рис. 3). Фактически объемы денежных переводов характеризуют географию притока трудовых мигрантов в Анголу.

Вынужденная миграция в Анголе

Между 1975 и 2002 гг. Ангола переживала вооруженный конфликт, который привел к перемещению миллионов ангольцев внутри страны и за ее пределами. После окончания войны в 2002 г. многие вернулись в Анголу из соседних стран [1]. Программа добровольной репатриации 2008–2012 гг., осуществлявшаяся МОМ, УВКБ ООН и Министерством помощи и социальной реинтеграции Анголы (MINARS), была направлена на репатриацию 420 тыс. беженцев. В результате с июня 2010 г. по июнь 2014 г. 23 343 ангольских гражданина вернулись на родину в рамках программы из приблизительно 53 тыс. ангольских беженцев, желающих вернуться из Ботсваны, Конго-Браззавиля, Демократической Республики Конго, Намибии и Замбии [2]. Около 147 тыс. ангольцев предпочли остаться в странах убежища в качестве беженцев, в том числе 27 тыс. – в Замбии, 112 тыс. – в Демократической Республике Конго

⁷ Value of remittances sent from Angola in Q4 2020, by country of destination // Statista. Market and consumer data website. URL: <https://www.statista.com/statistics/1235729/value-of-remittance-outflows-from-angola-by-destination/> (accessed on 25.12.2021).

(ДРК), около 6 тыс. – в Намибии, около 3 тыс. – в Республике Конго (Браззавиль)⁸. Согласно Стратегическому плану МОМ, в 2015–2016 гг. в Анголу добровольно вернулись 400 тыс. беженцев из соседних стран (Замбии, Демократической Республики Конго, Намибии [3]. (рис. 4).

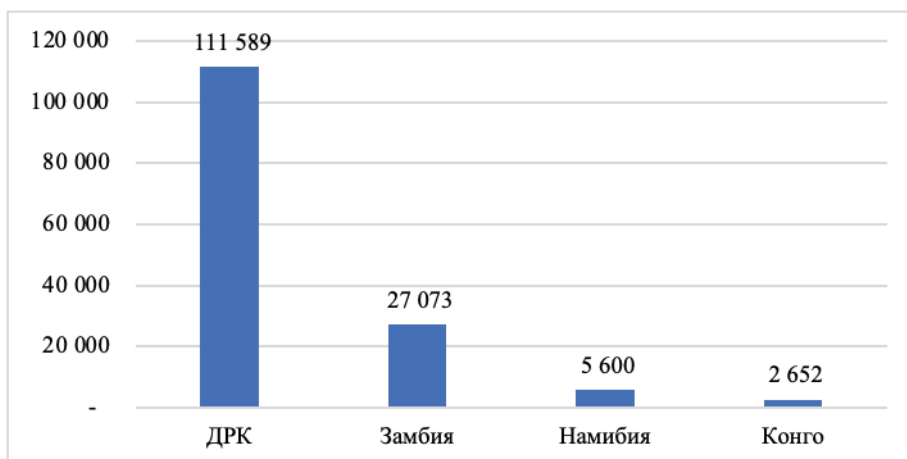

Рис. 4. Численность беженцев, вернувшихся в Анголу по странам мира в 2010–2014 гг., человек

Fig. 4. The number of refugees returning to Angola by country in 2010-2014, people

Источник: [1]

Экономический рост в 2000-е гг. способствовал притоку мигрантов в города, и постепенно Ангола стала страной, принимающей беженцев и соискателей убежища. По состоянию на начало 2021 г. большинство беженцев и соискателей убежища в Анголе происходили из Демократической Республики Конго (23 тыс. человек или 40% вынужденных мигрантов), а также из Гвинеи, Кот-д’Ивуара, Мавритании (около 20 тыс. человек) [4]. Беженцы из Демократической Республики Конго в основном происходят из региона Касаи и прибыли в ангольскую провинцию Северная Лунда в результате конфликта в 2017 г., получив статус беженца (“Prima Facie”). Беженцы расселены в столице Луанде и 12 провинциях⁹.

Несмотря на масштабность явления вынужденной миграции, исследований об интеграции беженцев и реинтеграции вернувшихся беженцев в ангольское общество немного. В результате потенциал бывших беженцев не используется в полной мере с точки зрения человеческого развития Анголы и ее регионов.

⁸ Беженцы: ЮНИСЕФ работает с партнерами, чтобы реагировать на приток беженцев, прибывающих из соседней Демократической Республики Конго [Refugiados: O UNICEF trabalha com parceiros para da resposta ao influxo de refugiados que chegam da vizinha República Democrática do Congo] // UNICEF Angola [сайт]. URL: <https://www.unicef.org/angola/refugiados> (дата обращения: 25.12.2021). (In Port.)

⁹ Refugiados: O UNICEF trabalha com parceiros para da resposta ao influxo de refugiados que chegam da vizinha República Democrática do Congo.

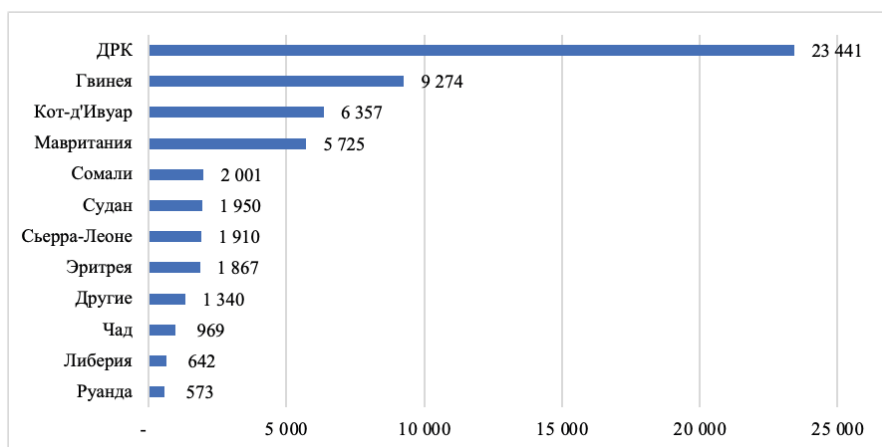

Рис. 5. Численность беженцев и просителей убежища в Анголе по странам мира, человек (февраль 2020 г.)

Fig. 5. The number of refugees and asylum seekers in Angola by country, people (February 2020)

Источник: UNHCR¹⁰

Ангольская эмиграция и формирование ангольских диаспор

Многие выходцы из Анголы эмигрируют в Португалию и Бразилию в силу общности исторического прошлого, экономических связей, культурной близости, общего языка. По данным Управления иммиграции и пограничного контроля (Immigration and Border Control Office, SEF) и Национального статистического института (National Statistical Institute, INE), в 2011 г. в Португалии проживало 162,6 тыс. выходцев из Анголы [5]. Данная статистика включает обладателей действующего вида на жительство и обладателей долгосрочных виз. Ангольцы были первой группой по численности иностранцев в португальском обществе.

По данным Управления иммиграции и пограничного контроля Португалии (Immigration and Border Control Office, SEF) и Национального статистического института (National Statistical Institute, INE), в 2009–2017 гг. в стране ежегодно выдавалось от 1,3 до 1,5 тыс. видов на жительство гражданам Анголы. В 2018–2019 гг. отмечался резкий рост числа ангольцев, получивших вид на жительство (до 2,9 и 4,5 тыс. соответственно), что, очевидно, было связано с ухудшением экономической ситуации в Анголе и увеличением эмиграции из страны. Ангольцы в 2019 г. стали шестой группой иностранцев – получателей видов на жительство в Португалии после граждан Бразилии, Великобритании, Италии, Индии, Непала.

По данным Института реестров и нотариальных правил Главного управления судебной политики (Institute of registers and notarial regulations, Directorate General for Justice Policy, DGPP), в 2019 г. ангольцы были пятой группой среди получателей гражданства Португалии, уступая гражданам Бразилии, Кабо-Верде, Украины и Гвинеи-Бисау. Иногда на протяжении 2009–2018 гг. они занимали третье или четвертое место в данном списке.

¹⁰ Operational Data Portal // UNHCR [site]. URL: <https://data2.unhcr.org/en/country/ago> (accessed on 25.12.2021).

Таблица 1.

Миграция граждан Республики Ангола в Португальскую Республику в 2009–2019 гг., по данным португальской статистики

Table 1.

Migration of citizens of the Republic of Angola to the Portuguese Republic in 2009–2019, according to Portuguese statistics

Год	Численность граждан Анголы, имевших вид на жительство и долгосрочные визы в Португалии, тыс. человек	Численность граждан Анголы, получившим гражданство Португалии, человек	Численность граждан Анголы, получивших вид на жительство в Португалии, тыс. человек	Запросы граждан Анголы на предоставление убежища в Португалии, человек
2009	н/д	2 113	1,5	н/д
2010	26,2	1 953	1,3	12
2011	23,5	1 870	1,4	5
2012	21,6	1 857	1,3	4
2013	20,4	2 131	1,5	2
2014	20,2	1 630	1,5	5
2015	19,7	1 316	1,3	7
2016	18,2	1 507	1,5	30
2017	17,0	1 225	1,8	120
2018	16,9	1 438	2,9	225
2019	18,4	1 387	4,5	305
2020	22,7	н/д	н/д	115

Источник: [4]

Отмечается трудовая миграция ангольцев за границу. Главным образом они выезжают на работу в Португалию и работают в строительстве, секторе услуг, на транспорте. В последнее десятилетие также отмечается поток ангольских трудовых мигрантов в Бразилию. Однако данный поток сильно зависит от ситуации на бразильском рынке труда.

Вынужденная миграция ангольцев также имеет место. Она ощутимо увеличилась с 2016 г., но все же не достигает значительных цифр: в 2019 г. только 309 ангольцев получили статус беженцев в Португалии. Намного больше ангольских беженцев в Бразилии, Франции, США (см. рис. 6). Случай ангольских беженцев не является уникальным для современно мира – многие экономические мигранты выезжают из страны по экономическим причинам, но пытаются получить статус политических беженцев. Отношения Анголы и Бразилии имеют историческое прошлое как бывшие португальские колонии, развитые культурные связи, общий португальский язык как официальный язык, общую католическую религию [2].

Ангольская молодежь активно направляется на учебу в Португалию. В данном случае притягивающую роль играет близость языка [5]. В 2019 г. в португальских университетах обучались 36 тыс. иностранцев, в том числе ангольские студенты занимали третье место по численности после выходцев из Бразилии и Кабо-Верде [4]. Многие выпускники – выходцы из Анголы затем остаются в Португалии и других европейских странах, достаточно успешно интегрируясь в принимающие общества.

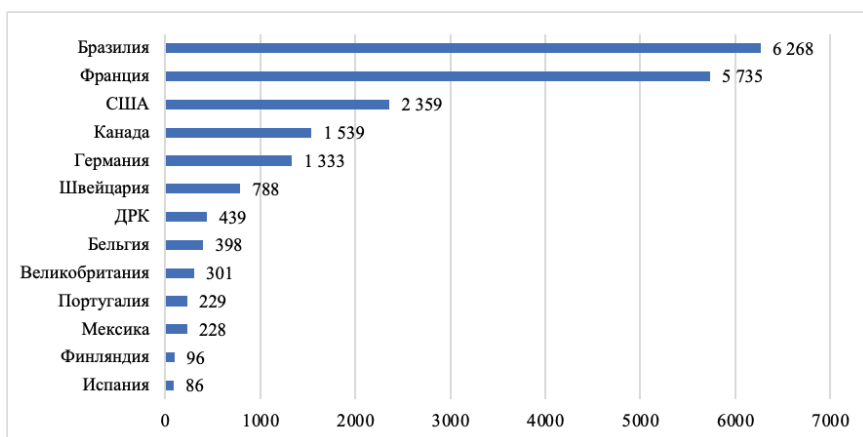

Рис. 6. Численность беженцев и соискателей убежища из Анголы по странам мира в 2020 г., человек

Fig. 6. The number of refugees and asylum seekers from Angola by country in 2020, people

Источник: UNHCR¹¹

Таким образом, из Анголы существует значительная эмиграция населения по различным каналам в бывшую метрополию – Португалию. Наиболее значимыми из них являются постоянная и временная трудовая миграция, в последние годы набирает обороты образовательная миграция молодежи. Ангольские временные мигранты достаточно часто переходят в статус мигрантов с видом на жительство в стране, поскольку имеют возможности сравнительно быстрой адаптации в португальском обществе за счет знания португальского языка и возможностей упрощенного получения вида на жительство и гражданства.

По данным Министерства иностранных дел Анголы, за пределами страны в 2018 г. проживали около 400 тыс. ангольских граждан и выходцев из Анголы. Многие ангольцы приобрели гражданства стран проживания. Основными странами проживания являются соседние африканские страны – Демократическая Республика Конго, Намибия, ЮАР – и европейские государства – Португалия, Франция, – а также США и КНР (см. рис. 7).

Формирование ангольских диаспор происходило первоначально в европейских и африканских странах, а примерно с 2015 г. более активно ангольская миграция происходит в Бразилию, США и КНР. Интересно отметить, что африканская миграция в целом и ангольская миграция в частности до пандемии COVID-19 усилилась в динамично развивающийся Китай. Африканцы находили определенные ниши в китайской экономике, главным образом в развитых районах и мегаполисах южного Китая [6].

Система взаимодействия государства с диаспорой в стране только формируется, оно находится в компетенции Министерства иностранных дел Анголы. Потенциал ангольских диаспор пока не используется в полной мере, но они обладают определенным социально-демографическим, экономическим и политическим потенциалом.

Данные Национального банка Анголы показывают, что ангольские эмигранты регулярно отправляют денежные переводы своим семьям, поддерживая прочную эконо-

¹¹ Refugee Data Finder // UNHCR [site]. URL: <https://www.unhcr.org/refugee-statistics/download/?url=ENIDS0> (accessed on 25.12.2021).

мическую связь с родиной. Денежные переводы эмигрантов оказывают некоторое влияние на экономику Анголы, особенно на локальном уровне, на благосостояние семей. Объемы денежных переводов в Анголу были неравномерными: с 2013 г. они сокращались и к 2017 г. уменьшились с 36,6 млн до 1,42 млн долл. США. Затем начинается рост объемов денежных переводов, и в 2020 г. они составляют 8,05 млн долл. США (см. рис. 8).

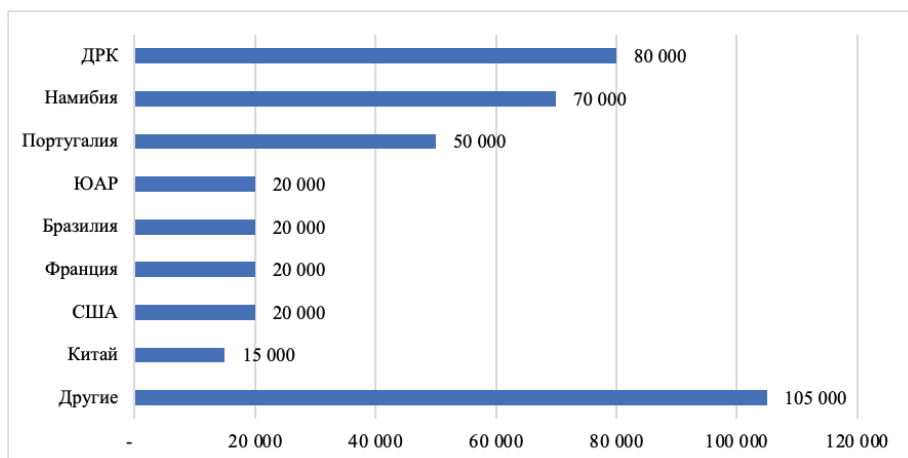

Рис. 7. Численность представителей ангольской диаспоры в некоторых странах мира в 2018 г.

Fig. 7. The number of representatives of the Angolan diaspora in some countries of the world in 2018

Источник: Министерство иностранных дел Анголы¹²

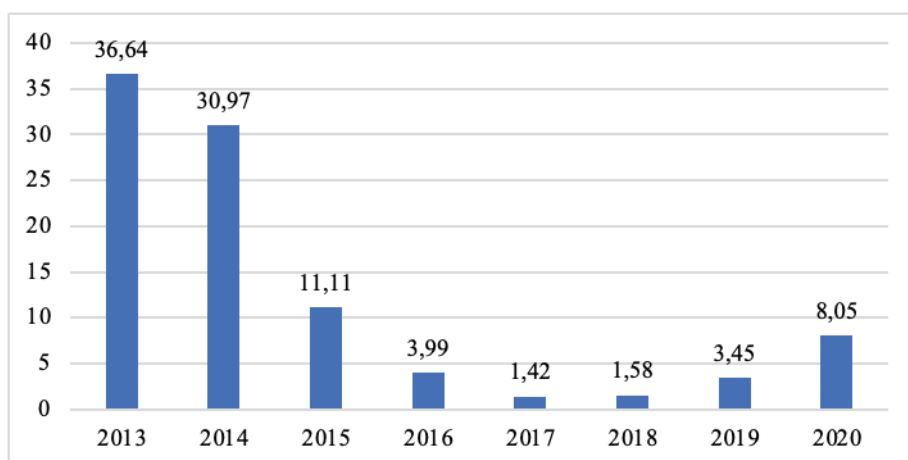

Рис. 8. Денежные переводы в Анголу из-за границы в 2013–2020 гг., млн долл. США

Fig. 8. Remittances to Angola from abroad in 2013–2020, million USD

Источник: World Bank¹³

¹² Ангольские общины за рубежом [Comunidades Angolanas no Exterior] // Министерство иностранных дел [Ministério das Relações Exteriores] [site]. URL: <https://mirex.gov.ao/PortalMIREX/#!/noticias-e-media/comunidades-angolanas-no-exterior> (дата обращения: 25.12.2021). (In Port.)

¹³ Personal remittances, received (current US\$) // World Bank Data [site]. URL: <https://data.worldbank.org/indicador/BX.TRF.PWKR.CD.DT?locations=AO&view=chart> (accessed on 25.12.2021).

Пандемия COVID-19 негативно повлияла на снижения объемов денежных переводов в Анголу. В первой половине 2020 г. было значительное сокращение их объемов, только в четвертом квартале произошло некоторое восстановление до 3,27 млн долл. США (см. рис 9). Многие страны сняли ограничительные меры в отношении денежных переводов из-за пандемии COVID-19, что объясняет рост денежных переводов в конце 2020 г.

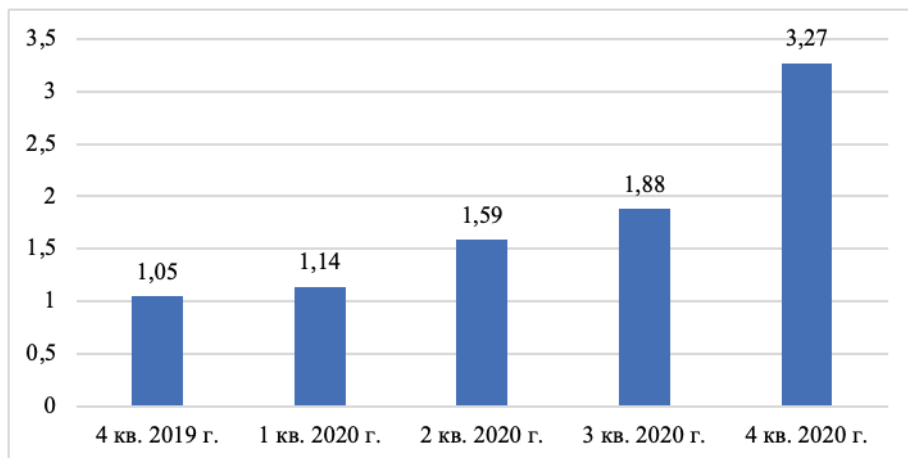

Рис. 9. Объемы денежных переводов, полученных в Анголе в 2019–2020 гг. поквартально, млн долл. США

Fig. 9. Value of remittances received in Angola quarterly in 2019–2020, million USD

Источник: Statista¹⁴

Основной страной отправления денежных переводов была бывшая метрополия – Португалия, из которой было переслано в четвертом квартале 2020 г. в Анголу около 420 тыс. долл. Из США мигранты отправили 320 тыс. долл., а из Великобритании – 300 тыс. долл. США. Франция и Бразилия также были в списке стран – основных источников денежных переводов в Анголу (240 тыс. долл. и 170 тыс. долл. США соответственно) (см. рис. 10).

Во втором квартале 2021 г. ангольцы, живущие за границей, отправили на родину 3,3 млн долл. США. Из Португалии в Анголу было переведено около 550 тыс. долл. США. Из США и Великобритании было переведено 540 тыс. и 410 тыс. долл. США соответственно.

Таким образом, трудовая миграция оказывает определенное внимание на экономику Анголы через денежные переводы. Наибольшие масштабы денежных переводов отправляются из бывшей метрополии – Португалии, в которой сложилась крупная ангольская диаспора, и находится большая численность ангольских трудовых мигрантов.

¹⁴ Value of remittances received in Angola from Q4 2019 to Q4 2020 // Statista. Market and consumer data website. URL: <https://www.statista.com/statistics/1235546/value-of-remittances-inflow-in-angola/> (accessed on 25.12.2021).

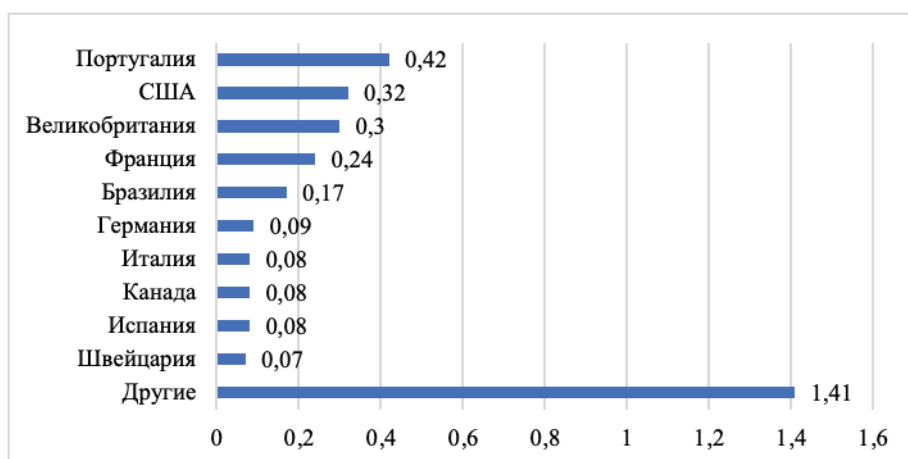

Рис. 10. Объемы денежных переводов из-за рубежа в Анголу в четвертом квартале 2020 г. по странам происхождения, млн долл. США

Fig. 10. Value of remittances received in Angola as of Q4 2020, by country of origin 6 million USD

Источник: Statista¹⁵

Заключение

Между Анголой и Португалией существуют достаточно устойчивые миграционные связи, которые характеризуются двумя разнонаправленными миграционными потоками. С одной стороны, португальские специалисты работают в Анголе. С другой стороны, трудовые и образовательные мигранты находятся в Португалии. В бывшей метрополии сформировалась самая крупная ангольская диаспора за пределами Африки. Португалия привлекает ангольцев общностью языка, историческими связями, возможностями рынка труда, перспективами интеграции в общество.

Также ангольские диаспоры стали формироваться в странах «новой эмиграции» – Франции, США, ЮАР, Бразилии. Совершенно новым трендом стала эмиграция ангольцев в Китай, который развивается активно и налаживает прочные связи со странами Африки. Денежные переводы трудовых мигрантов и представителей ангольских диаспор характеризуют новые направления эмиграции из страны. Денежные переводы в Анголу поступают в основном из тех стран, в которые выезжают на работу трудовые мигранты.

Кроме того, нужно отметить, что Ангола постепенно из страны оттока вынужденных мигрантов трансформировалась в страну приема вынужденных мигрантов. В страну происходит масштабная возвратная миграция ангольских беженцев, ранее ее покинувших. Несмотря на масштабность явления вынужденной миграции, исследований об интеграции беженцев и реинтеграции вернувшихся беженцев в ангольское общество немного. В результате потенциал бывших беженцев не используется в полной мере с точки зрения человеческого развития Анголы и ее регионов.

Список литературы

1. Мело А. Х. [Melo A. J.] Возвращение к лучшей жизни: интеграция бывших ангольских бежен-

¹⁵ Value of remittances received in Angola as of Q4 2020, by country of origin // Statista. Market and consumer data website. URL: <https://www.statista.com/statistics/1235552/remittances-inflow-in-angola-by-country-of-origin/> (accessed on 25.12.2021).

цев после их возвращения в Анголу [Regresso a uma vida melhor: A integração dos ex-refugiados angolanos após o seu regresso a Angola]. – Брюссель [Bruxelas]: Международная организация по миграции [Organização Internacional para as Migrações], 2013. – 78 с. (На порту.)

2. *Фуртадо С. К.* [Furtado S. C.] Ангольские миграции [Migrações Angolanas]. – Кампинас: Центр демографических исследований «Эльза Беркуо» [Campinas: Núcleo de Estudos de População “Elza Berquo”], 2020. – 170 с. ISBN 978-65-87447-18-6. (На порту.)

3. *Лопес К. М.* [Lopes C. M.] Беженцы, реинтеграция и внутренняя мобильность: пример Анголы, 2002–2018 гг. [Refugiados, reintegração e mobilidade interna: um olhar sobre o caso angolano, 2002–2018] // REMHU: Междисциплинарный журнал человеческой мобильности [REMHU: Revista Interdisciplinar da Mobilidade Humana]. 2018. № 26 (54). DOI: <https://doi.org/10.1590/1980-85852503880005404>. (На порту.)

4. *OECD.* International Migration Outlook 2021. Paris: OECD Publishing, 2021. 442 p. DOI: <https://doi.org/10.1787/29f23e9d-en>.

5. *Абрамова И. О.* Африканская миграция: опыт системного анализа. – Москва: Ин-т Африки РАН, 2009. – 352 с. ISBN: 978-5-91298-053-4.

6. *Рязанцев С. В., Балданова Р. А.* Основные тенденции африканской миграции на Юг Китая // ЦИТИСЭ. № 3 (29). 2021. С. 372–379. DOI: <https://doi.org/10.15350/2409-7616.2021.3.29>.

Сведения об авторах:

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО МИД России; директор Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-5306-8875; PИNC Author ID: 77673; Web of Science Researcher ID: F-7205-2014; Scopus Author ID: 22136228700.

Мигел Мауру Алешандре Луиш, студент экономического факультета Российского университета дружбы народов (РУДН), Москва, Россия

Контактная информация: e-mail: mauromiguel@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-9306-194X.

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена при поддержке Совета Президента РФ по поддержке ведущих научных школ Российской Федерации (грант № НШ-53.2022.2).

Статья поступила в редакцию 09.12.2021; принята в печать 11.02.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

ECONOMIC ASPECTS OF MIGRATION IN THE REPUBLIC OF ANGOLA

Sergey V. Ryazantsev

Institute for Demographic research FCTAS RAS

E-mail: riazan@mail.ru

Mauro A. L. Miguel

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

E-mail: mauromiguel@yandex.ru

For citation: Sergey V. Ryazantsev, Mauro A. L. Miguel. Economic Aspects of Migration in the Republic of Angola. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2. No. 1. Pp. 80–93. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.7>

Abstract. The article discusses the features of migration in the Republic of Angola. The country has a strong demographic and economic potential. Migration processes occur in two directions: there is an immigration to the country of qualified and highly qualified specialists, return forced migrants; and labor and educational migrants emigrate from the country. Between Angola and Portugal there are fairly stable migration ties. The largest Angolan diaspora outside of Africa has formed in the former metropolis. Portugal attracts Angolans with a common language, historical ties, labor market opportunities, and prospects for integration

into society. Also, Angolan diasporas began to form in the so-called “new emigration” countries - France, the USA, South Africa, Brazil. The most recent trend has been the emigration of Angolans to China, which is actively developing and establishing strong ties with African countries. Remittances from labor migrants and representatives of the Angolan diasporas characterize new directions of emigration from the country. Remittances to Angola come mainly from those countries where labor migrants go to work. Angola gradually transformed from a country of outflow of forced migrants into a country of reception of forced migrants. Large-scale return migration of Angolan refugees who had previously left the country is taking place in the country. Despite the magnitude of the phenomenon of forced migration, there is little research on the integration of refugees and the reintegration of returned refugees into Angolan society. As a result, the potential of former refugees is not fully utilized in terms of developing the human capital of Angola and its regions.

Keywords: Republic of Angola, migration, population, emigration, immigration, labor migration, forced migration, remittances, diasporas.

References

1. Melo A. J. *Regresso a uma vida melhor: A integração dos ex-refugiados angolanos após o seu regresso a Angola* [Return to a better life: The integration of former Angolan refugees after their return to Angola]. Brussels: International Organization for Migration, 2013. 78 p. (In Port.)
2. Furtado S. C. *Migrações Angolanas* [Angolan Migrations]. Campinas: Núcleo de Estudos de População “Elza Berquó” [Center for Population Studies “Elza Berquó”], 2020. 170 p. ISBN: 978-65-87447-18-6. (In Port.)
3. Lopes C. M. Refugiados, reintegração e mobilidade interna: um olhar sobre o caso angolano, 2002–2018 [Refugees, Reintegration, and Internal Mobility: A Look at the Angolan Case, 2002–2018]. *REMHU: Revista Interdisciplinar da Mobilidade Humana* [REMHU: Interdisciplinary Journal of Human Mobility]. 2018. No. 26 (54). DOI: <https://doi.org/10.1590/1980-85852503880005404>. (In Port.)
4. OECD. *International Migration Outlook 2021*. Paris: OECD Publishing, 2021. 442 p. DOI: <https://doi.org/10.1787/29f23e9d-en>.
5. Abramova I. O. *Afrikanskaya migratsiya: opyt sistemnogo analiza* [African Migration: An Experience of System Analysis]. Moscow: Institute for African Studies RAS, 2009. 352 p. ISBN: 978-5-91298-053-4. (In Russ.)
6. Ryazantsev S. V. Baldanova R. A. Main Trends of African Migration to the South of China. *CITISE*. 2021. No. 3(29). Pp. 372–379. DOI: <https://doi.org/10.15350/2409-7616.2021.3.29>. (In Russ.)

Bio note:

Sergey V. Ryazantsev, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Head Department for Demographic and Migration Policy, MGIMO University; Director, Institute for Demographic Research FCATS RAS, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-5306-8875; RSCI Author ID: 77673; Web of Science Researcher ID: F-7205-2014; Scopus Author ID: 22136228700.

Mauro Alexandre Luís Miguel, student, Faculty of Economics, Peoples, Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: mauromiguel@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-9306-194X.

Acknowledgements and financing:

The article was prepared with the support from the Council of the President of the Russian Federation for the support of leading scientific schools of the Russian Federation (Grant No. NSh-53.2022.2).

Received on 09.12.2021; accepted for publication on 11.02.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

SOCIO-ECONOMIC CONSEQUENCES OF VIETNAMESE RETURN MIGRATION FROM JAPAN

Hoang Anh Tuan

Thuongmai University, Hanoi, Vietnam

E-mail: hoanganhtuan@tmu.edu.vn

Phan The Cong

Thuongmai University, Hanoi, Vietnam

E-mail: congpt@tmu.edu.vn

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.8>

For citation: Hoang Anh Tuan, Phan The Cong. Socio-Economic Consequences of Vietnamese Return Migration from Japan. DEMIS. Demographic Research. 2022. Vol. 2. No. 1. Pp. 94–115. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.8>

Abstract. *This paper starts with building a theoretical framework related to the determinants of migration and the phenomenon of return migration. The dynamic process of development and global economic integration are considered the main driver of migration. Return migration is understood as eminent expertise abroad wherever the migrant accomplished the goals of gaining higher financial gain, upper level of education, new skills, foreign work experience, acquaintance with new values and attitudes. Then the article proceeds to reviewing migration links between Japan and Vietnam. Japan is the country that receives the most Vietnamese workers after Taiwan. Also, the number of Vietnamese studying in Japan has sharply risen recently, making Viet Nam the second largest exporter of students to Japan behind China. The results of a survey conducted by the authors revealed that return migrants from Japan have obtained additional degrees and qualifications abroad. In addition, there is a significant improvement in wages and income depending on their employment sector. The highest income group is people working for Japanese companies, followed by a group of those working for private companies and non-governmental organizations, the lowest increase in incomes is observed in the state sector. Furthermore, the returnees believe that their economic conditions have improved, as they have got a better salary and job position than before going abroad, so their lives become wealthier than before.*

Keywords: *international migration, return migration, economics opportunity, Vietnam, Japan.*

Introduction

Migration has become an essentially social phenomenon in a globalizing world. Its importance refers not only to the number of people involved but also to the implications for societies and economies in the countries concerned. Notably, the role of migration in developing countries is becoming a major issue of policy in terms of economic development. More nationals of more countries are on the move, and more countries are affected by migration than ever before.

The movement of labor from low-wage to high-wage countries stems from differences in income and employment opportunities among economies. In Vietnam, international migration has expanded at a fast pace recently with various means of migration, becoming one of the important determinants to the change of economic and social context in the country. Sending laborers to more developed countries to work is an important strategy for human resources quality development and income generation in Vietnam. According to a report by the Ministry of Foreign Affairs of Vietnam [cit. ex 1], in 2017, about 800 thousand Vietnamese workers were working in 30 different occupational categories in 40 countries and territories. Korea, Japan, Taiwan, and Malaysia are the main countries that outsource laborers from Vietnam. Exported workers' income increases quickly, and as a result, these workers send back to Vietnam 1.8 to 2.0 billion USD annually, contributing to improving their families' well-being and the country's development.

In recent years, Vietnam's rapid economic growth has been accompanied, as in many other parts of the developing world, by increasingly macro levels of geographical labor mobility. Vietnam is shifting its objectives much towards building long-term impacts rather than just focusing on immediate goals, which are creating jobs and generating income. These more long-term objectives include improving labor quality and labor productivity as well as enhancing human resources development through overseas human resources supply and exchange programs. The Government of Vietnam is prioritizing labor exchange programs in which through work, workers can develop their technical knowledge, occupational skills, and basic skills for future career building, besides traditional factors including jobs and higher incomes¹. Japan appears to be the ideal market, which can help Vietnam to achieve almost all of these objectives with many overseas workforce supply programs assisting laborers to improve their technical skills through working.

There is now a standard understanding that the economic, social, and cultural benefits of international migration should be more effectively realized, in which the policy issues of labor migration might be better addressed [2]. Although there have been many studies on the impact of return migration under different approaches [3; 4; 5], however, while proper deal attention is given to the needs and well-being of Vietnamese migrants, inclusive of raising their cognizance of migration, before their departure and at some point of their time overseas, less attention is given to their reintegration upon their coming back to Vietnam, especially, migrant workers returning from Japan to the rural areas when Japan is tending to become a potential labor export market for Vietnamese people. Up to now, the current data sources or statistics regarding migrants returning from Japan are very limited or unavailable, which makes it difficult for researchers to conduct related studies and makes it more challenging for the government to have adequate and efficient policies regarding migration. Meanwhile, the need to develop a thorough understanding of the migration – development linkage is very essential, particularly in an era characterized by increasing human mobility. In particular, developing a sound policy on return migrants, will require a good knowledge of return migration including a deeper understanding of their socio-economic implications after the return.

To bridge that knowledge gap, the purpose of this study is to investigate the socio-economic situation of Vietnamese migrants after returning from Japan, focusing on the two most common types of migration: through work and study – based on online questionnaire survey data. This paper starts with building a theoretical framework related to the determinants of migration and return migration. Then, the article proceeds to reviewing the context of migration between Japan and Vietnam. Finally, the authors investigate the socio-economic situation of Vietnamese migrants before and after migration.

Theoretical framework

Migration may be defined as a temporary or permanent change in the usual place of residence across space in a given period [6]. It has temporal and spatial dimensions which are often used to classify migrants. For example, in terms of time, migration can be classified as seasonal, or permanent, and spatially, it could be designated as internal, or

¹ Vietnam and Japan signed a Memorandum of Understanding on technical intern training [Việt Nam-Nhật Bản ký kết Bản ghi nhớ hợp tác về chế độ thực tập sinh kỹ năng] // Ministry of Labor, War Invalids and Social Affairs of Vietnam [Bộ Lao động - Thương binh và Xã hội Việt Nam] [site]. 14.06.2017. URL: http://www.dolab.gov.vn/New/TongQuanTTLD.aspx?&LIST_ID=1268&MENU_ID=248&Key=3083 (accessed on 15.02.2019). (In Viet.)

international while internal migration is further classified into four components: namely, rural-urban, rural-rural, urban-rural, and urban-urban, etc. [6]. International return migration, which is the focus of this paper, refers to the act of a person returning to his/her country of citizenship after having been an international migrant in another country and who is intending to stay in his/her own country for at least one year [7].

Determinants of migration

The traditional model of migration is a neo-classical/labor flow approach, in which migration is seen as a response to regional labor market imbalances [e. g., 8; 9]. The neo-classical theory emphasizes individual migration decisions, based on a reasonable comparison of the relative costs and benefits of staying at home or moving. The neo-classical theory holds that potential migrants have excellent knowledge of salaries and employment opportunities in the target areas, and their migration decisions are based entirely on these economic factors. Under the neoclassical model, the existence of economic disparities between different regions is sufficient to create migrants' flow. In the long run, such flows will help to balance wages and conditions in underdeveloped and developed areas, leading to economic equilibrium [10; 11; 12, etc.].

Alternative explanations are needed for the international migration of labor. Such an approach emphasizes the so-called push and pull factors and examines obstacles to explain why people move. Major migrations are a response to some major events in the country of origin where the domestic market cannot respond quickly enough. Income disparities may be less relevant than security considerations in situations of civil unrest, armed conflict, political repression, and natural disasters. Natural disasters, wars, political oppression, or a sufficiently asymmetric shock in one country will lead to a significant push to encourage people to leave. When mobile, people will search for the location that offers the best reward. This model, introduced by L. A. Sjaastad (1962) [5], has been generalized in K. F. Zimmermann's (1996) [13] identification of push and pull factors [14; 15; 16].

According to W. Zelinsky (1971) [17], at the beginning of the process of modernization and industrialization, there is often an increase in emigration, due to population growth, reduced rural employment, and low wages. As the process of industrialization takes place, labor supply decreases, and domestic wages increase; as a result, emigration falls, and labor migration rises. The new approaches have been characterized as transitional theories by H. de Haas (2010) [18]. These approaches set out to link mobility to processes of development and economic integration. The new approaches include the new economics of labor migration (NELM), which is still in a neoclassical model of income maximization and equilibrium trends. However, it still questions the individualism of the neo-classical theory by emphasizing the role of families and communities in migration decisions. NELM uses methods such as qualitative interviews and household surveys similar to those used by anthropologists and sociologists. Dual or segmented labor market theory analyzes the differential labor demand of employers as a significant factor in the cause and structure of migration. Migration network theory shows the collective authority of migrants and their communities in organizing migration processes and integrations. The transnational approach is the result of new transport and communication technologies, making it increasingly easy for migrants to maintain long-term economic, social, cultural and political links across borders, which makes transnational communities (or diasporas) increasingly important as social actors [18].

In scientific literature, there are also several other explanations for international labor migration. These theories explain why migration sometimes does not occur even when significant expected income disparities exist, or vice versa, why migration sometimes occurs even when there is no income difference. For example, in J. Conley and H. Konishi's view (2002) [19], there may be external influences on migration, such as differences within the scope of regional facilities. These include public goods or merit goods, such as educational opportunities, health care systems, and living conditions or external consumption through the variety and types of market goods available.

Besides, based on O. Stark's research (1991) [20], with the imperfect credit market, migration may generate cash income and alleviate the credit constraint, and therefore migration may occur even if the income gap is expected to be negative. Similarly, migration decisions should be viewed as joint household decisions rather than an individual's choice, and therefore may depend not only on personal characteristics and preferences but also on the characteristics and preferences of other household members.

Return migration

In migration studies, migration has long been considered a one-way process with a starting point (country of origin) and an ending point (destination country). Therefore, migration research mainly focuses on factors that cause migrants to leave the country and their integration process in the destination country [21], resulting in little attention to the topic of return migration.

Based on J. P. Cassarino's point of view, in the 1970s, the theory of return migration viewed the returnee as a migrant who returned home because of a failed migration experience that did not achieve the desired results. For example, the neoclassical migration model considered migrant return decisions as a result of a failed migration experience that does not have the expected benefits. In other words, from a neoclassical point of view, returning migration involves only migrant workers who miscalculate migration costs due to imperfect information before departure and those who do not reap the benefit from higher income. So, the return happens as a result of their failed experience abroad or because their human capital was not rewarded as expected [9].

However, the focus of migration studies changed in the 1990s. Returning started to be understood as a successful experience abroad when migrants fulfill their goals of earning higher incomes and accumulating the savings while transferring a portion of their income to their households, acquiring higher education, new skills, and foreign work experience, as well as accumulating social capital in the form of networks, values, and attitudes [9]. From the perspective of the new economic model, international migration and return are considered as a calculated strategy to minimize credit market imperfections at the place of origin, in which migration serves to accumulate sufficient savings to provide the capital or at least the collateral needed to obtain credit for home investment, especially in business operations. When migrants achieve their target savings, they return home [20; 22].

One of the most debated issues has been that of human capital gains for emigration countries through the return of migrants [23; 24]. "The human capital model of socio-economic achievements views migration as a form of investment whereby the individual initiates a geographical move with the expectation of drawing net cumulative gains over his or her working life" [25]. "Brain gain generally indicates that foreigners are returning from abroad with highly skilled technical or intellectual expertise, which creates a positive outcome because they often bring back skills and/or norms" [26]. Brain gain usually has a

positive meaning in the literature because migrants can potentially bring back skills and/or norms and implement them in their home society. G. Gmelch (1980) [27] has distinguished two perspectives from which this question could be measured or approached. On the one hand, the actual social and economic status of returnees can be examined, looking at employment and housing, participation in associations, their earnings and savings, and ownership of capital assets. On the other hand, the return migrants' perceptions can be measured based on their degree of "satisfaction" or "dissatisfaction" after the migration experience [27].

This research follows the new approaches that have been characterized as transitional theories, which have been discussed above by H. de Haas [18] with the main driver of migration is the dynamic process of development and global economic integration. Besides, this study pursues the theory of return migration as the viewpoint of J. P. Cassarino [9]; return then was understood as eminent expertise abroad wherever the migrant accomplished the goals of higher financial gain and also the upper level of education, skills, foreign work experience, values, and attitudes.

Overall trends in international migration between Vietnam and Japan

Vietnam migration profile

Labor and employment

Sending Vietnamese to work abroad is a major policy of the Government of Vietnam. This policy contributes to international integration and promotes Vietnam's relationships and cultural exchanges with other countries worldwide. It is based on the principles of equality and mutual benefit.

International departures for livelihood purposes are the most popular form of migration for Vietnamese, including those who work abroad under fixed-term contracts and self-funded migration of workers to neighboring countries. Table 1 shows the top 5 destinations of Vietnamese laborers in 2012–2016 with Taiwan topping the table. During this period, the number of Vietnamese workers who arrived in Taiwan doubled, while Japan ranked second with an annual increase of about 10,000 workers over the last three years. South Korea, Malaysia, and Saudi Arabia were also among the top destinations. Note that Vietnam's labor figures in the countries/territories referred to in Table 1 show the number of migrants that started to work during the year. If we include those who had already been working in each country, the number of Vietnamese workers in the country is much larger.

Table 1.

Top 5 destinations for Vietnamese workers, 2012–2016

No.	Destination	2012	2013	2014	2015	2016	Total
1	Taiwan	30,533	46,368	62,124	67,621	68,244	274,890
2	Japan	8,775	9,686	19,766	29,810	39,938	107,975
3	South Korea	9,228	5,446	7,242	6,019	8,482	36,417
4	Malaysia	9,298	7,564	5,139	7,454	2,079	31,534
5	Saudi Arabia	2,360	1,703	4,191	4,125	4,033	16,412

Source: [1]

Table 2 shows the number of Vietnamese workers working abroad. It could be seen that wages and other income levels of Vietnamese working abroad are much higher than the average wage in Vietnam, especially in countries like Japan and South Korea (according to

the World Bank’s statistics, Vietnam’s per capita income in 2018 was 2360 USD per person a year, or approximately 200 USD per person a month).

Table 2.

Vietnamese migrants working abroad and their average monthly incomes, 2014

No.	Destination	Number of Vietnamese workers	Average wages (USD/month)	Average other income (USD/month)
1	Taiwan	138,926	650	200
2	Japan	26,164	1,400	200
3	South Korea	54,392	1,000	250
4	Malaysia	20,108	300	111
5	Saudi Arabia	16,251	320	100

Source: [1]

Based on the data presented in “Vietnam Migration Profile 2016” [1], Table 3 shows the 25 provinces/cities that sent the majority (over 90%) of migrant workers abroad between 2012 and 2016. This table further shows that the northern provinces dominated the fixed-term contract labor migration marketplace. Of these, 15 provinces have the highest number of migrants working abroad; beside Ho Chi Minh City, the other 14 leading provinces are all northern and have sent over 74% of total migrant workers abroad during 2012–2016. These provinces are in the Red River Delta, the North Central and Central Coast regions where unemployment rates were the highest among economic regions classified by the General Statistics Office of Vietnam².

Table 3.

Top 25 labor-sending provinces of Vietnam, 2012–2016

No.	Province/City	2012	2013	2014	2015	2016	Total
1	Nghe An	11,000	11,671	10,900	12,811	16,457	62,839
2	Thanh Hoa	11,000	8,092	10,596	9,925	8,119	47,732
3	Ha Tinh	6,000	5,361	5,759	6,150	11,194	34,464
4	Hai Duong	N.A.	3,205	3,476	6,716	14,389	27,786
5	Bac Giang	5,000	4,068	4,860	4,374	6,963	25,265
6	Phu Tho	2,500	2,500	2,705	2,535	5,389	15,629
7	Ho Chi Minh City	N.A.	N.A.	N.A.	13,599	1,886	15,485
8	Quang Binh	2,790	2,869	2,876	N.A.	6,029	14,564
9	Ha Noi	4,400	1,500	1,850	N.A.	6,286	14,036
10	Thai Binh	2,100	2,500	2,700	N.A.	5,923	13,223
11	Nam Dinh	2,910	1,944	1,950	1,950	3,910	12,664
12	Hung Yen	2,700	2,700	2,900	N.A.	4,190	12,490
13	Hai Phong	3,200	540	1,671	1,500	3,520	10,431
14	Bac Ninh	2,500	1,200	1,652	1,579	3,402	10,333
15	Vinh Phuc	2,000	2,030	2,247	2,148	1,682	10,107
16	Thai Nguyen	2,000	700	1,597	412	2,007	6,716
17	Ha Nam	1,000	947	848	1,029	1,912	5,736
18	Gia Lai	1,300	1,270	1,315	1,315	265	5,465

² Employment // General Statistics Office of Vietnam [site]. URL: <https://www.gso.gov.vn/en/employment/> (accessed on 10.09.2021).

No.	Province/City	2012	2013	2014	2015	2016	Total
19	Quang Ngai	1,400	1,395	1,402	N.A.	575	4,772
20	Ninh Binh	700	615	640	976	1,740	4,671
21	Quang Tri	N.A.	N.A.	750	1,497	1,275	3,522
22	Yen Bai	800	775	790	800	316	3,481
23	Dak Lak	650	778	650	580	706	3,364
24	Vinh Long	450	505	500	626	978	3,059
25	Ben Tre	377	339	516	504	1,188	2,924

Source: [1]

Figure 1 shows us the number of migrant workers working abroad in 2016 – this is the year when the data were most fully recorded; and three provinces (Nghe An, Hai Duong, and Ha Tinh) have the largest number of migrant workers.

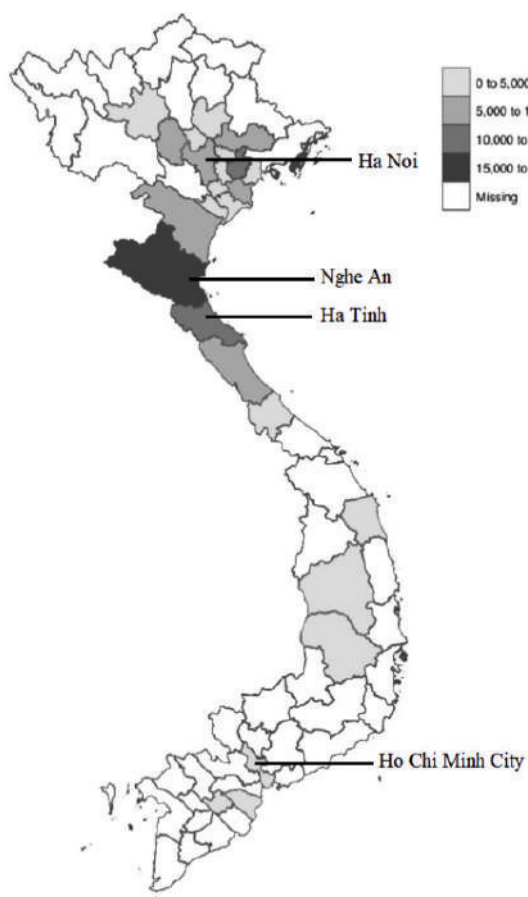

Fig. 1. Top 25 labor-sending provinces of Vietnam in 2016

Migration for study

Migration to study is becoming a popular trend among school and university students in Vietnam. Most migrant students are self-funded by the family budget and are not

included in the statistics collected by the Ministry of Education and Training (MoET)³. The number of students studying abroad on a scholarship from the state budget or an agreement between the Government of Vietnam and the foreign government managed by the MoET makes up only a small percentage of educational migrants. Overall, it is estimated that more than 100,000 Vietnamese were studying abroad in 2016, and this figure, as forecasted, will continue to increase as the country further integrates into the global community. Migration for study includes not only international students, those attending higher education programs (MA or PhD courses) or colleges, but also contains trainees and interns who are international migrants for vocational training and internship.

According to the Japan Student Services Organization (JASSO) statistics (Table 4), the number of Vietnamese studying in Japan has sharply risen, from 26,439 in 2014 to 38,882 in 2015 and a record peak of 72,354 in 2018, making Vietnam the second biggest exporter of students to Japan behind China⁴. Besides students, numerous Vietnamese undertake training courses in Japan. According to the data from Japan's Ministry of Justice, there were more than 123,000 Vietnamese trainees in Japan by November 2018⁵. It is apparent that international students are among the major categories of migrants from Vietnam to Japan and their migration experience also has important implications in migration research. That is why international students are also considered as one of the subjects of this research.

Table 4.

Top 10 countries of origin of international students in Japan

Country	Number of students				
	2014	2015	2016	2017	2018
China	94,399	94,111	98,483	107,260	114,950
Vietnam	26,439	38,882	53,807	61,671	72,354
Nepal	10,448	16,250	19,471	21,500	24,331
South Korea	15,777	15,279	15,457	15,740	17,012
Taiwan	6,231	7,314	8,330	8,947	9,524
Sri Lanka	N.A.	2,312	3,976	6,607	8,329
Indonesia	3,188	3,600	4,630	5,495	6,277
Myanmar	1,935	2,755	3,851	4,816	5,928
Thailand	3,250	3,526	3,842	3,985	3,962
Malaysia	2,475	2,594	2,734	2,945	3,094
Others	17,861	21,756	24,706	28,076	33,219
Total	184,155	208,379	239,287	267,042	298,980

Source: JASSO⁶

³ Reports and statistics // Ministry of Education and Training of Vietnam [site]. URL: <https://en.moet.gov.vn/reports-and-statistics/Pages/index.aspx> (accessed on 20.09.2021).

⁴ Statistics // Japan Student Services Organization [site]. URL: <https://www.jasso.go.jp/en/statistics/index.html> (accessed on 20.09.2021).

⁵ 2018 Immigration Control / Immigration Bureau, Ministry of Justice of Japan. Electronic publication. URL: <https://www.moj.go.jp/isa/content/930003769.pdf> (accessed on 20.09.2021).

⁶ The Summary of Result on an Annual Survey of International Students in Japan // Study in JAPAN. Site ran by Japan Student Services Organization. URL: <https://studyinjapan.go.jp/en/statistics/zaiseki/index.html> (accessed on 20.09.2021).

Features of Japan as a major destination country

Japan has been receiving Vietnamese workers since 1992, mainly under the Japanese Industrial Training Program (ITP) and the Technical Internship Program (TIP) that aim at human resource development and contribute to industrial development in migrant sending countries through the transfer of Japanese industrial and professional knowledge, skills, and technical expertise by accepting many young and middle-aged workers from other countries in Japan⁷.

The total number of Vietnamese workers sent to Japan between 1992 and 2010 was relatively small (about 52,000), but the annual intake has increased to about 5,000 or more in recent years. Regarding trainees/technical interns (hereinafter, trainees) supported by the Japan International Training Cooperation Organization (JITCO), the number of Vietnamese trainees in the 1990s was fewer than Chinese, Indonesian, Philippine, or Thai trainees [1].

In recent years, the Vietnam-Japan partnership was growing steadily, especially in labor cooperation, which has created great chances for Vietnamese laborers to seek jobs or study opportunities in Japan. According to Japan's Ministry of Health, Labor and Welfare, by the end of October 2018, over 310,000 Vietnamese laborers were working in Japan, accounting for 22% of foreign workers in the country and making the Vietnamese community the second largest foreign group in Japan after China with 390,000 people⁸. The data from Table 5 show us a significant increase in the number of Vietnamese migrants in Japan over the past few years.

Table 5.

**The number of Vietnamese nationals residing in Japan
by employment status (people)**

Year Status	2013	2014	2015	2016	2017
Total	072,256	099,865	146,956	199,990	262,405
Professor	150	159	152	151	151
Religious Activities	177	190	217	210	232
Journalist	9	8	9	10	9
Highly-Skilled Professional			20	55	168
Business Manager	28	44	78	160	265
Medical Services	21	11	8	9	12
Researcher	39	46	38	48	48
Engineer/Specialist in Humanities/ International Services	4,588	5,875	8,784	13,570	22,045
Intra-company Transferee	497	515	656	841	909
Skilled Labor	182	212	238	307	403
Technical Intern Training	21,632	34,039	57,580	88,211	123,555
Cultural Activities	39	43	44	49	49
Student	21,231	32,804	49,809	62,422	72,268
Trainee	196	217	197	197	247
Dependent	3,054	3,913	5,365	7,623	11,112
Designated Activities	78	432	1,254	2,428	5,627
Permanent Resident	12,060	12,813	13,539	14,271	14,913

⁷ Technical Intern Training Program // Japan International Training Cooperation Organization [site]. URL: <https://www.jitco.or.jp/en/regulation/> (accessed on 10.10.2021).

⁸ Sato H. Foreign workers in Japan double in 5 years, hitting record // Nikkei Asia. Business media. 25.01.2019. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Japan-immigration/Foreign-workers-in-Japan-double-in-5-years-hitting-record> (accessed on 10.09.2021).

Year Status	2013	2014	2015	2016	2017
Spouse or Child of Japanese National	1,703	1,880	2,182	2,587	3,164
Spouse or Child of Permanent Resident	1,053	1,208	1,429	1,571	1,752
Long-Term Resident	5,513	5,450	5,346	5,258	5,448

Source: 2018 Immigration Control

Based on Table 5, Japan is a choice not only for Vietnamese workers but also an ideal place for studying. Students are more than just learners, they are also a rich source of workforce supplementation, their skills and qualifications can make an important contribution to promoting the country's development. Therefore, in this study, their role is considered similar to those of workers. However, when doing the survey, we were confronted with the difficulty of getting access to technical trainees after their return. They have very few social connections; there is hardly any public information about them, and communication was difficult due to the geographical dispersion. This is also a limitation of the study, as the number of technical workers among the respondents of the survey is low compared to other groups.

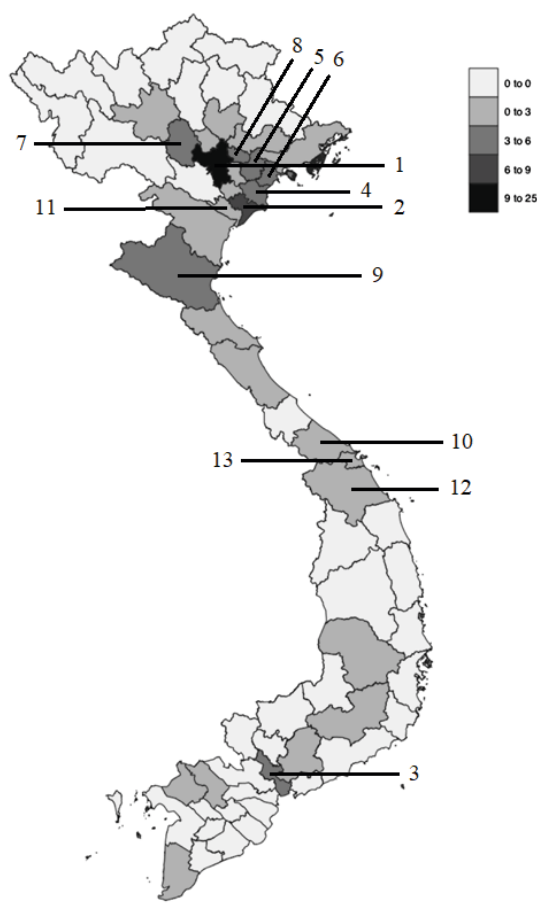
Methods and data

The data of this study are based mainly on an online questionnaire survey that was conducted from 09.08.2018 to 11.11.2018 and administered to 113 Vietnamese migrants returning from Japan, including those who went abroad for study and those who travelled for work. We received 101 eligible responses, giving a response rate of 89% (see Figure 2 for the place of birth of respondents). The main category of respondents is international students followed by labor migrants. The respondents were selected through personal channels and networks. The steps for conducting the survey are described in detail as follows:

Step 1. The authors prepared the questionnaire and created an online link on Google Docs. This is to ensure that the link is sharable, and the respondents can answer via their personal computer or telephone with an internet connection instead of having to fill out a printout.

Step 2. Finding the interviewees. Because one of the authors used to be an international student in Japan between 2011 and 2013 in Ibaraki, during that time, the author has established a social network with Vietnamese students and working employees in Japan; this social network is maintained after those people returned to the home country. At the time prior to the survey, the author contacted friends in this social network (via phone calls, messages, Facebook, email, etc.) to present the purpose of the study and request consent to participate in the interview, as well as having people continue to introduce other acquaintances to participate in the interview based on their social network ("snowball" sampling method had been taken into account).

Step 3. After receiving the consent to participate in the survey, the authors proceeded to send the questionnaire link to the participants via email, text message on Facebook, etc. This is to ensure consistency in the investigation, so that participants can respond at the time most appropriate to them and ensure confidentiality of information.

No.	Province/city	N of respondents
1	Ha Noi	25
2	Nam Dinh	9
3	Ho Chi Minh City	6
4	Thai Binh	5
5	Hai Duong	5
6	Hai Phong	5
7	Phu Tho	4
8	Bac Ninh	4
9	Nghe An	3
10	Hue	3
11	Ninh Binh	3
12	Quang Nam	3
13	Da Nang	2
14	Bac Giang	2
15	Ha Nam	2
16	Ha Tinh	2
17	Thai Nguyen	1
18	Dong Nai	1
19	Ca Mau	1
20	Hung Yen	1
21	Lam Dong	1
22	Quang Binh	1
23	Quang Ninh	1
24	Thanh Hoa	1
25	Vinh Phuc	1
26	Yen Bai	1
27	Dak Lak	1
28	Dong Thap	1

Fig. 2. Place of birth of the respondents

Based on the questionnaire survey analysis, this chapter provides a general view of the socio-economic conditions of Vietnamese migrants before and after migration. In some cases, when the data need further analysis, we divided the respondents into four groups (Table 6).

Table 6.

Categories of respondents

No	Name	Characteristics of the Group	N of Respondents
1	Group I	People who had a job before going to Japan to study. (These people are currently working in Vietnam and go to Japan to obtain a higher education).	51
2	Group II	People who did not have a job before going to Japan to study. (These people are mostly students who are studying or just graduated).	29
3	Group III	People who go to Japan for work only. (Including trainees and interns).	16
4	Group IV	People who come to Japan for family reunion	5

In the goal of the survey was to collect the data about migrants who go to Japan for work and for study, but the proportion of the respondents who go to study is larger – a total of 80 people from Groups I and II stayed in Japan for study. The cause of this situation lies mainly in the author’s social network. It means at least this sample is biased towards those who have come to Japan for study purposes and is not representative of migrants from Vietnam to Japan.

The socio-economic impact of international migration to Vietnamese migrants after returning from Japan

Socio-demographic characteristics of the respondents

The respondents were mostly females (60 respondents, or 59.4%), young or middle aged (28.7% are below 30 years old, and 65.3% are between 31 and 40 years old), married (67.3%). This is consistent with the fact that most return migrants to Vietnam are young and in active working ages, which is beneficial for the socio-economic development of the country. The fact that more than half of the respondents are married is predictable in view of the observation that a large proportion (28.7% + 65.3% = 94%) of them are aged 20–40 years old (Table 7).

Table 7.

Socio-demographic characteristics of return migrants

Background Characteristics	Group I		Group II		Group III		Group IV		Total	
	Freq.	Percent	Freq.	Percent	Freq.	Percent	Freq.	Percent	Freq.	Percent
Gender										
Female	34	33.3	16	55.2	5	31.3	5	100.0	60	59.4
Male	17	66.7	13	44.8	11	68.7	0	0	41	40.6
Total	51	100.0	29	100.0	16	100.0	5	100.0	101	100.0
Age										
Under 30	5	9.8	15	51.7	9	56.2	0	0	29	28.7
31-40	42	82.4	13	44.8	5	31.3	5	100.0	66	65.3
Above 40	4	7.8	1	3.5	2	12.5	0	0	7	6.0
Total	51	100.0	29	100.0	16	100.0	5	100.0	101	100.0
Marital Status										
Single	15	29.4	12	41.4	6	37.5	0	0	33	32.7
Married	36	70.6	17	58.6	10	62.5	5	100.0	68	67.3
Total	51	100.0	29	100.0	16	100.0	5	100.0	101	100.0
Language Ability										
Japanese	5	9.8	15	51.8	12	75.0	2	40.0	34	33.7
English	38	74.5	3	10.3	2	12.5	0	0	43	42.6
English, Japanese	8	15.7	11	37.9	2	12.5	3	60.0	24	23.7
Total	51	100.0	29	100.0	16	100.0	5	100.0	101	100.0
Duration of stayed in Japan										
Less than 1 year	3	5.9	2	6.9	1	6.3	0	0	6	6.0
From 1 to 3 years	29	56.9	9	31.0	9	56.2	1	20.0	48	47.5
Over 3 years	19	37.2	18	62.1	6	37.5	4	80.0	47	46.5
Total	51	100.0	29	100.0	16	100.0	5	100.0	101	100.0

The results showed that a high proportion (47.5%) of the returnees stayed at their destination for 1–3 years, while 46.5% said they stayed abroad for 3 years or more. Only 6% reported staying for less than a year.

Another point worth noting is that while most of the respondents in Group I went to Japan for study and fluently spoke English (up to 74.5%); the remaining Groups had proficiency in Japanese (51.8% in Group II and 75.0% in Group III), excluding those fluent in both languages.

Educational level and the benefits achieved

In this context, because Groups I and II come to Japan mainly to study, Groups III and IV come to work, the benefits from education will mainly fall to Groups I and II. That is why we do not classify them and analyze only the general statistic. The data in Table 8 indicate that before departure, about 84.1% of the respondents had university education followed by those with junior college diploma (6.9%). The results revealed that after their return, some of the migrants acquired additional degrees and qualifications. For instance, whereas only one of the respondents had master’s degree and one other hold PhD degree before their departure, after the return, 29.7% acquired master’s degrees and 23.8% achieved PhD degrees abroad. This is due to the fact that 79.2% of the respondents came to Japan to study. Thus, it is clear that the educational level of the returnees improved significantly. Over 50% got academic degrees (MA or PhD) abroad. Especially, the number of people with a certificate of Japanese proficiency increased significantly (13.8%).

Table 8.

Educational level

Educational level	Before departure		After return	
	Frequency	Percentage	Frequency	Percentage
Short-term technical worker	N.A.	N.A.	5	5.0
Long-term technical worker	2	2.0	1	1.0
Professional secondary school	5	5.0	N.A.	N.A.
Junior college diploma	7	6.9	7	6.9
Bachelor’s	85	84.1	20	19.8
Master	1	1.0	30	29.7
PhD	1	1.0	24	23.8
Other (Japanese language proficiency)	N.A.	N.A.	14	13.8
Total	101	100.0	101	100.0

The cohort of college students has the highest percentage of respondents who have acquired higher education levels (master’s or doctor’s degrees, language skills). This can be considered the biggest opportunity for them because higher qualifications mean better chances of finding a job getting a promotion.

Migration optimists [9; 26; 27] are of the view that migrants through international migration bring back critical skills and experiences which are useful for the developing world. Within the context of this study, skills refer to any formal or informal capacity-enhancing endeavor that is specifically geared toward the acquisition of expertise in a particular vocation or profession. Such skills acquisition could cover broad areas including specialized technical skills, skills in social work, as well as entrepreneurial and managerial skills. Most of these skills are often acquired through job training.

The following question in the survey questionnaire is “What are the beneficial gains when you were living in Japan besides your education and work qualifications attainment?” The results of the survey (Table 9) show that after their return, a higher proportion said they had acquired some benefits. The most benefits achieved is making new friends or extending

social networks such as meeting new collaborators, partners, neighbors, etc. (Group I, Group II, Group III are 82.4%, 65.5%, 81.3% respectively, and 77.2% in total), followed by improving life skills (76.2%) (life skills are abilities for adaptive and positive behavior that enable humans to deal effectively with the demands and challenges of life), then ability to work under pressure (60.4%) (working under pressure means being able to continue doing your job effectively despite demands and stresses like having not enough help, time, money or expertise), and improving Japanese language proficiency (55.4% in total with the highest rate in Group III – 81.3%, and Group II – 72.4%). Improved Japanese language proficiency will be a huge advantage and an open door to welcome return migrants to work for Japanese companies in Vietnam. One of the notable benefits is that everyone has more self-motivation after they return home (60.4%) (self-motivation is accomplishing what needs to be done without the need for prompting, supervision, influence, or push from others). With those benefits achieved, return migrants can be an important source of growth for the home country through their accumulated knowledge and skills.

Table 9.

Beneficial gains

Beneficial gains	Group I		Group II		Group III		Group IV		Total	
	Freq.	Percent	Freq.	Percent	Freq.	Percent	Freq.	Percent	Freq.	Percent
Getting more income	21	41.2	9	31.0	10	62.5	2	40.0	42	41.6
Making new friends or extending networks	42	82.4	19	65.5	13	81.3	4	80.0	78	77.2
Improving Japanese language skills	18	35.3	21	72.4	13	81.3	4	80.0	56	55.4
Improving life skills	41	80.4	21	72.4	12	75.0	3	60.0	77	76.2
Ability to work under pressure	36	70.6	13	44.8	11	68.8	1	20.0	61	60.4
Self-motivation	33	64.7	15	51.7	11	68.8	2	40.0	61	60.4
Number of respondents	51	100.0	29	100.0	16	100.0	5	100.0	101	100.0

Key reasons for migration and return

From the statistics (Table 10), it can be seen that income is not the main factor that makes people migrate to Japan, but knowledge (57.3%) and skills (51.0%) are considered as two main determinants because most of the respondents in this survey are people who come to Japan to study, so that the experiences and knowledge gained are valuable for them. The reason for return is that the employment contract finished, or the course has ended (72.8%), followed by family reasons (53.3%).

Table 10.

The key reasons for migration and return

The key reasons	Group I		Group II		Group III		Group IV		Total	
	Freq.	Percent	Freq.	Percent	Freq.	Percent	Freq.	Percent	Freq.	Percent
Migration										
I intended to study and get qualifications	44	86.3	11	37.9	N.A.	N.A.	N.A.	N.A.	55	57.3
I thought I would learn other useful new skills	29	56.9	12	41.4	8	50.0	N.A.	N.A.	49	51.0

The key reasons	Group I		Group II		Group III		Group IV		Total	
	Freq.	Percent	Freq.	Percent	Freq.	Percent	Freq.	Percent	Freq.	Percent
I hoped to find a better job after coming back to my country	16	31.4	13	44.8	10	62.5	N.A.	N.A.	39	40.6
I hoped to learn to speak Japanese that would be useful to me	7	13.7	16	55.2	8	50.0	N.A.	N.A.	31	32.3
I thought I would be able to earn more money	5	9.8	4	13.8	7	43.8	N.A.	N.A.	16	16.7
Number of respondents	51	100.0	29	100.0	16	100.0	N.A.	N.A.	96	100.0
Return										
The course finished / job contract terminated	43	89.6	13	50.0	10	71.4	1	25.0	67	72.8
Family reasons	23	47.9	14	53.8	9	64.3	3	75.0	49	53.3
Others (I went to earn a certain amount of money and I managed to; because my life was not as I hoped it would be in Japan; I came back to set up a new business or to start a new job; because of government schemes that made it attractive to come back)	11	22.9	8	30.8	6	42.9	1	25.0	26	28.3
Number of respondents	48	100.0	26	100.0	14	100.0	4	100.0	92	100.0

Occupational status and income effect

Another aspect of the skill enhancement of migrants (such as working skills, life skills, professional skills, or language skills) is measured through the occupational mobility of returnees. The impact of skill acquisition on occupational mobility seems to depend on the migrants' education level, with highly educated returnees likely to benefit more from the skills they acquired abroad than unskilled returnees.

Respondents were asked to indicate the type of occupations they were engaged in Vietnam before their migration and after their return. In this section, we eliminated Group II because this group consisted of people who had no job before coming to Japan. The results from Table 11 revealed that migrants tend to move out of previous occupations after the return (42.9%) as a result of their experience abroad. This phenomenon mainly occurs in Group III (87.5%) while only 28.0% in Group I did so. The reason is that Group I consists of public sector employees who are bound by regulations (88.9% of the respondents said that they committed to come back to their previous job), while Group III are people working in the private sector where there are no constraints and they can easily change jobs after the return. 60% of those returnees who moved out of their previous work said that the skills and knowledge acquired abroad were not suitable for their previous job, while others thought that the new opportunities acquired abroad would help them to get a new job with a higher salary (60%) and a higher position (26.7%).

Table 11.

Occupational status after the return

Occupational status after the return	Group I		Group III		Group IV		Total	
	Freq.	Percent	Freq.	Percent	Freq.	Percent	Freq.	Percent
After you came back to Vietnam, did you do a different job from the one you held before you left for Japan?								
Yes	14	28.0	14	87.5	2	50.0	30	42.9
No	36	72.0	2	12.5	2	50.0	40	57.1
Total	50	100.0	16	100.0	4	100.0	70	100.0
What are the reasons for holding the same job? (Multiple choice)								
I committed to come back to my old job	32	88.9	2	100.0	N.A.	N.A.	34	85.0
I have a higher salary at this job	4	11.1	N.A.	N.A.	N.A.	N.A.	4	10.0
I have a higher position at this job	4	11.1	1	50.0	N.A.	N.A.	5	12.5
I could not find a better job	2	5.6	N.A.	N.A.	1	50.0	3	7.5
I keep this old job while looking for a better one	5	13.9	1	50.0	1	50.0	7	17.5
Other	2	5.6	N.A.	N.A.	N.A.	N.A.	2	5.0
Number of respondents	36	100.0	2	100.0	2	100.0	40	100.0
Why did you change your job? (Multiple choice)								
The skills and knowledge acquired abroad are not suitable for my previous job	8	57.1	9	64.3	1	50.0	18	60.0
I have a higher salary at my new job	10	71.4	8	57.1	N.A.	N.A.	18	60.0
I have a higher position at my new job	2	14.3	6	42.9	N.A.	N.A.	8	26.7
I moved to the new job for family reasons	1	7.1	1	7.1	1	50.0	3	10.0
Other	2	14.3					2	6.7
Number of respondents	14	100.0	14	100.0	2	100.0	30	100.0

There is an obvious trend that returnees tend to leave their previous jobs in the state sector and move to work for private, foreign, or joint venture companies of Japan in Vietnam (Figure 3). The most significant change that can be observed is that many return migrants turn to working in private companies, Japanese joint venture enterprises or Japanese companies in Vietnam. It seems like the knowledge and skills acquired during studying and working in Japan help immigrants to find a job in Japanese companies, which can be seen as an important step towards promoting development and economic links between Vietnam and Japan.

We conduct further analysis by looking at the respondent’s income and classifying them into 4 groups (some respondents refused to provide any information about their incomes). According to the data from Table 12, the income of Vietnamese return migrants varied significantly depending on the enterprise’s type of ownership (state, private, NGO, or Japanese company). In this analysis, we calculated both average income and median income. For a more accurate view, median income was chosen for analysis and comparison.

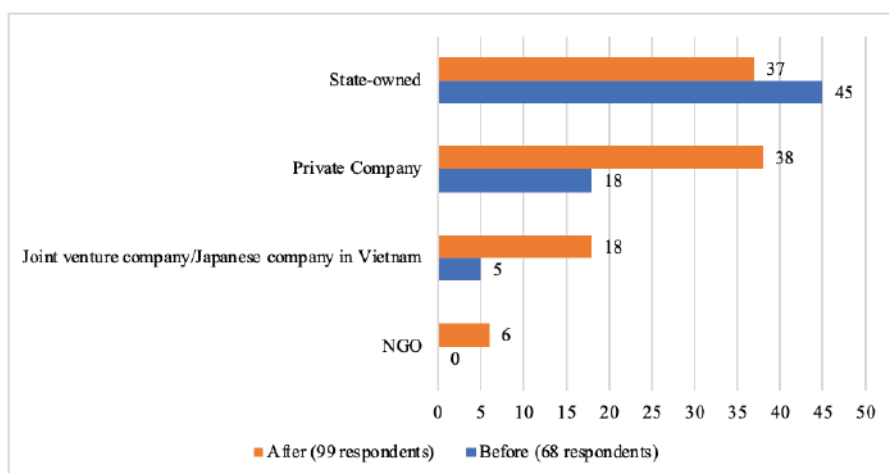

Fig. 3. Employment by types of ownership

Table 12.

Income Effect

Indicator	Group I		Group II		Group III		Group IV		
	Before	After	Before	After	Before	After	Before	After	
Total Income	283.1	645.1	N.A.	718	55.5	242	40	20	
Average Income	6	16.1	N.A.	32.6	5.6	20.2	8	6.7	
Median Income	5	12	N.A.	18	5.8	15	10	8	
Number of respondents	47	40	N.A.	22	10	12	5	3	
Career transition and corresponding income	1. State-owned		2. Private company		3. NGO		4. Japanese joint venture company in Vietnam		
	Total Income	40	24	N.A.	2	N.A.	N.A.	N.A.	N.A.
	Total Income	222.6	218.1	N.A.	67	N.A.	N.A.	N.A.	N.A.
	Average Income	5.6	9.1	N.A.	33.5	N.A.	N.A.	N.A.	N.A.
	Median Income	5	6.3	N.A.	33.5	N.A.	N.A.	N.A.	N.A.
	Total Income	6	7	N.A.	14	7	9	4	3
	Total Income	48.5	226	N.A.	364	40.5	192	30	20
	Average Income	8.1	32.3	N.A.	26	5.8	21.3	7.5	6.7
	Median Income	8.5	15	N.A.	17	5	10	7.5	8
	Total Income	N.A.	5	N.A.	N.A.	N.A.	N.A.	N.A.	N.A.
	Total Income	N.A.	96	N.A.	N.A.	N.A.	N.A.	N.A.	N.A.
	Average Income	N.A.	19.2	N.A.	N.A.	N.A.	N.A.	N.A.	N.A.
	Median Income	N.A.	17	N.A.	N.A.	N.A.	N.A.	N.A.	N.A.
	Total Income	1	4	N.A.	6	3	3	1	N.A.
	Total Income	12	105	N.A.	287	15	50	10	N.A.
	Average Income	12	26.3	N.A.	47.8	5	16.7	10	N.A.
Median Income	12	21	N.A.	45	6	17	10	N.A.	
Number of Respondents	47	40	N.A.	22	10	12	5	3	

Note: Unit of income – Vietnam Dong, million

The median income of return migrants in the state sector for Group I was the lowest, at approximately 5 million Vietnam Dong (VND) before migration and 6.3 million VND after the return. This slight increase in salary reflects the nature of the state sector where the wage increase depends largely on the position and seniority. This may explain the reason why many return migrants leave their current state-owned jobs and move to work for private companies, NGOs, or Japanese companies in Vietnam with many attractive opportunities,

remuneration, and commensurate salary. For example, from the table above, it can be seen that out of 40 people (before migration) working for the state sector (Group I) only 24 respondents continued to work at state-owned enterprises after the return (excluding some respondents who did not provide any information). The number of people working for private companies, NGOs, and Japanese companies increased accordingly. This explanation is similar for the other groups.

Group II includes people who did not have a job before going to Japan for study (these people are mostly students who are studying or just graduated). After returning, they demonstrate the most obvious tendency to work for private companies or Japanese companies in Vietnam. Their salary is also higher than the salary of other groups in all three sectors (state, private, and Japanese companies) with median incomes of 33.5 million VND, 17 million VND, and 45 million VND, respectively.

Thus, it is clear that migration has brought great opportunities for returnees, especially those who go to study – after gaining a certain degree they returned and found a better job with higher income. Many return migrants with skills and qualifications gained in Japan also tend to change their jobs, moving from the state sector to the other sectors.

Migration experience and attitudes toward migrants

In this study, the respondents were asked to think about is it easy to find a better job after coming back to Vietnam. Generally, their opinion was acquired after their return. The opinion of returnees regarding their wealth after the return and benefits received from migration is also interesting (Table 13).

Table 13.

Migration experience and attitudes toward migrants

Migration experience and attitudes toward migrants	Group I		Group II		Group III		Group IV		Total	
	Freq.	Percent	Freq.	Percent	Freq.	Percent	Freq.	Percent	Freq.	Percent
Do you think that it was easy for you to find a better job after coming back?										
Yes	39	88.6	23	82.1	14	93.3	2	50.0	78	85.7
No	5	11.4	5	17.9	1	6.7	2	50.0	13	14.3
Number of respondents	44	100.0	28	100.0	15	100.0	4	100.0	91	100.0
Overall, do you have a better salary and job position than before going abroad?										
Yes	37	82.2	24	88.9	15	93.8	2	50.0	78	84.8
No	8	17.8	3	11.1	1	6.2	2	50.0	14	15.2
Number of respondents	45	100.0	27	100.0	16	100.0	4	100.0	92	100.0
Would you say that overall, you were wealthier when living abroad than before you left Vietnam?										
Yes, I am much wealthier	5	10.0	6	22.2	4	25.0	N.A.	N.A.	15	15.3
Yes, I am slightly wealthier	26	52.0	15	55.6	10	62.5	3	60.0	54	55.1
My standard of living is about the same	15	30.0	6	22.2	2	12.5	2	40.0	25	25.5
No, I am somewhat poorer	4	5.0	N.A.	N.A.	N.A.	N.A.	N.A.	N.A.	4	4.1
Number of respondents	50	100.0	27	100.0	16	100.0	5	100.0	98	100.0
Has living abroad changed any of your views?										
Strongly agree	29	58.0	17	60.7	10	62.5	2	40.0	58	58.6
Somewhat agree	21	42.0	11	39.3	6	37.5	2	40.0	40	40.4
Neither agree nor disagree	N.A.	N.A.	N.A.	N.A.	N.A.	N.A.	1	20.0	1	1.0
Number of respondents	50	100.0	28	100.0	16	100.0	5	100.0	99	100.0

In this survey, we took one step further and asked not about life (dis)satisfaction in general but specifically for (dis)satisfaction with the respondents' financial situation to understand the role of opportunities obtained abroad. As apparent from Table 12, more than 82% of respondents in Group I, II, III believe that they have a better salary and job position than before going abroad, and also more than 60% believe that their lives became wealthier than before (when we combine both answers "Yes, I am much wealthier" and "Yes, I am slightly wealthier"); this percentage is above 70% when considering all groups. They returned home with new skills, and for some of the respondents their current activity is greatly aided by their overseas experience.

However, there are still 15 respondents (Group I) who answered that their living standards have not changed, and 4 people (Group I) who answered that their lives became poorer. They are all employees working in the state sector. As mentioned above, state enterprises' wage mechanism depends largely on position and seniority. Although their salary after the return has slightly increased as the economy is growing, they may feel that their standard of living has not changed or they became poorer because others are well-off.

Satisfaction or dissatisfaction about life after returning home is considered an important factor in assessing the results that migration brings. From the survey data, 99% of respondents agreed that living abroad has changed their views, and this is a positive impact that migration brings to migrants.

Conclusions and recommendations

This study presents an attempt to contribute to the research on return migration by framing the discussion in the context of the general socio-economic impact of returning migrants' employment outcomes. This is important because an analysis of the dynamics of the association between returning migrants' educational attainment, economic conditions, job opportunities, and their satisfaction with life is a crucial step towards enhancing our understanding of the processes associated with their socioeconomic reintegration after arrival in their home countries. Beyond the story, the need for developing social policies to better support and simultaneously take advantage of the returning migrants' experiences to the country's socio-economic development.

Based upon the information collected from individuals involved in the survey, the results revealed that return migrants has obtained additional degrees and qualifications abroad, the number of people with a certificate of Japanese proficiency also increased. In addition, return migrants also gain certain benefits, the most benefits achieved are making new friends or extending social networks, followed by improving life skills, the ability to work under pressure, and self-motivation after they return home. With those advantages accomplished, return migrants can be a significant wellspring of development for the nation of origin thanks to the new information and abilities that they acquired.

Also, income is not the primary factor that causes individuals to migrate to Japan, but knowledge and skills are considered as two fundamental determinants in light of the fact that the greater part of the respondents in this survey are people who came to Japan to study. With the skills and experience accumulated abroad, return migrants are normally able to move out of previous occupations, especially, the shift from the public sector to the private sector, non-governmental organizations, and Japanese companies in Vietnam. Some returnees who moved out of their previous jobs said that the skills and knowledge acquired abroad are not suitable for their previous job, while others thought that new

opportunities brought back from overseas could help them to get a new job with a higher salary and a higher position.

Moreover, there is a significant improvement in wages and incomes, depending on the enterprise's form of ownership (state, private, NGO, or Japanese company). Furthermore, the socio-economic conditions of the returnees have improved, as they believe that they have a better salary and a higher job position than before going abroad, so their lives became wealthier than before.

Finally, satisfaction or dissatisfaction about life after the return is considered as a significant factor in surveying the outcomes of migration, and up to 99% of respondents concurred that living abroad has changed their perspectives. This is a positive effect that migration brings to migrants.

The economic literature on migration is an evolving research tradition with strong relevance to policy choices. This study presents recent findings on the socio-economic impacts of return migration with a particular emphasis on Vietnamese migrants returning from Japan. In research terms, this study has revealed a number of important and interesting issues that call for more in-depth investigation.

References

1. Viet Nam Migration Profile 2016. Ha Noi: International Organization for Migration, 2017. 116 p. Reference No. ENG0542. URL: <https://publications.iom.int/books/viet-nam-migration-profile-2016>.
2. Hoang Anh Tuan. The Impact of International Migration and Remittances on Household Income in Vietnam: An Analysis of the Application of a New Data Set on "Vietnam Household Survey on International Migration in 2009". *Journal of Human and Socio-Environmental Studies*. 2019. Vol. 37. No 3. Pp. 37–54. DOI: <https://doi.org/10.24517/00054187>.
3. Co C. Y., Gang I. N., Yun M.-S. Returns to Returning. *Journal of Population Economics*. 2000. Vol. 13. No. 1. Pp. 57–79. DOI: <https://doi.org/10.1007/s001480050123>.
4. Dustmann C., Weiss, Y. Return Migration: Theory and Empirical Evidence from the UK. *British Journal of Industrial Relations*. 2007. Vol. 45. No. 2. Pp. 236–256. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8543.2007.00613.x>.
5. Sjaastad L. A. The Costs and Returns of Human Migration. *Journal of Political Economy*. 1962. Vol. 70. No. 5. Pp. 80–93. DOI: <https://doi.org/10.1086/258726>.
6. Weeks J. R. *Population: An Introduction to Concepts and Issues*. Belmont: Wadsworth Publishing Company, 2008. 610 p. ISBN: 0-495-09637-7.
7. International Organization for Migration. *International Migration Law No. 34. Glossary on Migration*. Geneva: International Organization for Migration, 2019. 236 p. ISSN: 1813-2278.
8. Todaro M. P. A Model of Labor Migration and Urban Unemployment in Less Developed Countries. *The American Economic Review*. 1969. Vol. 59. No. 1. Pp. 138–148.
9. Cassarino J. P. Theorising Return Migration: The Conceptual Approach to Return Migrants Revisited. *International Journal on Multicultural Societies*. 2004. Vol. 6. No. 2. Pp. 253–279.
10. Smith A. *The Wealth of Nations*. California: Createspace, 2018. 524 p. ISBN: 1505577128.
11. Ravenstein E. G. The Laws of Migration. *Journal of the Royal Statistical Society*. 1889. Vol. 52. No. 2. Pp. 241–305. DOI: <https://doi.org/10.2307/2979333>.
12. Hicks J. R. *The Theory of Wages*. London: Palgrave Macmillan, 2017. 388 p. ISBN: 978-1-349-00191-0. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-1-349-00189-7>.
13. Zimmermann K. F. European Migration: Push and Pull. *International Regional Science Review*. 1996. Vol. 19. No. 1–2. Pp. 95–128. DOI: <https://doi.org/10.1177/016001769601900211>.
14. United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (UNESCAP). *Migration Patterns and Policies in the Asian and Pacific Region*. New York: United Nations, 2003. 95 p. ISBN: 9211203309.
15. Bröcker J., Herrmann H. *Spatial Change and Interregional Flows in the Integrating Europe*. Berlin: Physica-Verlag Heidelberg, 2001. 270 p. ISBN: 978-3-7908-1344-9.
16. Katz E., Stark O. Labor Migration and Risk Aversion in Less Developed Countries. *Journal of Labor Economics*. 1986. Vol. 4. No. 1. Pp. 134–149. DOI: <https://doi.org/10.1086/298097>.

17. Zelinsky W. The Hypothesis of the Mobility Transition. *Geographical Review*. 1971. Vol. 61. No. 2. Pp. 219–49. DOI: <https://doi.org/10.2307/213996>.
18. Haas H. de. Migration and Development: A Theoretical Perspective. *International Migration Review*. 2010. Vol. 44. No. 1. Pp. 227–64. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2009.00804.x>.
19. Conley J. P., Konishi H. Migration-Proof Tiebout Equilibrium: Existence and Asymptotic Efficiency. *Journal of Public Economics*. 2002. Pp. 243–262. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0047-2727\(01\)00082-2](https://doi.org/10.1016/S0047-2727(01)00082-2).
20. Stark O. *The Migration of Labor*. Hoboken: Blackwell Publishing, 1991. 406 p. ISBN: 1557860300.
21. Jeffery L., Murison J. The Temporal, Social, Spatial, and Legal Dimensions of Return and Onward Migration. *Population, Space Place*. 2011. Vol. 17. No. 2. Pp. 131–139. DOI: <https://doi.org/10.1002/psp.606>.
22. Mesnard A. Temporary Migration and Capital Market Imperfections. *Oxford Economic Papers*. 2004. Vol. 56. No. 2. Pp. 242–262. DOI: <https://doi.org/10.1093/oep/gpf042>.
23. Ammassari S., Black R. *Harnessing the Potential of Migration and Return to Promote Development*. Geneva: International Organization for Migration, 2001. 58 p. ISBN: 9789213629970. DOI: <https://doi.org/10.18356/e702d9a1-en>.
24. Ferro A., Fullin G., Fellini I., Hunger U. The Political Economy of Labour Migration in the European Construction Sector. *IMIS-Beiträge*. 2004. No. 25. Pp. 179–200.
25. Wilson F. D. Migration and Occupational Mobility: A Research Note. *International Migration Review*. 1985. Vol. 19. No. 2. Pp. 278–292. DOI: <https://doi.org/10.1177/019791838501900204>.
26. Ardovino M., Brown M. *A Brief Literature Review on the Impact of Circular Migration: Brain Gain, Social Capital and Transnational Networks on International Development*. Washington: US Agency for International Development, 2008. 16 p.
27. Gmelch G. Return Migration. *Annual Review of Anthropology*. 1980. Vol. 9. Pp. 135–159. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.an.09.100180.001031>.

Bio note:

Hoang Anh Tuan, PhD, Lecturer, Thuongmai University, Hanoi, Vietnam.

Contact information: e-mail: hoanganhtuan@tmu.edu.vn.

Phan The Cong, PhD, Associate Professor, Thuongmai University, Hanoi, Vietnam.

Contact information: e-mail: congpt@tmu.edu.vn; ORCID ID: 0000-0002-2487-7064.

Received on 15.11.2021; accepted for publication on 17.01.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЗВРАТНОЙ МИГРАЦИИ ВЬЕТНАМЦЕВ ИЗ ЯПОНИИ

Хоанг Ань Туан

Университет торговли (Университет Туонг Май), Ханой, Вьетнам

E-mail: hoanganhtuan@tmu.edu.vn

Фан Тэ Конг

Университет торговли (Университет Туонг Май), Ханой, Вьетнам

E-mail: congpt@tmu.edu.vn

Для цитирования: Хоанг Ань Туан, Фан Тэ Конг. Социально-экономические последствия возвратной миграции вьетнамцев из Японии // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 1. С. 94–115. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.8>

Аннотация. В настоящей статье проанализированы и обобщены основные теоретические подходы к изучению факторов миграции и феномена возвратной миграции. В качестве основной движущей силы миграции рассматриваются ускорение социально-экономического развития и глобальная экономическая интеграция. Возвратная миграция рассматривается как возвращение мигранта на родину после получения за границей ценного опыта: финансовой выгоды, более высокого уровня образования, новых навыков, опыта работы в зарубежной компании, знакомства с новой

системой ценностей и норм и т. д. Далее в статье анализируются миграционные связи между Японией и Вьетнамом. По числу принимаемых ежегодно вьетнамских трудовых мигрантов Япония находится на втором месте в мире после Тайваня. Кроме того, в последние годы резко возросло число вьетнамцев, обучающихся в Японии, в результате чего Вьетнам стал вторым после Китая крупнейшим экспортером иностранных студентов в Японию. Результаты проведенного авторами социологического исследования показали, что большинство вернувшихся на родину из Японии вьетнамских мигрантов получили там дополнительное образование и новые навыки, повысив свою квалификацию. Также среди них наблюдается значительное повышение заработной платы и доходов, величина которых зависит от сектора экономики. Самые высокие доходы после возвращения получают вьетнамцы, работающие в японских компаниях, за ними следуют занятые в частных компаниях и неправительственных организациях, менее всего возрастают доходы лиц, занятых в государственном секторе. Сами респонденты отмечают, что их уровень жизни повысился, так как возросла их заработная плата и улучшилось положение на работе, таким образом, их экономическое положение стало более выгодным, чем до отъезда за границу.

Ключевые слова: международная миграция, возвратная миграция, экономические возможности; Вьетнам, Япония.

Сведения об авторах:

Хоанг Ань Туан, доктор наук, преподаватель Университета торговли (Университета Туонг Май), Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: hoanganhtuan@tmu.edu.vn.

Фан Тэ Конг, доктор наук, доцент Университета торговли (Университета Туонг Май), Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: congpt@tmu.edu.vn; ORCID ID: 0000-0002-2487-7064.

Статья поступила в редакцию 15.11.2021; принята в печать 17.01.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

IMPACTS OF CHINESE POPULATION MIGRATION ON VIETNAMESE HOI AN'S SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE XVI-XVIII CENTURIES

Dinh Tien Hieu

Vietnam National University, Hanoi, Vietnam

E-mail: hieudt1978@gmail.com

Nguyen Thu Hong

Vietnam National University, Hanoi, Vietnam

E-mail: hongnt79vnu@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.9>

For citation: Dinh Tien Hieu, Nguyen Thu Hong. Impacts of Chinese Population Migration on Vietnamese Hoi An's Socio-Economic Development in the XVI-XVIII Centuries. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2. No. 1. Pp. 116–126. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.9>

Abstract. Hoi An was one of the important economic, cultural, and commercial centres of Vietnam in the period of the XVI-XVIII centuries. The establishment and development of the Hoi An seaport were closely attached to the migration and trade of Chinese merchants in addition to the favourable policies of the Nguyen lords. Together with Japanese and Vietnamese merchants, Hoa merchants carried out trading activities proactively and contributed a significant part to the domestic and foreign trade in Hoi An, making it a busy commercial centre and the largest seaport of Cochinchina in the 16th–18th centuries. However, so far, the study of the role of the Chinese in commercial activities in Hoi An has not been fully and systematically studied. Based on the results of previous researchers, the article focuses on understanding the process of migration of the Chinese to the land of Hoi An, and at the same time, outlines the exchange and trade activities, as well as the contributions of the Chinese people to the economic and social development of Cochinchina in particular, and Dai Viet in general.

Keywords: Hoa people, Hoi An, Cochinchina, trade.

Migration of Hoa people to Hoi An

The migration of Hoa people (i.e., Vietnamese of Chinese origin) to Hoi An took place continuously for centuries, especially after the geographical discoveries in the late 15th century, when European nations went overseas to find more markets. In the early 17th century, Hoa people already learned about Quang Nam province, Cham islet (Vietnamese: Cù Lao Chàm), Dai Chiem seaport, and Tra Nhieu coast, owing to their trading activities. By the mid-17th century, the Ming dynasty was overthrown by the army of Manchuria, resulting in vigorous flows of Chinese migration to Vietnam, especially to Hoi An. There were many reasons for the Chinese migration, including natural calamities; wars and social disturbances; high population density; heavy tax burdens; land occupation; influence from the aggressors; and increasingly greater threats to the climate environment and living conditions [1, p. 26]. However, three primary reasons for the migration and settlement of Chinese people in our country can be described as follows:

The first reason stemmed from the political factor. Following the collapse of the Yuan dynasty, the Ming dynasty (1368–1644) ruled China. To cope with the armed rebellions as well as the Wokou (Chinese: 倭寇, literally, Japanese pirates¹) coming from the sea, the Ming dynasty promulgated the Sea Ban (Chinese: 海禁), which forbade boats from going out to the sea for business, while implementing the suzerain-based trade policy aimed at restricting trading activities of merchants. After being implemented for nearly 200 years, the Sea Ban was abrogated in 1567 by the Longqing Emperor (Chinese: 隆庆)², making it favourable for Chinese merchants to go abroad for business. As a result, the trading activities at sea became more eventful in the Asia-Pacific region.

In 1644, a significant political event took place in China. Taking advantage of the peasant rebellion led by Li Zicheng, the army of Manchuria attacked and occupied Beijing, followed by the establishment of the Qing dynasty. In the 18th year under the reign of the Shunzhi emperor (1661), the Qing dynasty promulgated the Sea Ban again, forcing local people in the coastal areas of some provinces, including Jiangsu, Zhejiang, Fujian, and Guangdong, to move further inland for 30 to 50 miles. In addition, it was compulsory for all people in China to shave off the front of the head, twist the rest of the hair into a plait at the back, and wear Machu clothing. At the same time, draconian and arbitrary policies were reinforced by the central government. Due to the social changes as well as the revolts taking place constantly during the beginning of the Qing dynasty, a large number of merchants, workers, and poor people had to leave their homeland for overseas countries in the hope of getting business opportunities and settling down until the domestic situation became better.

After wiping out the forces of Zheng Chenggong³ in Taiwan in 1685, the Kangxi emperor repealed the Sea Ban and established customs departments in four provinces, including Jiangsu, Zhejiang, Fujian, and Guangdong, allowing merchants to go abroad by sea for business. As a result, Chinese merchants travelled to various areas in Southeast Asia, including Hoi An. According to Li Tana, some Chinese people, ranging from 35 to 40, migrated from China to Hoi An and joined the Minh Huong commune (a commune of Ming people; Vietnamese: Minh Hương xã) every year during the period from 1744 to 1746. Most of them were unmarried men aged about 20 and came from Fujian [2, p. 24]. Of the Chinese migrants in Hoi An, some were allowed by the Nguyen lords to settle in Cochinchina; they quickly got along with those who came there earlier, forming villages and communities of Hoa people in Hoi An.

The second reason stemmed from the need for a means of livelihood. Apart from the above-mentioned political reason, the need for a means of livelihood was also crucial for the overseas migration of Chinese people. During the period of the Ming and Qing dynasties, the population in China increased rapidly, especially under the Qing dynasty. In the late years under the reign of the Shunzhi emperor (roughly in 1661), the total population in China was around 60 million people, but it amounted to nearly 300 million by the late years under the reign of the Qianlong emperor (roughly in 1795). In 1840, the corresponding figure was 412 million. In the late years under the reign of the Shunzhi emperor, the population

¹ Japanese pirates were referred to as “Wokou” or “Dwarf pirates”, who often raided the coastlines of Korea and China from the 14th to the 16th century.

² However, the Ming dynasty continued imposing the “Sea Ban” on Japan.

³ Zheng Chenggong (1624–1662) was a military general in the late period of the Ming dynasty. After the Qing army occupied Beijing, he continued the anti-Qing rebellion, sprouting the slogan of “Opposing Qing and Restoring Ming”. Suffering a heavy defeat in the Chinese mainland, he took his troops to Taiwan, setting it as a fortification to fight against the Qing and take control over the whole southeast coastline of China.

of Fujian was around 400 thousand people, but it increased to 1.3 million by the late years under the reign of the Qianlong emperor, excluding about 100 thousand people migrating abroad. In 1840, the population of Fujian amounted to 1.872 million.

Similarly, in the late years under the reign of the Shunzhi emperor, the population of Guangdong was around 300 thousand people, but it increased to 1.6 million and 2.570 million in the late period of the Qianlong emperor, and 1840 respectively.

Contrary to the rapid population growth, the area of cultivated land increased quite slowly. In the late years under the reign of the Shunzhi emperor, the area of cultivated land in Fujian was around 103,458 plots⁴ and increased to 140,000 plots in 1840. In Guangdong, the area of cultivated land was 250,840 plots in the late period of the Shunzhi emperor and amounted to 320,000 plots in 1840 [3, pp. 99–105]. It is possible to say that cultivated land was the most important means of production for working people. In every specific period, therefore, population and cultivated land must be maintained appropriately to each other to ensure well-being. When commodity trade was more developed, however, the great bulk of the cultivated land was no longer used for cereal farming. Instead, people grew more profitable plants. Besides, the Ming dynasty and subsequently the Qing dynasty implemented the Sea Ban to take precautions against external and internal opposing forces and to avoid harassment from the Wokou. As a result, fishers and those who earned a living by doing community trade with overseas people lost their livelihood. Especially, it was severer for people in the coastal areas of Fujian and Guangdong, where the population was high, but the cultivated land was limited, in addition to the harsh living environment. Facing such a situation, some people rose in rebellion, while some others decided to migrate overseas to earn a living. At that time, many of them chose Hoi An as a destination for their migration.

The third reason stemmed from the Nguyen lords' policies on the encouragement of trading activities with foreign merchants, which were implemented in Cochinchina since the second half of the 17th century, for the sake of economic development and political power reinforcement. Those policies contributed to the attraction of Chinese merchants to the urban and seaport areas in Vietnam, particularly those in present-day central and southern Vietnam. Since then, commercial streets and economic centres such as Hoi An, Cho Lon, Gia Dinh, and Ha Tien, etc. were gradually established. Chinese people were not only allowed to settle permanently in Vietnam but also received much preferential treatment from the Nguyen lords (1592–1771) as well as the Nguyen dynasty afterwards (1802–1945). For example, they were provided with all the same civil rights as Vietnamese people; those who were good at the business had the right to collect taxes; in addition, they also benefited much from other preferential policies in economic sectors. To attract more foreign merchants to Cochinchina, furthermore, the Nguyen lords allowed them to choose locations to build houses, temples, and clubs. In this period, consequently, various streets of Chinese and Japanese merchants were established in Hoi An. In 1618, Christophoro Borri, an Italian Jesuit missionary, came to Cochinchina and noted: "This city is called Faifó (i.e., Hoi An), and is so large, that we may say they are two, one of Chinese, the other of Japonese; for they are divided from one another, each having their distinct governor, and the Chinese living according to the laws of China, as the Japonese do according to those of Japan" [4, p. 92]. It can be said that apart from the domestic problems inside China, another important factor resulting in the migration of Chinese people to Cochinchina was the "hospitable" policies implemented by the Nguyen lords and subsequently the Nguyen dynasty to Chinese migrants [5, p. 69].

⁴ One plot is the same as 100 Chinese acres; a Chinese acre is equivalent to 666.67 m².

Economic activities of the Chinese in Hoi An

1. Economic characteristics of the Chinese people

Different from the trade in Hien Town (Vietnamese: Phố Hiến), business activities in Hoi An were mainly undertaken by foreign merchants, especially Chinese and Japanese ones. Observing the presence of a lot of Chinese and Japanese merchants in Hoi An, Christophoro Borri concluded: "In Cochinchina, traders are mainly Chinese and Japanese" [4, p. 90]. During the process of establishment and development, each community of migrants coming to a certain place to settle or do business usually kept its characteristics. Similarly, the economic and trading characteristics of the community of Hoa people were created, based on the traditional culture and the influence of their living environment.

Firstly, one of the basic characteristics of Hoa people that made them different from others, who came to settle and do business in Hoi An in particular, and Dai Viet in general, is that they always kept close ties with their blood relatives. Initially, Hoa people joined together due to the natural linkage, forming some kinds of associations such as: the port of commodity exchange (Vietnamese: Bạt dịch trường), the market of Hoa people (Vietnamese: chợ người Hoa), the street of Tang people (Vietnamese: phố người Đường), and the street of Hakka people (Vietnamese: phố Khách) as well as others. Moreover, then, organisations of institutional linkage such as syndicates, guilds, and villages were gradually established. Although no documents are mentioning the guild in Hoi An, the markets of Hoa people, the streets of Tang people, and the village of Ming people were recorded in historical documents. Those associations were mainly aimed at strengthening the community solidarity, providing mutual support, protecting the economic interest of Hoa people, and resisting the opposing forces and the assimilation from outside.

Secondly, Hoa people always showed flexibility in all situations and adapted themselves easily to the local conditions and policies. Thus, they quickly found a way to adjust to the surroundings no matter whether they lived in a rural or urban area and whether they settled in the home country or migrated abroad. It was one of the significant characteristics of Hoa people that helped their communities to develop and enhance their economic roles and positions in the country of destination.

Thirdly, it is the sense of mutual support in the business. We rarely witness that Hoa people, who live near one another, do business in the same goods in order to avoid competition. When they sell the same things, those things are just sundries. In business, Hoa people always follow their common principles. Contrary to the phenomenon of "every man for himself", Hoa people provide mutual support for one another. They are prepared to give funding to businesses, whenever necessary. They willingly lend their neighbours trade articles when they have not got the articles on time. Besides, they together provide support for other Hoa people, who have just moved from other places or migrated from the home country. When an Hoa person opens a restaurant, others will come to have meals in the restaurant. Similarly, when he or she sets up a shoe-making shop, others will come and buy shoes.

Fourthly, Hoa people highly appreciate credibility, which is considered most important in business. According to their opinion, everything can be gained if credibility is kept, and vice versa. It is viewed as an unwritten principle. Those, who deliberately violate the principle, will have no choice but to leave. Hoa people see credibility as a treasure and a vital principle in business.

Due to the characteristics mentioned above, Hoa people always show more advantages in trading activities, wherever they live. At the same time, they can prove a significant role in trade and a certain position in society in the country of destination.

2. Modes of business among Hoa people

Firstly, the trade season, also called “merchandising season”, has resulted from the tropical monsoon climate of high humidity in Hoi An. During that period, taking advantage of the monsoon blowing from the northeast in winter and the southwest in summer, Chinese merchant boats sailed correspondingly to Hoi An and back to China. The merchandising season began in the first months of the year when spring came with the northeast wind. At that time, Chinese merchant boats reached Hoi An for commodity exchange and trade. The trade became the busiest in March, April, and May. The merchandising season often ended in July or August, when the monsoon still blew from the southeast, and stormy weather was about to set in. Thus, the Chinese merchant boats started to leave Hoi An for China. Christophoro Borri also recorded this particular mode of business in Hoi An: “The Chinese and Japonese, drive the chief trade of Cochin-china, which is managed at a fair held yearly at one of the ports of this kingdom, and lasting about four months. The Chinese, in their vessels they called hunks, bring the value of four or five million in the plate; and the Japonese, in their ships called sommes, an infinite quantity of very fine silk, and other commodities of their country. The king has a vast revenue from this fair by customs and imposts, and all the whole country receives great profit” [6, p. 90].

Secondly, owing to a long tradition of trade, Hoa people tried to “buy goods at the lowest price in the original place and sell them at the highest price to end-users”. In addition to the dealers in Hoi An, consequently, Hoa merchants also set up many purchasing stations in local areas to buy products they needed, including forest products such as: agarwood, rhino horns, ivory, tiger bones, woods, and sea products such as: pearls, tortoise shells, sweet snails, swallow’s nest, and *Holothuria* as well as other local products such as sugar, pepper, gold, gems, and amber... Meanwhile, they sent reliable members of their family to the station to supervise the purchasing activities; all the products they had bought were then transported by boats along rivers to Hoi An. According to the record made by Le Quy Don, at that time the export products in Hoi An mainly consisted of 16 types of products, including silk, yellow sugar, swallow’s nest, cinnamon, agarwood, pepper, dried areca, ceramics, wood, tortoise shells, and rhino horns, etc. [7, pp. 232–236]. At present, the traces of the Hoa people, who undertook the task of buying local products for the trade in Hoi An, can be found in some areas in Quang Nam province such as Tam Ky, Que Son, Thang Binh, and Duy Xuyen districts. It can be said that Hoi An developed rapidly and became the biggest international trading port in Cochinchina, thanks to the proactive trade of Hoa merchants together with the favourable transport system of seaports, rivers, and canals, where boats and ships could stay for the entire merchandising season, and the abundance of products in Quang Nam.

Another mode of business used by Hoa merchants in their trade in Hoi An is that they played the role of go-betweens or representatives for foreign trading companies. The rapid development of the trade between Hoi An and China as well as other Western countries, however, led to the fact that Hoa merchants hired Vietnamese people to work as go-betweens in purchasing local products because the Hoa merchants realised that Vietnamese people were aware of the situation and local characteristics in Hoi An better than anyone else. To make it more convenient for trading activities, many Hoa merchants married Vietnamese wives to deal with the intermediary work in purchasing local products. The Vietnamese wives and children stayed in Vietnam, helping the Hoa merchants to buy commodities they needed. In Hoi An, consequently, Hoa people undertook not only the logistics in the seaport but also trading activities with the domestic market; apart from gathering local products to

be delivered to the home country, they played the role of mediators between local producers and local customers as well as between Vietnamese people and Western traders.

In 1639, after the Sakoku policy was promulgated and implemented by Japan, Hoa merchants cornered almost the entire market in Hoi An; all the trade centres and major trading activities were in the hand of Hoa people. Realising the favourable opportunity, Hoa merchants in some provinces in China, including Fujian, Guangdong, and Hainan accelerated the trade with other countries in the region. During the period, apart from the Chinese merchant boats allowed by the Chinese government to go to Cochinchina for business, other merchant boats from Fujian, Guangdong, and Hainan also carried out secretly trading activities and contributed considerably to the trade in Hoi An. A large commercial organisation named “Thirteen Firms” was established in Guangdong with the goal of “providing Vietnamese products for European ships and providing necessary Chinese and European products for Vietnam” [8, p. 24].

In the late 17th and the early 18th centuries, Hoa merchants had favourable conditions to do business in Hoi An. They set up some business establishments, enabling them to take control over the trade in Cochinchina. Many important responsibilities were assigned by the Nguyen lords to Hoa merchants, such as the manager of the maritime department of Hoi An seaport and the administration commissioners, who were in charge of supervising the ships and boats coming in and out of the seaport, collecting taxes, calculating weights and measures, assessing commodities, and working as a translator, etc. In the documents of the Minh Huong commune in the early 19th century, some Hoa merchants were asked by the royal court in Hue to come to the imperial city to take up the position of “street administrators” responsible for trading activities. In addition, the Nguyen lords provided more preferential treatment for them, regarding the taxes imposed on Hoa merchant boats. Taking the advantages and applying the appropriate modes of business, Hoa merchants quickly set up a system of trade covering the whole Cochinchina generally and Hoi An particularly; they took control over the profits derived from agricultural products, forest, and sea products as well as minerals, establishing a stable community, and ensuring their long-term position in the place of destination.

3. Sources of commodities

Having favourable geographical conditions and being located in the well-known international maritime trade routes such as “the silk road”, “the incense trade route”, and “the ceramic trade route” etc., Hoi An became an important seaport in the late 16th century and a busy trade centre in Vietnam in the 17th and 18th centuries. Merchant boats converged on Hoi An for trade, making it become a depot of commodities in Cochinchina particularly and Southeast Asia generally. At that time, Cochinchina was seen as an ideal destination, where merchant ships and boats could come to do business and set up relationships with the government of Thuan Hoa (a historical territory in central Vietnam, consisting of the present-day Quang Binh, Quang Tri, and Thua Thien Hue provinces). Christophoro Borri arrived in Cochinchina in 1618 and was surprised by the potential of the natural seaports in Hoi An. He wrote: “As for their ports, it is wonderful that in a coast little more than a hundred leagues in length, there should be above sixty most convenient landing-places, which is so because there are large arms of the sea. However, the principal port, to which all strangers resort, and where the aforementioned fair is kept, is that of the province of Cacchian (i.e., Quang Nam province)” [4, p. 91]. Goods were carried from everywhere in the North, the South, the Central, the sea of Vietnam as well as other nations and territories to Hoi An, making it become a huge granary of commodities in Cochinchina and Southeast Asia. Thus, Chinese merchants residing in Hoi An or China wanted to exploit these sources of business profits.

After coming to Cochinchina in 1776, Le Quy Don described the eventful trading activities in Thuan Quang in comparison with those in South China. He wrote: “According to a merchant from Guangdong, whose surname is Tran, if the wind direction is favourable, it will take three days and three nights to sail by sea from Guangzhou to Thuan Hoa, reaching first the strait and then Thanh Ha street in Phu Xuan or similarly reaching first Dai Chiem seaport and then Hoi An town. The boats sailing back from Son Nam (Hien town; Vietnamese: Phố Hiến) to Guangzhou carry only one kind of product, which is brown tuber (*Dioscorea cirrhosa*), while the boats coming back from Thuan Hoa (i.e., Hue and Thanh Ha) carry only pepper; the boats sailing back from Quang Nam (i.e., Hoi An) carry all kinds of products, which other foreign countries cannot compare with” [7, p. 234]. In addition, Le Quy Don pointed out clearly: “all the goods produced in Thang Hoa, Dien Ban, Quang Ngai, Quy Nhon, Binh Khang, and Nha Trang (i.e., the region covering from Quang Nam to Thuan Hai) are carried to Hoi An by horses inland or boats along the waterways. Thus, merchants from the north come there to buy the goods to be delivered to the home countries. In the past, there were so many commodities that hundreds of big boats could not carry all” [7, p. 234]. During the period, almost all the products exploited from the gold mines in the central part of Dai Viet were mainly exported through the Chinese merchants who worked as go-betweens.

Apart from the above-mentioned commodities, Hoa merchants did business with many other strategic products, including rice, wood, metal, sugar, fabric, and miscellaneous goods. The products were not only delivered to China but also highly profitable for Hoa merchants to sell them to Western merchants or others in Southeast Asia and Japan. Besides, products from various trade centres in the region were carried to Hoi An seaport. In a research work on the East India Company (EIC) in Quang Nam, W. J. M. Buch wrote: “the reason why many Chinese merchants come to Quang Nam every year is that they can find there a trade centre for business with neighbouring countries and regions. Pepper is carried to this place from Palembang, Pahang, and other areas; camphor, wood, ivory, coarse ceramic products, and other goods are delivered from Borneo. With the remaining, they can buy more pepper, ivory, spices, and cardamom produced in Quang Nam. Thus, their boats are brimful of goods, when coming back to China” [8, p. 24].

According to some researchers, over 83 years, from 1647 to 1720, the total number of Chinese merchant boats leaving Hoi An for Japan is 203, making up 30% of all Chinese merchant boats coming from Southeast Asian countries to Japan. This is shown in the following table:

Table 1.

Number of Chinese merchant boats from Southeast Asia to Japan (1647 – 1720)

	Tonkin	Quang Nam	Cambodia	Siam	Patani	Malacca	Jakarta	Bantam
1647-1650	7	11	4		1		4	
1651-1660	15	40	37	28	20		2	1
1661-1670	6	43	24	26	9	2	12	
1671-1680	12	40	10	23	2		31	1
1681-1690	12	29	9	25	8	4	18	
1691-1700	6	30	22	20	7	2	16	1
1701-1710	3	12	1	11	2	2		
1711-1720	2	8	1	5			5	
Total	63	203	109	138	49	8	90	3

Source: [9, p. 101].

The figures mentioned above show how abundant the commodities were in Hoi An and enable us to recognise the importance of Hoi An seaport. It was not only a district or inter-district centre of commerce and transport but also a centre of trade and regional and international integration for the whole Indochina. At the same time, the figures demonstrate the role of Hoa merchants in promoting trading activities in Hoi An with other countries in the region.

The influence of the Chinese on promoting the economy and society in Dang Trong in the XVI-XVIII centuries

Owing to the trading activities promoted greatly by Hoa merchants, socio-economic development was strengthened in Indochina generally and Hoi An particularly. This is shown clearly in some areas as follows:

Firstly, the trading activities carried out by Hoa merchants in Hoi An contributed part towards the establishment of some towns, such as Tam Ky town in south Thang Hoa and Nuoc Man town in Quy Nhon province. Those urban or semi-urban centres, including the towns Tam Ky, Nuoc Man, and An Thai, set up mutually supportive and supplementary relationships with Hoi An. In Hoi An alone, the trading activities of Hoa merchants also helped to accelerate the process of urbanisation. They built many houses, which were rented as hotels by newcomers from China or as warehouses by Hoa merchants.

Secondly, the trading activities carried out by the Hoa merchants also led to the creation of some new handicraft industries and the development of the existing industries. For example, Hoa people were inherently skilled in silkworm breeding. After residing in Hoi An, they set up silk-weaving establishments along both sides of the Thu Bon river. Vietnamese people were employed to work for the establishments. To show gratitude towards the Cochinchinese government, some of the Hoa merchants handed over new techniques in silk production, such as the skills in making plain silk and patterned silk, to Vietnamese people to develop the textile industry in Cochinchina. On the way to Tonkin in 1688, William Dampier, an English explorer, heard the news that Chinese people fled from China to Quang Nam province, because local people welcomed them.

Furthermore, many of them were craftsmen, so they then taught the techniques to the military officials that they relied on [10]. Le Quy Don wrote: "Thuan Hoa does not have much wealth; all products are delivered from Quang Nam province, which is the most fertile area. In Thang Hoa and Dien Ban districts, local people know how to weave patterned silk and fabrics that are as fine as those in Guangdong" [7, p. 337]. Owing to the whole-hearted assistance from Chinese artisans, the textile industry developed rapidly in some local areas, including Go Noi, Phong Thu, and Thanh Quyt in Dien Ban, Duy Xuyen, and Dai Loc districts of Quang Nam province. Besides coarse and durable fabric, they also produced fine fabric from a very thin thread-like fabric made by the spinning frames in China, which was commonly called Chinese fabric.

During the same period, Hoa people in Hoi An built many sugar-making kilns along both sides of the Thu Bon river. There were many types of sugar produced with sophisticated techniques. Western merchants liked the sugar made in Hoi An because it looked beautiful, and its quality was the best in the region. In 1633, four boats of Hoa merchants carried 76,205 kg of sugar from Hoi An seaport to Japan. Until the 18th century, every year Hoa merchants transported more than 40,000 barrels⁵ of white sugar from Hoi An to China,

⁵ A barrel is a volume unit for measuring liquid; it is equivalent to 42 gallons, i.e., approximately 150 liters.

getting a profit of about 400% from the product. In 1822, the amount of sugar carried by Hoa people to China ranged from 1,000 to 3,000 tonnes, of which about 250 tonnes were delivered to the European bases in Malacca [9, p. 121].

The trade and urban development in Hoi An also led to the development of Thanh Ha pottery village and Kim Bong carpentry village. Potteries were made in Thanh Ha village quite early in the mid-16th century, but many new products, especially those used in the sugar-making industry, were made in this period. Apart from the traditional products, such as pots and cauldrons, they developed the production of other goods, including jars and vessels used by sugar makers or merchants. During this period, furthermore, carpenters in Kim Bong not only did carpentry in building houses and making household goods, but they also produced two important commodities, including the cinnamon container and the wooden barge. A small-sized wooden barge built in Kim Bong village could carry 60 or 70 tonnes of goods. Meanwhile, a large-sized wooden barge, the length of which was over 30 m, could carry about 200 tonnes of goods. It can be said that the wooden barges built in Kim Bong village partly helped Hoi An become a centre of the river and sea transport.

Thirdly, the cultural exchange between Cochinchina and China was promoted. To make it favourable for the commodity purchase and other trading activities, family and marital relationships were set up popularly by Hoa merchants in Hoi An during this period. In Pierre Poivre's memoirs, he wrote: "Hoa people often get married to local women here" [11, p. 270]. In the epitaph titled "General Regulations of the Chinese Merchants' Club" (Vietnamese: Dương Thương hội quán công nghị điều lệ) on the stele placed in Ngu Ban pagoda dating back to the 7th year of Vinh Huu Era (1741), the fifth regulation says: "Those (i.e., Hoa newcomers), who want to take up long-term residence with their Vietnamese wives, have to make a statement to the Club; when the wives are pregnant or give birth, it is necessary to report to the Club so as to make it easier to find the origin and identity of the children" [11, p. 270]. Thus, the family and marital relationships between Hoa and Vietnamese people made Hoi An seaport livelier with both foreign and local characteristics as well as occupational diversity. As a result, the trading activities of Hoa people became more vigorous and stable in a larger area. Besides, the marital relationships between Hoa and Vietnamese people in Hoi An also accelerated the cultural exchange of China with Cochinchina generally and Hoi An particularly. Owing to the marital relationships, many cultural elements from South China, mainly including Fujian, Guangdong, Chaozhou, and Hainan, were disseminated to this region. Many pagodas, clubhouses, houses, and public bars were built, and some Chinese faiths, beliefs, customs, and thoughts were spread to Hoi An. In addition to providing support for the trading activities of Hoa merchants, the cultural exchange between Chinese and local people partly enhanced the ties between Cochinchina and China.

Fourthly, the strong increase of the Chinese in Hoi An, promoted economic, cultural, and social development but left certain consequences for the people here. Accordingly, the Chinese with their solidarity, experience, and trading capital created great pressure on local traders. Local traders could not compete with Chinese merchants, so some went bankrupt, some changed to brokers for overseas Chinese merchants, some changed to retail. Besides, the migration of the Chinese to Hoi An, in addition to enriching the culture of Hoi An, also erased and changed some traditional cultural features of the indigenous residents here.

Conclusion

Based on the above-described analysis, we can see that Hoa people played an important role in socio-economic development, promoting the trade in Hoi An particularly and

Dai Viet generally during the period from the 16th to the 18th century. At the same time, they contributed a great part towards making Hoi An become a centre of cultural exchange and acculturation. Owing to the trading activities, contact, cohabitation, etc. of the Hoa merchants, foreign cultural elements were gradually adopted and amalgamated with the local culture, creating a colourful part in the picture of the whole culture of Vietnam. It can be affirmed that due to the trading activities of Hoa people in addition to the trade appreciation policy of the Cochinchinese government, Cochinchina was likely to be a “sea institution” by the late 16th and the early 17th centuries, promoting sea exploitation thoroughly and developing the maritime trade and cultural exchange.

References

1. Ge Jianxiong [葛剑雄]. *History of Chinese immigration* [中国移民史]. Volume 1 [第1卷]. Fujian People's Publishing House [福建人民出版社], 1997. 405 p. ISBN: 9787211029303. (In Chin.)
2. Li Tana [李塔娜]. *Socio-economic history of Vietnam under the Nguyen Dynasty, Van Tan* [越南阮氏王朝社会经济史] / translated by Li Yashu [李亚舒等译]. Beijing [北京]: Wenjin Publishing House [天津出版社], 2000. 228 p. ISBN: 7805543860. (In Chin.)
3. Xie Meihua [谢美华]. Discussing the causes and pressures that forced the Chinese in coastal areas of Fujian and Guangdong to go abroad before the opium war [鸦片战争前闽粤沿海地区人口压力与华人出国—兼论出国原因]. *Research on Indonesia* [南洋问题研究]. 1991. No. 2 [第2期]. Pp. 99–105. (In Chin.)
4. Borri C. *Cochinchina in 1621* [Xứ Đàng Trong năm 1621]. Ho Chi Minh City [Hồ Chí Minh]: Ho Chi Minh City Publishing House [Nxb Tp. Hồ Chí Minh], 1998. 133 p. ISBN: 6045826639. (In Viet.)
5. Tran Khanh [Trần Khánh]. Vietnamese Feudal Governments' Policies on Chinese Migrants [Chính sách của nhà nước phong kiến Việt Nam đối với dân Trung Hoa di cư]. *Southeast Asian Studies* [Tập chí Nghiên cứu Đông Nam Á]. 2000. Vol. 6 [Số 6]. Pp. 1–14. (In Viet.)
6. Borri C. *Report on the Kingdom of Cochinchina* [Tuờng trình về vương quốc Đàng Trong] / translated by Do Trung Quang [Đỗ Trung Quang dịch]. Archive document No. LS-TL/0343 of the Department of History, Hanoi National University of Education [Tài liệu khoa Lịch sử, số LS-TL/0343, Đại học Sư phạm Hà Nội]. (In Viet.)
7. Le Quy Don [Lê Quý Đôn]. *Miscellaneous Chronicles of the Pacified Frontier* [Phủ Biên tạp lục]. Hanoi [Hà Nội]: Social Sciences Publishing House [Nxb Khoa học Xã hội], 1977. 447 p. (In Viet.)
8. Nguyen Van Kim [Nguyễn Văn Kim]. Cochinchina in the Regional Power Interaction and Relations [Xứ Đàng Trong trong các mối quan hệ và tương tác quyền lực khu vực]. *Historical Studies* [Tập chí Nghiên cứu Lịch sử]. 2006. Vol.6 [Số 6]. Pp. 19–35. ISSN: 0866-7497. (In Viet.)
9. Li Tana [李塔娜]. *Nguyen Cochinchina – Southern Vietnam in the Seventeenth and Eighteenth Centuries* [Xứ Đàng Trong - Lịch sử kinh tế xã hội Việt Nam thế kỷ XVII – XVIII] / translated by Nguyen Nghi. Ho Chi Minh City [Hồ Chí Minh]: TRE Publishing House [Nxb Trẻ], 1999. 282 p. (In Viet.)
10. Tran Kinh Hoa [Trần Kinh Hòa]. Some Comments on Minh Huong Commune and Ancient Communes in Hoi An [Một điều nhận xét về Minh Hương xã và các cổ tích tại Hội An]. *Vietnam Archaeology Journal* [Việt Nam khảo cổ tập san]. 1960. Vol.1 [Số 1]. Pp. 1–30. (In Viet.)
11. Phan Dai Doan [Phan Đại Doãn]. Hoi An and Cochinchina [Hội An với Đàng Trong]. *Proceedings of the International Conference “Ancient Urban Hoi An”* [Kỷ yếu Hội thảo quốc tế Đô thị cổ Hội An]. Hanoi [Hà Nội]: Social Sciences Publishing House [Nxb Khoa học Xã hội], 1991. (In Viet.)

Bio note:

Dinh Tien Hieu, PhD, Lecture, Department of History, Faculty of Social Sciences and Humanities, Vietnam National University, Hanoi, Vietnam.

Contact information: e-mail: hieudt1978@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-6211-5952.

Nguyen Thu Hong, PhD, Lecture, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Humanities, Vietnam National University, Hanoi, Vietnam.

Contact information: e-mail: hongnt79vnu@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-4116-3979.

Received on 08.11.2021; accepted for publication on 13.01.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ КИТАЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВЬЕТНАМСКОГО ХОЙАНА В XVI–XVIII ВВ.

Динь Тиен Хьеу

Вьетнамский национальный университет, Ханой, Вьетнам

E-mail: hieudt1978@gmail.com

Нгуен Тху Хонг

Вьетнамский национальный университет, Ханой, Вьетнам

E-mail: hongnt79vnu@gmail.com

Для цитирования: Динь Тиен Хьеу, Нгуен Тху Хонг. Влияние миграции китайского населения на социально-экономическое развитие вьетнамского Хойана в XVI–XVIII вв. // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 1. С. 116–126. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.9>

Аннотация. Хойан был одним из важных экономических, культурных и торговых центров Вьетнама в период XVI–XVIII вв. Создание и развитие морского порта Хойан было тесно связано с миграцией и торговлей китайских купцов, а также с благоприятной политикой князей Нгуен. Вместе с японскими и вьетнамскими торговцами купцы из Китая вели активную коммерческую деятельность и внесли значительный вклад в развитие внутренней и внешней торговли в Хойане, сделав его оживленным экономическим центром и крупнейшим морским портом Кохинхины в XVI–XVIII вв. Однако до сих пор роль китайцев в коммерческой деятельности в Хойане не изучена системным образом в полной мере. Данная статья опирается на результаты предыдущих исследователей, но акцент делается на осмыслении значения миграции китайцев на земли Хойана, в том числе для торговли и коммерческой деятельности, а также дается оценка вкладу китайского населения в экономическое и социальное развитие Кохинхины в частности и Вьетнама в целом.

Ключевые слова: народность хоа, Хойан, Кохинхина, торговля.

Сведения об авторах:

Динь Тиен Хьеу, доктор наук, преподаватель кафедры истории факультета социальных и гуманитарных наук Вьетнамского национального университета, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: hieudt1978@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-6211-5952.

Нгуен Тху Хонг, доктор наук, преподаватель кафедры политологии факультета социальных и гуманитарных наук Вьетнамского национального университета, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: hongnt79vnu@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-4116-3979.

Статья поступила в редакцию 08.11.2021; принята в печать 13.01.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

EDUCATIONAL MIGRATION IN VIETNAM: CHALLENGES AND NEW OPPORTUNITIES

Nguyen Minh Huyen Trang

Vietnam National University, Ho Chi Minh City, Vietnam

E-mail: nmhtrang@vnuhcm.edu.vn

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.10>

For citation: Nguyen Minh Huyen Trang. Educational Migration in Vietnam: Challenges and New Opportunities. DEMIS. Demographic Research. 2022. Vol. 2. No. 1. Pp. 127-141. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.10>

Abstract. Along with the general trend in the world, international migration activities of Vietnamese citizens are increasing rapidly with millions of people entering and leaving the country each year and Vietnamese living in more than 100 countries and territories around the globe. Vietnam ranks 8th among the countries with the most international students in the world. In the trend of globalization, to get closer to “world civilization,” studying abroad is the choice of many Vietnamese families. Many parents have grasped the trend of studying abroad to create conditions for their children to come close to the “paradise” education of developed countries. Studying abroad is an opportunity, it opens up a whole new horizon full of hope for changes, promising a better life in the future. The 4th industrial revolution and the strong digital transformation process create the need to fundamentally change the strategy and method of organizing science and technology training and research. Along with the process of integration and internationalization, the tendency of brain drain, especially for highly qualified young cadres, is going to be a big challenge for domestic universities. Besides, the capacity to train high-quality human resources, high-level research capacity, and innovation capacity will be a measure of the universities’ level, and at the same time, a measure of competitiveness for each country. The strongly innovative global economy is creating “brain circulation” or “brain chain” instead of “brain drain,” in which talented people return to their homeland with capital, skills, and knowledge along with many relationships with multinational enterprises as well as technology systems to contribute to the development of the country. The article presents some comments on the educational migration status of Vietnam and proposes some solutions to create favorable conditions for the Vietnamese community abroad to return home and play its role in the country’s development.

Keywords: international migration, educational migration, development opportunities, brain drain, brain circulation, brain chain, development motivation.

General introduction and research methods

Currently, along with the general trend of globalization, the wave of migration has become strong at many different scales and levels. In fact, people are always moving from place to place, some looking for better opportunities, others having to run away from danger. This migration process has had a significant impact on the education system of every country. There are many documents that analyze and evaluate the impact of migration, but most of them focus on analyzing the migration flows to developed countries mainly for the better development of each individual. Therefore, the documents will focus on analyzing and proposing education policy for migrants. Like the 2002-to-date series of the Global Monitoring Report on Education [1], in-depth publications explore these issues internationally.

In the context of migration, education is not only a moral obligation of those who directly implement it, but also a practical solution to the problems created by migration. Education has been, is and will always be an indispensable element in solving migration issues. With the desire to have an overall analysis and assessment of migration and opportunities for Vietnamese education, the author conducts a study on migration with opportunities for Vietnam.

The analysis is made on the basis of studying reports of Vietnam’s diplomatic missions and competent agencies on Vietnam’s migration records over time, as well as studying domestic and international documents on migration and educational migration in Vietnam. On this basis, the author proposes research results and recommendations on educational migration and opportunities in Vietnam.

International migration and educational migration

1. General problems

Along with the general trend in the world, international migration activities of Vietnamese citizens are increasing strongly with millions of people entering and leaving the country each year and Vietnamese living in more than 100 countries and territories around the globe. Vietnam ranks 8th among the countries with the most international students in the world. Those leaving the country are often those in the most productive working age, between 20 and 40 years old. Compared to men, women have a slightly lower exit rate¹.

International migration for economic purposes is the most common type of migration, including the migration of Vietnamese people abroad to work under fixed-term contracts and the self-sufficient migration of workers to neighboring countries. Among those who cross the border overland on their own to work in neighboring countries, many have legal documents, but many also go informally through cross-border trails. These informal migrants might be unsafe, unprotected, vulnerable to exploitation, abuse, or possibly becoming a victim of human trafficking.

In the trend of globalization, to get closer to “world civilization,” studying abroad is the choice of many Vietnamese families. Many parents have grasped the trend of studying abroad with 1-0-2 to create conditions for their children to come close to the “paradise” education of developed countries. Studying abroad is an opportunity, it opens up a whole new horizon full of hope for change, promising a better life in the future.

According to an overview report of the Consular Department – Ministry of Foreign Affairs [2], about 90% of students go to school with their own self-financed and family funds, and only 10% have scholarships from different financial sources such as the State Bank of Vietnam, countries, support from foreign governments, international organizations, etc.

According to the statistics from the Department of International Cooperation, Ministry of Education and Training², there are currently about 190,000 Vietnamese students studying and doing research abroad. Of which, the European region currently hosts about 40,000 Vietnamese students, such as the UK – 12,000, Germany – 7,500, France – 6,500, Russia – 6,000, Finland – 2,500, Italy – 1,100, Netherlands – 1,000, Spain – 600, Hungary – 550. In America, there are about 50,000 enrolled students from Vietnam, which highlights the US with 29,000 students, and Canada with 21,000. Asia has about 70,000: Oceania – over 32,000, of which Australia – 30,000, New Zealand – 2,500. Africa hosts about 50 Vietnamese students.

The trend of studying abroad in Vietnam thrived on foreign support and investment as many countries began to offer scholarships to Vietnamese students. Vietnamese higher education institutions implement many international exchange programs for students at domestic and international schools. International activities always take place on a global scale, Vietnamese students can apply to other countries, especially the World Youth Organization to participate in international activities.

About 60–70% of self-sufficient international students stay abroad to work after completing their studies or continue their higher education in the host country. It is developed countries that always encourage young people to do so and create working

¹ Solutions to attract Vietnamese talents to return home [Giải pháp thu hút nhân tài Việt về nước] // Party Building Magazine No. 8/2013 [Тạp chí Xây dựng Đảng số 8/2013]. 01.08.2013. URL: <http://xaydungdang.org.vn/Home/PrintMagazineStory.aspx?ID=1074&print=true> (accessed on 15.11.2021). (In Viet.)

² Education and Training // International Trade Administration [site]. 15.09.2021. URL: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/vietnam-education-and-training> (accessed on 15.11.2021).

conditions for students with high qualifications. For example, Australia is ready to issue permits for highly qualified students to stay and work after graduation. Singapore also agrees to allow international students to stay if they are accepted by a company after graduating from the university.

Therefore, educational migration is growing rapidly, especially in the current situation when Vietnam is integrating deeply into the global world, a development opportunity and a future expectation that many generations have not seen before. So, Vietnamese children and families are pursuing this opportunity.

Vietnam's extensive and comprehensive international integration process along with the Government's policy of encouraging study, labor, research, exchange, tourism, and investment abroad has created favorable conditions for many Vietnamese to go abroad for many different purposes [3].

Educational migration is the desire and aspiration of each individual in finding advanced and modern educational opportunities at prestigious and famous educational institutions over the world, which depends greatly on their academic (study, research, foreign language) abilities, and also on financial abilities.

Many educational migrations are temporary, with immigrants staying in the host country for a limited period of time, and then returning home.

According to the Ministry of Foreign Affairs' report [cit. ex 4], in 2019, Vietnam sent 152,530 workers abroad (according to the Department of Overseas Labor). Resolution No. 21-NQ/TW dated October 25, 2017 of the 12th Central Committee of the Communist Party of Vietnam on population work in the new situation³, and the Vietnam Population Strategy to 2030⁴ have indicated the need to pay more attention to and invest in vulnerable populations, including migrants.

2. The impact of international migration

International migration has a very diverse and multidimensional impact on migrants themselves, their families, origin and destination communities.

First of all, there are job opportunities and high income, opportunities to improve skills and professional qualifications, opportunities to learn foreign languages, and cultural exchange for migrant workers themselves. For families in Vietnam, migrant workers make an important economic contribution through accumulating financial resources to send back home to be used for different purposes such as repairing and building new houses, improving family living standards, starting a business, taking better care of their children's education, and covering health care costs for family members, or creating favorable conditions for other family members to work abroad.

For the community of origin and the country in general, international labor migration has the effect of helping to reduce the pressure on domestic employment. Increasing remittances from migrants also help the community and the country to get more

³ Main content of Resolution 21-NQ/TW on population work in the new situation [Nội dung chính của Nghị quyết 21-NQ/TW về công tác dân số trong tình hình mới] // General Office for Population and Family Planning [Tổng cục Dân số- Kế hoạch hóa gia đình] [site]. 08.11.2017. URL: <http://gopfp.gov.vn/tin-chi-tiet/-/chi-tiet/noi-dung-chinh-cua-nghi-quyet-21-nq-tw-ve-cong-tac-dan-so-trong-tinh-hinh-moi-7991-1.html> (accessed on 15.11.2021). (In Viet.)

⁴ Decision 1679/QĐ-TTg 2019 approving the Vietnam Population Strategy to 2030 [Quyết định 1679/QĐ-TTg 2019 phê duyệt Chiến lược Dân số Việt Nam đến năm 2030] // LuatVietnam.vn [Luật Việt Nam]. Vietnam's system of legal documents. 22.11.2019. URL: <https://luatvietnam.vn/chinh-sach/quyet-dinh-1679-qd-ttg-2019-chien-luoc-dan-so-viet-nam-den-nam-2030-178540-d1.html> (accessed on 15.11.2021). (In Viet.)

resources to invest in development. Together with the overseas Vietnamese community, migrant networks also help to improve the competitiveness of the Vietnamese workforce, contributing to technology transfer through social relationships in the host country and in Vietnam. Migrants also contribute significantly to promoting cultural exchanges between countries, creating favorable conditions for Vietnam's deeper international integration [5].

However, besides the positive effects, international migration leads to the brain drain of high-quality human resources, reducing the country's ability to promote the economic development process. Along with that, there are negative impacts on the migrants themselves, their families, the community, and the country. Informal migrants who stay abroad without legal protection are vulnerable to exploitation, abuse, and human trafficking. Many migrant workers are also exposed to economic risks when their employers experience economic hardship or when they fail to comply with pre-signed contracts. For the family, the long-term separation between husband and wife, parents and children also leads to many undesirable consequences in family relations, child care and education, and elderly care [6].

As for educational migration, learners will get access to a better and more modern learning model, have the opportunity to develop their skills and necessary conditions for a better life in the future. First of all, it is the best opportunity to learn and command a foreign language. There is no better and more effective way to learn a language than when it is imperative to immerse yourself in the culture of using the language that international students are learning, to be exposed to that language in everyday life. Educational migration or studying abroad will provide the best opportunity to access a modern educational environment, experience it, participate in advanced educational programs, and obtain internationally recognized "good qualifications." Educational migration brings opportunities to increase the value of academic degrees, with subjects and training programs that domestic higher education institutions do not have. Educational migration opens up a horizon, offering the opportunity to travel and see the world. There are many opportunities for sightseeing while studying abroad when the regulations on immigration between the neighboring countries are favorable. Many student exchange programs also offer trips and practical extracurricular activities for students. Cultural differences are not only differences in language, but also in food, appearance, and personal preferences. A person's culture represents a profound reflection of the perceptions, beliefs, and values that influence one's view of the world and surroundings. International students who experience individual cultural differences will gain a real understanding of where different cultures come from. Educational migration offers experiences that schools and books cannot provide, helping individuals develop new skills and experiences. Educational migration is an environment where you can contact people from other countries, meet and make friends not only with native people but also with other international students from all over the world. Educational migration will help students understand themselves better, change their study habits, broaden their worldview, and increase employment and income opportunities.

However, educational migration might also have negative effects if cultural and language differences, separation from the family, a completely different learning environment, harsh life abroad, and financial pressure make foreign students unable to maintain their studies. Many international students have to give up their education to find a job to maintain a minimum life abroad. There are also many international students who have to return to their countries without completing any program. The social environment isolated from the native country might also affect the students' attitude towards their homeland through

the reception of one-sided, incomplete, and inaccurate information about the economic, political, cultural situation, etc.

3. The problems encountered by migrant students

When migrating for study, it is necessary to be fully prepared so as not to feel lost and disoriented in the host country. Such preliminary preparation for students might include:

- the preparation for more advanced training programs;
- getting a full understanding of what, where, and how they are going to study;
- working out a specific plan and timelines;
- studying cultural and educational characteristics of the destination country;
- getting in touch with the overseas Vietnamese community in the destination country;
- support programs for international students carried out by the host country or the destination academic institution;
- learning about job opportunities after graduation;
- collecting information about the conditions in the host country, means of learning, living and traveling there;
- information related to the school's alumni, etc.

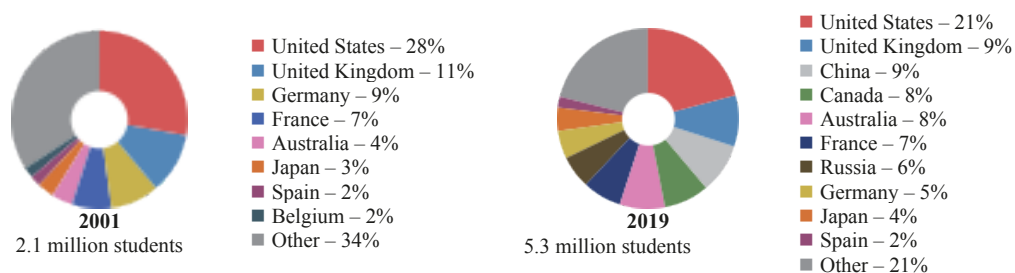

Fig. 1. TOP most attractive countries for international students, 2001 & 2019

Source: Project Atlas, 2019⁵

The estimated cost of studying abroad is about 3 billion USD per year, and Vietnam is regularly in the top 10 in terms of the number of international students in many education markets. Studying abroad is always a dream, a hope for a better future not only for Vietnamese people but also for people from many developing countries around the world. Countries that are considered attractive to international students include the US, the UK, China, Canada, Australia, France, Russia, Germany, Japan, and Spain [7]. For decades, the United States has remained the most popular study abroad destination in the world. The country's prestigious institutes attract a large number of students from different countries. With more than 5,500 universities and colleges, the United States is home to an incredibly diverse range of academic programs. Students can easily find a major that suits their needs and interests. The UK is home to many of the oldest and most famous universities in the world. British universities are also renowned for their cutting-edge research facilities, which are at the forefront of innovation. The advantage of studying in the US or the UK is that students' English language skills will be developed. Canada is another impressive higher education system with many schools listed in global university rankings. Moreover,

⁵ 2019 Project Atlas Infographics // Institute of International Education [site]. URL: <https://www.iie.org/Research-and-Insights/Project-Atlas/Explore-Data/Infographics/2019-Project-Atlas-Infographics> (accessed on 15.11.2021).

Canada is consistently ranked as the best country in the world for quality of life. The country is traditionally attracting flocks of international students thanks to its safety statistics, friendly community, reliable healthcare system, and the thriving job market.

When it comes to educational migration, there are many problems that international students face, and many of these problems that may not be there when students study in their home country.

First of all, the cost of education for students studying abroad on a full scholarship can be relatively assured because scholarships often include tuition and living expenses at a level that is sufficient to pay a living. However, self-sufficient international students who do not receive any economic support from institutions have to develop a specific financial plan to be able to study until the end of the year. The cost of travel and accommodation can be very expensive depending on different countries. Therefore, the issue of reasonable spending to ensure the number one requirement is that learning needs to come first.

The second problem is the language barrier and cultural differences. It takes students a while to get acquainted with the cultural norms of the destination country before they can catch up with a new lifestyle. How long it takes depends on their preparation level, abilities, and personal efforts. Many students demonstrate relatively good foreign language skills when in their home countries, but still, they have certain communication problems when attending lectures, taking part in different activities, and talking to local people abroad. This also has a significant impact on psychology, as many students feel discouraged when it starts to seem that they “do not understand anything,” which affects their learning results. Each country, each territory, will certainly have differences in terms of culture, food, clothing, etc. Thus, solid psychological preparation is necessary for every international student to quickly get used to the new lifestyle and avoid a “culture shock.”

Regulations on health insurance for foreign students (compulsory insurance for all foreign students, additional charges if traveling with a spouse and/or children, etc.) is a problem that is very clearly regulated in all countries receiving international students, as poor preparation will affect their life and learning process.

Access to programs and activities to support international students when living and studying abroad carried out by educational institutions, as well as the Vietnamese community overseas, will help reduce the difficulties faced by students abroad.

Students might need some support as studying abroad means living independently, taking care of yourself, including meals, calculating expenses, balancing school and work, balancing emotions, etc.

In addition, there might be problems related to the job search process, discrimination in the labor market and barriers to finding a job, insufficient foreign language proficiency, and challenges related to limited access to acquire skills and qualifications of migrants in destination countries.

Brain drain and challenges for Vietnamese education

The 4th industrial revolution and the strong digital transformation process create the need to fundamentally change the strategy and methods of organizing science and technology training and research. Along with the process of integration and internationalization, the tendency of brain drain, especially for highly qualified young cadres, is a big challenge for domestic universities. Besides, the capacity to train high-quality human resources, high-

level research capacity, and innovation capacity becomes a measure of universities' level, and at the same time a measure of competitiveness for each country⁶.

Brain drain is defined as population migration in search of better standards of living and quality of life, higher wages, access to advanced technology and more stable political conditions in different places around the world.

The race between higher education institutions to attract and train talents has become an urgent need of universities around the world, and in the future, this competition among educational institutions to attract "elite" human resources will become more and more intense.

Experts, scientific personnel, intellectuals, including writers and artists from countries with low living standards, migrate to live in countries with more favorable conditions for study, research, scientific and cultural activities, with high remuneration regime, developed economic conditions such as the United States, Japan, Great Britain, France, Germany, Norway, Sweden, Switzerland.

In terms of terminology, "brain drain" is human capital flight. The term is used to refer to the large-scale migration of knowledgeable and technical human resources from one country to another.

Brain drain is a global phenomenon, causing negative impacts when not taking advantage of high-quality human resources that contribute to the country's economic development. Therefore, the governments of the countries have set out policies to curb this phenomenon and attract the gray matter back by many measures.

Brain drain, especially educational migration, is affected by the world's labor market demand when the domestic market has an excess of unskilled labor but a scarcity of high-level intellectual labor. This situation leads to competitive policies to attract talents mainly in Europe and the US, including amending immigration laws, granting work visas, offering high salaries, investing in remuneration, building up research funds or scholarship funds, etc.

The main pull factors for high-quality human resources are (1) good learning and working environment; (2) high technology background; (3) open, transparent and fair recruitment mechanisms; (4) opportunities to find jobs with high income, and high living standards; (5) good preferential policies; (6) good social security policy; (7) some personal aspects such as family reunion (with relatives abroad) or personal interests, like an opportunity to improve career.

Developing countries are looking for ways to transform brain drain into increased intelligence. The world is facing a huge international migration trend with the expectation of "having a bright tomorrow," so brain drain is a concern not only of developing countries but also developed countries [8]. Attracting, training, and fostering talents is always a necessity everywhere in the world today. Better living standards and quality of life, higher wages, access to advanced technology, and more stable political situation in developed countries will be the conditions for attracting talents from less developed regions when the pursuit of education and economic improvement becomes the driving force of international migration. Knowledge is one of the most expensive resources for any country because training consumes a lot of resources in terms of material costs and time, and most

⁶ Find good people for top research at VKIST [Tìm người giỏi cho những nghiên cứu hàng đầu tại VKIST] // Ministry of Science and Technology (MOST) [Bộ Khoa học và Công nghệ (MOST)]. 30.09.2021. URL: <https://most.gov.vn/vn/tin-tuc/20725/tim-nguoi-gioi-cho-nhung-nghien-cuu-hang-dau-tai-vkist.aspx> (accessed on 15.11.2021). (In Viet.)

importantly, a country loses opportunities for development in the future if it loses human resources.

International migration in higher education is very intense today and has a great impact on the economic development of the country. Vietnam is facing a sizable international migration in the higher education sector as there are not many Vietnamese universities that can provide world-class education and training opportunities as well as career and employment advancement opportunities, and professional research environment. Due to the lack of funding, poor facilities, and poor intellectual stimulation Vietnam has not achieved the level of developed countries in science, technology, and innovation yet and cannot affirm its position in the academic arena, although it has made really remarkable progress.

Although scientific and technology staff has increased in number, there is a shortage of leading experts in many fields, including key fields. Over the past time, the Party and State conducted many policies on investment, attracting talents as well as policies towards overseas Vietnamese, such as Resolution 36-NQ/TW dated March 26, 2004 of the Politburo on work with overseas Vietnamese⁷, Directive No. 19/2008/CT-TTg dated June 6, 2008 of the Prime Minister on continuing to strengthen the implementation of the Government's Action Program on working with overseas Vietnamese⁸, Directive No. 45-CT/TW dated May 19, 2015 of the Politburo on the continued accelerate the implementation of Resolution 36⁹, contributing to a more comprehensive and stronger implementation of the work on overseas Vietnamese in the new situation, and most recently, Conclusion No. 12-KL/TW dated August 12, 2021 of the Politburo on overseas Vietnamese work¹⁰ for the purpose of arousing and promoting the strength of the entire people, including intellectual and material resources of our compatriots abroad, contributing to the construction of a

⁷ Resolution No. 36/NQ-TW dated March 26, 2004 of the Politburo on working with overseas Vietnamese [Nghị quyết số 36/NQ-TW ngày 26/3/2004 của Bộ Chính trị về công tác đối với người Việt Nam ở nước ngoài] // Communist Party of Vietnam Electronic Newspaper [Bảo điện từ Đảng Cộng sản Việt Nam]. 26.03.2004. URL: <https://tulieuvankien.dangcongsan.vn/he-thong-van-ban/van-ban-cua-dang/nghi-quyet-so-36nq-tw-ngay-2632004-cua-bo-chinh-tri-ve-cong-tac-doi-voi-nguoi-viet-nam-o-nuoc-ngoai-2102> (accessed on 15.11.2021). (In Viet.)

⁸ Directive No. 19/2008/CT-TTG of the Prime Minister: On continuing to strengthen the implementation of the Government's Action Program on working with overseas Vietnamese [Chỉ thị số 19/2008/CT-TTG của Thủ tướng Chính phủ: Về việc tiếp tục tăng cường triển khai thực hiện Chương trình hành động của Chính phủ về công tác với người Việt Nam ở nước ngoài] // Government Portal [Cổng Thông tin điện tử Chính phủ]. 06.06.2008. URL: <https://vanban.chinhphu.vn/default.aspx?pageid=27160&docid=68405> (accessed on 15.11.2021). (In Viet.)

⁹ Directive No. 45-CT/TW dated May 19, 2015 of the Politburo on continuing to accelerate the implementation of Resolution No. 36-NQ/TW of the IX Politburo on work with overseas Vietnamese in new conditions [Chỉ thị số 45-CT/TW ngày 19/5/2015 của Bộ Chính trị về việc tiếp tục đẩy mạnh thực hiện Nghị quyết số 36-NQ/TW của Bộ Chính trị khóa IX về công tác đối với người Việt Nam ở nước ngoài trong tình hình mới] // Communist Party of Vietnam Electronic Newspaper [Bảo điện từ Đảng Cộng sản Việt Nam]. 19.05.2015. URL: <https://tulieuvankien.dangcongsan.vn/he-thong-van-ban/van-ban-cua-dang/chi-thi-so-45-cttw-ngay-1952015-cua-bo-chinh-tri-ve-viec-tiep-tuc-day-manh-thuc-hien-nghi-quyet-so-36nqtw-cua-bo-chinh-168> (accessed on 15.11.2021). (In Viet.)

¹⁰ Conclusion No. 12-KL/TW dated 12/8/2021 of the Politburo on overseas Vietnamese work in the new situation [Kết luận số 12-KL/TW ngày 12/8/2021 của Bộ Chính trị về công tác người Việt Nam ở nước ngoài trong tình hình mới] // Communist Party of Vietnam Electronic Newspaper [Bảo điện từ Đảng Cộng sản Việt Nam]. 12.08.2021. URL: <https://tulieuvankien.dangcongsan.vn/he-thong-van-ban/van-ban-cua-dang/ket-luan-so-12-kltw-ngay-1282021-cua-bo-chinh-tri-ve-cong-tac-nguoi-viet-nam-o-nuoc-ngoai-trong-tinh-hinh-moi-7730> (accessed on 15.11.2021). (In Viet.)

prosperous and happy country. The Ministry of Education and Training has been assigned by the Government to implement a number of projects such as Project 911¹¹, formerly Project 322¹² (Training lecturers with doctoral degrees for universities and colleges in the period 2010–2020), Project 599¹³ (Training cadres abroad with the state budget for the period 2013–2020). However, the training of high-quality human resources contributing to economic development, science and technology still faces many challenges such as sending human resources to be trained in advanced and modern environments around the world and then returning them to the country, as well as attracting highly-qualified Vietnamese people from abroad back to their homeland, even earning income attracting foreigners to Vietnam to participate in the process of building the country on a par with the region and the world.

The overseas Vietnamese community with professional and technical qualifications includes intellectuals, accounting for 10–15% of the community, most concentrated in the US, France, Canada, technicians, skilled and skilled technical workers. Among them, there are good experts working in high-tech fields: electronics, biology, new materials, aerospace, and other important fields. Many of them hold important positions in research institutes, universities, hospitals, business companies of host countries and international organizations. In most industries, including high-tech industries such as space, aviation, etc., there are Vietnamese people. This is a valuable asset, an important resource in the development and protection of the country.

The problem of attracting talents is that overseas Vietnamese are always valued by our Party and State. In many congresses, especially the IX and XI Congresses of the Party, it was affirmed: “The compatriots residing abroad are an integral part and a resource of the Vietnamese ethnic community,” and the need to “have policies in place” was emphasized. The policy creates favorable conditions for overseas Vietnamese to visit their homeland, expands cultural activities, education and training, science and technology, production and business, and makes practical contributions to national construction. Focus is made on “using and promoting the potential of knowledge of overseas Vietnamese”. The education sector, which attracts the most returns of overseas Vietnamese intellectuals, is also the place to witness the scarcity of high-quality human resources in the face of the current brain drain. In the strategy of building and developing higher education institutions, they have changed their strategies and policies to make the most of the positive results of “brain circulation” or “brain chain” to overcome phenomenon of “one-way brain drain” from Vietnam to the world.

¹¹ Decision on the Approval of the Project for Training Teachers and Doctors for Universities and Colleges for 2010–2020 No. 911/QĐ-TTg [Quyết Định Phê Duyệt Đề Án Đào Tạo Giảng Viên Có Trình Độ Tiến Sĩ Cho Các Trường Đại Học, Cao Đẳng Giai Đoạn 2010–2020 Số: 911/QĐ-TTg] // Law Library [Thư Viện Pháp Luật] [site]. 17.06.2010. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Giao-duc/Quyết-dinh-911-QĐ-TTg-De-an-Dao-cao-tao-giang-vien-co-trinh-do-tien-si-107568.aspx> (accessed on 15.11.2021). (In Viet.)

¹² Decision on the Approval of the Project “Training Scientific and Technical Staff at Foreign Businesses with the State Budget” [Quyết Định Về Việc Phê Duyệt Đề Án “Đào Tạo Cán Bộ Khoa Học, Kỹ Thuật Tại Các Cơ Sở Nước Ngoài Bằng Ngân Sách Nhà Nước”] // Law Library [Thư Viện Pháp Luật] [site]. 19.04.2000. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Tai-chinh-nha-nuoc/Quyết-dinh-322-2000-QĐ-TTg-De-an-Dao-cao-tao-can-bo-khoa-hoc-ky-thuat-tai-nuoc-ngoai-bang-ngan-sach-nha-nuoc-8543.aspx> (accessed on 15.11.2021). (In Viet.)

¹³ Decision on the Approval of the Project “Training cadres overseas by the state budget period of 2013–2020” [Quyết Định Về Việc Phê Duyệt Đề Án “Đào Tạo Cán Bộ Ở Nước Ngoài Bằng Ngân Sách Nhà Nước Giai Đoạn 2013–2020”] // Law Library [Thư Viện Pháp Luật] [site]. 17.04.2013. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Quyết-dinh-599-QĐ-TTg-De-an-Dao-cao-tao-can-bo-ngoai-bang-ngan-sach-nha-nuoc-182217.aspx> (accessed on 15.11.2021). (In Viet.)

In the field of higher education in particular and other fields in general, there are many reasons affecting the limitation in attracting intellectuals and overseas Vietnamese such as inadequate remuneration, poor technical equipment, low efficiency of using gray matter, limited conditions for knowledge improvement and international exchange, and the lack of freedom of creativity. Therefore, practical solutions are needed to limit the challenges of the brain drain as the result of international migration in the field of higher education in Vietnam.

Educational migration and opportunities in Vietnam

The strongly innovative global economy is creating “brain circulation” or “brain chain” instead of “brain drain,” in which talented people return to their homeland with capital, skills, and knowledge, along with many relationships with multinational enterprises, as well as technology systems, which plays a significant role in the development of the country. Some highly qualified specialists choose to stay abroad, but still contribute to the country’s development in the form of sending remittances back home, supporting business relationships, or directly participating, in scientific and research activities, formulating economic development policies of the country. Brain drain will increase competition between developing countries, domestic enterprises, and multinational corporations, creating new ideas for domestic and international economic development policies.

The situation of brain drain, or not fully exploiting the country’s talents, is an important issue that needs to be addressed because Vietnamese tradition and wisdom are really valuable resources of the society. But a big question arises – how have we exploited and used that intellectual resource? Was it reasonable? Was there a waste? Was it a perfectionistic and hasty?

International migration is a worldwide trend that cannot be reversed. Although there are some negative effects, in general, international migration has mainly positive effects. It is important to have appropriate solutions and institutions to protect the legitimate rights and interests of migrants, minimize the risks they may face, and facilitate international migration for it to contribute more to the development of each individual, family, and country [9].

Vietnam joins and signs new-generation free trade agreements such as the EU–Vietnam Free Trade Agreement (EVFTA), the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP), etc., with unprecedented commitments on labor rights, reform of state-owned enterprises, bidding and procurement public, intellectual property protection, which is an opportunity for Vietnam to learn, cooperate, protect intellectual property rights and transfer technology.

The field of science and technology (S&T) is one of the industries that need support, contributing both to intellectual and financial resources and international cooperation. However, when investing in S&T from abroad, there are still many shortcomings in terms of mechanisms and regulations, which will create barriers and reduce the motivation of international partners to contribute to the development of S&T in the country. Therefore, the internal organization of the domestic S&T industry needs to be changed.

In order to be effective, it is necessary to continue to innovate the investment mechanisms in S&T for the sake of healthy competition, with the focus on indicators measuring results and output efficiency. Procedures for selecting S&T tasks should be flexible and simple; financial settlement should follow international practices with increased investment from the state budget.

Continued investment in improving S&T infrastructure, modernizing research equipment, and improving the operational efficiency of key laboratories and specialized laboratories would help to create an autonomous and attractive scientific and technological research environment, as well as an advanced academic environment. Introducing a satisfactory remuneration policy and providing favorable career development opportunities would attract more specialists to the S&T sphere, while expanding international cooperation and connection would effectively attract Vietnamese scientific personnel from abroad.

Research to create domestic and international protected intellectual property, improve mastery of design and manufacture of high-tech products, especially for specific technologies, core technologies in products would contribute to raising the level and potential of the nation's science and technology and promoting technology transfer from abroad to Vietnam.

Renewing thinking and perfecting mechanisms and policies on overseas Vietnamese might make it possible to gather, unite widely and promote the creative intelligence of S&T intellectuals from the overseas Vietnamese community, increase the role they play everywhere in the world and make the most of their talents. By improving the quality of participation of Vietnamese S&T intellectuals in advice, criticism, and social assessment the country could broaden research activities and application of scientific and technological advances in economic, social development, and environmental protection.

If Vietnam is able to create a favorable environment to gather a team of domestic and foreign S&T intellectuals by promoting patriotism and civic responsibility of the specialists, the country would become a place for them to demonstrate their intelligence, creativity and make positive contributions to the development of the society.

Another important measure is to improve the investment environment, reform administrative procedures on investment, especially the implementation stage in localities to create favorable conditions for overseas Vietnamese to invest back home.

Developing solutions to attract talents to work long-term for the country requires the coordination of implementation by relevant ministries and branches. Research, adjust, amend and supplement laws and policies on overseas Vietnamese are needed in order to create solidarity for the Vietnamese community abroad, and attract the contributions of the Vietnamese from all over the world for the development of the country and the whole Vietnamese community. In order to attract Vietnamese specialists to S&T activities in the country, the government should continue to improve the legal framework to create conditions for overseas Vietnamese entrepreneurs and intellectuals to return home to work and invest in business. It is also important to engage foreigners and foreign experts in S&T activities in Vietnam.

By making connections with universities, research institutes, and laboratories in the host countries where overseas Vietnamese are employed in order to cooperate in training and provide scholarships to support students, it is possible to build high-quality human resources and attract excellent staff who is ready to participate in the country's innovation activities.

Through technology transfer and innovations so-called "global citizens" [10] can also promote common progress. Preferential policies which create conditions to attract overseas students to return home to work could help to overcome the situation of brain drain. Such policies might be especially effective on international students who do not receive scholarships from the state budget.

It is necessary to organize more annual and periodical activities for overseas Vietnamese, such as the Homeland Spring Program¹⁴ aiming to foster links between overseas Vietnamese and their compatriots at home; invite overseas Vietnamese delegations to visit the country on major holidays, such as the Death Anniversary of the Hung Kings, the liberation of the South to reunify the country, and the National Day; organize summer camps for overseas Vietnamese youth, forums, seminars, and conferences where overseas Vietnamese can participate and contribute to the development of the country, etc.

To attract talents from abroad to Vietnam it is also necessary to Strengthen the leadership and direction of party organizations for competent agencies through thematic directives and resolutions. At the same time, the government should focus on leading the implementation, inspection, and supervision by way of regularly surveying the situation of using talents to prepare solutions to overcome arising problems so as not to waste brainpower. It is necessary to focus on conducting preliminary reviews, summarizing lessons learned, and developing policies to achieve the set goals.

Regulations of state agencies on entry, exit, residence, and travel of overseas Vietnamese in the country should be concretized and improved to make the procedures open, convenient and simple. Clear and quick procedures for overseas Vietnamese would make it easier for them to repatriate or to do business and live in the country for a definite time. Vietnamese citizens living abroad are in need to solve existing problems of domestic housing purchase, inheritance, marriage, family, child adoption, etc.

State agencies in charge should use appropriate forms to collect opinions of compatriots abroad before promulgating legal documents and policies related to overseas Vietnamese. Ministries and branches should develop projects to attract experts and intellectuals from abroad to participate in science, technology, education, and training activities at higher education institutions in Vietnam. At the local level, there should be specific regimes and policies for overseas Vietnamese experts and intellectuals who regularly work at training and research institutions, industrial parks, and industrial zones, high tech sphere, etc.

Methods of advocacy need to be modernized and diversified in order to promote the gathering the overseas Vietnamese community, encouraging and creating easy conditions for them to transfer knowledge, technology and advanced management experience. Overseas Vietnamese should be provided conditions to participate in the major political and social activities of the country. And the country needs a legal framework to create conditions for overseas Vietnamese businessmen and intellectuals to return home to work, invest and do business. So, the formation of specialized associations should be encouraged, and cooperation between the communities should be expanded. It is also important to build a satisfactory remuneration regime, favorable working environment for overseas Vietnamese experts and intellectuals who have high professional qualifications and are capable of consulting on management and administration, technology transfer, high technology to the country. Within this framework, there could be adopted a policy to reward overseas Vietnamese organizations and individuals that have made achievements in community building mobilization, contributing to the construction of the country, as well as domestic organizations and individuals with achievements in advocacy work.

National organizations for overseas Vietnamese in host countries and international organizations should consolidate their efforts, functions, and tasks in order to work in a

¹⁴ Overseas Vietnamese encouraged to aid national development // Vietnam News. Newspaper. URL: <https://vietnamnews.vn/opinion/1118141/overseas-vietnamese-encouraged-to-aid-national-development.html> (accessed on 15.11.2021).

professional and effective manner, acting as a bridge between compatriots in the country and overseas Vietnamese, creating favorable conditions for overseas Vietnamese to contribute to national construction. Currently, Vietnam cooperates with the United Nations Development Program (UNDP), and developed countries to create favorable conditions to attract and send Vietnamese intellectuals to work abroad for a limited time.

In addition to the direct contributions to the country's economy, overseas Vietnamese could bring many indirect contributions as well in the form of attracting foreign investment through connecting foreign investors with domestic partners and introducing them to Vietnam. At the same time, it would increase the prestige and attractiveness of Vietnam's investment environment to international investors. As of November 2020, overseas Vietnamese had 362 investment projects in the form of foreign investment in Vietnam with a total registered capital of 1.6 billion USD from 27 countries and territories. In which, the most were from the US expatriates, followed by France, Australia, China, and Germany¹⁵.

Most investment projects of overseas Vietnamese focus on the processing and manufacturing industry – 143 projects with registered capital of 725.14 million USD, accounting for 39.5% of all the projects and 45.2% of the registered capital. Overseas Vietnamese investors have invested in 42/63 localities across the country, in which Hanoi is leading with 79 projects and registered capital of 476.8 million USD (accounting for 21.8% of all the projects and 7% of registered capital), followed by Long An, Binh Thuan, Hai Phong, Dong Nai, and other locations. Foreign investment projects of expatriates operate quite effectively, making significant contributions to the socio-economic development of the country.

The Vietnam Innovation Network¹⁶ could be used for building a database and a digital platform connecting all Vietnamese elites abroad. Strengthening communication activities based on information technologies follows the trend of digital transformation and the fourth industrial revolution and would be an effective means to unite the Vietnamese community within the country and around the world. In such a way, any place in the world would become a link in the chain of solidarity towards the goal of building a strong homeland and creating the opportunity for each Vietnamese citizen to develop personally and improve their life.

Conclusion

When Vietnamese talents become “global citizens,” their dedication is automatically a common property that any country can take advantage of. Therefore, it is necessary to identify and recognize both their contribution to the world and the resonance of Vietnam's interests. Vietnam would profit from mobilizing overseas Vietnamese experts, intellectuals, and businessmen to actively transfer advanced science and technology back home to apply in production, improve capacity, production, and quality of goods, promote the country's trade activities.

More and more overseas Vietnamese experts and intellectuals are cooperating with domestic agencies in various forms such as teaching and research. They act as a bridge to

¹⁵ Attract investment and promote overseas Vietnamese resources through a global innovation network [Thu hút đầu tư và phát huy nguồn lực người Việt Nam ở nước ngoài thông qua mạng lưới đổi mới sáng tạo toàn cầu] // Southern Investment Promotion Center [Trung Tâm Xúc Tiến Đầu Tư Phía Nam] [site]. URL: <https://ipcs.mpi.gov.vn/thu-hut-dau-tu-nguoi-viet-nam-o-nuoc-ngoai/> (accessed on 15.11.2021). (In Viet.)

¹⁶ Vietnam Innovation Network // Vietnam National Innovation Center [site]. 19.08.2020. URL: <http://eng.nic.gov.vn/Vietnam-Innovation-Network/vietnam-innovation-network-10931> (accessed on 15.11.2021).

bring foreign experts to cooperate with domestic specialists by inviting domestic experts to attend international scientific activities, apply for scholarships for young talented scientists and intellectuals from Vietnam to train and do research in technologically advanced countries, combine production and business activities with technology transfer, participate in international cooperation programs of Vietnam.

The overseas Vietnamese community is growing stronger, and its members always look to the country, have the desire to contribute to the construction of their homeland. The country should take the advantage due to the Vietnam Government's policy of visa exemption for overseas Vietnamese returning home.

Attracting resources of expatriates to contribute to the national construction and development, attracting investment and developing national innovation capacity is a very important task in the context of digital transformation and the 4th industrial revolution that is on its way now in most countries around the globe. International migration in general and educational migration in particular is no longer just a risk of "brain drain" but becomes a driving force, an opportunity, and a future potential for Vietnam's development and turning into a rich and strong country, on par with other countries of the Asia-Pacific and the world.

References

1. Global Education Monitoring Report Team. *Global Education Monitoring Report, 2019: Migration, Displacement and Education: Building Bridges, Not Walls*. Paris: UNESCO, 2018. 362 p. ISBN: 978-92-3-100283-0. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000265866>.
2. *Overview of Vietnamese Migration Abroad* [Báo Cáo Tổng Quan Về Tình Hình Di Cư Của Công Dân Việt Nam Ra Nước Ngoài]. Ha Noi: Consular Department, Ministry of Foreign Affairs of Vietnam [Cục Lãnh sự, Bộ Ngoại giao Việt Nam], 2011. 97 p. URL: https://phapluatdansu.edu.vn/wp-content/uploads/2020/06/bao_cao_tong_quan_ve_di_dan_VN-2.pdf. (In Viet.)
3. *Viet Nam Migration Profile 2016*. Ha Noi: International Organization for Migration, 2017. 116 p. Reference No. ENG0542. URL: <https://publications.iom.int/books/viet-nam-migration-profile-2016>.
4. *TRIANGLE in ASEAN Quarterly Briefing Note: Viet Nam (January – June 2021)*. Bangkok: International Labour Organization, 2021. 5 p. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---asia/---ro-bangkok/documents/genericdocument/wcms_735109.pdf.
5. Harkins B., Lindgren D., Suravoranon T. *Risks and Rewards: Outcomes of Labour Migration in South-East Asia – Key Findings in Viet Nam*. Ha Noi: International Labour Organization and International Organization for Migration, 2018. 12 p. ISBN: 978-92-2-131411-0. URL: https://www.ilo.org/hanoi/Whatwedo/Publications/WCMS_630870/lang--en/index.htm.
6. Nicolai S., Wales J., Aiazzi E. *Education, migration and the 2030 Agenda for Sustainable Development*. London: Overseas Development Institute, 2017. 15 p. URL: <https://odi.org/documents/5587/11620.pdf>.
7. Pismennaya E. E., Ryazantsev S. V., Luong Dinh Hai, Ochirova G. N. Quality of Life and Education in Russia as Seen by Vietnamese Students. *Alma Mater (Vestnik Vyshey Shkoly)*. 2020. No. 11. Pp. 20–28. DOI: <https://doi.org/10.20339/AM.11-20.020>. (In Russ).
8. *ILO Global Estimates on International Migrant Workers – Results and Methodology*. Geneva: International Labour Organization, 2021. 72 p. ISBN: 9789221326724. URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_652001/lang--en/index.htm.
9. *Handbook of the Economics of Education*. Volume 4 / Ed. by Hanushek E. A., S. J. Machin, L. Woessmann. Amsterdam: North Holland, 2011. 708 p. ISBN: 9780444535351. URL: <https://www.sciencedirect.com/handbook/handbook-of-the-economics-of-education/vol/4/suppl/C>.
10. Sanz R. *Education and Migration: An Assessment of the Types and Range of IOM's Education and Vocational Training Projects*. Geneva: International Organization for Migration, 2018. 82 p. Reference No. ENG0630. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/iom_migration_education_report.pdf.

Bio note:

Nguyen Minh Huyen Trang, Master of Public Administration, Director, Center for Intellectual Property and Technology Transfer, Vietnam National University, Ho Chi Minh City, Vietnam.

Contact information: e-mail: nmhtrang@vnuhcm.edu.vn; ORCID ID: 0000-0001-6211-5952.

Acknowledgements and financing:

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and Vietnam Academy of Social Sciences (VASS) according to the research project № 20-511-92002.

Received on 07.12.2021; accepted for publication on 08.02.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ ВО ВЬЕТНАМЕ: ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Нгуен Минь Хуен Чанг

Вьетнамский национальный университет, Хошимин, Вьетнам

E-mail: nmhtrang@vnuhcm.edu.vn

Для цитирования: Нгуен Минь Хуен Чанг. Образовательная миграция во Вьетнаме: вызовы и новые возможности // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 1. С. 127–141. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.10>

Аннотация. Международная миграционная активность граждан Вьетнама резко возросла за последние десятилетия, что следует общей глобальной тенденции. Ежегодно миллионы вьетнамцев выезжают более чем в сотню стран мира или возвращаются из них. Также Вьетнам сегодня находится на восьмом месте по количеству студентов, обучающихся за рубежом. Многие вьетнамские семьи выбирают для своих детей обучение за границей, поскольку это позволяет стать ближе к «мировой цивилизации» в рамках глобализационного тренда. Родители, увлеченные это веяние, стараются создать все условия для того, чтобы их дети получили доступ к «райскому» образованию в развитых странах. Учеба за границей видится как возможность открыть совершенно новые горизонты, она сулит надежду на перемены и обещает лучшую жизнь в будущем. Четвертая промышленная революция и мощный процесс цифровой трансформации создают необходимость коренного изменения стратегии и методов организации обучения и исследований в области науки и технологий. Наряду с процессом интеграции и интернационализации, проблема «утечки умов», особенно высококвалифицированных молодых кадров, становится большим вызовом для вьетнамских вузов. Способность готовить качественные человеческие ресурсы, создавать исследовательский и инновационный потенциал высокого уровня начинают рассматриваться в качестве не только показателя уровня развития вузов, но и конкурентоспособности каждой из стран в целом. Однако инновационная глобальная экономика дает возможность заменить «утечку умов» циркуляцией умов, когда талантливые люди возвращаются на родину с приобретенными за границей капиталом, навыками и знаниями, а также связями с многонациональными предприятиями и пониманием используемых там технологических систем, что играет значительную роль в развитии страны. В данной статье приводится критический обзор ситуации с образовательной миграцией из Вьетнама на современном этапе, а также предлагаются возможные пути решения связанных с ней проблем и рекомендации по созданию благоприятных условий для возвращения на родину представителей зарубежного вьетнамского сообщества, способных внести свой вклад в развитие страны.

Ключевые слова: международная миграция, образовательная миграция, возможности развития, утечка умов, циркуляция умов, мотивация развития.

Сведения об авторе:

Нгуен Минь Хуен Чанг, магистр государственного управления, директор Центра интеллектуальной собственности и трансфера технологий Вьетнамского национального университета, Хошимин, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: nmhtrang@vnuhcm.edu.vn; ORCID ID: 0000-0002-2984-5395.

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН в рамках научного проекта № 20-511-92002.

Статья поступила в редакцию 07.12.2021; принята в печать 08.02.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ «МИГРАЦИИ ГАОКАО» В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Чжан Чжань

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай

Научно-Исследовательский Институт Современной Азии, Москва, Россия

E-mail: zhan.zhang@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.11>

Для цитирования: **Чжан Чжань. Социальные аспекты «миграции Гаокао» в современном Китае // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 1. С. 142–150. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.11>**

Аннотация. В данной статье исследуется феномен так называемой «миграции Гаокао», выявляются ее специфика и отличия от иных потоков образовательной миграции в Китае. Анализируются причины и последствия этого явления. На основе принятых в КНР законов и постановлений предлагаются возможные пути решения рассматриваемой проблемы. В статье указывается, что для обеспечения справедливости в образовании, помимо тщательного анализа квалификаций кандидатов при приеме в университеты, необходимо также развитие крупномасштабного, диверсифицированного и высококачественного высшего образования. Именно этот путь является наиболее реальным способом решения проблем в сфере образования в долгосрочной перспективе. Для минимизации рисков и расширения возможностей образовательной миграции предлагается укрепление международного сотрудничества в области совместного создания и использования цифровых образовательных ресурсов.

Ключевые слова: «миграция Гаокао», образовательная миграция, совместный университет, международное сотрудничество, справедливость в образовании.

Введение

Справедливость в образовании является ключевым элементом Повестки дня ООН на период до 2030 г. и четвертой целью устойчивого развития. В Повестке дня говорится: «Обеспечить инклюзивное и справедливое качественное образование и возможности обучения на протяжении всей жизни для всех». Пункт 4.3 гласит: «Обеспечить равный доступ всех женщин и мужчин к недорогому, качественному техническому, профессиональному и высшему образованию, включая университетское образование». Кроме того, пункт 4.b гласит: «К 2020 году существенно увеличить в глобальном масштабе количество стипендий для получения высшего образования, включая профессиональную подготовку и программы в области ИКТ, технологий, инженерного дела и науки, предоставляемых развитыми и отдельными развивающимися странами для развивающихся стран, в частности НРС, МОНАГ и стран Африки»¹.

Согласно общему списку высших учебных заведений, опубликованному Министерством образования КНР², по состоянию на 30 сентября 2021 г., в материковом Китае насчитывалось 3 012 высших учебных заведения, включая 2 756 общих высших учебных заведений (1 270 университетов и 1 486 колледжей) и 256 высших учебных заведений для взрослых, это на 167 вузов (5,87%) больше по сравнению с 2015 г. Об-

¹ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 года «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (A/70/L.1) // Организация Объединенных Наций [сайт]. URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R (дата обращения: 13.10.2021).

² Список высших учебных заведений Китая [全国高等学校名单] // Министерство образования КНР [中华人民共和国教育部] [сайт]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/s5743/s5744/A03/202110/t20211025_574874.html (дата обращения: 13.10.2021). (На кит.)

щее число студентов, обучающихся по всем формам высшего образования, составило 41,83 млн человек, а валовой коэффициент охвата высшим образованием – 54,4%³, что говорит о значительном росте (14,7% по общему количеству студентов и 14,4% по валовому коэффициенту охвата высшим образованием) по сравнению с данными за 2015 г. (36,47 млн человек и 40%). По данным доклада ЮНЕСКО о глобальном мониторинге образования за 2020 г., государственные инициативы доминируют в предоставлении стипендий для студентов из стран Африки к югу от Сахары. Китайское правительство является крупнейшим поставщиком стипендий, предоставляя через различные агентства более 12 000 программ поддержки учащихся ежегодно [1].

С одной стороны, Китай увеличивает предложение в области высшего образования, таким образом, продвигаясь к достижению цели, обозначенной в пункте 4.3 Повестки дня ООН, а с другой стороны, предлагает все больше программ стипендий для развивающихся и наименее развитых стран в целях продвижения равенства в образовании на глобальном уровне.

Несмотря на вышеупомянутые усилия и достижения, неравномерное распределение качественных образовательных ресурсов является объективным фактором, как на внутреннем, так и на международном уровне, а образовательная миграция остается способом для получения лучшего образования и впоследствии престижной работы. В данной статье будет изучен феномен миграции с целью получения высшего образования в Китае, изучены причины и последствия этого явления, а также меры по противодействию «миграции Гаокао».

Источники данных и методы исследования

В рамках настоящего исследования для обсуждения вопроса справедливости в образовании и реализации целей Повестки дня ООН в области устойчивого развития используются официальные данные Министерства образования Китая (статистика по иностранным студентам, обучавшимся в стране в 2018 г., Национальный бюллетень статистики эффективности расходов на образование за 2020 г. и др.), а также доклады ЮНЕСКО о глобальном мониторинге образования. Проблема регулирования «миграции Гаокао» рассматривается на материале соответствующих юридических документов: Закона об образовании Китайской Народной Республики, Закона о высшем образовании Китайской Народной Республики, Закона о гражданстве Китайской Народной Республики, а также соответствующих положений и требований, установленных Министерством образования и провинциальными департаментами образования. При анализе спекулятивного поведения «мигрантов Гаокао» используются сообщения авторитетных СМИ, таких как Центральная радио- и телестанция Китая, Информационное агентство Синьхуа и т. д. Таким образом, вопросы «миграции Гаокао», образовательной миграции и распределения образовательных ресурсов как на качественном, так и на количественном уровнях рассматриваются на материале официальных данных и нормативно-правовых актов.

³ Основные результаты Национальной статистики образования в 2020 г. [2020年全国教育事业统计主要结果] // Министерство образования КНР [中华人民共和国教育部] [сайт]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/202103/t20210301_516062.html (дата обращения: 13.10.2021). (На кит.)

Результаты исследования

Образовательная миграция в Китае

В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 г. образовательная (учебная) миграция определяется как миграция с целью получения или продолжения образования⁴.

Образовательная миграция в Китае обычно протекает в одной из двух форм: во-первых, экономически развитые провинции и города непосредственно набирают учащихся технических школ из слаборазвитых провинций, городов, уездов, а после прохождения обучения устраивают их на работу на местах; во-вторых, в некоторых провинциях организована миграция учащихся из менее развитых районов, где не хватает образовательных ресурсов, в более развитые районы, где они могут получить или продолжить образование.

Например, провинция Хайнань осуществляет образовательную миграционную политику с 2005 г. Благодаря интеграции образовательных ресурсов в ее рамках учащиеся из бедных районов или районов с плохой экологической обстановкой переводятся в школы в городах и поселках с лучшими условиями для получения более качественного образования. Таким образом сокращается разрыв в образовании между городскими и сельскими районами, повышается культурный и образовательный уровень бедного населения, что позволяет в конечном счете разрешить проблему бедности через трудоустройство выпускников в более развитых районах провинции [2].

Нельзя забывать также о международной образовательной миграции. Согласно отчету «Открытые двери 2021»⁵, в 2020–2021 учебном году число иностранных студентов, обучающихся в университетах США, сократилось на 15%, при этом число студентов из материкового Китая снизилось на 14,8%. В общей сложности в США по программам бакалавриата, магистратуры, недипломного образования и дополнительного практического обучения⁶ обучаются 317 299 китайских студентов, что составляет 34,7% всех иностранных студентов в стране. Материковый Китай является крупнейшим поставщиком иностранных студентов в США на протяжении 12 лет подряд.

В то же время стабильно увеличивается количество иностранных студентов, обучающихся в Китае. Согласно статистике Министерства образования КНР, в 2018 г. 492 185 иностранных студентов из 196 стран и регионов обучались в 1 004 высших учебных заведениях в 31 провинции (автономных районах и муниципалитетах), что делает Китай третьим по популярности местом назначения для международных образовательных мигрантов в мире после США и Великобритании⁷.

⁴ Президент утвердил Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Президент России. Официальное интернет-представительство Президента России. 13.06.2012. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15635> (дата обращения: 13.10.2021).

⁵ Annual Release // Open Doors. US information resource on international students. URL: <https://opendoorsdata.org/annual-release/> (дата обращения: 13.10.2021).

⁶ Optional practical training. Подразумевает работу в США по студенческой визе.

⁷ Статистика по иностранным студентам, обучающимся в Китае, за 2018 г. [2018年来华留学统计] // Министерство образования КНР [中华人民共和国教育部] [сайт]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/201904/t20190412_377692.html (дата обращения: 13.10.2021). (На кит.)

«Миграция Гаокао»

Помимо вышеупомянутых типов образовательной миграции, в Китае существует также особый ее тип – «миграция Гаокао». Соответственно, вовлеченные в нее люди называются «мигрантами Гаокао» (gaokao migrants). Если целью образовательной миграции является получение образования, то целью «миграции Гаокао» является получение преимущества на вступительных экзаменах в вузы (Гаокао⁸) за счет их сдачи в другой провинции. Такая миграция может осуществляться как в границах Китая, так и за его пределами.

Количество набранных на экзамене баллов, необходимое для поступления в вуз, и коэффициенты зачисления абитуриентов различаются в Китае от провинции к провинции, при этом существует провинциальная система квот. Некоторые абитуриенты при поступлении в университет пользуются такими различиями и переезжают либо переводятся в провинции с более низкими проходными баллами и более высоким коэффициентом зачисления, то есть, мигрируют туда, где легче поступить в вуз. Регионы Китая, куда направляются «мигранты Гаокао» можно разделить на две категории: 1) небольшая доля абитуриентов переезжает в более развитые районы, чтобы получить доступ к более качественному образованию (например, в Пекин); 2) большое число абитуриентов направляются, напротив, в менее развитые районы, чтобы поступить в вуз за счет более низкой конкуренции (например, в Цинхай) [3].

О международной «миграции Гаокао» можно говорить в случае, когда китайские граждане после получения иностранного гражданства или права на постоянное жительство за границей участвуют во всекитайских государственных вступительных экзаменах в качестве иностранцев или китайцев, проживающих за границей, и поступают в самые престижные отечественные вузы за счет того, что избегают конкурса, общего для остальных абитуриентов.

Поскольку спрос рождает предложение, то «миграция Гаокао» породила множество агентств-посредников, которые предлагают свои услуги абитуриентам и образуют производственную цепочку. Через эти агентства иммиграция может быть оформлена в течение двух месяцев. Порог для инвестиционной иммиграции в такие страны, как Греция и Мальта, составляет около 1,8 миллиона юаней. Такие страны, как Испания и Португалия, более дорогие: для получения статуса проживания в них потребуется примерно 3,8 миллиона юаней. Легче получить статус «хуацяо» (т. е., китаец, проживающего за границей) в таких странах как Малайзия, Филиппины, Вануату. Например, иностранцам достаточно всего внести 300 000 ринггитов (примерно 480 000 юаней) в Банк Малайзии, чтобы получить 10-летний вид на жительство в этой стране⁹.

Как внутренняя (межпровинциальная), так и международная «миграция Гаокао» нанесли ущерб справедливости в образовании. Миграция абитуриентов из регионов с развитой экономикой и высококачественными образовательными ресурсами в регионы со слаборазвитой экономикой и относительно отсталыми образовательными ресурсами снижает шансы абитуриентов из слаборазвитых регионов поступать в университеты где-либо. Подобное спекулятивное поведение «мигрантов Гаокао» и

⁸ Гаокао (кит. 高考) – всекитайские государственные вступительные экзамены в вузы.

⁹ Измените свой заграничный статус и выбирайте отечественные элитные вузы по желанию? «Международная миграция Гаокао» привлекает внимание [海外摇身一变, 国内名校任选? “国际高考移民” 引关注] // Синьхуа [新華社]. Информационное агентство правительства КНР. 06.08.2020. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2020-08/06/c_1126330471.htm (дата обращения: 13.10.2021). (На кит.)

их недобросовестная конкуренция вызвали недовольство среди населения соответствующих провинций и большинства других абитуриентов.

Причины «миграции Гаокао»

В основе феномена «миграции Гаокао» лежит неравномерное распределение качественных ресурсов высшего образования. По мнению Лю Хайфэн и Вэй Хуафэн, на современном этапе высококачественные ресурсы высшего образования в Китае сосредоточены на востоке страны и в меньшей степени в центральных и западных регионах. Ученые отмечают, что из 36 университетов, отобранных для первой очереди строительства «университетов мирового класса и первоклассных специальностей» в 2017 г., 25 университетов (69,4%) находятся в восточном регионе, а в центральном и западном регионах насчитываются 5 (13,9%) и 6 (16,7%) университетов соответственно, что является заметной диспропорцией, учитывая долю населения центральных и западных регионов, на которые в 2017 г. приходилось 26,5% и 27,1% всего населения КНР соответственно [4]. С другой стороны, в силу исторических и практических факторов между городами существуют большие различия в степени экономического и культурного развития, ресурсы качественного высшего образования сосредоточены в крупных городах, таких как Пекин, Шанхай, Нанькин и Сиань. На фоне неравномерного экономического развития разных регионов страны существует большой разрыв в инвестициях в базовое образование по провинциям, что также создает неравномерную межпровинциальную структуру развития базового образования¹⁰.

Реакция китайского правительства

В связи с вышеизложенными проблемами, в феврале 2016 г. Министерство образования и Министерство общественной безопасности выпустили Уведомление о комплексном управлении «миграцией Гаокао», требуя от местных приемных и экзаменационных учреждений на всех уровнях проводить строгую проверку квалификаций абитуриентов для регистрации на вступительные экзамены в вузы¹¹.

С другой стороны, местными властями в провинциях были разработаны различные методы для предотвращения спекулятивного поведения «мигрантов Гаокао». Например, провинция Внутренняя Монголия с 2013 г. последовательно реализует политику, направленную на обеспечение честной конкуренции между местными абитуриентами и кандидатами, законно переехавшими во Внутреннюю Монголию из других провинций и городов. Так, согласно требованиям местного правительства, абитуриенты должны посещать среднюю школу в этой провинции не менее двух лет подряд. С конца 2014 г. во Внутренней Монголии отказали в регистрации на вступительные экзамены 1 465 «мигрантам Гаокао»¹².

¹⁰ Национальный бюллетень статистики эффективности расходов на образование за 2020 г. [全国教育经费执行情况统计公告2020年] // Министерство образования КНР [中华人民共和国教育部] [сайт]. URL: http://wap.moe.gov.cn/srcsite/A05/s3040/202111/t20211130_583343.html (дата обращения: 13.10.2021). (На кит.)

¹¹ Уведомление Министерства образования и Министерства общественной безопасности о комплексном управлении «миграцией Гаокао» [教育部公安部关于做好综合治理“高考移民”工作的通知] // Министерство образования КНР [中华人民共和国教育部] [сайт]. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A15/s7063/201603/t20160308_232451.html (дата обращения: 13.10.2021). (На кит.)

¹² Во Внутренней Монголии отчислены 1 465 иммигрантов Гаокао, некоторые из них были детьми членов партии [内蒙古清退1465名“高考移民” 部分为党员干部子女] // Китайское национальное радио [央广网]. 27.05.2015. URL: http://china.cnr.cn/ygxw/20150527/t20150527_518655754.shtml (дата обращения: 13.10.2021). (На кит.)

5 мая 2019 г. Департамент образования провинции Гуандун выпустил «Уведомление о работе по управлению миграцией Гаокао», чтобы проверить условия перевода школьников из других провинций. 12 мая 2019 г. Шэньчжэньское бюро образования сообщило на своем официальном сайте об инциденте в школе Фуюань, в которой 32 человека были «мигрантами Гаокао», поэтому были дисквалифицированы от подачи документов на вступительные экзамены в Шэньчжэне¹³.

Для регулирования проблемы международной «миграции Гаокао» на уровне Министерства образования КНР были приняты административные документы. В соответствии с «Законом об образовании КНР», «Законом о высшем образовании КНР» и «Законом о гражданстве КНР», а также требованиями «Административных мер по зачислению и обучению иностранных студентов в высших учебных заведениях Китая», в целях обеспечения справедливости высшего образования были предусмотрены дополнительные положения для регулирования приема иностранных студентов в вузы Китая: «Помимо соответствия другим квалификационным требованиям для колледжей и университетов, абитуриенты также должны иметь действующий заграничный паспорт или свидетельство о гражданстве на срок более четырех лет (включительно) и запись о фактическом проживании в другой стране более двух лет в течение последних четырех лет»¹⁴.

Выводы и рекомендации

Спекулятивное поведение абитуриентов и их родителей является не единственной проблемой, связанной с «миграцией Гаокао». Важнее, что данный феномен отражает различия в уровнях экономического и образовательного развития между различными провинциями и городами, неравномерное распределение образовательных ресурсов и огромную разницу в сложности поступления в вуз для китайских и иностранных кандидатов. Для решения подобных проблем в долгосрочной перспективе необходим не только тщательный анализ квалификаций абитуриентов для обеспечения справедливости при приеме в колледжи и университеты, но еще более важным видится развитие крупномасштабного, разнообразного и высококачественного высшего образования.

В частности, мы можем предложить три подхода для борьбы с «миграцией Гаокао» и содействия справедливости в образовании:

Во-первых, одной из мер может стать увеличение затрат на осуществление подобной миграции и снижение прибыли от таких действий. Это требует, с одной стороны, более активных усилий со стороны правительства по сокращению разрыва в уровне базового образования между различными регионами, а с другой стороны, использования цифровых технологий для выявления нарушений в ходе вступительных экзаменов.

Во-вторых, развитие цифровых технологий дало возможность сократить разрыв в уровнях образования между регионами. В «Докладе о международной миграции в

¹³ 32 человека из шэньчжэньской школы Фуюань оказались мигрантами Гаокао и были лишены права подавать документы на сдачу экзаменов в Шэньчжэне [深圳富源学校32人属“高考移民”被取消在深报考资格] // Beijing News. Газета. 13.05.2019. URL: <http://www.bjnews.com.cn/edu/2019/05/13/578086.html> (дата обращения: 13.10.2021). (На кит.)

¹⁴ Уведомление Министерства образования о регулировании приема иностранных студентов в высшие учебные заведения Китая [11. 教育部关于规范我高等学校接受国际学生有关工作的通知] // Министерство образования КНР [中华人民共和国教育部] [сайт]. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A15/s7063/201603/t20160308_232451.html (дата обращения: 13.10.2021). (На кит.)

Китае за 2020 г.» отмечается, что, хотя во время пандемии физически мигрировать за границу стало более затруднительно, но в виртуальном пространстве интенсивность «утечки умов» стала только возрастать. Например, среднее число ежедневных пользователей Zoom, платформы для онлайн-конференций, выросло с 10 млн человек в декабре 2019 г. до 200 млн в марте 2020 г.¹⁵ В Китае также наблюдается бум платформ для проведения онлайн-встреч и онлайн-курсов, среди которых можно назвать Tencent Meetings, DingTalk, NetEase Cloud Classroom и многие другие. В 2019 г. в документе «Модернизация образования в Китае 2035», выпущенном Центральным комитетом Коммунистической партии Китая и Государственным советом, основное внимание уделялось разворачиванию десяти стратегических задач модернизации образования, из которых в пункте 8 упоминалось о создании механизма совместной разработки и использования цифровых ресурсов образования¹⁶.

В-третьих, укрепление международного сотрудничества поможет разнообразить методы подготовки необходимых обществу кадров, дав возможность обучать студентов в соответствии с их индивидуальными особенностями. В настоящее время существует 2 332 китайско-иностранных кооперативных учебных заведения и проекта, одобренных соответствующими контролирующими и утверждающими органами. Среди них 10 учреждений с правосубъектностью выше уровня бакалавриата, 125 без правосубъектности, а количество проектов составляет 1 096. Количество студентов, обучающихся по китайско-иностранным совместным образовательным программам, составляет около 600 тыс. человек, из которых около 550 тыс. получают высшее образование, а выпускников – уже более 2 млн. Более 700 китайских университетов сотрудничают с более 800 зарубежными университетами из 36 стран и регионов мира [5]. В количественном отношении число студентов, подготовленных в рамках совместных образовательных проектов, незначительно по сравнению с десятками миллионов абитуриентов, принимающих участие во всекитайских вступительных экзаменах ежегодно, однако важность таких проектов не может быть измерена только цифрами.

В идеале модель отбора абитуриентов для совместных проектов не должна повторять модель Гаокао, чтобы дать возможность набрать студентов, которые не вполне подготовлены к прохождению вступительных испытаний по системе Гаокао, но демонстрируют повышенный интерес к предмету, значительный потенциал в научной и инновационной деятельности и другие таланты, важные для успешного обучения в университете (например, способности к изучению языков, критическое мышление, умение самостоятельно анализировать проблемы и принимать решения и т. д.). Это позволило бы сделать вступительные экзамены важным дополнением к модели Гаокао, а совместные университеты – альтернативой традиционным университетам и их важными партнерами, а не только конкурентами в борьбе за абитуриентов с высокими баллами, определенными единой системой Гаокао.

¹⁵ Выпущена Синяя книга «Доклад о международной миграции в Китае за 2020 год» [《中国国际移民报告2020》蓝皮书发布 亚洲国际移民增速显著] // Глобальный аналитический центр [全球化智库]. Китайский неправительственный аналитический центр. URL: <http://www.ccg.org.cn/archives/61145> (дата обращения: 13.10.2021). (На кит.)

¹⁶ Центральный комитет Коммунистической партии Китая и Государственный совет выпустили документ «Модернизация образования в Китае 2035» [中共中央、国务院印发《中国教育现代化2035》] // Центральное правительство Китайской Народной Республики [中华人民共和国中央人民政府] [сайт]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2019-02/23/content_5367987.htm (дата обращения: 13.10.2021). (На кит.)

Ожидается, что по мере развития международного сотрудничества в области образования, помимо внутренних образовательных мигрантов, в Китай будет прибывать больше образовательных мигрантов из-за рубежа. Поэтому необходимо дальнейшее совершенствование правил организации международного образования, в том числе Положения КНР о китайско-иностранном сотрудничестве в организации обучения¹. Необходимо изучить и разработать различные модели приема и программы обучения, чтобы отобрать и подготовить кадры, востребованные для успешной реализации крупных национальных и международных проектов регионального и даже глобального социально-экономического развития, таких как Евразийский экономический союз и инициатива «Одного пояса и одного пути». По мере формирования и развития многообразных, но справедливых и честных каналов набора студентов, проблема «миграции Гаокао» будет решена аналогично тому, как любые исторические вопросы разрешаются в процессе развития.

Список литературы

1. UNESCO. Global Education Monitoring Report 2020: Inclusion and Education: All Means All. Paris: UNESCO, 2020. 503 p. ISBN: 978-92-3-100388-2.
2. Се Цзюньцзюнь [谢君君]. Новая модель борьбы с бедностью «образование + миграция» на Хайнане [海南“教育+移民”扶贫的新模式] // Журнал Южно-Центрального университета национальностей (серия по гуманитарным и социальным наукам) [中南民族大学学报(人文社会科学版)]. 2019. Т. 39. № 5. С. 62–66. (На кит.)
3. Лю Цинмань [刘青曼]. «Миграция Гаокао»: феномен миграции абитуриентов в условиях неравного приема в университеты [高考移民: 高校招生地区不平等下的学生移民现象]. – Гуанчжоу [廣州]: Университет Цзинань [暨南大学], 2020. – 39 с. (На кит.)
4. Лю Хайфэн, Вэй Хуафэн [刘海峰, 韦骅峰]. Прогноз: Китайское высшее образование 2035 и мировое высшее образование 2050 [高瞻远瞩: 中国高教2035与世界高教2050] // Исследования в области высшего образования [高等教育研究]. 2021. Т. 42. № 7. С. 1–10. (На кит.)
5. Жэнь Сань [任叁]. Благоприятные условия для Китайско-иностранной кооперативной образовательной деятельности [中外合作办学迎来利好] // Внешняя торговля Китая [中国对外贸易]. 2021. № 3. С. 76–77. (На кит.)

Сведения об авторе:

Чжан Чжань, кандидат политических наук, помощник первого проректора Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэнь, Шэньчжэнь, Китай; научный сотрудник Научно-Исследовательского Института Современной Азии, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: zhan.zhang@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-8366-9807; РИНЦ Author ID: 1118648.

Благодарности и финансирование

Данная статья подготовлена в рамках проекта Департамента образования провинции Гуандун 2021WQNCX084 «Российско-китайское сотрудничество в сфере научно-экспертной и образовательной деятельности».

Статья поступила в редакцию 05.11.2021; принята в печать 10.01.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

¹ Положения КНР о совместных китайско-зарубежных школах. Указ Госсовета №372 // Бизнес в Китае. Информационно-аналитический портал. URL: <https://asia-business.ru/law/law3/school/> (дата обращения: 13.10.2021).

SOCIAL ASPECTS OF “GAOKAO MIGRATION” IN CONTEMPORARY CHINA

Zhang Zhan

Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China

Modern Asia Research Institute, Moscow, Russia

E-mail: zhan.zhang@yandex.ru

For citation: Zhang Zhan. Social Aspects of “Gaokao Migration” in Contemporary China. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2. No. 1. Pp. 142–150. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.11>

Abstract. This article examines the special phenomenon of “Gaokao migration”, points out their specifics and differences from the general educational migration. The reasons and consequences of this phenomenon are analyzed. Based on the laws and regulations adopted in China, possible ideas for solving this problem are proposed. The article points out that, in addition to carefully analyzing the qualifications of candidates to ensure fair admission to universities, the development of large-scale, diversified and high-quality higher education is a more realistic way in the long term. Proposed through the joint creation and use of digital educational resources, as well as strengthening international cooperation to address future migration challenges in education.

Keywords: Gaokao migration, educational migration, joint university, international cooperation, justice in education.

References

1. UNESCO. *Global Education Monitoring Report 2020: Inclusion and Education: All Means All*. Paris: UNESCO, 2020. 503 p. ISBN: 978-92-3-100388-2.
2. Xie Junjun. Hǎinán “jiàoyù + yímín” fúpín de xīn móshì [A New Model of “Education + Immigration” Poverty Alleviation in Hainan]. *Zhōngnán mínzú dàxué xuébào (rénwén shèhuì kēxué bǎn)* [Journal of South-Central University for Nationalities (Humanities and Social Sciences Edition)]. 2019. Vol. 39. No. 5. Pp. 62–66. (In chin.)
3. Liu Qingman. *Gāokǎo yímín: Gāoxiào zhāoshēng dìqū bù píngděng xià de xuéshēng yímín xiànxàng* [Gaokao Immigration: Student Immigration under Regional Inequality in College Admissions]. Guangzhou: Jinan University, 2020. 39 p. (In Chin.)
4. Liu Haifeng, Wei Huafeng. Gāozhānyuǎnzhǔ: Zhōngguó gāojiào 2035 yǔ shìjiè gāojiào 2050 [Foresight: Higher Education in China 2035 and Higher Education in the World 2050]. *Gāoděng jiàoyù yánjiū* [Higher education research]. 2021. Vol. 42. No. 7. Pp. 1–10. (In Chin.)
5. Ren San. Zhōngwài hézuò bànxué yíng lái lìhào [Sino-foreign cooperation in running schools welcomes benefits]. *Zhōngguó duìwài mào yì* [China’s foreign trade]. 2021. No. 3. Pp. 76–77. (In Chin.)

Bio note:

Zhang Zhan, PhD in Political Science, Assistant to the First Vice-Rector, Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China; Researcher, Modern Asia Research Institute, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: zhan.zhang@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-8366-9807; RSCI Author ID: 1118648.

Acknowledgements and financing:

This article was prepared within the framework of the project of the Department of Education of Guangdong Province 2021WQNCX084 “Russian-Chinese cooperation in the field of scientific, expert and educational activities”.

Received on 05.11.2021; accepted for publication on 10.01.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

ДЕМОГРАФИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

DECISION-MAKING FACTORS IN THE HOUSING MARKET FOR VIETNAMESE IMMIGRANTS IN POLAND

Nguyen Minh Ngoc

University of Finance – Marketing, Ho Chi Minh City, Vietnam

E-mail: nmngoc@ufm.edu.vn

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.12>

For citation: Nguyen Minh Ngoc. Decision-Making Factors in the Housing Market for Vietnamese Immigrants in Poland. DEMIS. Demographic Research. 2022. Vol. 2. No. 1. Pp. 151–162. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.12>

Abstract. *The Vietnamese community currently living and working in Eastern European countries is a large community. For the host countries, this is a closed community with many mysteries about how to behave in life and work. Although 100% of these communities have to rent or buy houses to live in Europe, there is no research on issues related to this behavior. Factors influencing this behavior from a real estate market perspective are of interest to local businesses and indigenous people. The article uses the method of practical experience, expert interviews, and a review of scientific documents with three impacts: behavioral psychology, the migration policy of the Republic of Poland, and security factors. These are the most obvious impacts on this community's decision to rent and buy a house. From the research results, the author has proposed solutions for stakeholders who are real estate investment and business enterprises, legislators, and social managers to better solve the relationship of housing for Vietnamese households' community in Poland in particular, and in the world in general. In which, the most important issues are traditionally security, social and psychological harmony. The limitation of the article is that three factors are selected according to the author's subjective will with many years of experience as a housing broker in Warsaw.*

Keywords: *behavioral psychology, immigration policy, security issues, housing decision, Vietnamese community, Eastern European countries.*

Introduction

According to unofficial statistics from responsible people in the Vietnamese community in Eastern European countries (because official statistics of organizations in Eastern European countries are often inaccurate), the number of Vietnamese people, including the number of married couples, in which one person is Vietnamese, currently living in Eastern Europe has about 900,000 people. These people are all customers involved in the local real estate market. Moreover, there is a large percentage of Vietnamese customers who frequently change their accommodation for various reasons. So, the actual number of transactions is many times higher than the number of market participants. With such a large number of customers, it is necessary to study the habits, preferences, and factors affecting the decision to buy and rent houses of Vietnamese people in Eastern European countries.

On the other hand, as a miniature society, the Vietnamese community in Eastern European countries is also quite successful. Including the percentage of people who are very successful in business. So, they are VIP customers of real estate financial institutions and real estate developers. The revenue from this group of people is not small. This is also the reason to understand this customer group well. Not only to better serve them with

products and services but also to enhance their ability to direct them to the products and services of local companies.

The analysis of three factors will clarify the mechanism and extent of the impact of each issue on the decision to buy and rent public housing. The Vietnamese community in Europe. This helps stakeholders have more effective solutions in business management and accommodation selection.

Literature review and previous research

As described in the previous section, the study goes straight to the analysis of three main factors affecting the decision to choose housing: behavioral psychology, the migration policy of the host country, and security issues. These are the main influencing factors drawn from the actual experience and survey in the Vietnamese community in Poland. Because there are clear similarities between Eastern European countries in terms of social context, population distribution, urban network, and job characteristics of Vietnamese people, through a case study in the Republic of Poland, a comprehensive picture of the topic of research in eastern Europe can be found.

Behavioral psychology issues in housing decisions

Availability Bias

A form of deviation due to the heuristic effect. It is the psychology of recalling the rules that are available in memory. Deviation from established rules can lead to overestimation of the probabilities of overt or critical events, especially recent occurrences.

Situational bias causes home buyers or renters to choose based on the available information (advertisement, recommendations from advisers, friends, etc.) and do not double-check their decisions. They will make investment decisions based on the list of information available in their memory. In their minds, information other than the list is not easily elicited and obscured. Residential Tenants easily fall into the error of situational bias by choosing a location that is limited to their knowledge. A. S. Adair et al. (1994) show that customers frequently pour money into projects with a lot of information. Market imperfections related to the availability of information can cause customers to deviate from the normative process [1].

Herd behavior

According to J. M. Keynes (1936), herd behavior reflects people's responses to uncertain problems and limited information [2]. When faced with uncertain problems, people are more inclined to consider the behavior of others, because the majority may have more accurate information or because there is assurance in the quantity. These views are being developed in modern herd behaviorism, which focuses on rational motivations to ignore personal information when the actions of others provide valuable information [3].

Herd behavior is a term used to refer to adaptive adjustment to a mode of performance and is expressed as "a similarity in behavior followed by interactive observations" of actions and outcomes that arise from these actions between individuals [4]. It is behavior that individuals establish based on observing the actions of others, or in other words mimicking each other.

"Swarm behavior – people act according to what others are doing, even when their own information suggests they should act differently" [5]. Rumors, low-quality out-of-the-box information is sometimes taken to the extreme by retail investors and end up creating a crowd that acts the same in an irrational way.

The importance of analyzing herd behavior in the aggregate of individual decisions was given by R. J. Shiller (1995), who proposed a framework for information stratification

and information transmission between groups [6]. R. J. Shiller (2000) argues that herd behavior plays an important role in human decision-making. People do not always make independent decisions because they are under pressure from society. The notion that the majority is infallible is used to rationalize herd behavior. Herd behavior is considered a cause of mispricing and speculative bubbles [7].

Herd behavior has serious consequences. R. J. Shiller (2000) points out that high mood is the main cause of value inconsistency. He describes irrational euphoria as a “social phenomenon in which markets grow at a high and unsustainable rate under the influence of market sentiment” [7]. Shiller offers several explanations for the occurrence of irrational elation, including structural factors such as the Internet and the Ponzi scheme, and cultural factors such as prominent phenomena in the media. R. J. Shiller (2007) argues that the housing boom should be viewed as a social epidemic [8]. T. Lux (1995) argues that asset overvaluation can result from customer self-amplification response due to disequilibrium. This supports the view that serial correlation is an important factor in the housing market [9].

Dependency on experience (heuristics)

Reliance on experience makes people make decisions easily and quickly. Even that is someone else's experience. This will sometimes lead to decision mistakes, especially when external conditions change, and can even lead to sub-optimal home-buying decisions. In particular, people often appreciate the effect of simple, close and easy-to-remember rules, the type of effect that A. Tversky and D. Kahneman (1979) call the availability heuristic effect [10]. An example of S. Benartzi and R. H. Thaler (2001) is that when faced with N choices on how to invest their savings, many people quickly resort to the $1/N$ rule (meaning if there is one). N types of investments, they will invest $1/N$ of their money in each of them) [11].

E. L. Glaeser (2013) states: It is not that buyers are irrational investors, but they are cognitively limited, who often work on simple empirical models, rather than balanced frameworks. comprehensive general [12]. Furthermore, R. Dieci and F. Westerho (2012) emphasize that the use of experience is likely to be accompanied by the risk of bubbles. They found that the presence of latent speculation among residential buyers was more likely to create bubbles and risk bankruptcy. Speculative pressure based on experience is the determining factor in housing demand [13].

Home bias

Traditional home-country bias means that tenants and home buyers focus on factors closer to their home culture when making decisions, as explained by A. Karlsson and L. Norden (2007) [14]. J. D. Benjamin et al. (2004) explain the appearance of home bias: households always direct a large portion of assets to housing relative to other assets [15]. The most reasonable explanation is that housing acts as both a place of residence and an emotional attachment to the homeland.

Security issues

Issues of safety and the environment in homes present occupants with a considerable array of risks. Choices and decisions made on a daily basis determine the health and well-being of occupants. To a large degree, such choices and decisions are made on instinct, conditioned in part by those hazards which are “made popular” by the current media. According to J. T. Ponessa (2015) safety factors include: indoor air quality, including volatile organic compounds, formaldehyde, radon; biological contaminants, lead poisoning, and drinking water pollution [16].

In researching housing for international students who have moved to their home country for undergraduate studies, H. Forbes-Mewett (2018) examines issues related to finding and choosing accommodation. As a result, there is a link between accommodation and the security of international students. Issues of drinking, domestic violence, poor treatment of landlords, and sublet students are also discussed. Confirm that safe and affordable housing is a key element of new security [17].

P. Barter (2004) argues that there is a relationship between transport and housing security for the urban poor using the example of the Klang Valley in Malaysia [18]. A number of linkages are shown to be important, especially those with rapid motorization and large numbers of “squatters.” K. Hulse and V. Milligan (2012), conducting a study on the rental systems of nine developed countries, proposed a new framework that allows the investigation of dynamic interactions between laws and regulations, market conditions housing, public policy, and cultural norms surrounding tenancy, help shape housing security for tenants. The paper illustrating this approach, based on a study, identifies the above key factors that seem to have a strong influence on the strengthening and weakening of accommodation security of rental households [19].

Housing insecurity is a major barrier to leaving domestic violence; it may force abused women to live in inadequate conditions or to return to their abusers. This problem is related to marriages of different races. Immigrant women face additional barriers. W. E. Thurston et al. (2013) did research with longitudinal interviews with 37 abused immigrant women living in three Canadian cities investigated key causes of housing insecurity. Results show a need to target systemic factors, a diversity of issues foregrounded along pathways into and out of homelessness, and complex indicators of risk. Advocacy is key to exiting abuse and obtaining secure housing, and cultural competency in services is needed to adequately support immigrant women experiencing domestic violence [20].

Various strategies have been formulated towards creating a safer environment in which to live and work. Crime affects not only the public but also the economy. Taking cognizance of this fact, the Government has implemented various programs to reduce the crime rate and to create a safer and more secure living environment. Z. B. Tahir and K. B. Hussin (2011) said that the development of residential properties under the Gated Community concept is considered as one of the most effective methods to ensure the safety of residents. Equipped with security controls at all times, this type of development could complement the Safe Township concept for different types of communities [21].

Immigration policy

When studying the impact of migration policy on the labor market of Switzerland and Sweden, M. Blos et al. (2010) found that there was a relatively large difference. The studies concentrate on the income and employment of groups of foreign residents relative to natives and look at socio-demographic characteristics and educational policies. In so far as declared goals are concerned, the Swedish and the Swiss migration policies reflect opposite approaches. From its aims and instruments, the Swiss policy has been economically oriented, considering migrants as merely temporary guests. The Swiss policy lacked any explicit integration policy. The Swedish policy has emphasized humanitarian and political aspects, rejecting migration for economic labor market reasons, and aiming at the long-term integration of foreigners once admitted to the country [22]. As a result, Sweden achieves a better labor equilibrium than Switzerland.

How do Mexican migrants experience and respond to policies designed to affect their migration and settlement plans in Los Angeles? Which policies prove most salient? Drawing

on life-history interviews with authorized and unauthorized migrants in Los Angeles, A. Garni and A. Miller (2008) find that a mix of federal, state, and local level policies affect the daily lives and behaviors of migrant informants. Once in the USA, however, given the current state of federal-level policy, it is routine encounters with restrictive local-level policies that shape their informants' daily strategies and settlement considerations. Their findings suggest that it is crucial to consider a broad range of policy and practice, beyond formal immigration policy, not only in assessing policy's impact on migration trends but also in constructing comparative research designs in future work [23].

Canada is an interesting case in terms of immigration and the housing market. Current demographic trends in Canada include population aging and declining household growth. These trends generally result in falling housing demand and stable or declining house prices. Housing markets in Canada's major cities, however, have been characterized by increases in demand and prices in recent years; due in large part to the influence of arriving immigrants. According to research by T. Carter (2005), the destinations of 76% of international immigrants to Canada are the three global cities – Toronto, Vancouver, and Montreal where they have a very significant effect on housing demand, particularly as under current immigration policy many of those arriving come with considerable wealth. Their influence, however, is much broader and includes the growth of exclusive, prosperous immigrant neighborhoods, new architectural designs, and other neighborhood changes [24]. Not all immigrants, however, arrive with wealth. Many are poor, live in less attractive neighborhoods, and pay unrealistic amounts of their inadequate incomes for poor-quality housing. Some end up homeless on the street. The role of immigrants in housing markets is an important consideration for urban and housing policy.

Is there a local economic impact of immigration? Immigration pushes up rents and housing values in US destination cities. The positive association of rent growth and immigrant inflows is pervasive in time series for all metropolitan areas. A. Saiz (2007) used instrumental variables based on a "shift-share" of national levels of immigration into metropolitan areas. An immigration inflow equal to 1% of a city's population is associated with increases in average rents and housing values of about 1% [25]. The results suggest an economic impact that is an order of magnitude bigger than that found in labor markets.

D. Myers and C. Y. Liu (2006) researched growth trends in occupied housing in the USA and five individual states with the largest immigrant populations California, New York, Florida, Texas, and Illinois. The analysis covers the decades between 1970 and 2000 and documents the explosive growth of immigrant housing demand. Foreign-born households constitute increasingly large shares of total households in the USA (11% in 2000), especially in renter-occupied housing (17% in 2000). In particular, immigrants constitute much of the growth in demand and are emerging as a dominant force in the US housing market. In the 1990s, they accounted for 32% of all household growth and 67% of all rental growth nationwide. In California and New York, immigrants accounted for 100% of all rental growth and over half of all growth in owner-occupied housing. The research also addresses the surprisingly steep upward trajectories into homeownership as immigrants settle longer in the USA. This upward mobility occurs equally in all the gateway states for immigrant settlement [26].

All the above studies show a clear impact of immigration policy and immigrant housing problems. Besides, the number and skills, and knowledge of immigrants also affect the local economy.

Research methods

To complete this study, we applied a combination of research methods such as data collection and processing, analysis, evaluation, and comparison methods. These are basic methods used by many researchers based on developing comparative processed documents combined with historical research methods. The study of information from electronic data sources is very important and necessary to make the most accurate and objective judgments. We have gathered the necessary information and data from reliable sources to select the right content for this topic. Keywords used in the general search process through scholar.google.com, emerald.com, researchgate.net include Vietnamese immigration; accommodation options; decide to rent a house.

The author is trained and graduated from Warsaw University of Real Estate Economics (SGGW) and has spent 9 years as a real estate agent in Warsaw, Republic of Poland. Therefore, by the method of explorative approach, the research problem has been verified in the long-term process. At the same time, in order to continue to confirm that three factors: behavioral psychology, security, and immigration policy have the strongest impact on the decision to buy a house, the author has conducted a method of interviewing experts' responsible person in the Vietnamese community in the Republic of Poland.

Research results

Poland's immigration policy

Poland joined the European Union in 2004. Although it has many policies unified with Europe, it also has its own immigration policies. The Polish case study can also draw conclusions using eastern European countries.

The evolution of immigration policy has been aptly outlined by M. Lesińska et al. (2011) through its periodization. The authors distinguished three phases: 'institutionalization' (1989–2001), 'Europeanisation' (2001–2004), and 'stabilization' (after 2004) [27]. A similar but updated periodization – divided into four phases – was proposed by S. Łodziński and M. Szonert (2016). The first phase (1989–1997) was related to the democratization of the country. The second (1998–2004) was characterized by the gradual harmonization of migration-related Polish laws and regulations with those at the European Union level. The third phase (2005–2015) was described as a period of maturation of immigration policy, with stable regulations, whereas the fourth and final phase (after 2015) was considered transitory and was marked by the migration and refugee crisis [28]. Given these two periodizations, the evolution of immigration policy was somewhat slow and resulted equally strongly from Poland's international commitments and the situations it had to face at particular moments.

Apart from slight differences in the time-division adopted in the periodizations referred to earlier, the first decade after the onset of the political transition of 1989 could be characterized as the implementation of new laws regulating different fields of migration. Poland had to implement many acts of law and international agreements – with, inter alia the UN 1951 Refugee Convention signed in 1991, bilateral agreements on readmission and visa-free regimes with some Schengen Zone countries or the 1997 Act on Aliens as the most important ones [29]. As mentioned earlier, the priority for the Polish authorities at that time was to control the situation at the borders. Poland, as a transit country on the migratory route from east to west, was exposed to massive illegal immigration and this is why strengthening and protecting borders was the most important task within the field of migration [30].

Along with the immigration policy changes, the number of Vietnamese emigrating and immigrating to Poland also changed accordingly. The legal and political changes of the last decades may indicate that the Vietnamese community is undergoing a process of multi-level legalization. More and more Vietnamese reside in the Republic of Poland legally, and the population of undocumented immigrants is smaller than those residing legally. This is due to the liberalization of the labor market and the gradual opening up to immigrants – which is reflected in the new, more liberal law on foreigners, which entered into force in 2014, as well as the provisions on seasonal work permits in force since 2018. The second level of legalization is abolition, which consists of a one-off validation of the stay of unregistered immigrants (at their request and after meeting certain conditions). Thirdly, after 2004, Polish universities were opened to foreign students – which is also a strategy of coping with demographic changes and providing students in academic centers at risk of closure. Students stay in Poland legally; they can also take up gainful employment. This method of legalizing the stay may also affect the replacement of undocumented stays with legal ones.

Temporary immigrants are the most numerous group in the Vietnamese community in Poland, and they are also the category within the diaspora that is growing the fastest. In addition to the previously discussed dynamic increase in the number of registered temporary immigrants due to abolition, the increase in the number of the diaspora is slow.

Vietnam is a communist country, within the immigrant community in Poland there are both people supporting the regime and foreigners who are democratic opposition to the Vietnamese authorities; this is reflected in the activity of immigrant associations and organizations. However, the number of Vietnamese who have refugee status is very small: during the period under review it was several people a year (maximum 4, currently 3 people).

Some immigrants may also pursue legally undeclared activities. The Act of 2018 provides for the possibility of conducting unregistered economic activity – small-scale economic activity without the need to register it with CEIDG². It is also referred to as a “trial company.” According to Art. 5. of the Entrepreneurs’ Law³, activity performed by a natural person whose income from this activity does not exceed half of the statutory minimum remuneration for work (in 2019 it was 1,125 PLN) is not an economic activity. The second condition of running a small business without registration, specified in this provision, is that such a person has not performed any economic activity in the last five years. As indicated in the literature on the subject, such an entity is not an entrepreneur within the meaning of the Act in question and other provisions of the Entrepreneurs’ Law do not apply to it. This provision gives immigrants more opportunities for small-scale economic activity, even if they do not have a residence permit entitling them to conduct business activity in Poland, as specified in the Act on the principles of participation of foreign entrepreneurs and other foreign persons in economic turnover on the territory of the Republic of Poland [31].

The list of annually issued work permits shows the industries in which the Vietnamese work (according to the sectors of the Polish classification of activities) [see Table 1]. The data does not show the most common sectors of work of immigrants from this group, as they refer only to permits issued in a given calendar year. In addition, some groups of

² Central Register and Information on Economic Activity [Centralna Ewidencja Działalności Gospodarczej]. URL: <https://prod.ceidg.gov.pl/ceidg.cms.engine/> (accessed on 09.11.2021).

³ Act of 6 March 2018 on entrepreneurs – Entrepreneurs Act (Text No 646) [Ustawa z dnia 6 marca 2018 r. – Prawo przedsiębiorców] // Internet System of Legal Acts [Internetowy System Aktów Prawnych]. URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20180000646/U/D20180646Lj.pdf> (accessed on 13.10.2021).

immigrants (people with residence permits of a settlement nature, with a refugee title and related titles) do not need a separate work permit and may undertake work without this administrative procedure. Among the Vietnamese who obtained their permits in 2018 (the latest data concern this period), the hotel and catering industry, wholesale, and retail trade, as well as industrial processing dominated. Some industries have been popular in this diaspora for years, while others (manufacturing) have only recently gained popularity.

Table 1.

Work permits for Vietnamese by industries (2008, 2013, 2018)

	2008	2013	2018
Total work permits issued in a given year	1,200	2,230	1,313
Industrial processing	0	3	468
Construction	0	54	50
Wholesale and retail trade	873	1283	152
Hospitality and gastronomy	281	631	386
Financial brokerage and real estate services	18	nn	nn
Healthcare and social welfare	0	6	4
Households with employees	nn	42	3
Transport and warehouse management	nn	4	91
Business administration and support activities	nn	nn	70

Source: [31]

Vietnamese immigrants in a long period of “floating” according to Polish policy. The policy’s impact can be seen clearly on their settlement issues, decisions about where to live and work in Poland. At the same time, the number of Vietnamese leaving Poland coincides with the openness or tightening of the policy.

Behavioral psychology issues on housing of Vietnamese immigrants

The psychological states mentioned above often have a strong impact on the behavior of disadvantaged communities. This issue of impact not only affects the general community but also affects at different levels to each individual or Vietnamese family.

Because the majority of Vietnamese living in Poland are not fluent in Polish, they often listen to information about security and arrest undocumented people. From there they select areas of low risk and often spread this information to each other. Life experience is also appreciated when someone talks about an area that is less prone to this risk. Although the management and patrol situation of the government is often changed due to professional activities, due to the inability to approach and often only listen to close acquaintances, Vietnamese people rarely have access to information the ability to update the situation.

Another problem is herd behavior. This mentality interacts with availability bias to make large groups of Vietnamese people behave similarly and follow each other. So, there is always the risk that the wrong leader will make many people wrong in housing decisions. Studies show that the less developed they are, the more they rely on the herd mentality. However, in the Vietnamese community, there are also many highly qualified individuals. Therefore, the distribution of accommodation of the Vietnamese community is characterized by the concentration of large groups and scattered individuals and small groups in large cities.

Because Vietnamese people have a culture of living in the community, and in which there are often people who are considered to be leaders, the psychology and behavior of the majority tend to follow the experience and knowledge of the leaders. Therefore, it can be

said that leading and orienting different community groups that are Vietnamese is to lead the leaders of that community. So, the leader's behavior is typical. In favorable situations, leaders buying or renting houses will easily create a community of Vietnamese people living around. Although the objective and subjective conditions may not be appropriate considering each individual case.

Through research and experimentation, it can be clearly seen that the Vietnamese immigrant community has a strong bond with each other through its origin culture. It is usually a market, food court, or temple. Therefore, the formation of cultural elements close to the local culture will attract this community to live around it.

Housing security issues

Housing security issues are always the top concern of immigrants of different skin color in general and of Vietnamese people in general. This is because racism is still quite common in Eastern Europe. The next reason is due to the general weakness stemming from the language barrier, especially since the majority do not have legal residency documents.

According to the results of interviews from 88 Vietnamese individuals and families living and working in Poland, of which 30 have full legal residency documents. 100% are afraid of encountering violent indigenous youth, 86% do not want to pass by people drinking in public places in or around their residential area. 92% avoid going out at night after 11 pm. 100% expect to be in a protected, walled area. 77% deliberately avoid meeting with police and border security, of which 70% have full legal documents.

A problem that causes a lot of fear for Vietnamese people in Poland in particular and in Europe, in general, is the break-in and armed robbery. Although the rich and middle-class people make up a small proportion of the Vietnamese community, for indigenous people in Eastern Europe, Vietnamese people are always associated with trading activities and restaurants, so they are always considered as having a lot of money stored in the house. This number is 100% Vietnamese people have this worry. From the above reasons, security is always the top concern in choosing a housing location for Vietnamese people.

Recommendations and conclusion

From the research results, it can be seen that, in order to attract the Vietnamese community to make decisions related to housing, it is necessary to focus on issues surrounding behavioral psychology, the immigration policy of the host country, and security issues. Specifically, the following recommendations:

- Develop open, long-term and consistent immigration and settlement policies between central and local agencies. Huge investment in research is needed to bring stability to immigration policy, ensuring transparency and predictability. Aiming at cultural diversity and filling labor shortages due to the majority of eastern European countries currently having a labor surplus.

- Focusing on investment and development of cultural centers of different ethnic groups, including the Vietnamese community, in order to create color for society, reduce stigma and create attraction for minority communities. Residential development should also rely on this possibility. At the same time, research on the habits and culture of these communities to design and invest in equipment and utilities in residential areas.

- Establish security mechanisms between the public and the private sector to ensure the safety of areas with large numbers of immigrants.

Researching the impact of factors: behavioral psychology, the migration policy of the Republic of Poland and security on housing decisions of Vietnamese people in Poland

in particular and Eastern Europe, in general, is helpful for parties such as agencies management, development enterprise, housing business, housing service organization... understand the needs and characteristics of this immigrant community. From there, there will be appropriate decisions and implementations, creating sustainability for other related activities. Help immigrant communities integrate and contribute to the labor market and national economy.

Specifically, the national policy on immigration must be open, humane, and long-term. Absolutely avoid constant change. Besides, security issues for ethnic minorities need to be planned at the macro level but implemented at the enterprise level.

References

1. Adair A. S., Berry J. N., McGreal W. S. Investment Decision Making: A Behavioural Perspective. *Journal of Property Finance*. 1994. Vol. 5. No. 4. Pp. 32–42. DOI: <https://doi.org/10.1108/09588689410080275>.
2. Keynes J. M. *The General Theory of Employment, Interest, and Money*. London: Macmillan, 2018. 404 p. ISBN: 978-3-319-70344-2. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-70344-2>.
3. Bikhchandani S., Hirshleifer D., Welch I. A Theory of Fads, Fashion, Custom, and Cultural Change as Informational Cascades. *Journal of Political Economy*. Vol. 100. No. 5. Pp. 992–1026. DOI: <https://doi.org/10.1086/261849>.
4. Hirshleifer D., Teoh S. H. Herd Behaviour and Cascading in Capital Markets: A Review and Synthesis. *European Financial Management*. 2003. Vol. 9. No. 1. Pp. 25–66. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-036X.00207>.
5. Banerjee A. V. A Simple Model of Herd Behavior. *The Quarterly Journal of Economics*. 1992. Vol. 107. No. 3. Pp. 797–817. DOI: <https://doi.org/10.2307/2118364>.
6. Shiller R. J. Conversation, Information, and Herd Behavior. *American Economic Review*. 1995. Vol. 85. No. 2. Pp. 181–185.
7. Shiller R. J. *Irrational Exuberance*. Princeton: Princeton University Press, 2000. 312 p. ISBN: 978-0691050621.
8. Shiller R. J. *Understanding Recent Trends in House Prices and Home Ownership*. NBER Working Paper No. 13553. Cambridge: National Bureau of Economic Research, 2007. Pp. 89–123. URL: <http://www.nber.org/papers/w13553>.
9. Lux T. Herd Behaviour, Bubbles and Crashes. *The Economic Journal*. 1995. Vol. 105. No. 431. Pp. 881–96. DOI: <https://doi.org/10.2307/2235156>.
10. Tversky A., Kahneman D. Rational Choice and the Framing of Decisions. *The Journal of Business*. 1979. Vol. 59. No. 4. Pp. 251–278.
11. Benartzi S., Thaler R. H. Naive Diversification Strategies in Retirement Saving Plans. *American Economic Review*. 2001. Vol. 91. No. 1. Pp. 79–98. DOI: <https://doi.org/10.1257/aer.91.1.79>.
12. Glaeser E. L. A Nation of Gamblers: Real Estate Speculation and American History. *American Economic Review*. 2013. Vol. 103. No. 3. Pp. 1–42. DOI: <https://doi.org/10.1257/aer.103.3.1>.
13. Dieci R., Westerhoff F. A Simple Model of a Speculative Housing Market. *Journal of Evolutionary Economics*. 2012. Vol. 22. No. 2. Pp. 303–329. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00191-011-0259-8>.
14. Karlsson A., Nordn L. Home Sweet Home: Home Bias and International Diversification Among Individual Investors. *Journal of Banking and Finance*. 2007. Vol. 31. No. 2. Pp. 317–333. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.559947>.
15. Benjamin J. D., Chinloy P. T., Jud G. D. Why Do Households Concentrate Their Wealth in Housing? *Journal of Real Estate Research*. 2004. Vol. 26. No. 4. Pp. 329–344. DOI: <https://doi.org/10.1080/10835547.2004.12091146>.
16. Ponessa J. T. Environmental and Safety Issues in Housing. *Housing and Society*. 1992. Vol. 19. No. 2. Pp. 59–73, DOI: <https://doi.org/10.1080/08882746.1992.11430131>.
17. Forbes-Mewett H., Nyland C. Cultural Diversity, Relocation, and the Security of International Students at an Internationalised University. *Journal of Studies in International Education*. 2008. Vol. 12. No. 2. Pp. 181–203. DOI: <https://doi.org/10.1177/1028315307308136>.
18. Barter P. Transport, urban structure and 'lock-in' in the Kuala Lumpur Metropolitan Area. *International Development Planning Review*. 2004. Vol. 26. No. 1. Pp. 1–24. DOI: <https://doi.org/10.3828/>

idpr.26.1.1.

19. Hulse K., Milligan V. Secure Occupancy: A New Framework for Analysing Security in Rental Housing. *Housing Studies*. 2012. Vol. 29. No. 5. Pp. 638–656. DOI: <https://doi.org/10.1080/02673037.2013.873116>.
20. Thurston W. E., Roy A., Clow B., Este D., Gordey T., Haworth-Brockman M., McCoy L., Rapaport-Beck R., Saulnier C., Carruthers L. Pathways Into and Out of Homelessness: Domestic Violence and Housing Security for Immigrant Women. *Journal of Immigrant and Refugee Studies*. 2013. Vol. 11. No. 3. Pp. 278–298. DOI: <https://doi.org/10.1080/15562948.2013.801734>.
21. Tahir Z. B., Hussin K. B. Security Features in the Gated Community Housing Development. *International Conference on Management Proceeding*. 2011. Pp. 77–88. DOI: <https://doi.org/10.17265/1537-1506/2012.02.011>.
22. Bloss M., Fischer P. A., Straubhaar T. The Impact of Migration Policy on the Labour Market Performance of Migrants: A Comparative Case Study. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 1997. Vol. 23. No. 4. Pp. 511–535. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369183X.1997.9976609>.
23. Garni A., Miller A. Localized Immigration Policy and Migrant Life Experiences: The Case of Mexican Migrants in Southern California. *Journal of Immigrant and Refugee Studies*. 2008. Vol. 6. No. 3. Pp. 435–450. DOI: <https://doi.org/10.1080/15362940802371929>.
24. Carter T. The Influence of Immigration on Global City Housing Markets: The Canadian Perspective. *Urban Policy and Research*. 2005. Vol. 23. No. 3. Pp. 265–286. DOI: <https://doi.org/10.1080/08111470500197797>.
25. Saiz A. Immigration and Housing Rents in American Cities. *Journal of Urban Economics*. 2007. Vol. 61. No. 2. Pp. 345–371. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jue.2006.07.004>.
26. Myers D., Liu C. Y. The Emerging Dominance of Immigrants in the US Housing Market 1970–2000. *Urban Policy and Research*. 2006. Vol. 23. No. 3. Pp. 347–366. DOI: <https://doi.org/10.1080/08111470500197920>.
27. Lesińska M., Stefańska R., Szulecka M. Development of Migration Policies of the Czech Republic, Hungary and Poland – On the Way to Maturity. In: Drbohlav D., I. Grabowska-Lusińska, Á. Hárs (eds.) *Immigration Puzzles: Comparative Analysis of the Czech Republic, Hungary and Poland*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. Pp. 77–115. ISBN: 3844328777.
28. Łodziński S., Szonert M. “Non-political politics”? *The shaping of the migration policy in Poland in the years 1989–2016* [„Niepolityczna polityka”? Kształtowanie się polityki migracyjnej w Polsce w latach 1989–2016]. CMR Working Papers, 90/ 148. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 2016. 35 p. URL: https://www.migracje.uw.edu.pl/wp-content/uploads/2016/06/CMR_WP_90148.pdf. (In Pol.)
29. Duszczyk M., Góra M. *Active Inclusion of Immigrants in Poland*. IZA Discussion Paper No. 6427. Bonn: Institute of Labour Economics, 2012. 34 p. URL: <https://ftp.iza.org/dp6427.pdf>.
30. Górny A., Grabowska-Lusińska I., Lesińska M., Okólski M. (eds.) *Immigration to Poland: Policy, Employment, Integration*. Warsaw: Scholar Publishing House, 2010. Pp. 17–53. ISBN: 978-83-7383-375-3.
31. Andrejuk K. Vietnamese Immigrants in Poland - The Dynamics of Community Changes in Light of Official Statistical Data [Imigranci wietnamscy w Polsce – dynamika przemian społeczności według urzędowych danych statystycznych]. *Studia BAS*. 2019. Vol. 60. No. 4. Pp. 143–161. DOI: <https://doi.org/10.31268/StudiaBAS.2019.34>. (In Pol.)

Bio note:

Nguyen Minh Ngoc, PhD in Economics, Associate Professor, Vice Dean, Appraisal and Real Estate Business Faculty, University of Finance – Marketing, Ho Chi Minh City, Vietnam.

Contact information: e-mail: nmngoc@ufm.edu.vn; ORCID ID: 0000-0003-0662-3092.

Received on 25.11.2021; accepted for publication on 27.01.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

ФАКТОРЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ НА РЫНКЕ ЖИЛЬЯ ПОЛЬШИ ВЬЕТНАМСКИМИ ИММИГРАНТАМИ

Нгуен Минь Нгок

Университет финансов и маркетинга, Хошимин, Вьетнам

E-mail: nmngoc@ufm.edu.vn

Для цитирования: Нгуен Минь Нгок. Факторы принятия решений на рынке жилья Польши вьетнамскими иммигрантами // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 1. С. 151–162. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.12>

Аннотация. Вьетнамцы, которые в настоящее время живут и работают в странах Восточной Европы, составляют достаточно большое сообщество. В глазах принимающих стран это закрытая социальная группа, и во многом остается загадкой, какими принципами ее члены руководствуются в своей повседневной жизни и трудовой деятельности. В частности, все вьетнамцы, проживающие в Европе, вынуждены арендовать или покупать жилье, но исследований по их поведению на рынке недвижимости практически не проводилось. Факторы, влияющие на такое поведение с точки зрения рынка недвижимости, представляют интерес для местных предприятий и жителей. В настоящей статье мы проанализировали опыт вьетнамцев, проживающих в странах Восточной Европы, мнения экспертов, имеющиеся научные наработки и юридические документы с целью оценить влияние трех факторов: поведенческой психологии, миграционной политики и соображений безопасности. Влияние этих факторов на решения вьетнамцев относительно аренды или покупки жилья наиболее выражено. По результатам проведенного исследования нами предложены некоторые рекомендации для заинтересованных сторон: инвесторов на рынке недвижимости, коммерческих предприятий, законодательных органов, управленцев в социальной сфере, – которые помогут улучшить регулирование отношений на рынке жилья для вьетнамского сообщества в Польше и других странах. Важными аспектами в данном отношении традиционно являются безопасность, а также социальное и психологическое спокойствие. Ограничение исследования состоит в том, что упомянутые выше три фактора были выбраны автором субъективно, исходя из его многолетнего опыта работы в качестве брокера по недвижимости в Варшаве.

Ключевые слова: поведенческая психология, иммиграционная политика, вопросы безопасности, жилищное решение, вьетнамское сообщество, страны Восточной Европы.

Сведения об авторе:

Нгуен Минь Нгок, доктор экономических наук, доцент, заместитель декана факультета оценки и бизнеса в сфере недвижимости Университета финансов и маркетинга, Хошимин, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: nmngoc@ufm.edu.vn; ORCID ID: 0000-0003-0662-3092.

Статья поступила в редакцию 25.11.2021; принята в печать 27.01.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

СОВРЕМЕННАЯ МИГРАЦИЯ В ГЕРМАНИИ: ОСОБЕННОСТИ И ТРЕНДЫ

Надеждин А. Е.

Посольство России в ФРГ, Берлин, Германия

E-mail: 3039210@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.113>

Для цитирования: Надеждин А. Е. Современная миграция в Германии: особенности и тренды // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 1. С. 163–174. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.113>

Аннотация. В статье исследуется текущая миграционная ситуация в Германии. На внешнеполитическом треке представлен анализ подходов Берлина по регулированию миграционных процессов на фоне усиливающегося внешнего давления на Евросоюз. Германия, по сути, вновь оказалась в эпицентре событий вследствие наблюдавшегося в 2021 г. притока прибывающих в страну потенциальных беженцев из кризисных регионов, в т. ч. по новому белорусско-польскому маршруту, и расширения института вторичной миграции. Активность ФРГ, направленная на поиск решений кризисных ситуаций (Афганистан, Беларусь и др.), подтверждает заинтересованность в сохранении координирующей роли в ЕС по формированию новых направлений миграционной политики. На внутривнутриполитическом треке проанализирована взаимосвязь миграционных процессов и электоральных кампаний в Германии. Особое внимание уделяется выборам в Бундестаг, которые завершили почти 16-летний период правления А. Меркель. В статье исследуется современный партийный ландшафт с фокусом на партию «Альтернатива для Германии» и предлагаются возможные сценарии развития внутривнутриполитической ситуации с учетом миграционного фактора. Обозначены актуальные вопросы миграционной повестки дня в условиях демографических трансформаций в социуме, пандемии COVID-19 и других факторов, решать которые должно новое Федеральное правительство. Положения и выводы публикации представляют интерес как для научно-экспертного сообщества, так и представителей органов государственной власти, в чью компетенцию входят вопросы выработки и проведения политики в сфере миграции.

Ключевые слова: миграционный кризис, Беларусь, электоральные кампании, партия «Альтернатива для Германии», COVID-19, национальная безопасность.

Введение

Миграционные процессы являются важным элементом развития современного мира, характеризуюсь высокой интенсивностью, расширением масштабов и увеличением количества участников. Автор фокусирует внимание на Германии, которая, будучи экономическим и политическим «локомотивом» Евросоюза, выступает центром притяжения миграционных потоков. Стимулирующими миграцию факторами являются потребность в решении демографических проблем и привлечении иностранцев в условиях нехватки трудовых ресурсов, «комплекс вины» послевоенного поколения немцев, гуманитарный аспект в плане приема беженцев из кризисных регионов.

Миграционная политика Германии с момента объединения государства в 1990 г. претерпела значительные трансформации: от качественно-количественных изменений структуры миграционных потоков – до пересмотра основного политического концепта («Германия – страна иммиграции») [1]. Несмотря на сформировавшиеся механизмы регулирования миграционных процессов, Германия в 2015–2016 гг. столкнулась с общеевропейским кризисом, который наряду с обострением внутривнутриполитической ситуации выявил значительные проблемы в сфере обеспечения национальной безопасности. Международная напряженность (Афганистан, Беларусь и др.) на фоне сохраняющейся пандемии COVID-19 и нарастания глобального социально-экономического неравенства является триггером возрастающих опасений в плане усиления миграционного давления на Германию.

Источники и методы

Осмыслению текущей миграционной ситуации в Германии способствовал анализ докладов национальных и международных институтов, в чью компетенцию входят вопросы регулирования миграционных процессов, а также актуальных статданных и аутентичных периодических материалов СМИ на немецком языке. Касательно применявшихся в ходе подготовки статьи методов необходимо отметить системный и причинно-следственный анализ, которые позволили выявить предпосылки формирования, определить особенности и качественно-количественные характеристики миграционных процессов в государстве. Ситуационный анализ использовался при изучении динамики электоральных кампаний и итогов выборов в Бундестаг 2021 г. Политико-сравнительный метод оказался востребован для анализа подходов партий Германии в отношении приоритетов и основных задач миграционной политики.

В рамках отечественной германистики, в т. ч. в привязке к общеевропейским миграционным процессам, миграционная тематика представляет интерес для исследователей. Вопросам взаимосвязи миграции и экономики посвящены работы Белова В. Б., Огневой А. В. и Романовой Е. В. Анализом внутривнутриполитической тематики и миграционного фактора занимаются Васильев В. И., Тимошенко Е. П., Швейцер В. Я. Вопросы безопасности, включая вызовы для принимающего социума на фоне кризисных событий 2015–2016 гг., находятся в фокусе исследований Биссон Л. С., Камкина А. К., Синдеева А. А.

Результаты

Миграционная ситуация – внешнеполитический трек

Текущая миграционная повестка дня в Германии в значительной степени определяется внешнеполитическим фактором. На фоне наблюдавшегося в 2020 г. снижения количества ходатайств на получение статуса беженца (в Федеральное ведомство по вопросам миграции ФРГ поступило 122 170 заявок) в 2021 г. в компетентные инстанции подано 190 816 обращений¹. Ситуация сопоставима с общим положением дел в странах Евросоюза, которые вновь сталкиваются с нарастанием миграционного давления. По словам руководителя «Фронтекс» (Агентство по управлению оперативным сотрудничеством на внешних границах государств-членов ЕС) Ф. Легери, масштабы нелегальной миграции даже в сравнении с «докоронавирусным» 2019 г. значительно выросли. В первую очередь количественный прирост наблюдается на центрально-средиземноморском маршруте, по которому в Италию прибывают выходцы из Туниса и Ливии. Обстановка на восточно- и западно-средиземноморских направлениях в целом остается стабильной². Аналогичной позиции придерживаются в Европейском офисе по вопросам предоставления убежища, среди наиболее популярных у беженцев стран выделяя Францию (54 105 заявок), Испанию (41 799), Италию

¹ Количество заявлений о предоставлении убежища (всего) в Германии с 1995 г. по 2022 г. [Anzahl der Asylanträge (insgesamt) in Deutschland von 1995 bis 2022] // Statista. Немецкая компания, специализирующаяся на рыночных и потребительских данных. [сайт]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/76095/umfrage/asylantraege-insgesamt-in-deutschland-seit-1995/> (дата обращения: 20.01.2022). (На нем.)

² Фон Друтен К. [Von Drüten C.] Поток незаконной миграции в ЕС вырос почти на 70% в 2021 г. [Illegale Migrationsströme in die EU nehmen zu – 2021 um fast 70 Prozent] // Welt. Немецкая газета. 20.11.2021. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article235163124/Frontex-Chef-Illegale-Migrationsstroeme-in-die-EU-nehmen-zu-2021-um-fast-70-Prozent.html> (дата обращения: 26.11.2021). (На нем.)

(37 492). Значительный прирост был зафиксирован в августе 2021 г., когда множество людей прибыли на европейский континент из Афганистана после прихода к власти движения «Талибан» (организация запрещена в России)³.

Несмотря на постепенное ослабление напряженности на белорусско-польской границе и попытки найти варианты решения вопроса распределения находящихся в регионе беженцев, в Берлине не исключают появления новой магистрали нелегального траффика выходцев из кризисных регионов в Европу. Так, в 2021 г. немецким правоохранителям удалось задержать и поместить во временные лагеря 11 тыс. 213 иностранцев, незаконно прибывших транзитом через Беларусь и Польшу в целях получения статуса беженца (на пике ежедневный показатель количества выявленных случаев доходил до 900 человек)⁴. Подобная ситуация вновь обострила вопрос распределения просителей убежища вследствие возросшей нагрузки на приграничные федеральные земли – Бранденбург, Мекленбург-Переднюю Померанию и Саксонию. Во Франкфурте-на-Одере (Бранденбург) был оперативно введен в эксплуатацию дополнительный центр первичной регистрации, анализа документов и тестирования на наличие коронавирусной инфекции. В дальнейшем предполагается распределить скопившихся в восточных регионах Германии беженцев по временным лагерям на территории всей страны. При этом стоит отметить, что введение постоянного контроля въезжающих или полное закрытие границы с Польшей на уровне Федерального правительства не обсуждались. В сравнении с кризисными событиями 2015–2016 гг., когда на маршруте через Западные Балканы транзитные страны позволяли мигрантам беспрепятственно следовать в Германию за получением статуса беженца, применяемые поляками методы защиты внешних границ ЕС пользовались полной поддержкой Берлина.

Острая фаза пограничного конфликта между Минском и Варшавой активно использовалась СМИ ФРГ для систематических обвинений руководства Беларуси. Попытки и. о. Федерального канцлера А. Меркель в контакте с Президентом А. Г. Лукашенко найти варианты решения проблемы, включая привлечение партнеров по Евросоюзу, воспринимались местным политическим истеблишментом достаточно скептически. Контраргументация сводилась к нелегитимности действующей белорусской власти и намеренной эскалации происходящего на границе в рамках «гибридной» агрессии против ЕС и НАТО. Тиражировались тезисы о содействии «минского режима» транзиту иностранцев из государств с высокими миграционными рисками в Европу и стимулировании деятельности посредников и криминальных структур, специализирующихся на трансграничной перевозке людей. Критические замечания звучали и в адрес России на предмет оказания поддержки нелегальной

³ Поступает все больше заявлений о предоставлении убежища в Германии и ЕС [Wieder mehr Asylträge in Deutschland und EU] // Deutsche Welle. Немецкая радиовещательная корпорация. URL: <https://www.dw.com/de/wieder-mehr-asylantr%C3%A4ge-in-deutschland-und-eu/a-59530274> (дата обращения: 23.11.2021). (На нем.)

⁴ Нелегальная миграция из Беларуси через Польшу в Германию стабильно находится на низком уровне: 361 факт обнаружения федеральной полицией с начала года [Illegale Migration aus Belarus über Polen nach Deutschland konstant auf niedrigem Niveau: 361 Feststellungen durch die Bundespolizei seit Jahresbeginn] // Федеральная полиция Германии [Bundespolizei] [сайт]. 02.02.2022. URL: https://www.bundespolizei.de/Web/DE/04Aktuelles/01Meldungen/2021/10/staendige_aktualisierung_migrationslage.html (дата обращения: 20.01.2022). (На нем.)

миграции и использования российских аэропортов в качестве перевалочных пунктов⁵.

В Берлине усиливается недовольство в отношении предпринимаемых Грецией мер по противодействию транзитной и вторичной миграции в Германию через аэропорты Афин и Салоники иностранных граждан, которые уже получили защиту как беженцы. Подобная ситуация подрывает основы продвигаемых немцами подходов в плане общего регулирования миграционных процессов и распределения ответственности. В Германии не исключают возможности введения внутреннего контроля на воздушных границах и безотлагательной высылки прибывших обратно. По оценкам правоохранительных органов ФРГ, Италия также зачастую нарушает положения Дублинской конвенции, выборочно принимая нелегалов, первоначально прибывших на континент по центрально-средиземноморскому маршруту и позднее переехавших за получением статуса беженца в Германию. В данном контексте немцы прорабатывают новые модели кооперации с Римом по противодействию незаконной трансграничной миграции⁶.

При этом в общественно-политических кругах ФРГ признаков повторения кризисных событий 2015–2016 гг. на данном этапе не усматривают. Основная аргументация сводится к незначительным масштабам потенциальной миграционной волны и имеющемуся у Германии опыту решения подобных проблем [2, с. 134–137]. Проблема с мигрантами создана Беларусью искусственно для оказания давления на Евросоюз. Отсутствие политико-экономической реакции Брюсселя вынуждает ее самостоятельно искать выходы из сложившейся ситуации, что уже нашло практическую реализацию, включая размещение беженцев в транспортно-логистическом центре вблизи границы. Другой аспект – отсутствие у многих иностранцев, в частности, представителей Афганистана в сравнении с составлявшими ранее основной миграционный «костяк» сирийцами необходимых документов, что затрудняет возможность переезда и является весомым фактором для отказа в получении статуса беженца. Отличительной чертой от событий почти семилетней давности является незаинтересованность сопредельных с Германией государств (в первую очередь, Польши) допускать пусть и на временной основе на свою территорию транзитных мигрантов.

Миграция и электоральные процессы в ФРГ

Что касается внутривнутриполитической ситуации, то на уровне германских федеральных земель миграционная тематика ввиду постепенного снижения остроты противоречий в отношении эффективности политических подходов по управлению миграцией и возросшего запроса на решение других проблем (противодействие COVID-19, защита окружающей среды и пр.) в настоящий момент несколько отошла на второй план, что подтверждается итогами электоральных кампаний 2021 г. В частности, выборы в Баден-Вюртемберге изначально предполагали достаточно «мягкий» сценарий в плане возможного воздействия миграционного фактора. Таким образом, первое место заняла партия «Зеленые» (32,6%), второе – Христианско-демократиче-

⁵ Через Беларусь в Германию: как живут беженцы в бывшем Сталинштадте // Deutsche Welle. Немецкая радиовещательная корпорация. URL: <https://www.dw.com/ru/chez-belarus-v-germaniju-kak-zhivut-bezhency-v-byvshem-stalinshtadte/a-59360878> (дата обращения: 25.09.21).

⁶ Первая встреча министров иностранных дел в Риме: больше сотрудничества в сфере миграции и климата [Erstes Außenministertreffen in Rom: Mehr Zusammenarbeit bei Migration und Klima] // RND. Новостной сайт. 10.01.2022. URL: <https://www.rnd.de/politik/italien-baerbock-bei-treffen-mehr-zusammenarbeit-bei-migration-und-klima-MVOS43T2X6SQN5R4WLEHJQQW4Y.html> (дата обращения: 25.01.22). (На нем.)

ский союз (ХДС) (24,1%), третье – Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) (11%), четвертое – Свободная демократическая партия (СвДП) (10,5%). На пятой позиции расположилась правопопулистская «Альтернатива для Германии» (АдГ) (9,7%). По результатам выборов в Рейнланд-Пфальце на первой позиции оказались социал-демократы (35,7%), на второй – ХДС (27,7%), на третьей – «Зеленые» (9,3%), на четвертой – «АдГ» (8,3%). Что касается «новых» федеральных земель, которые генерируют протестный электорат, то выборы в Саксонии-Ангальт выиграл ХДС (37,1%). Несмотря на итоговое второе место (20,8%), позиции «АдГ» в сравнении с результатами пятилетней давности ослабли. На третьей позиции – «Левые» (11%) и на четвертой – СДПГ (8,4%).

Ключевым электоральным событием стали состоявшиеся 26 сентября 2021 г. выборы в Бундестаг. Как подтверждает анализ, миграционная тематика сохраняла актуальность на протяжении всего избирательного цикла. Наиболее категоричными были предвыборные формулировки «АдГ», включая запреты на воссоединение семей беженцев и временный выезд в страну происхождения в период рассмотрения ходатайства на получение статуса беженца. Предлагалось введение налога на перевод денежных средств в страны происхождения, проведение процедуры принудительной депортации правонарушителей в государства, классифицируемые немцами в качестве безопасных. Более жесткие формулировки в сравнении с предыдущей кампанией 2017 г. появились в программе ХДС/ХСС: переосмысливается взятый миграционный курс за счет усовершенствования системы депортации и упорядочения модели воссоединения семьи, поэтапного снижения количества принимаемых беженцев и распределения ответственности за миграционную политику между членами ЕС. Установки СДПГ и «Зеленых» схожи в плане возможности введения института двойного гражданства, свободного допуска имеющих правовой статус беженца к получению образования и осуществлению трудовой деятельности. По итогам парламентских выборов победила СДПГ (25,7%), второе место заняли ХДС/ХСС (24,1%), третье – «Зеленые» (14,8%), четвертое – СвДП (11,5%), пятое – «АдГ» (10,3%). По аналогии с выборами четырехлетней давности максимальных показателей правые популисты добились в Саксонии, а также заняли первое место в Тюрингии⁷.

Итоги выборов в парламент Мекленбурга-Передней Померании, состоявшихся в один день с федеральными, подтвердили высокую региональную популярность СДПГ (39,6%). Как и пять лет назад, второе место заняла «АдГ» (16,7%), третье – ХДС (13,3%), четвертое – Левые (9,9%), пятое – «Зеленые» (6,3%). Электоральную кампанию в Берлине выиграла СДПГ (21,4%), на второй позиции – «Зеленые» (18,9%), на третьей – ХДС (18,1%), на четвертой – «Левые» (14%), на пятой – «АдГ» (8,0%). Результаты выборов в столице сопоставимы с избирательной кампанией 2020 г. в Гамбурге, в рамках которых прослеживается тенденция на усиление в крупных городах с достаточно устойчивой социально-экономической базой запроса на формирование «лево-зеленого» общества⁸. Электоральное большинство разделяет подходы Федерального

⁷ Результаты выборов в АдГ – общегерманская проблема [Das AfD-Wahlergebnis ist ein gesamtdeutsches Problem] // Deutschlandfunk. Немецкое радио. URL: https://www.deutschlandfunk.de/sachsen-und-thueringen-das-afd-wahlergebnis-ist-ein.720.de.html?dram:article_id=503809 (дата обращения: 14.10.21). (На нем.)

⁸ Поллманн А. [Von Arnd Pollmann]. Эстеты против пренебрежительного отношения [Ästheteten gegen Verwahrlosung] // Deutschlandfunk Kultur. Немецкая радиоккомпания. 25.08.2019. URL: <https://www.deutschlandfunkkultur.de/muell-und-freiheit-aestheteten-gegen-verwahrlosung-100.html> (дата обращения: 14.11.21). (На нем.)

правительства в миграционной политике, не увязывая появление новых проблем в сфере безопасности с прибывшими из кризисных регионов беженцами и трудовыми мигрантами. «АдГ» в данном контексте является гражданско-консервативной партией, а не аккумулирует по аналогии с «новыми» федеральными землями скептически настроенный в отношении правящих партий электорат.

Таким образом, итоги завершившихся электоральных кампаний вновь подтвердили правомерность подхода о сосредоточении основных избирателей «АдГ» в восточной части Германии, в особенности в ее центральных районах (на выборах партия регулярно получает здесь двузначное количество голосов). Популярность можно объяснить актуальностью тезиса о якобы «отсутствии заинтересованности западной Германии развивать новые федеральные земли», которая выражается в сохраняющихся различиях основных финансовых показателей (уровень пенсий и оплаты труда, объемов ВВП). Поддержка ХДС и СДПГ, которые ассоциируются со «старыми» федеральными землями, при отсутствии решений структурных проблем (медобслуживание, транспортная доступность, рабочие места и уровень заработной платы, инфраструктура и коммуникации) будет снижаться. Справедливо замечание на этот счет исследователя Е. П. Тимошенко, которая объясняет данную тенденцию увеличением количества граждан, заинтересованных в решении волнующих конкретно их проблем. По ее оценкам, доля немцев, которые не связаны с определенными политическими силами, составляет около 50% [3].

Вместе с тем, говорить о сохранении и даже укреплении позиций несистемных сил применительно только к восточным землям не совсем правомерно. Результаты электоральных кампаний 2016–2021 гг. подтверждают наличие протестной базы на территории всего государства. В целом, за последние пять лет «АдГ» удалось реализовать задачу-минимум и сохранить присутствие в законодательных органах власти, в отдельных случаях даже перевыполнить план и увеличить количество своих представителей (парламенты Гессена и Северного Рейна-Вестфалии). На западе страны важным фактором укрепления позиций являются слабые социально-экономические показатели развития отдельных регионов и муниципальных образований, а также острота миграционной проблематики в привязке к обеспечению внутренней безопасности (наличие центров для размещения беженцев и национальный состав учебно-воспитательных учреждений, уровень этнической преступности). Несмотря на проводимый традиционными политическими силами курс на дискредитацию «АдГ», вытеснение из информационного пространства и усиление контроля за деятельностью по линии местных спецслужб, партия, хоть и несколько утратила свои позиции на западе страны, однако продолжает сохранять популярность [4, с. 24].

Продолжение новым Федеральным правительством курса на маргинализацию и исключение возможностей контакта с избирателями и представителями «АдГ», а также систематическая обструкция способствуют увеличению количества граждан, поддерживающих партию как противовес традиционным элитам. Другой фактор – отсутствие общественного консенсуса в отношении используемых в Германии подходов по борьбе с коронавирусной инфекцией (введение локдаунов, обязательная иммунизация населения, запрет на проведение массовых мероприятий и др.), которое используется «АдГ» в целях привлечения новых сторонников из числа несогласных с текущим положением дел. Попытки Федерального правительства и медучреждений повысить количество иммунизированных в стране, в т. ч. за счет введения

ограничительных мер для не вакцинированных, интерпретируются в качестве «сегрегации» и триггера для усиления социальных противоречий⁹.

Перспективы развития миграционной политики ФРГ

Миграционная повестка сохранит свою актуальность и будет оказывать воздействие на принимаемые новым Федеральным правительством решения. Демографические трансформации в Германии (26% или 21,2 млн жителей страны – выходцы из семей с миграционным фоном) способствуют поэтапной корректировке приоритетов миграционной политики, что подтверждается положениями Коалиционного соглашения между СДПГ, «Зелеными» и СвДП¹⁰. В качестве основных направлений обозначены формирование общества с равными возможностями, повышение уровня благосостояния граждан, комплексное противодействие экстремизму. Усилится активность на треках интеграции, равного доступа к образованию и трудовой деятельности, расширения прав выходцев из семей с миграционным фоном¹¹. Противодействие связанным с нелегальной миграцией вызовам подразумевает пресечение деятельности этнических преступных сообществ (клановая преступность), недопущение дальнейшей радикализации общества, упорядочение системы реадмиссии. Актуализации подлежит нормативно-правовая база, включая параметры пребывания, регулирования трудовой миграции и системы получения гражданства ФРГ [5, с. 143–146].

Сценарий краткосрочного развития внутриполитической ситуации предполагает использование зафиксированных в Коалиционном соглашении методов решения ключевых проблем в сфере безопасности – борьбу с этническими ОПГ и снижение террористической угрозы вследствие возможного проникновения в страну под видом беженцев участников незаконных вооруженных формирований. При этом практические действия (принудительная высылка представляющих угрозу безопасности иностранных граждан; запрет на въезд в страну ранее депортированных) будут ограничиваться позицией правозащитников и либерально настроенной части общества. Усилится взаимодействие со странами исхода в целях искоренения базовых причин миграции за счет прямого финансового содействия и создания первичных комфортных условий проживания и трудовой деятельности [6, с. 7].

Другой аспект – завершившиеся избирательные кампании, включая парламентские выборы, продемонстрировали необходимость расширения диалога с миграционным сообществом для повышения электоральных результатов. Старение электората ведущих политических сил (средний возраст избирателя ХДС и СДПГ составляет 60 лет) требует интенсификации сотрудничества с данной социальной

⁹ Элис Вайдель и Тино Чрупалла: Карантин для непривитых неприемлем [Alice Weidel/Tino Chrupalla: Lockdown für Ungeimpfte ist nicht hinnehmbar] // Немецкий PR-портал. 15.11.2021. URL: <https://www.presseportal.de/pm/130241/5073663> (дата обращения: 20.11.21). (На нем.)

¹⁰ Коалиционное соглашение на 2021–2025 гг. между СДПГ, «Союзом 90» (Зелеными) и СвДП [Koalitionsvertrag 2021–2025 zwischen der SPD, Bündnis 90/Die Grünen und FDP] // Социал-демократическая партия Германии [Sozialdemokratische Partei Deutschlands] [сайт]. URL: <https://www.spd.de/koalitionsvertrag2021/> (дата обращения: 26.11.2021). (На нем.)

¹¹ Гражданин/выходец из семьи с миграционным фоном (нем. «mit Migrationshintergrund») – гражданин, который прибыл на территорию Германии после 1949 г.; родился в семье иностранных граждан или – немцем в семье, в которой один из родителей прибыл в страну из-за рубежа после 1949 г. или сам родился в прибывшей семье иностранцев. Появление термина связано с внесением поправок в 2005 г. в Закон о проведении репрезентативной статистики населения и показателей занятости, согласно которым в опросные листы при переписи допускается вносить данные о государстве/месте рождения, гражданской принадлежности и этническом происхождении.

группой, включая привлечение наиболее активных молодых людей к политической жизни [7, с. 162]. Соответствующие программы отбора и подготовки кадров запущены ведущими партиями, включая практику выдвижения наиболее перспективных кандидатами на избираемые должности¹².

Несмотря на значительные противоречия традиционных партий и «АдГ», то даже на фоне категоричного отказа СДПГ и ХДС/ХСС вести переговоры о ее участии в правящей коалиции по итогам парламентских выборов 2021 г., нельзя исключать вариант поиска потенциальных точек соприкосновения. В политическом ландшафте ранее наблюдались разрозненные сигналы о готовности начать переговоры с «АдГ». Максимальное медийное освещение получил «заход», сделанный в 2019 г. представителями земельного парламента Тюрингии. Менее резонансные попытки связаны с проектами и инициативами в сфере бюджетной и строительной политики на уровне муниципальных образований¹³. Сценарий развития отношений мог бы выглядеть следующим образом: переход ведущих политических сил к диалогу с электоратом и далее непосредственно с функционерами «АдГ» по отдельным направлениям. Предметные шаги будут сделаны на коммунальном и региональном уровне вследствие тесного взаимодействия и прямого контакта жителей с представителями органов законодательной власти независимо от партийной принадлежности. Направлением для сотрудничества является социальная сфера, которая напрямую связана с миграционной ситуацией (обсуждение вопроса о параметрах социальных пособий и системы оформления медицинских страховок для беженцев; реализация интеграционных и образовательных программ). На треке безопасности – это упорядочение системы реадмиссии и противодействие проникновению в страну исламистов (в т. ч. продвигаемые «АдГ» контроль по линии профильных ведомств за радикальными проповедниками, запрет на открытую демонстрацию религиозных символов в учебных заведениях, ограничение возможностей воссоединения семей беженцев) [8, с.565].

Требует решения и вопрос противодействия пандемии коронавируса, которая оказывает воздействие на социально-политические процессы и миграционную ситуацию [9, с. 63]. В местах компактного размещения беженцев и неблагополучных районах в крупных городах продолжают фиксироваться массовые случаи инфицирования. Проживающие в них слабо интегрированы в общество, ограниченно владеют немецким языком, получают недостаточно информации о действующих карантинных предписаниях и возможностях бесплатной вакцинации. По данным Института имени Роберта Коха, большое количество мужчин-представителей многодетных семей из стран Северной Африки или Турции проходят лечение от COVID-19 в медучреждениях ФРГ¹⁴. Подобная ситуация объясняется не только ограниченными жилищными условиями, но и занятостью в критически значимых профессиях, которые

¹² Визендаль Э. [Wiesendahl E.] Чем еще хороши старые добрые шестидесятые [Wozu die Alt-Achtundsechziger noch gut sind] // Прогрессивный центр [Das Progressive Zentrum]. Немецкий независимый аналитический центр [сайт]. 08.03.2013. URL: <https://www.progressives-zentrum.org/wozu-die-alt-achtundsechziger-noch-gut-sind/> (дата обращения: 07.11.21). (На нем.)

¹³ Примеры муниципального сотрудничества между ХДС и АдГ [Beispiele kommunaler Zusammenarbeit zwischen CDU und AfD] // KommunalWiki. Интернет-платформа. URL: https://kommunalwiki.boell.de/index.php/Beispiele_kommunaler_Zusammenarbeit_zwischen_CDU_und_AfD (дата обращения: 24.11.21). (На нем.)

¹⁴ Миграция и здоровье [Migration und Gesundheit] // Институт Роберта Коха [Robert Koch-Institut] [сайт]. URL: https://www.rki.de/DE/Content/Gesundheitsmonitoring/Themen/Migration/migration_node.html (дата обращения: 07.11.21). (На нем.)

сопряжены с высокими рисками заражения ввиду отсутствия возможности работать удаленно и соблюдать социальную дистанцию [10, с. 10]. Пандемия способствовала обострению этнической дискриминации, с которой на разных этапах сталкивались люди азиатской внешности, а также выходцы из румынских и болгарских семей, неоднократно помещавшиеся на принудительный карантин на фоне вспышек заболевания в общежитиях Берлина.

Заключение

Таким образом, текущая миграционная повестка Германии в значительной степени находится под воздействием внешнеполитического фактора. Немцы, наряду с другими странами-членами ЕС, испытывают усиление миграционного давления, которое вызвано новым витком напряженности на Ближнем Востоке, расширением масштабов вторичной миграции на фоне неослабевающей пандемии COVID-19 и нарастающих социально-экономических трудностей в слаборазвитых государствах. Отличительным трендом является реформатирование маршрутов следования миграционных потоков с акцентом на страны Восточной Европы, что требует от Берлина актуализации подходов как по противодействию нелегальным трансграничным перемещениям, так и по размещению уже прибывших беженцев. В Германии настроены сохранить позиции европейского координатора новых направлений политики в данной сфере, которая учитывала бы продвигаемые ими установки – коллективную ответственность и квотирование прибывших за получением статуса беженца среди стран-членов ЕС, противодействие вторичной миграции и расширение взаимодействия со странами потенциального исхода.

Несмотря на снижение градуса общественной дискуссии в отношении политического курса в сфере миграции и отсутствия на данном этапе предпосылок повторения кризисных событий почти семилетней давности, завершившийся цикл электоральных кампаний подтвердил востребованность данной тематики на внутривнутриполитическом направлении. Миграционному вопросу под разными углами в ходе предвыборных кампаний внимание уделяли все без исключения партии ФРГ. В условиях систематических попыток дискредитации и прессинга правопопулистская партия «АдГ» смогла продемонстрировать неплохие электоральные результаты. Подобная ситуация позволяет предположить, что в среднесрочной перспективе традиционные политические силы будут вынуждены пересмотреть позицию «бойкота» в пользу поиска вариантов диалога с правыми популистами, первоначально на базовом – коммунальном уровне.

Как следует из Коалиционного соглашения, новое Федеральное правительство будет учитывать избранный ранее миграционный курс с фокусом на комплексный подход, который подразумевает расширение кооперации со странами-исхода, упорядоченный прием беженцев из кризисных регионов, привлечение иностранных квалифицированных специалистов на рынок труда, поэтапную интеграцию в социум, в т. ч. за счет изучения немецкого языка. В сфере безопасности основные направления – противодействие нелегальной миграции, упорядочение системы реадмиссии, борьба с этнической преступностью и формированием радикальных тенденций в обществе. На фоне демографических трансформаций и усиления запроса на расширение прав выходцев из семей с миграционным фоном востребована интенсификация взаимодействия с данной социальной группой, включая привлечение наиболее перспективной молодежи к активному участию в общественно-политической жизни.

Список литературы

1. Торлак Э., Витт В., Керрле Э., Прюмм К., Крайенбринк А., Ворбс С., Шимани П. [Torlak E., Vitt V., Currel E., Prüm K., Kreienbrink A., Worbs S., Schimany P.] Влияние иммиграции на немецкое общество: вклад Германии в пилотное исследование «Влияние иммиграции на европейские общества» в рамках Европейской миграционной сети [Der Einfluss von Zuwanderung auf die deutsche Gesellschaft: deutscher Beitrag zur Pilotforschungsstudie “The Impact of Immigration on Europe’s Societies” im Rahmen des Europäischen Migrationsnetzwerks]. – Нюрнберг [Nürnberg]: Федеральное ведомство по вопросам миграции и беженцев [Bundesamt für Migration und Flüchtlinge], 2005. – 104 с. – ISBN: 3-9807743-5-X. (На нем.)
2. Ишингер В. [Ischinger W.] Мир в опасности: Германия и Европа в смутные времена [Welt in Gefahr: Deutschland und Europa in unsicheren Zeiten]. – Берлин [Berlin]: Econ, 2018. – 304 с. – ISBN: 9783430202497. (На нем.)
3. Тимошенкова Е. П. Особенности партийно-политического развития ФРГ и миграционный кризис 2015–2016 гг. // Трансформация партийно-политического ландшафта в странах Евросоюза в условиях кризиса. Ч. I / [отв. ред. Б. П. Гуселетов]. – М.: Ин-т Европы РАН, 2017. – 142 с. – (Доклады Института Европы № 337). – ISBN 978-5-98163-084-2.
4. Пфаль-Траубер А. [Pfalh-Traughber A.] АдГ и правый экстремизм: Анализ с точки зрения политологии [Die AfD und der Rechtsextremismus: Eine Analyse aus politikwissenschaftlicher Perspektive]. – Wiesbaden: Springer, 2019. – 60 с. – ISBN: 978-3-658-25180-2. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-658-25180-2>. (На нем.)
5. Хангер У., Ротер С. [Hunger U., Rother S.] Международная миграционная политика [Internationale Migrationspolitik]. – Констанц [Konstanz]: Издательство UVK [UVK Verlag], 2021. – 368 с. – ISBN: 9783825246563. (На нем.)
6. Рязанцев С. В., Письменная Е. Е., Воробьева О. Д. Евроазиатский миграционный коридор: теоретические аспекты, оценки масштабов и ключевые характеристики // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2020. № 4. С. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-4-01>.
7. Волох В. А. Новая Россия: политика и управление миграционными процессами: монография / В. А. Волох; НП «Центральный Дом адвоката», Московское бюро по правам человека. – Самара: БАХРАХ-М, 2015. – 191 с. – ISBN 978-5-94648-115-1.
8. Бен Слама Х., Кеммесис У. [Ben Slama H., Kemmesies U.] Справочник по предотвращению экстремизма в обществе в целом. Сквозь все явления [Handbuch Extremismuspraevention Gesamtgesellschaftlich. Phaenomenuebergreifend]. – Висбаден [Wiesbaden]: Федеральное управление уголовной полиции [Bundeskriminalamt], 2020. – 755 с. – ISBN: 9-783981-846959. (На нем.)
9. Лютге К., Эсфельд М. [Lütge C., Esfeld M.] А свобода? [Und die Freiheit?] – Мюнхен [Munich]: Riva, 2021. – 128 с. – ISBN: 978-3-7423-1909-8. (На нем.)
10. Научный рецензируемый журнал «Научное обозрение». Серия 1. Экономика и право». 2020. № 3. (COVID-19 и мобильность) / Под ред. чл.-кор. РАН С. В. Рязанцева. – М.: «Экономическое образование», 2020. – 205 с. DOI: <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3>.

Сведения об авторе:

Надежин Александр Евгеньевич, кандидат политических наук, первый секретарь Посольства России в ФРГ, Берлин, Германия.

Контактная информация: e-mail: 3039210@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-4294-5972; РИНЦ Author ID: 1140825; Web of Science Researcher ID: AAD-5855-2022.

Статья поступила в редакцию 02.12.2021; принята в печать 01.02.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

CONTEMPORARY MIGRATION IN GERMANY: FEATURES AND TRENDS

Alexander E. Nadezhdin

Russian Embassy to Germany, Berlin, Germany

E-mail: 3039210@mail.ru

For citation: Alexander E. Nadezhdin. Contemporary Migration in Germany: Features and Trends. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2. No. 1. Pp. 163–174. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.13>

Abstract. The article is dedicated to the current migration situation in Germany. In terms of foreign policy, the author analyses Berlin's approaches to a migration regulation amid growing external pressure on the EU. In fact, Germany is again in the eye of the storm due to the increasing number of potential refugees from troubled regions, including the flow of migrants from Belarus to Poland, and expanding secondary migration. Germany's activities, which are aimed at finding solutions to current challenges (situation in Afghanistan, Belarus, etc.) confirm its interest in shaping new directions of migration policy as a coordinating force of the EU. As for domestic policy, the author studies the relationship between migration processes and electoral campaigns in Germany. Emphasis is made on the German federal election, which ends Merkel's almost 16-year tenure. The article dwells upon a modern party landscape with a focus on Alternative for Germany and suggests possible scenarios for internal political changes related to a migration factor. The topical issues of the migration agenda, which must be solved by the new federal government, are raised in the context of demographic transformations in the society, the COVID-19 pandemic and other developments. The findings and conclusions of this article are of interest to scientists, experts as well as to the representatives of state authorities, which develop and implement migration policy.

Keywords: migration crisis, Belarus, elections, Alternative for Germany party, COVID-19, national security.

References

1. Torlak E., Vitt V., Currel E., Prüm K., Kreienbrink A., Worbs S., Schimany P. *The impact of immigration on Germany's society: the German contribution to the pilot research study "The impact of immigration on Europe's societies" within the framework of the European Migration Network [Der Einfluss von Zuwanderung auf die deutsche Gesellschaft: deutscher Beitrag zur Pilotforschungsstudie "The Impact of Immigration on Europe's Societies" im Rahmen des Europäischen Migrationsnetzwerks]*. Nürnberg: Federal Office for Migration and Refugees, 2005. 104 p. ISBN: 3-9807743-5-X. (In German).
2. Ischinger W. *World in Danger: Germany and Europe in Uncertain Times [Welt in Gefahr: Deutschland und Europa in unsicheren Zeiten]*. Berlin: Econ, 2018. 304 p. ISBN: 9783430202497. (In German).
3. Timoshenkova E. P. Features of Party and Political Development in the FRG in light of the 2015–2016 Migration Crisis. In: *Transformation of the Party and Political Landscape in European Union Countries in the Period of Crisis. Part I / [Ed. B. P. Guseletov]*. – Moscow: Institute of Europe RAS, 2017. 142 p. (Reports of the Institute of Europe No. 337). ISBN 978-5-98163-084-2. (In Russ.)
4. Pfahl-Traughber A. *The AfD and right-wing extremism: An analysis from a political science perspective [Die AfD und der Rechtsextremismus: Eine Analyse aus politikwissenschaftlicher Perspektive]*. Wiesbaden: Springer, 2019. 60 p. ISBN: 978-3-658-25180-2. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-658-25180-2>. (In German).
5. Hunger U., Rother S. *International Migration Policy [Internationale Migrationspolitik]*. Konstanz: UVK Verlag, 2021. 368 p. ISBN: 9783825246563. (In German).
6. Ryazantsev S. V., Pismennaya E. E., Vorob'eva O. D. The Euro-Asian Migration Corridor: Theoretical Aspects, Assess the Magnitude and Key Characteristics. *Scientific Review. Series 1. Economics and Law*. 2020. No. 4. Pp. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-4-01>. (In Russ.)
7. Volokh V. A. *Novaya Rossiya: politika i upravleniye migratsionnymi protsessami [New Russia: policy and management of migration processes]*: monograph / V. A. Volokh; NP Tsentralny Dom advokata, Moskovskoye byuro po pravam cheloveka. Samara: BAHRAKH-M, 2015. 191 p. ISBN 978-5-94648-115-1. (In Russ.)
8. Ben Slama H., Kemmesies U. *Handbook for preventing extremism in society as a whole. Cross-phenomenon [Handbuch Extremismuspraevention Gesamtgesellschaftlich. Phaenomenuebergreifend]*. Wiesbaden: Federal Criminal Police Office [Bundeskriminalamt], 2020. 755 p. ISBN: 9-783981-846959. (In German).

9. Lütge C., Esfeld M. *And the Freedom? [Und die Freiheit?]* Munich: Riva, 2021. 128 p. ISBN: 978-3-7423-1909-8. (In German).

10. *Scientific peer-reviewed journal "Scientific Review". Series 1. Economics and Law.* 2020. No. 3. (COVID-19 and Mobility) / Ed. RAS Corresponding Member S. V. Ryazantsev. Moscow: Economic education Publishing House, 2020. 205 p. DOI: <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3>. (In Russ.)

Bio note:

Alexander E Nadezhdin, Candidate of Political Sciences, First Secretary, Russian Embassy to Germany, Berlin, Germany.

Contact information: e-mail: 3039210@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-4294-5972; RSCI Author ID: 1140825; Web of Science Researcher ID: AAD-5855-2022.

Received on 02.12.2021; accepted for publication on 01.02.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИИ О ПОВЫШЕНИИ УРОВНЯ МОРЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ НАМЕРЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ ВЬЕТНАМА

Нгуен Тхи Минь Хоа

Университет труда и социальных дел, Ханой, Вьетнам

E-mail: nguenthiminhhoa1212@yahoo.com

Ха Туан Ань

Национальный Экономический Университет, Ханой, Вьетнам

E-mail: havietnga03@neu.edu.vn

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.14>

Для цитирования: Нгуен Тхи Минь Хоа, Ха Туан Ань. Влияние информации о повышении уровня моря на формирование миграционных намерений населения Вьетнама // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 1. С. 175–190.
DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.14>

Аннотация. Миграция населения, связанная с изменением климата и экстремальными погодными условиями, включая повышение уровня моря, вызывает растущую озабоченность. Хотя повышение уровня моря не является основной причиной миграции, нельзя отрицать его значимость как выталкивающего фактора. По мнению экспертов, роль опасных природных явлений, таких как повышение уровня моря, в формировании миграционных потоков в будущем значительно возрастет по сравнению с другими причинами миграции, например, такими как терроризм и вооруженные столкновения. Подобная тенденция обусловлена негативным воздействием изменения климата, которое будет постепенно усугубляться. Однако люди, особенно в развивающихся странах, таких как Вьетнам, до сих пор не понимают всей опасности наводнений, вызываемых повышением уровня моря, поэтому их реакция часто пассивна и нерациональна. По разным оценкам, во Вьетнаме около 31 млн человек, или порядка трети населения, могут пострадать от повышения уровня моря к 2050 году. Это может привести к переселению пострадавших на другие территории и росту числа так называемых «климатических беженцев» в будущем. Используя некоторые данные из базы обследований на индивидуальном уровне, проводившихся в рамках Индекса эффективности провинциального административно-государственного управления (РАР) во Вьетнаме за 2020 г., в настоящей статье оценивается роль информации о повышении уровня моря в формировании миграционных намерений населения. Объем выборки составляет 7 468 человек. Обследования проводились по всей стране с использованием пяти различных вариантов опроса для пяти случайно выбранных групп респондентов. Результаты анализа с использованием регрессионных моделей показывают, что существует сильная корреляция между уровнем беспокойности по поводу наводнений и готовностью к переезду на новое место жительства. В частности, вне зависимости от демографических характеристик респондентов, их уровня доходов и т. д., полнота и ясность информации о повышении уровня моря имеют тенденцию повышать мобильность людей при реагировании на наводнения. Из этого следует, что увеличение объема информации о повышении уровня моря поможет улучшить понимание рисков наводнений и изменения климата со стороны населения, что позволит ему принимать информированные решения и будет способствовать снижению таких рисков.

Ключевые слова: миграция, повышение уровня моря, изменение климата, информация, снижение рисков, Вьетнам.

Введение

Стихийные бедствия, такие как наводнения, происходят все чаще и наносят все больший ущерб здоровью людей, экономике, инфраструктуре пострадавших сообществ. Сегодня не только развивающиеся страны, но и весь мир так или иначе подвержен воздействию негативных последствий изменения климата. Последние прогнозы указывают на значительное увеличение частоты и интенсивности наводнений на глобальном уровне вследствие изменения климата [1; 2].

Экстремальные погодные условия требуют усилий не только от правительств и организаций, но и от отдельных лиц для выработки эффективного адаптивного поведения. Однако люди, похоже, недооценивают климатические риски, поэтому страдают от их неблагоприятных последствий. В Соединенных Штатах Америки наводнения стали вторым по значимости опасным природным явлением за 30 лет с 1988 по 2017 гг. [3]. Изменение климата будет только увеличивать подобные риски по мере нарастания масштабов и учащения экстремальных погодных явлений [4; 5; 6].

Исследования влияния климата на жизнь общества обычно опираются на различные наборы данных о повышении уровня моря, экстремальных погодных условиях в прибрежных зонах, размещении населения, вариантах адаптации и сценариях экономических изменений. В начале 1990-х гг. в рамках глобальной оценки уязвимости было подсчитано, что 200–250 млн человек в год страдают от прибрежных наводнений, поскольку проживают в местностях, расположенных ниже безопасных высот над уровнем моря [7]. Однако в 2019 г. Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК) оценила это число в 680 млн человек, которые в настоящее время проживают в низинных прибрежных районах, и прогнозируется, что к 2050 г. их численность достигнет более одного миллиарда человек во всем мире [8].

Во Вьетнаме, стране с протяженной береговой линией, расположенной в тропическом муссонном поясе, где часты тропические штормы, ситуация также вызывает серьезное беспокойство. По разным оценкам, около 31 млн человек, или порядка трети населения страны, могут пострадать от повышения уровня моря к 2050 г. [8]. Например, повышение уровня моря представляет серьезную опасность для Хошимина – крупнейшего города Вьетнама с точки зрения численности населения и масштабов урбанизации, который также является экономическим, политическим, культурным и образовательным центром. Статистика показывает, что если в 2009 г. в Хошимине регулярно затоплялись 154 из 322 коммун, занимающие площадь около 108 309 га (54% площади города), то к 2050 г. прогнозируется, что их количество увеличится до 177 коммун, с постоянной затопляемой площадью 123 152 га, что составляет 61% площади города [9].

Переезд населения из прибрежных затопляемых зон на другие территории рассматривается как стратегия адаптации к повышению уровня моря, равно как и к другим опасностям, порожденным изменением климата и деградацией окружающей среды [10]; в некоторых случаях миграция оценивается как единственный выход [11]. С другой стороны, прогнозируется, что к 2100 г. будут вынуждены мигрировать до 500 тыс. человек, проживающих в малых островных государствах, подверженных риску затопления, что приведет к полной утрате значительных территорий таких стран [12]. Это будет способствовать увеличению числа так называемых «климатических беженцев» [13; 14], т. е. населения, которое будет вынуждено переселиться в другие страны по причинам, связанным с изменением климата.

При этом серьезной проблемой становится то, что люди, неверно оценивающие климатические риски, могут подвергнуть опасности свою жизнь в настоящем, а также не осознают, насколько большую угрозу экстремальные погодные условия могут представлять для них в будущем. Согласно некоторым исследованиям [15], источники информации об изменении климата во многом определяют восприятие подобных рисков общественностью, особенно когда есть доступ к надежным сведениям через СМИ или академические публикации.

Возможности и характер адаптивного реагирования зависят от доступа отдельных лиц, домохозяйств или сообществ к информации о климатических рисках и соответствующих ответных мерах. Информация об изменении климата и его последствиях должна быть точной, актуальной, доступной и надежной [16; 17].

Основная цель нашего исследования состоит в том, чтобы определить, каким образом предоставление различных типов информации о повышении уровня моря соотносится с намерением людей переехать в случае опасности наводнения.

Чтобы ответить на этот вопрос, в исследовании анализируются данные Индекса эффективности провинциального административно-государственного управления (РАPI) во Вьетнаме за 2020 г. [18], который включает дополнительный раздел, связанный с информацией о повышении уровня моря и миграционных намерениях населения, с репрезентативной выборкой около 7 470 респондентов.

Хотя выводы нашего исследования основаны на вьетнамском опыте, они в целом имеют отношение к текущей ситуации во многих развивающихся странах и разворачивающейся там дискуссии о роли информации по климатическим рискам в реакции на них населения. Полученные нами результаты показывают, что улучшение качества информации о повышении уровня моря, ее прозрачность, полнота и ясность имеют тенденцию повышать готовность населения к переезду в случае опасности, тем самым помогая ориентироваться и заблаговременно готовиться к борьбе с будущими наводнениями.

В следующем разделе дается краткий обзор литературы по миграции, связанной с повышением уровня моря, и факторам, которые могут повлиять на мобильность людей, причем особое внимание уделяется роли информации. Далее представлены данные, аналитические методы, результаты и выводы.

Теоретическая база исследования

1. Последствия повышения уровня моря и миграция населения

Повышение уровня моря и приливы, прибрежная эрозия и засоление пресноводных водоемов в первую очередь затронут людей, живущих в прибрежных районах на малых высотах и на малых островах. В частности, повышение уровня моря будет угрожать жизни людей, живущих на более низких высотах, в течение нескольких десятилетий, хотя трудно предсказать точную продолжительность и определить меры адаптации, которые могут сдержать миграцию [19; 20]. Некоторые островные государства, такие как Кирибати, Тувалу и Мальдивы, расположены на высоте всего в несколько сантиметров над уровнем моря. Кроме того, у них нет финансовых ресурсов для реализации программ защиты прибрежных районов, поэтому они очень уязвимы к изменению климата. Региональные различия, сложность предсказания опасных природных явлений и вопросы развития инфраструктуры для защиты от наводнений затрудняют прогнозирование будущих последствий изменения климата [20].

Однако имеющиеся прогнозы говорят о том, что в будущем риски повышения уровня моря однозначно усугубятся. С одной стороны, по данным МГЭИК [21], уровень моря повысится на 18–59 см в период с 1990 по 2095 гг. С другой стороны, по миру плотность населения в прибрежных районах почти в три раза выше средней [22]. Кроме того, население этих районов растёт вдвое быстрее, чем население мира [23].

Согласно результатам некоторых исследований влияния изменения климата на миграцию, если уровень моря поднимется на 1 метр, то во Вьетнаме более 7 млн чело-

век будут вынуждены эвакуироваться, дома более 14,2 млн человек и половина пахотных земель в дельте Меконга (Южный Вьетнам) будут затоплены [24].

Поскольку скорость повышения уровня моря изменяется со временем, точный прогноз по времени затруднителен в силу постоянного изменения переменных. В отличие от наводнения, повышение уровня моря – это медленный и непрерывный процесс. Кроме того, он вызывает эрозию береговой линии, что позволяет волнам приближаться еще больше, вымывая поверхность пляжа [25].

Как уже отмечали исследователи [напр., 25], механизм воздействия повышения уровня моря на миграцию легко понять просто потому, что потеря земель неизбежно приводит к миграции людей. Миграция как стратегия адаптации более важна в случае повышения уровня моря, чем в случае наводнений. Хотя наводнения и наносят ущерб сообществам, проживающим в поймах рек, но их последствия не обязательно приводят к переезду населения с этих территорий; зачастую люди возвращаются на прежнее место жительства после того, как вода отступит. Но в прибрежных зонах адаптироваться к повышению уровня моря невозможно ни в каком виде, поскольку земли и имущество их жителей могут быть безвозвратно потеряны, прямым следствием чего и становится миграция [26]. Вероятно, это одна из причин того, почему во многих публикациях об «экологических беженцах» связь между повышением уровня моря и миграцией считается само собой разумеющейся. Согласно данным анализа [27], у жителей прибрежных районов, находящихся под угрозой перманентного затопления, не будет другого выбора, кроме как двинуться дальше вглубь суши. Поэтому мы выдвигаем гипотезу:

Н1. Уровень обеспокоенности населения по поводу повышения уровня моря положительно коррелирует с намерением навсегда переехать в другое место.

2. Влияние информации об изменении климата на миграционные намерения населения

Во многих исследованиях подчеркивается роль информации в формировании отношения людей к различным процессам, в том числе и в области изменения климата. Результаты исследований, проведенных независимо несколькими учеными [28; 29], показали, что, если люди недостаточно знают о погодных рисках, то они могут не полностью осознавать конкретные последствия изменения климата для своего будущего, поэтому они продолжают воспринимать угрозы, связанные с изменением климата, психологически отстраненно и неоднозначно.

Отсутствие знаний об экстремальных погодных условиях и изменении климата часто приводит к искаженному восприятию риска стихийных бедствий [30; 31; 32]. Как следствие, люди будут выбирать неправильные стратегии адаптации. И наоборот, когда люди обладают знаниями и информацией, которые помогают прогнозировать и верно оценивать погодные риски, они будут выбирать рациональные ответы на данный вызов [33].

Есть некоторые свидетельства того, что распространение научно обоснованной информации об изменении климата меняет восприятие людей и побуждает их принимать более осознанные ответные меры. Так, например, фермеры традиционно полагались на наблюдения за природными явлениями для прогнозирования погодных условий, но они потеряли уверенность в точности подобных предсказаний из-за изменения климатических режимов и были вынуждены обратиться к использованию научной информации [34]. Когда происходят социокультурные изменения, и люди получают доступ к большему объему информации, в том числе и к информации об

изменении климата, то они склонны переходить от традиционных эмпирических практик к использованию точных индикаторов в сельскохозяйственном производстве [35].

Информация о повышении уровня моря также чрезвычайно важна, она служит основой для создания базы знаний, которые определяют, какие действия правительство и население будут предпринимать в целях адаптации. Конечно, побудить кого-либо к конкретным действиям не так просто, как обеспечить наличие адекватной информации, однако именно информация дает возможность принимать осознанные решения [36]. Есть свидетельства того, что, если люди лучше понимают масштабы и скорость повышения уровня моря, прогнозируемые в этом столетии и далее, то они с большей готовностью будут принимать ответные меры по смягчению последствий [37]. Таким образом, предоставление широкой общественности информации о повышении уровня моря и его последствиях позволит ей участвовать в принятии решений, что касается и миграционных намерений. Итак, выдвигается гипотеза:

H2. Наличие четкой и полной информация о повышении уровня моря положительно коррелирует с намерением населения навсегда переехать в другое место.

3. Некоторые факторы, влияющие на миграцию

Обзор научной литературы по миграции показывает, что на мобильность населения влияет целый ряд факторов [24; 18 и др.], в частности, такие его характеристики как:

- пол: в силу социальных норм мужчинам проще мигрировать, чем женщинам;
- возраст: молодые люди более склонны к риску, с которым всегда сопряжена миграция;
- толерантность к риску: в целом, люди, которые легче идут на риск, более склонны к миграции;
- доход: люди с низким доходом, как правило, больше хотят мигрировать, но, с другой стороны, у них может не хватать средств для переезда;
- уровень образования: люди с высшим образованием могут мигрировать в поисках новых возможностей и более высоких доходов, к тому же они лучше осведомлены о возможностях в других местах;
- семейное положение: людям с семьями и детьми труднее мигрировать;
- социальные связи: наличие членов семьи или знакомых в другом месте позволяет получать от них информацию, что формирует социальные сети мигрантов;
- место проживания: люди, живущие в сельской местности, часто переезжают в города в поисках возможностей трудоустройства.

Механизмы воздействия перечисленных факторов на мобильность населения хорошо изучены и широко известны. Например, исследования, посвященные гендерным вопросам, часто указывают на различия в возможностях трудоустройства для мужчин и женщин, а также в применяемых к ним социальных нормах культуры [38; 39]. Изменение окружающей среды также по-разному оценивается мужчинами и женщинами при принятии решения о миграции [40]. В исследованиях, посвященных проблемам управления миграцией, нередко звучит озабоченность тем, что города в странах с низким уровнем дохода сталкиваются с «двойным риском»: неконтролируемой миграцией из сельских в городские районы и возрастающими угрозами, связанными с экологической ситуацией [41].

Таким образом, при анализе миграционных намерений населения в контексте повышения уровня моря вышеуказанные факторы необходимо включить в модель контроля, чтобы определить, какие характеристики мигрантов превалируют, и количественно оценить роль этих факторов.

Материалы и методы

Данные, используемые для эмпирического анализа, представляют собой подмножество, составляющее 50% от общей выборки (7 468 человек) Вьетнамского исследования Индекса Эффективности Провинциального Административно-государственного Управления (РАPI) за 2020 г. [18]. Опросы были проведены во Вьетнаме совместно Центром Исследований и Разработок в Поддержку Сообщества (CECODES) Вьетнамского Союза Научно-технических Ассоциаций, Центром Подготовки Кадров и Научных Исследований Отечественного Фронта Вьетнама (Frontland) и Программой Развития Организации Объединенных Наций (ПРООН). Это ежегодное национальное исследование опыта в сфере государственного управления. Шансы быть выбранными для участия в опросе зависят от доли населения страны, проживающего на той или иной территории. Опрос проводится ежегодно, начиная с 2011 г., во всех 63 провинциях и городах Вьетнама, при этом количество обследованных территорий составляет 208 округов/районов, 416 коммун и 832 деревни/населенных пункта (в 2020 г.). Ежегодно более 14 тыс. человек (в 2020 г. – 14 732 человека) в возрасте 18 лет и старше случайным образом отбираются для участия в исследовании. В 2020 г. опрос был впервые дополнен компонентом, связанным с воздействием изменения климата (в частности, информацией о повышении уровня моря) на желание людей мигрировать. Описание переменных, используемых в модели, представлено в таблице 1.

Таблица 1.

Описание переменных

Table 1.

Description of the variables

Переменная	Описание	Шкала
Демографические		
Возраст	Фактический возраст	18 лет и старше, в годах
Пол	Пол респондента	Мужской (1), женский (0)
Национальность	Национальность респондента	Кинь (1), национальные меньшинства (0)
Тип поселения	Текущее место жительства: в городской или сельской местности	Городской (1), село (0)
Статус проживания	Статус проживания резидента: постоянный или временный	Постоянный (1), временный (0)
В настоящее время проживает в районе, который, как ожидается, будет затоплен в будущем (по прогнозам МГЭИК)	Расположение текущего места жительства в подобном районе	Да (1), нет (0)
Число членов домохозяйства	Количество людей в семье	Количество людей в семье, человек
Наличие детей младше 14 лет	Есть ли в семье дети в возрасте 14 лет и младше	Да (1), нет (0)

Переменная	Описание	Шкала
Уровень образования	Самый высокий уровень образования, полученный респондентом	От 1 до 10 (1 = еще не посещал школу, 10 = имеет диплом о высшем образовании)
Доход	Средний ежемесячный доход семьи	От 1 до 101 (группы по доходам соответственно от 2 млн донгов в мес. до 200 млн донгов в мес.)
Отношение к риску	Косвенно измеряется готовностью потратить состояние на лотерею с вероятностью выигрыша в 1%	От 0 до 5 (0 = не готов играть в лотерею, 5 = готов потратить до 200 тыс. донгов)
Наличие родственников, проживающих в другой провинции или другом городе	Наличие у респондента родственников в другой провинции или другом городе	Да (1), нет (0)
Воздействие наводнения		
Обеспокоенность по поводу повышения уровня моря	Уровень обеспокоенности по поводу воздействия наводнений на жизнь респондента в будущем	От 0 до 10 (0 = совсем не беспокоит, 10 = очень беспокоит)
Миграционные намерения		
Готовность безвозвратно мигрировать в другую провинцию или другой город	Уровень готовности переехать навсегда в другую провинцию или другой город	От 0 до 10 (0 = никогда не буду переезжать, 10 = определенно готов переехать)

Источник: RAPI Toolkit [18], некоторые переменные перекодированы.

Чтобы оценить желание людей мигрировать при повышении уровня моря под воздействием изменения климата, случайным образом было выбрано около 50% от общей выборки исследования RAPI [18], а именно 7 468 респондентов. Эта выборка также случайным образом была разделена на пять групп, и каждая группа получила свой вариант вопроса обследования с различной информацией о повышении уровня моря во Вьетнаме (см. табл. 2). После получения этой информации респондентам из всех пяти групп было предложено оценить свой уровень обеспокоенности по поводу воздействия наводнений на их жизнь в будущем по шкале от 0 до 10 (где 0 – «совсем не беспокоит», а 10 – «крайне обеспокоен»).

Таблица 2.

Варианты вопросов обследования, связанных с повышением уровня моря

Table 2.

Options for survey questions related to sea level rise

Версия	Описание
Вариант А (PA_A) (подвыборка = 20%), контрольная группа	Информация о повышении уровня моря во Вьетнаме недоступна для контрольной группы (группа, не получающая дополнительной информации)
Вариант В (PA_B) (подвыборка = 20%)	Получение дополнительной информации, подчеркивающей риски повышения уровня моря в результате изменения климата к 2050 г.

Версия	Описание
Вариант С (PA_C) (подвыборка = 20%)	Получение информации, подчеркивающей риск повышения уровня моря в результате изменения климата к 2050 г. (аналогично второй группе – PA_B), а также содержащей карту МГЭИК, на которой четко показаны районы, которые могут быть затоплены в результате повышения уровня моря (см. рис. 1).
Вариант D (PA_D) (подвыборка = 20%)	Получение информации, подчеркивающей риски повышения уровня моря в результате изменения климата к 2050 г. (аналогично второй группе – PA_B), а также дополнительной информации о том, что вьетнамский чиновник выразил озабоченность по поводу того, что выводы МГЭИК не имеют научного подтверждения
Вариант E (PA_E) (подвыборка = 20%)	Получение всей информации, которая была предоставлена трем вышеуказанным группам: 1) информации, подчеркивающей риски повышения уровня моря в результате изменения климата к 2050 г.; 2) карты МГЭИК, на которой четко показаны районы, которые могут быть затоплены в результате повышения уровня моря; 3) высказывания вьетнамского чиновника, выразившего обеспокоенность тем, что выводы МГЭИК не имеют научного подтверждения

Источник: PAPI Toolkit [18].

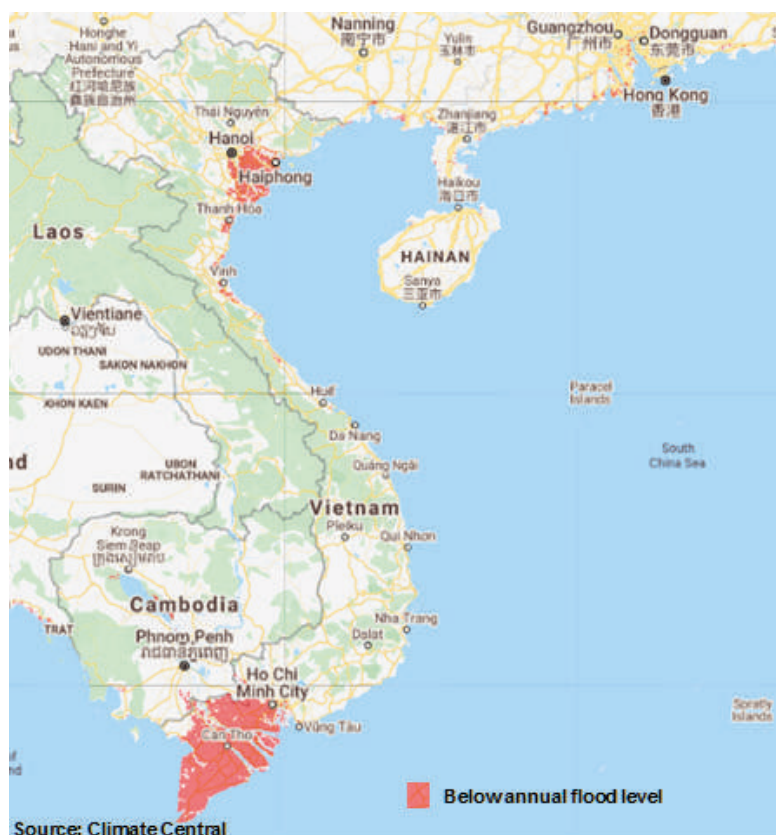

Рис. 1. Карта районов Вьетнама, которые могут быть затоплены в результате повышения уровня моря к 2050 г.

Fig. 1. Map of Vietnam areas that are likely to be flooded by sea level rise by 2050

Следует заметить, что некоторые исследователи показали, что противоречивые мнения, высказываемые авторитетными фигурами или экспертами, могут негативно повлиять на консенсус в отношении результатов научных исследований [18]. Именно поэтому команда разработчиков исследования RAPI добавила информацию о скептицизме вьетнамского чиновника относительно выводов МГЭИК. Следовательно, необходимо провести оценку влияния возражений на восприятие научной информации, поскольку лицо, выражающее сомнения, может иметь определенную мотивацию [18].

Анализ данных

1. Характеристики респондентов

Большинство респондентов составляют женщины (53,2%), этнические кинхи (84,0%), проживающие в городской местности (60,2%), в семьях с детьми до 14 лет (53,4%) и имеющие аттестат о среднем образовании (28,9%). Подавляющее большинство из них в настоящее время постоянно проживают на исследуемой территории (97,8%). 48,5% из них имеют родственников, проживающих в настоящее время в другой провинции или другом городе.

Средний возраст респондентов – 48,4 года (самому младшему – 18 лет, самому старшему – 91 год). Среднее число членов домохозяйства составляет 4,46 человека (минимум – 1 человек, максимум – 21 человек). Средние ежемесячные доходы домохозяйств объединены по интервалам в 12–14 млн донгов (около 530–620 долларов США) (самый низкий – 2 млн донгов в месяц, а самый высокий – свыше 200 млн донгов в месяц).

Соотнеся информацию о местах проживания опрошенных с картой МГЭИК, мы обнаружили, что 35,4% респондентов в настоящее время проживают в районах, которые, согласно прогнозам, будут затоплены из-за повышения уровня моря к 2050 г.

Все пять подгрупп респондентов (по каждому варианту опроса) имеют довольно схожую структуру выборки из-за гарантированного случайного распределения (см. табл. 3), что делает сопоставимыми результаты опроса каждой из групп и позволяет провести сравнение.

Таблица 3.

Структура выборки обследования в соответствии с вариантами

Table 3.

Survey sample design by options

Критерии		Вариант					Всего
		PA_A	PA_B	PA_C	PA_D	PA_E	
Пол	Женский	52,3	54,4	52,5	52,8	53,9	53,2
	Мужской	47,7	45,6	47,5	47,2	46,1	46,8
Национальность	Национальные меньшинства	15,5	15,1	16,4	17,6	15,6	16,0
	Кинь	84,5	84,9	83,6	82,4	84,4	84,0
Тип поселения	Сельское	37,7	39,9	39,6	39,9	41,7	39,8
	Городское	62,3	60,1	60,4	60,1	58,3	60,2
Статус проживания	Временный	2,4	2,6	2,0	2,1	1,7	2,2
	Постоянный	97,6	97,4	98,0	97,9	98,3	97,8

Проживает в районе, который может быть затоплен (по прогнозам МГЭИК)	Нет	65,0	61,1	64,3	67,4	65,1	64,6
	Да	35,0	38,9	35,7	32,6	34,9	35,4
Наличие в семье детей младше 14 лет	Нет	47,0	47,5	45,1	46,5	47,1	46,7
	Да	53,0	52,5	54,9	53,5	52,9	53,4
Наличие родственников в другой провинции/городе	Нет	51,8	50,3	50,6	53,2	51,8	51,6
	Да	48,2	49,7	49,4	46,8	48,2	48,5
Уровень образования	Дошкольное	10,7	10,6	12,6	13,2	11,7	11,8
	Начальное	19,9	20,4	18,4	19,4	19,9	19,6
	Основное	29,9	28,7	28,6	28,4	28,9	28,9
	Среднее	23,7	24,9	24,2	24,7	24,1	24,3
	Профессиональное или высшее	15,8	15,5	16,2	14,3	15,4	15,4
Число респондентов		1 473	1 517	1 485	1 502	1 491	7 468

2. Изменение миграционных намерений респондентов после получения информации о повышении уровня моря

Контрольная группа PA_A, не получившая информации о повышении уровня моря, показала наиболее низкую готовность к переезду (всего 7,6%). Доля респондентов, выразивших желание мигрировать, значительно увеличилась, когда им была предоставлена дополнительная информация об изменении климата. После получения дополнительной информации о возможности наводнения из-за повышения уровня моря в группе PA_B доля респондентов, готовых сменить место жительства, увеличилась до 12,3%. Однако добавление карты, показывающей районы, которые с большей вероятностью будут затоплены, не привело к значительному увеличению процента людей, желающих мигрировать. В группе PA_C их доля составила 12,8%. Как и ожидалось, информация о том, что чиновник выразил сомнения по поводу обоснованности результатов исследования МГЭИК, привела к снижению миграционных настроений у группы PA_D до 10,8%. Однако, когда была добавлена также карта затопленных территорий, процент людей, желающих переехать, снова увеличился до 13,2% в группе PA_E (см. рис. 2) [18].

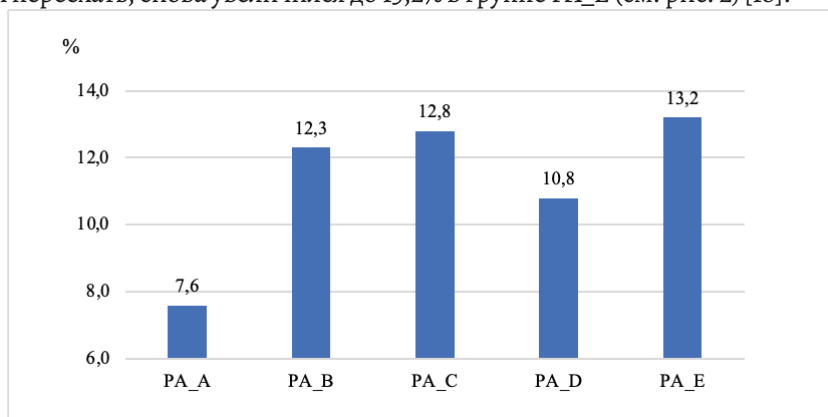

Рис. 2. Процент людей, желающих мигрировать, до и после получения информации о повышении уровня моря

Fig. 2. Percentage of people willing to migrate before and after receiving information about sea level rise

3. Модель для оценки влияния обеспокоенности по поводу повышения уровня моря на миграционные настроения населения в зависимости от полученной информации

Для проверки гипотезы H1 использовались пять многомерных регрессионных моделей для пяти групп респондентов (в зависимости от полученной ими информации о повышении уровня моря). Демографические переменные контролировались, чтобы исключить их влияние на оценку готовности респондентов мигрировать в другие провинции и города в зависимости от уровня их обеспокоенности по поводу повышения уровня моря в будущем (см. табл. 4).

Таблица 4.

Влияние уровня обеспокоенности по поводу повышения уровня моря на желание мигрировать

Table 4.

Impact of the degree of concern about the sea level rise on intention to migrate

Зависимая переменная: Уровень готовности навсегда переехать в другую провинцию/город	Модель 1 РА_A		Модель 2 РА_B		Модель 3 РА_C		Модель 4 РА_D		Модель 5 РА_E	
Возраст	-0.048		-0.015		-0.053	a	-0.046		.027	
Пол Фиктивная переменная: мужской (1), женский (0)	.037		.022		.068	*	.039		.017	
Национальность Фиктивная переменная: кинь (1), национальные меньшинства (0)	.005		-0.002		-0.074	*	.079	**	.039	
Тип поселения Фиктивная переменная: городское (1), сельское (0)	.017		-0.073	*	-0.016		.002		-0.054	a
Статус проживания Фиктивная переменная: постоянный (1), временный (0)	-0.104	***	-0.045		-0.106	***	-0.010		-0.020	
Число членов домохозяйства	.019		-0.031		.015		.005		.056	a
Уровень образования	-0.041		.007		.007		-0.033		.041	
Доход	.025		-0.039		-0.010		-0.009		.023	
Отношение к риску	.046	a	.051	a	.084	**	.020		.078	**
Наличие в семье детей младше 14 лет Фиктивная переменная: да (1), нет (0)	-0.045		-0.018		-0.037		-0.029		-0.086	**
Проживание в районе, который может быть затоплен Фиктивная переменная: да (1), нет (0)	-0.037		-0.014		.060	*	-0.011		.081	**
Наличие родственников в другой провинции/городе Фиктивная переменная: да (1), нет (0)	.023		.021		.020		.041		.008	
Степень обеспокоенности по поводу наводнений	.090	***	.104	***	.116	***	.123	***	.133	***
Скорректированный R2	.020	***	.019	***	.041	***	.017	***	.032	***
Количество респондентов										

Примечание: ^a p < 0,1; * p < 0,05; ** p < 0,01; *** p < 0,001

У респондентов из любых групп, в независимости от того, получают они или нет информацию о повышении уровня моря, есть определенные опасения по поводу воздействия наводнений на их жизнь в будущем. Мы проверили модели на мультиколлинеарность, данная проблема отсутствует. Полученные результаты показывают,

что чем выше уровень обеспокоенности по поводу возможных рисков наводнений, тем выше уровень готовности населения навсегда переехать в другую провинцию или другой город. Данный коэффициент является статистически значимым. Это подтверждает гипотезу H1.

4. Сравнительная модель влияния информации о повышении уровня моря на миграционные намерения в контрольной и прочих группах

Аналогичным образом, для проверки гипотезы H2 использовалась модель многовариантной регрессии и сравнивалась контрольная группа, не получающая информации о повышении уровня моря, с оставшимися четырьмя группами респондентов, получающими различные варианты такой информации (см. табл. 5).

Таблица 5.

Влияние информации о повышении уровня моря на миграционные намерения

Table 5.

Impact of information on sea level rise on intention to migrate

Зависимая переменная: Уровень готовности навсегда переехать в другую провинцию/город	Контрольная модель		Полная модель	
Возраст	.047	***	.046	***
Пол <i>Фиктивная переменная: мужской (1), женский (0)</i>	-.030	*	-.031	*
Национальность <i>Фиктивная переменная: кинь (1), национальные меньшинства (0)</i>	-.017		-.016	
Тип поселения <i>Фиктивная переменная: городское (1), сельское (0)</i>	.019		.017	
Статус проживания <i>Фиктивная переменная: постоянный (1), временный (0)</i>	.059	***	.060	***
Число членов домохозяйства	-.011		-.012	
Уровень образования	-.006		-.005	
Доход	.013		.013	
Отношение к риску	-.088	***	-.087	***
Наличие в семье детей младше 14 лет <i>Фиктивная переменная: да (1), нет (0)</i>	.040	**	.040	**
Проживание в районе, который может быть затоплен <i>Фиктивная переменная: да (1), нет (0)</i>	-.013		-.012	
Наличие родственников в другой провинции/городе <i>Фиктивная переменная: да (1), нет (0)</i>	-.033	**	-.032	**
РА_В Получение информации о повышении уровня моря <i>Фиктивная переменная: да (1), нет (0)</i>			-.068	***
РА_С Получение информации и карты затопляемых районов <i>Фиктивная переменная: да (1), нет (0)</i>			-.064	***
РА_D Получение информации о повышении уровня моря и скептических отзывах вьетнамского чиновника о прогнозе МГЭИК <i>Фиктивная переменная: да (1), нет (0)</i>			-.046	**
РА_E Получение информации, карты затопляемых районов и скептических отзывов вьетнамского чиновника о прогнозе МГЭИК <i>Фиктивная переменная: да (1), нет (0)</i>			-.067	***
R ²	.018	***	.022	***
Изменение R ²			.004	
Скорректированный R ²	.016	***	.020	***

Примечание: ^a $p < 0,1$; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$

В обеих регрессионных моделях (контрольной и полной) мультиколлинеарность не обнаружена. Во всех четырех вариантах, по сравнению с контрольной моделью, когда респондентам не была предоставлена информация о повышении уровня моря

и его последствиях, результаты показывают готовность к переезду на постоянное место жительства в другую провинцию или другой город. Данный коэффициент имеет высокую статистическую значимость. Таким образом, гипотеза H₂ также подтверждается.

Примечательно, что хотя процент людей, желающих мигрировать, не одинаков в разных группах, получивших разные варианты информации, но мы не обнаружили существенной разницы в уровне готовности к переезду в зависимости от того, какую именно информацию респонденты получили.

Выводы

Цель настоящего исследования состояла в том, чтобы эмпирически проверить, связана ли доступность информации о повышении уровня моря и уровень безопасности населения по этому поводу с его миграционными намерениями. Для этого были использованы данные исследования провинциального управления во Вьетнаме (РАР) за 2020 г., предоставленные ПРООН.

Результаты анализа показали: чем более подробная и полная научная информация о повышении уровня моря доступна населению, тем больше она помогает людям укрепить свою готовность к переезду в случае наводнения или иных опасных природных явлений, вызванных изменением климата. С другой стороны, результаты нашего исследования также подтвердили взаимосвязь между уровнем беспокойности респондентов по поводу рисков наводнений для их жизни в будущем и желанием мигрировать из-за повышения уровня моря.

Предоставление полной и четкой информации о проблемах развития общества в целом и в области климатических изменений в частности имеет важное значение, поскольку помогает улучшить понимание обозначенных процессов и повысить осведомленность общественности о рисках экстремальных погодных явлений, тем самым способствуя принятию научно обоснованных ответных мер, направленных на смягчение последствий глобального изменения климата.

Кроме того, необходимо проводить дальнейшие исследования в данной области, поскольку на решения, принимаемые людьми в свете подобных угроз, могут оказывать влияние самые разнообразные факторы. В частности, прогнозы затопления тех или иных территорий в результате повышения уровня моря касаются довольно отдаленного будущего, поэтому общественность может оказаться не в состоянии адекватно оценить потенциальные риски данного процесса в настоящем.

Список литературы

1. Arnell N. W., Gosling S. N. The Impacts of Climate Change on River Flood Risk at the Global Scale. *Climatic Change*. 2016. Vol. 134. Issue 3. Pp. 387–401. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10584-014-1084-5>.
2. Kirezci E., Young I. R., Ranasinghe R., et al. Projections of Global-Scale Extreme Sea Levels and Resulting Episodic Coastal Flooding over the 21st Century. *Scientific Reports*. 2020. Volume 10. Article No. 11629. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-020-67736-6>.
3. Ashley S. T., Ashley W. S. Flood fatalities in the United States. *Journal of Applied Meteorology and Climatology*. 2008. Vol. 47. Issue 3. Pp. 805–818. DOI: <https://doi.org/10.1175/2007JAMC1611.1>.
4. Beniston M., Stephenson D. B., Christensen O. B., et al. Future Extreme Events in European Climate: An Exploration of Regional Climate Model Projections. *Climatic Change*. 2007. Vol. 81. Supplement Issue 1. Pp. 71–95. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10584-006-9226-z>.
5. Coumou D., Rahmstorf S. A Decade of Weather Extremes. *Nature Climate Change*. 2012. Vol. 2. Issue 7. Pp. 491–496. DOI: <https://doi.org/10.1038/nclimate1452>.
6. IPCC. *Managing the Risks of Extreme Events and Disasters to Advance Climate Change Adaptation /*

Field C. B., V. Barros, T. F. Stocker, et al. (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 582 pp. ISBN: 978-1-107-02506-6.

7. Hoozemans F. M. J., Marchand M., Pennekamp H. A. *Sea Level Rise: A Global Vulnerability Assessment. Vulnerability Assessments for Population, Coastal Wetlands and Rice Production on a Global Scale*. Delft: Deltares, 1993. 184 p. URL: <http://resolver.tudelft.nl/uuid:651e894a-9ac6-49bf-b4ca-9aedef51546f>.

8. IPCC. *Special Report on the Ocean and Cryosphere in a Changing Climate* / Pörtner H.-O., D. C. Roberts, V. Masson-Delmotte, et al. (Eds.). Geneva: Intergovernmental Panel on Climate Change, 2019. 755 p. URL: <https://www.ipcc.ch/srocc>.

9. Asian Development Bank. *Ho Chi Minh City Adaptation to Climate Change: Summary Report*. Mandaluyong: Asian Development Bank, 2010. 37 p. ISBN: 978-92-9092-108-0.

10. Myers N. Environmental refugees: a growing phenomenon of the 21st century. *Philosophical Transactions of the Royal Society*. 2002. Vol. 357. Issue 1420. Pp. 609–613. DOI: <https://doi.org/10.1098/rstb.2001.0953>.

11. Hay J., Beniston M. Environmental change and migration. *Tiempo*. 2001. Issue 42. URL: <http://tiempo.sei-international.org/portal/archive/issue42/t42a4.htm>.

12. IPCC. *Climate Change: The IPCC 1990 and 1992 Assessments. IPCC First Assessment Report Overview and Policymaker Summaries and 1992 IPCC Supplement*. Canada: Intergovernmental Panel on Climate Change, 1992. 168 p. ISBN: 0-662-19821-2.

13. Dronkers J., Gilbert J. T. E., Butler L. W., et al. *Strategies for Adaption to Sea Level Rise*. Report of the IPCC Coastal Zone Management Subgroup. Geneva: Intergovernmental Panel on Climate Change, 1990. 131 p. URL: <http://papers.risingsea.net/IPCC-1990-Strategies-for-Adaption-to-Sea-Level-Rise.html>.

14. Lewis J. The Vulnerability of Small Island States to Sea Level Rise: The Need for Holistic Strategies. *Disasters*. 1990. Vol. 14. Issue 3. Pp. 241–248. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-7717.1990.tb01066.x>.

15. Whitmarsh L. What's in a Name? Commonalities and Differences in Public Understanding of “Climate Change” and “Global Warming”. *Public Understanding of Science*. 2009. Vol. 18. Issue 4. Pp. 401–420. DOI: <https://doi.org/10.1177/0963662506073088>.

16. Vogel C., O'Brien K. Who Can Eat Information? Examining the Effectiveness of Seasonal Climate Forecasts and Regional Climate-Risk Management Strategies. *Climate Research*. 2006. Vol. 33. Issue 1. Pp. 111–122. DOI: <https://doi.org/10.3354/cr033111>.

17. McOmber C., Panikowski A., McKune S., Bartels W., Russo S. *Investigating Climate Information Services through a Gendered Lens*. CCAFS Working Paper No. 42. Copenhagen, Denmark: CGIAR Research Program on Climate Change, Agriculture and Food Security (CAAFS), 2013. 49 p. URL: <https://hdl.handle.net/10568/27887>.

18. CECODES, VFF-CRT, RTA & UNDP. *The 2020 Viet Nam Governance and Public Administration Performance Index (PAPI 2020): Measuring Citizens' Experiences*. A Joint Policy Research Paper by Centre for Community Support and Development Studies (CECODES), Centre for Research and Training of the Viet Nam Fatherland Front (VFF-CRT), Real-Time Analytics, and United Nations Development Programme (UNDP). Ha Noi, 2021. 110 p. ISBN: 978-604-326-390-9. URL: <https://papi.org.vn/eng/bao-cao>.

19. Nurse L. A., McLean R. F., Agard J., et al. *Small Islands*. In: *Climate Change 2014: Impacts, Adaptation, and Vulnerability. Part B: Regional Aspects. Contribution of Working Group II to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change* / Barros V. R., C. B. Field, D. J. Dokken, et al. (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2014. Pp. 1613–1654.

20. Donner S. D., Webber S. Obstacles to Climate Change Adaptation Decisions: A Case Study of Sea-Level Rise and Coastal Protection Measures in Kiribati. *Sustainability Science*. 2014. Vol. 9. Issue 3. Pp. 331–345. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11625-014-0242-z>.

21. IPCC, 2007: *Summary for Policymakers*. In: *Climate Change 2007: The Physical Science Basis. Contribution of Working Group I to the Fourth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change* / Solomon S., D. Qin, M. Manning, et al. (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 18 p.

22. Small C., Nicholls R. J. A Global Analysis of Human Settlement in Coastal Zones. *Journal of Coastal Research*. 2003. Vol. 19. Issue 3. Pp. 584–599. URL: <http://www.jstor.org/stable/4299200>.

23. Nicholls R. J., Mimura N. Regional Issues Raised by Sea-Level Rise and Their Policy Implications. *Climate Research*. 1998. Vol. 11. Issue 1. Pp. 5–18. URL: <https://www.jstor.org/stable/24865972>.

24. Anh Dang Nguyen, Leonardelli I., Dipierri A. A. *Assessing the Evidence: Migration, Environment and Climate Change in Viet Nam*. Geneva: International Organization for Migration, 2016. 104 p. Reference No. ENG0495.

25. Leatherman S. P. *Social and Economic Costs of Sea Level Rise*. In: *Sea Level Rise: History and Consequences* / Douglas B. C., M. S. Kearney, S. P. Leatherman (Eds.). International Geophysics Series, Volume 75. San Diego: Academic Press, 2001. Pp. 181–223. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0074-6142\(01\)80011-5](https://doi.org/10.1016/S0074-6142(01)80011-5).
26. McLeman R., Smit B. Migration as an Adaptation to Climate Change. *Climate Change*. 2006. Vol. 76. Issue 1–2. Pp. 31–53. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10584-005-9000-7>.
27. Döös B. R. Can Large-Scale Environmental Migrations be Predicted? *Global Environmental Change*. 1997. Vol. 7. Issue 1. Pp. 41–61. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0959-3780\(96\)00037-4](https://doi.org/10.1016/S0959-3780(96)00037-4).
28. Weber E. U. Experience-Based and Description-Based Perceptions of Long-Term Risk: Why Global Warming Does Not Dcare Us (Yet). *Climatic Change*. 2006. Vol. 77. Issue 1–2. Pp. 103–120. URL: <https://doi.org/10.1007/s10584-006-9060-3>.
29. McDonald R. I., Chai H. Y., Newell B. R. Personal Experience and the ‘Psychological Distance’ of Climate Change: An Integrative Review. *Journal of Environmental Psychology*. 2015. Vol. 44. Pp. 109–118. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2015.10.003>.
30. Hoffrage U., Lindsey S., Hertwig R., Gigerenzer G. Communicating Statistical Information. *Science*. 2000. Vol. 290. Issue 5500. Pp. 2261–2262. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.290.5500.2261>.
31. Operskalski J. T., Barbey A. K. Risk Literacy in Medical Decision-Making. *Science*. 2016. Vol. 352. Issue 6284. Pp. 413–414. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.aaf7966>.
32. Weber E. U., Stern P. C. Public Understanding of Climate Change in the United States. *American Psychologist Journal*. 2011. Vol. 66. Issue 4. Pp. 315–328. URL: <https://doi.org/10.1037/a0023253>.
33. Lazo J. K., Morss R. E., Demuth J. L. 300 Billion Served: Sources, Perceptions, Uses, and Values of Weather Forecasts. *Bulletin of the American Meteorological Society*. 2009. Vol. 90. Issue 6. Pp. 785–798. URL: <https://doi.org/10.1175/2008BAMS2604.1>.
34. Roncoli C., Ingram K., Kirshen P. Reading the Rains: Local Knowledge and Rainfall Forecasting among Farmers of Burkina Faso. *Society and Natural Resources*. 2002. Vol. 15. Issue 5. Pp. 411–430. DOI: <https://doi.org/10.1080/08941920252866774>.
35. Gilles J., Thomas J. L., Valdivia C., Yucra E. S. Laggards or Leaders: Conservers of Traditional Agricultural Knowledge in Bolivia. *Rural Sociology*. 2013. Vol. 78. Issue 1. Pp. 51–74. DOI: <https://doi.org/10.1111/ruso.12001>.
36. Irwin A. From Deficit to Democracy (Re-visited). *Public Understanding of Science*. 2014. Vol. 23. Issue 1. Pp. 71–76. DOI: <https://doi.org/10.1177/0963662513510646>.
37. Evans L., Milfont T. L., Lawrence J. Considering Local Adaptation Increases Willingness to Mitigate. *Global Environmental Change*. 2014. Vol. 25. Pp. 69–75. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2013.12.013>.
38. Carr E. R. Placing the Environment in Migration: Environment, Economy, and Power in Ghana’s Central Region. *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2005. Vol. 37. Issue 5. Pp. 925–946. DOI: <https://doi.org/10.1068/a3754>.
39. Perez C., Jones E. M., Kristjanson P., et al. How Resilient are Farming Households and Communities to a Changing Climate in Africa? A Gender-Based perspective. *Global Environmental Change*. 2015. Vol. 34. Pp. 95–107. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2015.06.003>.
40. McKune S. L., Borresen E. C., Young A. G., et al. Climate Change through a Gendered Lens: Examining Livestock Holder Food Security. *Global Food Security*. 2015. Issue 6. Pp. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.gfs.2015.05.001>.
41. Felli R., Castree N. Neoliberalising Adaptation to Environmental Change: Foresight or Foreclosure? *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2012. Vol. 44. Issue 1. Pp. 1–4. DOI: <https://doi.org/10.1068/a44680>.

Сведения об авторах:

Нгуен Тхи Минь Хоа, кандидат экономических наук, преподаватель факультета управления человеческими ресурсами Университета труда и социальных дел, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: nguyenthiminhhoa1212@yahoo.com; ORCID ID: 0000-0002-8593-7649.

Ха Туан Ань, магистр социологии, научный сотрудник Института устойчивого развития Национального экономического университета, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: havietnga03@neu.edu.vn; ORCID ID: 0000-0002-7522-8611.

Благодарности и финансирование:

Авторы хотели бы поблагодарить Программу развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) во Вьетнаме за разрешение использовать приведенный в настоящей статье набор данных. Авторы также благодарят г-жу Нгуен Тхи Тхань Хуен (ПРООН) за ее ценные комментарии.

Статья поступила в редакцию 15.11.2021; принята в печать 17.01.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

THE ROLE OF SEA LEVEL RISE INFORMATION IN THE FORMATION OF MIGRATION INTENTIONS OF VIETNAM'S POPULATION

Nguyen Thi Minh Hoa

University of Labor and Social Affairs, Hanoi, Vietnam

E-mail: nguyenthiminhhoa1212@yahoo.com

Ha Tuan Anh

National Economic University, Hanoi, Vietnam

E-mail: havietnga03@neu.edu.vn

For citation: Nguyen Thi Minh Hoa, Ha Tuan Anh. The Role of Sea Level Rise Information in the Formation of Migration Intentions of Vietnam's Population. DEMIS. Demographic Research. 2022. Vol. 2. No. 1. Pp. 175–190. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.14>

Abstract. Human migration associated with climate change, extreme weather events, including sea-level rise, is a growing concern. While the sea-level rise is not the main cause, its role as a driver of migration cannot be denied. According to experts, the risk of extreme weather conditions, such as rising sea levels for migration, compared to other causes (such as terrorism), will significantly increase due to the negative impacts of climate change. Climate change will gradually progress in the future. However, people, especially in developing countries such as Vietnam, still do not understand all the dangers of flooding due to rising sea levels, so their response is often passive and unreasonable. It is estimated that 31 million people in Vietnam, or about a third of the population, could be affected by sea-level rise by 2050. This could lead to the relocation of some people to other places and an increase in the number of so-called “climate refugees” in the future. Using a portion of the individual-level survey dataset from the 2020 Vietnam Provincial Administration Performance Index (PAPI), the article explores the role of sea-level rise information in flood-impacted migration. Data were collected from 7468 people across the country using five different question options for five randomly selected groups of people. The results of the analysis using regression models show that with a high degree of consistency, the higher the level of flood anxiety, the more people tend to move to another location permanently. In particular, when controlling for the variables of demography, income, etc., that transparency, completeness, and clarity of information about sea-level rise tend to increase the mobility of people to respond to floods. This shows that increasing information on the sea-level rise can help improve public understanding of flood and climate change risks, enabling them to make informed decisions, transparency, and support to reduce risks.

Keywords: migration, sea level rise, climate change, information, risk reduction, Vietnam.

Bio note:

Nguyen Thi Minh Hoa, Candidate of Sciences (Economics), Lecturer, Faculty of Human Resource Management, University of Labor and Social Affairs (ULSA), Hanoi, Vietnam.

Contact information: e-mail: nguyenthiminhhoa1212@yahoo.com; ORCID ID: 0000-0002-8593-7649.

Ha Tuan Anh, Master of Sociology, Researcher, Institute for Sustainable Development, National Economics University, Hanoi, Vietnam.

Contact information: e-mail: havietnga03@neu.edu.vn; ORCID ID: 0000-0002-7522-8611.

Acknowledgements and financing:

The authors would like to thank United Nations Development Programme in Vietnam for permission to use this dataset. Also, the authors thank Ms. Nguyen Thi Thanh Huyen (UNDP) for her valuable comments during the analysis.

Received on 15.11.2021; accepted for publication on 17.01.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

COOPERATION BETWEEN VIETNAM AND RUSSIA IN THE FIELD OF LABOR MIGRATION: DIRECTIONS AND NEW OPPORTUNITIES

Dang Minh Duc

Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi, Vietnam

E-mail: minhduc_ies@yahoo.com

Nguyen Chi Hieu

Communist Review, Hanoi, Vietnam

E-mail: hieunguyenchi69@gmail.com

Tran Dinh Hung

Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi, Vietnam

E-mail: hungtran.dhkt@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.15>

For citation: Dang Minh Duc, Nguyen Chi Hieu, Tran Dinh Hung. *Cooperation Between Vietnam and Russia in the Field of Labor Migration: Directions and New Opportunities*. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2. No. 1. Pp. 191–202. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.15>

Abstract. *Current Vietnam – Russia relations are a continuation of the former Vietnam – Soviet Union traditional relations. Looking back at the reality and prospect of cooperation between the two countries over the past 20 years, from a strategic partnership to a comprehensive partnership, it can be seen that both sides have their potential and interests in this cooperation. These relations are increasingly deepening, especially in the areas where both sides have strong points, starting from politics and diplomacy, economy, culture and society, and up to national security and defense, where the two countries have reached great achievements. In particular, labor cooperation is an important foundation for promoting Vietnam – Russia relations to the next level. Vietnam with a population of 96.2 million people, has a labor force accounting for nearly two-thirds of the population including young, qualified and skilled workers. Therefore, sending workers abroad is a major policy of Vietnam in order to create jobs for workers and develop the country's socio-economic sphere in the process of international integration. After many years of stagnation, the Labor Cooperation Agreement was signed (in 2008) between the two sides as an important foundation for sending the Vietnamese labor force to work in the Russian Federation. The COVID-19 pandemic also has a profound impact on Russia in all aspects – not only on the country's economic and social development in general but also on the lives of migrant workers and labor cooperation between Russia and Vietnam in particular. The paper analyzes labor cooperation between the two sides, including its legal basis, and proposes a number of solutions to overcome difficulties caused by the impact of the COVID-19 pandemic.*

Keywords: *labor cooperation, legal framework, recommendations, COVID-19, Vietnam, Russia.*

Introduction

The Vietnam – Russia comprehensive partnership, through the ups and downs in the late 20th century, along with adjustments in foreign policies from both sides has transitioned to a more dynamic and effective phase in the early 21st century. The first visit to Vietnam by Russian President Vladimir Putin in March 2001 and the Joint Statement on Vietnam – Russia strategic partnership established a comprehensive and long-term cooperation framework on the basis of equality and mutual benefit. Russia considers Vietnam as a strategic partner not only in Southeast Asia but also in the whole Asia-Pacific region. This opens a new phase in the relationship between the two countries. The two sides regularly hold meetings at all levels and discuss bilateral and multilateral issues. The two

countries have achieved many results in implementing the strategic partnership in all fields of politics, security, defense, economy, investment, culture, education, and training, as well as labor issues. In particular, Vietnam and the member states of the Eurasian Economic Union (EAEU) have signed the Vietnam – EAEU Free Trade Agreement (FTA) (between Russia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Armenia). The Agreement has strategic significance, creating a legal framework and favorable conditions for the development of economic and trade cooperation between Vietnam and the EAEU in general as well as with each member state in particular. This also marked a turning point in the process of the deep international economic integration of Vietnam.

Vietnam currently has a population of more than 96.2 million people. Of which, about 33.05 million people (34.4% of the population) live in urban areas and 63.15 million people live in rural areas (accounting for about two-thirds of the total population). The labor force aged 15 and over is 55.7 million people (in 2019), ranking 3rd in the ASEAN region in terms of labor force participation rate. Every year, Vietnam has more than 100,000 people working abroad. The total number of Vietnamese workers currently working abroad amounts to about 650,000 in more than 40 countries and territories¹. Some traditional foreign labor markets receive many Vietnamese workers, such as Japan, Taiwan, and South Korea. Recently some European countries also demonstrate an increasing demand in receiving labor from Vietnam, such as Russia, Romania, Germany, Poland, Latvia, Austria, etc.

Sending workers abroad is a key policy of Vietnam in order to create jobs for workers and develop the country in the trend of international integration, contributing to the development of all-round relations with other countries on the principle of equality and mutual benefit. After years of stagnation, the Labor Cooperation Agreement between Vietnam and Russia was signed in 2008 which was an important foundation for bringing Vietnamese workers to work in Russia. Accordingly, many Vietnamese workers have come to work in Russia, and vice versa, many Russian workers, through investment projects have come to work and live in Vietnam. However, since the COVID-19 pandemic hit, all countries have been deeply affected and it is still evolving very complicatedly. The COVID-19 pandemic also leaves profound impact on Russia in all aspects, from economy and society to the lives of migrant workers in general and labor cooperation between Russia and Vietnam in particular.

Legal framework and results achieved in labor cooperation between Vietnam and Russia

Cooperation in the field of labor is considered very potential in the context of the aging Russian population structure. Meanwhile, the labor force of CIS countries working in Russia can only meet the seasonal labor demand. Currently, Russia's population is about 145.934 million people (in 2020) and it is forecasted that by 2050 it will decrease to about 111 million people (while in 2000, Russia's population amounted to 146.404 million people, and in 2010 it was 143.478 million people)². Not only the population tends to decrease, but also population aging rate is high, and fertility rate is low – only 1.6 children per woman compared to the world average of 2.4 children per woman and even the US which has 1.8

¹ Anh Tuyet. 650.000 Vietnamese are working abroad [650.000 người Việt Nam đang lao động ở nước ngoài] // Vietnam Times [Thời Đại]. News Agency. 15.01.2020. URL: <https://thoidai.com.vn/650000-nguoi-viet-nam-dang-lao-dong-o-nuoc-ngoai-97105.html> (accessed on 20.08.2021).

² Russia Demographics // Worldometer. Reference website. URL: <https://www.worldometers.info/about/> (accessed on 20.08.2021).

children per woman. The death rate is high at 13.4 people per 1,000 population. On the other hand, the immigration rate to Russia remains low compared to some other countries of the world, with 1.7 people per 1,000 population, while in the US it is 3.8 people per 1,000 population. Migrants coming to Russia are mainly residents of the CIS and Eastern European countries³. Taking into account such a demographic situation, the Russian Government has raised monetary subsidies and increased the duration of maternity leave to encourage women to give birth to more children, along with many adjustments to the country's migration and immigration policies for foreign workers, especially those implementing labor cooperation with a number of partners including Vietnam to make up for the shortage of human resources. These decisions contribute to the Russian Federation's sustainable socio-economic development.

Vietnam and Russia signed agreements and protocols on labor cooperation on October 27, 2008, but officially those documents took effect on November 26, 2013. This is the legal basis for citizens of both sides to work in each other's territories for a limited time. The Agreement has an important meaning in enhancing the protection of citizens of the two states while working and living in the other country. This Agreement is valid for 5 years and can be extended for a further 3 years. It stipulates the legal conditions when citizens of the two countries work for a fixed term in each other's territory, including workers, officials, experts, etc. In this Agreement, there are some notable points such as: if the employee is terminated from a contract with a company, he/she can stay to sign a labor contract with another company and when the labor contract terminates, the cost for the employee's travel back home will be paid by the employer⁴.

The Agreement also stipulates that Russian enterprises should standardize the conditions for Vietnamese workers as follows. Employees have a working term of 2 years which can be extended by the employer once a year, and there is no fee when renewing the contract. Working time is 10 hours a day, 6 days a week, 26 days a month and the employee can work overtime 2 hours a day (ex., for the textile industry). Overtime pay is equal to 150% of the basic hourly wage with a meal. Employees are entitled to holidays and sick leave according to the labor law of the Russian Federation⁵. When working in Russia, employees will be paid all social benefits by the company such as: health insurance or occupational accident insurance according to Russian labor law. In addition, employees are also supported with free accommodation and travel, and periodical health checks. In particular, Russian law prohibits workers from illegally striking, from working for other employers, and from violating the laws of the Russian Federation. The employer has the right to terminate the contract ahead of time if the employee violates the company's regulations or the legislation of the Russian Federation.

³ Rosenberg M. Population Decline in Russia // Thought Co. Reference site. 02.09.2019. URL: <https://www.thoughtco.com/population-decline-in-russia-1435266> (accessed on 20.08.2021).

⁴ A definite-term labor cooperation agreement between Vietnam and Russia approved by the Russian side [Hiệp định hợp tác lao động có thời hạn giữa Việt Nam và LB Nga đã được phía Nga thông qua] // Multifunctional complex “Hanoi – Moscow” [Tổ hợp Đa chức năng “Hà Nội – Mátxcova”] [site]. URL: <http://incentra.com.vn/tin-tuc/chi-tiet/hiiep-dinh-hop-tac-lao-dong-co-thoi-han-giua-viet-nam-va-lb-nga-da-duoc-phia-nga-thong-qua> (accessed on 20.08.2021).

⁵ Russian Federation – Potential destination for Vietnamese workers in 2019 [Liên Bang Nga - Thị trường tiềm năng cho lao động Việt trong năm 2019] // Yen Bai Newspaper. 24.12.2018. URL: <http://www.yenbai.gov.vn/lao-dong-xuat-khau/noidung/tintuc/Pages/chi-tiet-tin-tuc.aspx?ItemID=848&l=TinHoatDong> (accessed on 20.08.2021).

Thus, citizens of Vietnam and Russia will be legally protected when working for a fixed term in the two countries. This is very important for Vietnamese workers, especially at a time when the Russian government is tightening its management of migrant workers. The Agreement is also a legal basis for the responsible agencies of the two sides – the Ministry of Labor, War Invalids and Social Affairs of Vietnam and the Ministry of Internal Affairs of Russia – to exchange information on policies for overseas workers in order to remove difficulties and obstacles, at the same time, promoting cooperation on labor and enabling to solve the problem of human resources for socio-economic development of the two sides.

After the collapse of the Soviet Union, official labor relations between the two sides almost stalled. It was not until 2008 that the two sides signed a cooperation agreement on labor and opened up new cooperation opportunities. However, there are still many obstacles: ex., Vietnam wants Russia to review and clarify procedures for medical check-ups and language tests for Vietnamese workers, and at the same time to create favorable conditions for workers who are doing business, living, and working in Russia. Most of these workers do not go through Vietnamese labor supply organizations and enterprises.

On the other hand, one of the current difficulties is that the Russian side only provides foreign labor quotas for one year at a time, and the number is always changing. This adjustment makes the number of Vietnamese workers working in Vietnamese enterprises in the Russian Federation face a temporary legal situation. The legalization of these workers is very complicated, many people accept to work illegally, which leads to negative consequences in the management system, as well as the loss of tax revenue for the state. Moreover, the granting of annual quotas is probably only suitable for seasonal workers from CIS countries. Taking into account the current number of Vietnamese workers in Russia, many of whom are illegal workers, it is necessary to create favorable conditions so that they could get legal status for a reasonable time, about 2 or 3 years in order to both manage migration and collect taxes. At the same time, if people cannot afford to stay in the country, they should have enough time to prepare for returning home.

According to the General Department of Migration, Russia has granted quotas for migrant workers as follows: 23,695 people in 2000, 18,784 people in 2005, 13,416 people in 2010, 13,671 people in 2015 and 17,596 people in 2017 [1] [see Table 1]. In 2019 there were 17,407 workers in Russia [2] [see Fig. 1]. It is expected that Vietnam will continue to negotiate so that in the coming time, Russia will receive an average of 15,000–20,000 workers per year⁶. Vietnamese workers coming to work in Russia mainly focus on several industries such as construction, garment, mechanical engineering, and agriculture. The salary of employees is about 700–1,200 USD per month, which is equivalent to 15.7–27 million VND per month [see Table 2]. Vietnamese workers are living and working mainly in such Russian cities and regions as Vladimir, Kaluga, Ryazan, Saint Petersburg and Leningrad Region, Pskov, Krasnodar, Stavropol, Bashkortostan, Tatarstan, Sverdlovsk, Khakasia, Khabarovsk, Primorsky, Yekaterinburg, Nizhny Novgorod, Tomsk, and Moscow⁷.

⁶ Russia will receive 20,000 Vietnamese workers every year [Nga sẽ tiếp nhận 20.000 lao động Việt mỗi năm] // VN News. News website. 08.07.2019. URL: <https://vtv.vn/trong-nuoc/nga-se-tiep-nhan-den-20000-lao-dong-viet-moi-nam-20190708150421578.htm> (accessed on 20.08.2021).

⁷ Buckley C., Peachey E., Hofmann E. The Tenacity of Transnational Networks: Vietnamese Migrants in the Soviet Union and Russian Federation // Population Association of America [site]. URL: <https://paa2012.princeton.edu/papers/122450> (accessed on 20.08.2021).

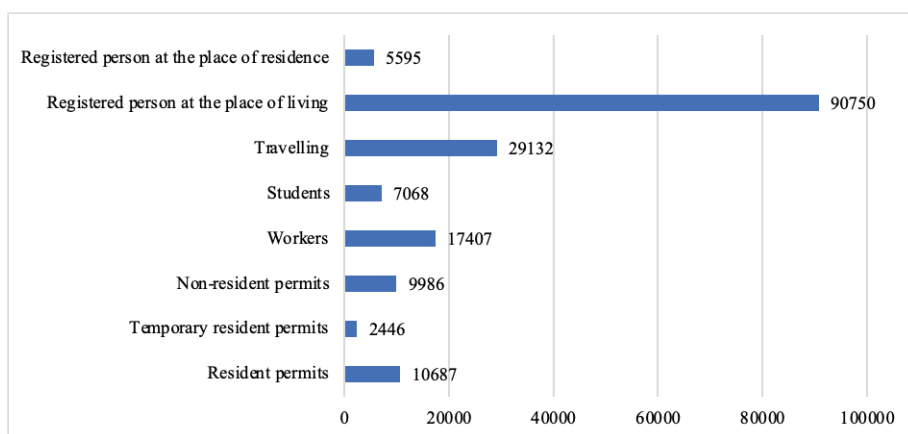

Fig. 1. Number of Vietnamese migrants in Russia in 2019

Source: [2]

Table 1.

Indicators of Russia's migration policy on migrants from Vietnam in 2016–2019

Indicators	2016	2017	2018	2019
Visa granted	22,045	25,748	28,566	25,797
Migration registration numbers	62,553	72,644	83,587	96,345
in which the number of first registration	44,996	51,535	55,792	69,386
Trip purposes:				
- Travelling	10,982	9,737	15,053	29,132
- Study	6,241	6,553	6,724	7,068
- Work	16,708	21,120	17,407	17,407
-Personal purposes	5,201	7,157	11,168	9,986
- Other	5,864	6,968	5,440	5,793
Have a temporary residence permit until the end of the year	3,117			
Have a residence permit	8,978	9,785	10,104	10,687
Have Russian citizenship	287	331	401	474

Source: [1]

Table 2.

Average income of Vietnamese workers in some countries

No	Destination	Salary range (USD/month)	Other income average (USD/month)	Estimated ratio of the average salary of Vietnamese migrant workers to the average salary of the host country (%)
1	Taiwan	650	200	45.8
2	South Korea	1,000	250	35.2
3	Japan	1,400	200	42.2
4	Malaysia	300	111	46.1
5	Saudi Arabia	320	100	5.7
6	Laos	300	113	180.0

No	Destination	Salary range (USD/month)	Other income average (USD/month)	Estimated ratio of the average salary of Vietnamese migrant workers to the average salary of the host country (%)
7	Russian Federation	800	200	41.7
8	Qatar	320	100	4.9
9	Germany	1,137	-	31.1
10	Australia	4,000	800	93.8

Source: Ministry of Labor, War Invalids and Social Affairs of Vietnam⁸, cit. ex [3]

In Vietnam, Russian workers mainly work at the Vietsovpetro joint venture, so the Russian side is only interested in asking Vietnam to exempt the work permit procedure for Russian workers. The total number of Russian workers in Vietnam under this agreement is 891 people (in 2018), of which 177 people were granted work permits under Decree No. 11/2016/ND-CP, and 20 people are not subject to work permits. The above-mentioned workers need to declare to the local labor authorities to be exempted from the above permit.

Obviously, cooperation between Vietnam and Russia has strong political support, but the mechanism needs to be changed. The previous subsidy management mechanism should be abolished as applied in the field of labor cooperation. In terms of state management in labor cooperation, it is still macro-managed by the Ministry of Labor, War Invalids and Social Affairs of Vietnam. However, direct management should be performed by enterprises and based on actual needs to organize the sending of workers, there should be close cooperation between Vietnamese enterprises, Russian enterprises, the Vietnamese embassy, and the Russian labor management agency to work together, especially on the mechanism for granting work visas between the two sides. In addition to ensuring a satisfactory income, having a stable job for a long time like 5–10 years would be more attractive to employees. Since the Ukrainian crisis stroke, especially since the beginning of the COVID-19 pandemic in 2020, the Russian economy has faced many difficulties, so the opportunities for attracting foreign labor to Russia are now limited due to a decrease in labor demand.

COVID-19 pandemic and recommendations to promote labor cooperation between Vietnam and Russia

The COVID-19 pandemic with the “social distancing” method to prevent the spread of the virus to the community is implemented on a national scale, as well as at a global level. The Russian government has taken a series of measures to prevent the spread of the pandemic. However, the price to pay is the economic recession. Its cause is the combination of high inflation, tight monetary and fiscal policies, disruptions to global supply chains, falling oil prices due to reduced demand for travel, and some global economic trends, such as oil prices falling by 65.5% in the first half of 2020 amid worsening epidemiology, persistent high geopolitical risks and growing risk aversion that hampered the economic recovery in 2021. According to estimates of the International Monetary Fund (IMF), the total loss of the world economy in 2020–2021 will amount to approximately 12 trillion USD [4]. According to the estimates by the Higher School of Economics (HSE) and the International Monetary Fund, the negative impact of the COVID-19 pandemic on Russia’s GDP is 4.3% and 6.6%

⁸ Ministry of Labor, War Invalids and Social Affairs of Vietnam [site]. URL: <http://english.molisa.gov.vn/Pages/home.aspx> (accessed on 20.08.2021).

respectively, and the World Bank forecasts further Russian GDP reduction by about 5.4%. This number is higher than the estimates given in May 2020 [4].

The impact of the COVID-19 pandemic on poverty in Russia is clearly felt by the majority of migrant workers in Russia. Many of these migrant workers stayed in Russia during the pandemic, without any work or income. Statistics from December 2019 show that more than 1.6 million migrant workers are residing in Moscow. Most of them come from Central Asia [4]. Many workers are engaged in sectors such as services or constructions – the sectors that have been especially strongly affected by the COVID-19 restrictions.

The impact of COVID-19 on Russian society is huge. The border closure left hundreds of migrants from different countries stranded in Russia. The problem here is the regulation of the status of migrant workers who stay in Russia and whose permits have expired, that is, they unknowingly become illegal migrants. The Ministry of Internal Affairs of Russia estimates the number of migrants working legally in Russia at 2.5 million (2020 figures) [5], which might be equivalent to the number of migrants working informally. According to experts, up to 90% of migrant workers do not want to leave Russia and expect the crisis to pass. In recent years, Russia has gradually overcome problems in infrastructure development, digital transformation, digital economy development, diversification of resource-based growth, and reduction of regional disparities, especially in the Far East.

Currently, Russia is continuing to modernize the field of oil and gas exploitation, transportation, and production, strengthen cooperation in exploitation in CIS countries, as well as shifts to expand export markets to the East. It concerns major cooperation with enterprises, state corporations of Vietnam, and the Russian Federation. These are fields that require large capital, professional and organized workforce, so it is going to be a breakthrough in joint venture cooperation between the two sides. From state-owned enterprises, there will be the attraction of small and medium enterprises of both sides. From this cooperation, there will be spillover effects to labor cooperation, to liquefied petroleum gas cooperation. This will also create opportunities to develop sea transport between the two sides, cooperate in developing logistics between the two countries as well as regionally and globally. Cooperation in shipping will affect cooperation in the shipbuilding industry, as well as ship repair between the two countries.

In such a context, the Government of Vietnam and management agencies need to develop, issue and implement policies and solutions to ensure favorable conditions for workers abroad, contributing to the sustainable development of labor migration. Currently, the quality of Vietnamese labor is still limited, in which the percentage of trained workers is still low, and the shortage of skilled workers has not yet met the needs of the labor market and integration. The gap between training and the needs of the labor market is still large. The imbalance in the structure of training professions between regions has been slowly overcome, but still not meeting the human resource needs of the society.

In order to solve the problems as well as exploit the potential of the two sides, both countries need to implement a number of solutions in the coming time as follows:

Firstly, the Government of Vietnam and the Government of Russia, through the activities of intergovernmental committees, should have discussions and propose recommendations to promote the development of labor cooperation, facilitate all workers towards compliance with laws, bringing benefits to individuals and businesses, as well as contributing to the countries' development. In particular, the two states should continue to effectively deploy the Vietnam – Russia Labor Working Group to properly implement the labor cooperation agreement signed by the two sides.

Second, Vietnam and Russia should proceed to sign the Agreement on organized recruitment of Vietnamese citizens to work in the Russian territory; the negotiation and signing of the Intergovernmental Agreement on the attraction and organization of recruitment of Vietnamese laborers to work in the Russian Federation for a definite time will create conditions for both countries to better manage and utilize their human resources according to the strengths and needs of each party, and also contribute to protecting the rights and interests of Vietnamese workers when working at Russia. If signed, Vietnam will be the second country that Russia proposes to sign the Agreement on Organized Labor Recruitment after Uzbekistan. Currently, the two sides are continuing to discuss and negotiate for the second time on the Agreement between the two governments on the attraction and organized recruitment of Vietnamese laborers to work in the territory of Russia for a fixed term.

Third, it is necessary to continue to inform and propagate about changes in immigration laws and policies for workers in two countries; organize job search with vacancies, teach Russian language and organize vocational training for migrant workers who lack the necessary qualifications and skills, and work out cost mechanisms for these activities. At the same time, it is necessary to provide complete and accurate information about the labor market, working conditions, wages, living standards, housing conditions, etc.

Fourth, research is needed to develop management policies for all forms of sending Vietnamese workers to work in Russia through service enterprises and non-business organizations for stricter management of labor migration, limiting damage and risks to workers. In particular, drastic measures taken by the government of the Russian Federation to control the spread of the pandemic have also been a barrier to bringing Vietnamese workers to Russia. Therefore, the recognition of “vaccination passports,” when bringing workers, must absolutely comply with regulations on epidemic prevention and control, thoroughly advise employees how to prevent the spread of COVID-19 proactively, and strictly follow the health requirements of both Vietnamese authorities and the receiving country.

Fifth, the Vietnamese side should continue its efforts in training and fostering migrant workers' skills, as well as improving their awareness of potential risks before sending them abroad. Now more workers with professional and technical qualifications are needed in the host countries. Simultaneously, it is important to propagandize and raise awareness of the importance of law observance when working abroad and returning home after the end of the contract with the employer not to stay to work illegally in the violation of the laws of the host country.

Sixth, improving the quality of input selection seems reasonable. The Government should require that enterprises providing the service of sending workers abroad to help the workers and provide them more time to learn about the receiving enterprise and their job abroad, as well as to clarify their career orientations and working goals, understand the corporate culture, customs and habits of the host country in order to meet the requirements of their future employers⁹.

Seventh, it is necessary to booster the management and administration role of the authorities at all levels, improve the effectiveness and efficiency of state management conducted by agencies related to the field of labor export, thereby strengthening

⁹ Nguyen Kim Anh et al. Remittance policy for Vietnam's socio-economic development [Chính sách kiều hối phục vụ phát triển kinh tế - xã hội Việt Nam]. Independent national-level research project No. ĐTĐL-XH.15/15.

coordination between central and local state agencies in managing labor migration activities. Strengthening the coordination between relevant ministries and local authorities would help to detect and strictly handle violations in order to prevent workers from being taken overseas by organizations and individuals which have no function of sending workers abroad, including to Russia.

Eighth, we recommend implementing policies to encourage migrant workers to send remittances back home by official means, that is through banks in each country and joint-venture banks, for example, giving them and their families the highest priority in registration and job assignment. That allows to reduce illegal Vietnamese migration with minimal costs and put under state supervision most Vietnamese citizens in the territory of the Russian Federation to avoid the violations of regulations on stay and employment, increasing profits for the Federal and local budgets on the basis of Vietnamese working abroad legally. In this way, it is possible to achieve an improvement in their status, an increase in labor efficiency, and at the same time to raise the level of social and legal insurance, including the issue of ensuring the right to equal pay with other citizens of the Russian Federation who have the same labor intensity, and the right to access to social infrastructure and services. It should be noted that information on the number and characteristics of illegal Vietnamese migrants in Russia is very limited, and the application of measures to publicize may provide an important source of additional information to improve migration regulation, which may allow for more fundamental management solutions in this area.

Ninth, effective implementation of the Free Trade Agreement between Vietnam and the Eurasian Economic Union would strengthen cooperation in the field of investment, including that of Vietnam into the EAEU and from the EAEU into Vietnam. In order to promote cooperation in this area, it is necessary to redefine the investment priorities of both sides, strengthen commercial activities and market access, attract and implement Russian investment projects in Vietnam. Joint enterprises and investment projects would promote the employment of workers and experts from both countries. Especially, strengthening investment promotion activities would attract Vietnamese enterprises to invest in the projects in the Russian Far East. At the same time, promoting cooperation in the fields of tourism, science, technology, education, and training seems to be quite promising. These are the fields that can become both a bridge and great support for the strengthening of economic cooperation between the two countries. Strengthening training cooperation not only improves the quality of human resources in Vietnam but also provides human resources for joint ventures and enterprises¹⁰.

Tenth, the Russian side in recent years has focused on developing the Far East, but Russia lacks both human resources and investment capital there. At the same time, the Russian Far East is a territory that is rich both in resources and prospects. Oil and gas exploitation, fertilizer, timber, fishing, and agricultural industries have great potential for development in that territory. As a key breakthrough, Vietnam should choose the Far East as a priority in its relations with Russia. Obviously, in Vietnam, these products are now becoming scarce, the country has to import coal, fertilizers, wood, etc. In addition, taking advantage of the vast and fertile land of the Far East to develop agriculture, both serving

¹⁰ Hoa Huu Cuong, Nguyen Thanh Lan. Promoting Vietnam – EUEA relations in the new context [Thúc đẩy quan hệ Việt Nam - Liên minh kinh tế Á - Âu trong bối cảnh mới] // Communist Review. Organ of Political Theory of Vietnam Communist Party's Central Committee. 22.06.2021. URL: <https://www.tapchiconsan.org.vn/web/guest/quoc-phong-an-ninh-oi-ngoai1/-/2018/823414/thuc-day-quan-he-viet-nam---lien-minh-kinh-te-a---au-trong-boi-can-h-moi.aspx> (accessed on 20.08.2021).

local needs and exporting is promising. On the other hand, in the long-term, the depletion of fossil energy sources, towards the use of clean alternative energies such as biofuels will require huge land funds. As a future vision, this is also a potential field for cooperation between Vietnam and the Far East. The Far East has fast lands and forests, so Vietnam needs to invest labor and capital to exploit these advantages. Well-developed cooperation with the Russian Far East would not only bring economic benefits, but also help Vietnam to deal with redundant laborers in the condition that some localities are crowded with people, and bring stable supplies of coal, fertilizer, clinker, crude oil, gas, timber, etc., reducing pressure on the environment and contributing to fast and sustainable development for both Vietnam and the Far East. However, for the actualization of these prospects, a great effort is required in high-level political relations between the two sides, aiming at practical interests and development needs of the two countries and overcoming obstacles in terms of security, sovereignty, and culture for the benefit of long-term development as well as the strategic partnership between the two sides.

Conclusion

Vietnam and Russia have emphasized promoting comprehensive cooperation in all fields in order to implement the agreements signed by the two governments. Since 2001, the two sides have signed 54 bilateral agreements, with 41 agreements still in force, especially the Labor Cooperation Agreement between the two countries. Through the Intergovernmental Committee, the two countries need to continue to remove obstacles related to bilateral cooperation, as well as discuss directions and measures to further promote cooperation between Vietnam and Russia in a more practical and effective manner, in which promoting labor cooperation is one of the priorities in the coming time. Labor export will bring benefits to Vietnam because when workers return home, they bring their financial resources and human capital contributing to the country's future development and at the same time promoting comprehensive strategic partnership between the two countries in practice.

References

1. Riazantsev S. V., Khramova M. N. Cooperation between Russia and Vietnam in the Migration Sphere: Trends and Prospects. In: *Russia-Vietnam Relationship: Convergence of Bilateral Interests*. Moscow: RAS IFES, 2020. 376 p. ISBN: 978-5-8381-0378-9. (In Russ.)
2. Pismennaya E. E., Ryazantsev S. V., Luong Dinh Hai, Ochirova G. N. Quality of Life and Education in Russia as Seen by Vietnamese Students. *Alma Mater (Vestnik Vyshey Shkoly)*. 2020. No. 11. Pp. 20–28. DOI: <https://doi.org/10.20339/AM.11-20.020>. (In Russ.)
3. *Viet Nam Migration Profile 2016*. Ha Noi: International Organization for Migration, 2017. 116 p. Reference No. ENG0542. URL: <https://publications.iom.int/books/viet-nam-migration-profile-2016>.
4. Ranov Zh. The impact of the COVID-19 Pandemic on the Russian Economy. *Eurasian Research Institute Weekly E-Bulletin*. 2020. No. 279. 2 p. URL: <https://eurasian-research.org/wp-content/uploads/2020/12/Weekly-e-bulletin-02.11.2020-08.11.2020-No-279.pdf>.
5. Ivakhnyuk I. Coronavirus Pandemic Challenges Migrants Worldwide and in Russia. *Population and Economics*. 2020. Vol. 4. No. 2. Pp. 49–55. DOI: <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e53201>.

Bio note:

Dang Minh Duc, PhD, Associate Professor, Senior Researcher, Vice Director, Institute for European Studies, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi, Vietnam.

Contact information: e-mail: minhduc_ies@yahoo.com; ORCID ID: 0000-0002-7441-202X.

Nguyen Chi Hieu, PhD, Associate Professor, Senior Editor, Communist Review, Hanoi, Vietnam.

Contact information: e-mail: hieunguyenchi69@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-7593-1107.

Tran Dinh Hung, PhD, Researcher, Institute for European Studies, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi, Vietnam.

Contact information: e-mail: hungtran.dhkt@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-6312-0988.

Acknowledgements and financing:

The study is conducted with support from Vietnamese Ministry of Science and Technology, Project "The Vietnamese Community in Russian and CIS countries in 1991-2018," Code: NĐT.72.RU/19.

Received on 12.11.2021; accepted for publication on 20.01.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ ВЬЕТНАМОМ И РОССИЕЙ В СФЕРЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ: НАПРАВЛЕНИЯ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Данг Мин Дык

Вьетнамская академия общественных наук, Ханой, Вьетнам

E-mail: minhduc_ies@yahoo.com

Нгуен Чи Хьеу

Редакция журнала «Коммунистическое обозрение», Ханой, Вьетнам

E-mail: hieunguyenchi69@gmail.com

Чан Динь Хунг

Вьетнамская академия общественных наук, Ханой, Вьетнам

E-mail: hungtran.dhkt@gmail.com

Для цитирования: Данг Мин Дык, Нгуен Чи Хьеу, Чан Динь Хунг. Сотрудничество между Вьетнамом и Россией в сфере трудовой миграции: направления и новые возможности // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 1. С. 191–202. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.115>

Аннотация. Вьетнамско-российские отношения сегодня продолжают традиции, заложенные в отношениях с Вьетнамом еще Советским Союзом. Рассмотрев реальный ход развития и перспективы взаимоотношений между двумя странами, которые за последние двадцать лет прошли путь от стратегического партнерства до всеобъемлющего сотрудничества, мы видим, что обе стороны имеют здесь свой потенциал и свои интересы. Сотрудничество России и Вьетнама продолжает углубляться, особенно в тех областях, которые являются сильными сторонами для обеих стран: от политики и дипломатии, экономики, культуры и социальной сферы до вопросов национальной безопасности и оборонной сферы. В частности, кооперация в обмене трудовыми ресурсами является важным основанием для продвижения вьетнамско-российских отношений на новый уровень. Население Вьетнама сегодня насчитывает порядка 96,2 млн человек, при этом рабочая сила составляет около двух третей населения и включает значительную долю молодых, квалифицированных и опытных работников. Поэтому экспорт рабочей силы за границу является основной политикой Вьетнама в целях создания рабочих мест и продвижения социально-экономического развития страны в условиях международной интеграции. После долгих лет застоя в данной сфере в 2008 г. между Россией и Вьетнамом было подписано соглашение о временной трудовой деятельности их граждан на территории страны-партнера, которое стало важнейшей правовой основой для направления вьетнамских трудовых мигрантов в Российскую Федерацию. Сегодня пандемия COVID-19 оказывает сильнейшее влияние на сотрудничество двух стран в области обмена трудовыми ресурсами, а также на условия жизни трудовых мигрантов, экономику и социальное развитие страны в целом. В данной статье анализируется современное состояние трудовой миграции из Вьетнама в Россию, в том числе ее правовая основа, а также предлагается ряд рекомендаций по возможным направлениям работы для преодоления трудностей, вызванных последствиями пандемии COVID-19.

Ключевые слова: сотрудничество, трудовая миграция, правовая база, рекомендации, COVID-19, Вьетнам, Россия.

Сведения об авторах:

Данг Мин Дык, доктор наук, доцент, старший научный сотрудник, заместитель директора Института европейских исследований Вьетнамской академии общественных наук, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: minhduc_ies@yahoo.com; ORCID ID: 0000-0002-7441-202X.

Нгуен Чи Хьеу, доктор наук, доцент, старший редактор журнала «Коммунистическое обозрение», Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: hieunguyench169@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-7593-1107.

Чан Динь Хунг, доктор наук, научный сотрудник Института европейских исследований Вьетнамской академии социальных наук, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: hungtran.dhkt@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-6312-0988.

Благодарности и финансирование:

Исследование проводится при поддержке Министерства науки и технологий Вьетнама, Проект № NĐT.72.RU/19 «Вьетнамская община в России и странах СНГ в 1991–2018 гг.».

Статья поступила в редакцию 12.11.2021; принята в печать 20.01.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

НАУЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ СОТРУДНИКОВ ИДИ ФНИСЦ РАН ПО ИЗУЧЕНИЮ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКО-ФИНСКОМ И РОССИЙСКО-НОРВЕЖСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ

Рязанцев С. В.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
МГИМО МИД России, Москва, Россия
E-mail: riazan@mail.ru*

Медведь В. А.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
МГИМО МИД России, Москва, Россия
E-mail: viktoryamedved@gmail.com*

Вазиров З. К.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: zafar.vazirov@mail.ru*

Очирова Г. Н.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: galinaochirova93@gmail.com*

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.116>

Для цитирования: Рязанцев С. В., Медведь В. А., Вазиров З. К., Очирова Г. Н. Научная экспедиция сотрудников ИДИ ФНИСЦ РАН по изучению миграции в российско-финском и российско-норвежском приграничье // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 1. С. 203-214. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.116>

В рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований № 20-11-00526 А «Международная миграция в приграничных регионах России: модели поведения населения и социально-экономические эффекты для развития территорий» научные сотрудники Института демографических исследований (ИДИ) ФНИСЦ РАН с 18 по 21 декабря 2021 г. совершили исследовательскую экспедицию в г. Мурманск и сельское поселение Териберка Мурманской области.

В экспедиции приняли участие член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор ИДИ ФНИСЦ РАН С. В. Рязанцев; кандидат экономических наук, младший научный сотрудник Лаборатории международных демографических исследований З. К. Вазиров; младший научный сотрудник Лаборатории международных

демографических исследований В. А. Медведь и младший научный сотрудник Отдела миграции и миграционной политики Г. Н. Очирова.

Основными целями и задачами экспедиции стали: анализ социально-экономической ситуации и изучение миграционных установок жителей региона, демографических тенденций, особенностей расселения и распределения населения на рынке труда в условиях депопуляции и миграционного оттока из Мурманской области.

Миграционная ситуация на территориях российско-финского и российско-норвежского приграничья

Исследуемый участок представлен границей с Финляндией – 1,2 тыс. км (Ленинградская область, Мурманская область, Республика Карелия) и с Норвегией – 220 км (Мурманская область). Город федерального подчинения Санкт-Петербург также сильно завязан на взаимодействие с Финляндией. Между Россией и Финляндией действуют пограничные переходы Лотта – Райя – Йоосеппи, Салла – Келлоселькя, Сурперя – Куусамо, Люття – Вартиус, Вяртсиля – Ниирала, Сьюяоро – Париккала, Светогорск – Иматра, Брусничное – Нуйямаа, Торфяновка – Ваалимаа. Между Россией и Норвегией действует пограничный переход Борисоглебск – Стурскуг (см. рис. 1).

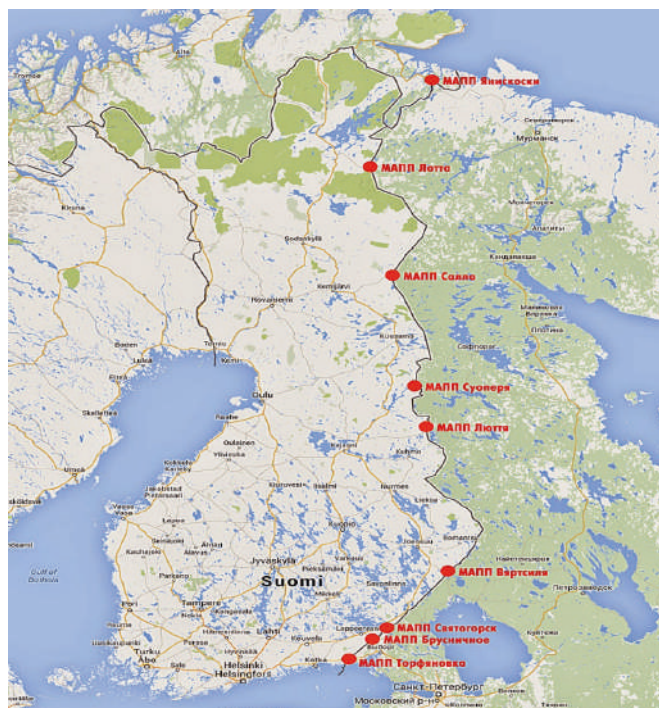

Рис. 1. Пограничные переходы между Российской Федерацией на границе с Финляндией и Норвегией

Fig. 1. Border crossings between the Russian Federation on the border with Finland and Norway

Источник: fishingroads.blogspot.com¹

¹ Пограничные переходы Россия – Финляндия и Россия – Норвегия // Мои путешествия и автопутешествия. Блог. URL: http://fishingroads.blogspot.com/2014/08/blog-post_14.html (дата обращения: 25.12.2021).

Численность постоянного населения в приграничных регионах Российской Федерации северного участка границы сокращается. Наиболее населенным регионом является г. Санкт-Петербург (5,4 млн человек), но даже здесь в 2020 г. численность населения сокращалась. Активно теряли население Республика Карелия и Мурманская область за счет сокращения как в городской, так и в сельской местности. Небольшой прирост населения отмечался в Ленинградской области, как в городской, так и сельской местности (см. табл. 1–3).

Таблица 1.

Численность населения приграничных регионов Российской Федерации на северном участке государственной границы в 2020 г., человек

Table 1.

Population of the Russian Federation border regions of the northern section of the state border in 2020, people

	На 1 января 2021 года			В среднем за 2020 год		
	Все население	в том числе:		Все население	в том числе:	
		городское	сельское		городское	сельское
Республика Карелия	609 071	494 545	114 526	611 567	495 941	115 626
Ленинградская область	1 892 711	1 274 208	618 503	1 884 292	1 267 229	617 063
Мурманская область	732 864	675 190	57 674	737 134	679 298	57 836
г. Санкт-Петербург	5 384 342	5 384 342	-	5 391 203	5 391 203	-

Источник: Росстат²

Таблица 2.

Изменение численности населения приграничных регионов Российской Федерации на северном участке государственной границы в 2020 г., человек

Table 2.

Changes in the population of the border regions of the Russian Federation on the northern section of the state border in 2020, people

	Прирост численности населения, чел.			Прирост численности населения, %			Темпы роста численности населения, %		
	Все население	в том числе:		Все население	в том числе:		Все население	в том числе:	
		городское	сельское		городское	сельское		городское	сельское
Республика Карелия	-4 993	-2 792	-2 201	-0,8	-0,6	-1,9	99,2	99,4	98,1
Ленинградская область	16 839	13 959	2 880	0,9	1,1	0,5	100,9	101,1	100,5
Мурманская область	-8 540	-8 217	-323	-1,2	-1,2	-0,60	98,8	98,8	99,4
г. Санкт-Петербург	-13 722	-13 722	-	-0,3	-0,3	-	99,7	99,7	-

Источник: Росстат³

² Демография // Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 25.12.2021).

³ Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13283> (дата обращения: 25.12.2021).

Таблица 3.

**Изменение численности постоянного населения приграничных регионов
Российской Федерации на северном участке государственной границы в 2020 г. за
счет различных компонент, человек**

Table 3.

**Changes in the permanent population of the border regions of the Russian Federation on
the northern section of the state border in 2020 due to various components, people**

	Численность населения на 1 января 2020 г.	Изменения за 2020 г.			Численность населения на 1 января 2021 г.	Замещение естественной убыли миграционным приростом
		Общий прирост	в том числе:			
			естественный прирост	миграционный прирост		
Республика Карелия	614 064	-4 993	-4 944	-49	609 071	-
Ленинградская область	1 875 872	16 839	-14 814	31 653	1 892 711	213,7
Мурманская область	741 404	-8 540	-3 437	-5 103	732 864	-
г. Санкт-Петербург	5 398 064	-13 722	-17 948	4 226	5 384 342	23,5

Источник: Росстат⁴

Роль миграции в сокращении численности населения приграничных регионов северного участка границы неоднозначна. Миграционный отток в 2020 г. отмечался в Республике Коми и Мурманской области. Практически нулевым был миграционный прирост в Республике Карелия. Положительный миграционный прирост наблюдался в Ленинградской области и Санкт-Петербурге. Интересно, что Мурманская область теряет население в миграционном обмене за счет стран СНГ, но в большей мере также и за счет миграции с другими регионами Российской Федерации. Причем в Санкт-Петербурге и Республике Карелия миграционные потери были более значительными за счет стран дальнего зарубежья, эмигранты из этих регионов устремляются в основном в Финляндию и другие страны Европы. Однако Санкт-Петербург имеет значительный миграционный прирост за счет стран СНГ (см. табл. 4). Фактически это означает процесс активного замещения местного населения в мегаполисе мигрантами из Украины и стран Центральной Азии.

В приграничных регионах северного участка границы представлена брачная, трудовая и образовательная миграция в страны Евросоюза, прежде всего, в Финляндию, Норвегию, Германию. Жители приграничных регионов активно посещают Финляндию как туристы, покупатели, коммерсанты. Пересечение границы осуществляется в условиях визового режима, требуется получение шенгенской визы. По данным Министерства иностранных дел Финляндии, до пандемии COVID-19 страна занимала первое место по количеству выданных в России шенгенских виз. Так, в 2019 г. гражданам Российской Федерации консульствами Финляндии было выдано 790 тыс. шенгенских виз. В том же году россияне совершили 3,7 млн поездок в Финляндию⁵.

⁴ Численность и миграция населения Российской Федерации.

⁵ Финляндия начнет выдавать россиянам визы без гарантий въезда в страну // РБК. Газета. 14.09.2021. URL: <https://www.rbc.ru/society/14/09/2021/614055569a79471fd51693d8> (дата обращения: 25.12.2021).

Таблица 4.

Миграционный обмен приграничных регионов Российской Федерации на северном участке государственной границы в 2020 г., человек

Table 4.

Migration exchange of border regions of the Russian Federation on the northern section of the state border in 2020, people

	Миграционный прирост, всего	из него за счет передвижений						Внешняя (для региона) миграция
		в пределах России	в том числе		международных	в том числе		
			внутри региона	с другими регионами		со странами СНГ	с другими зарубежными странами	
Республика Карелия	7	133	-	133	-126	3	-129	7
Ленинградская область	31 860	27 355	-	27 355	4 505	4 370	135	31 860
Мурманская область	-4 459	-3 993	-	-3 993	-466	-490	24	-4 459
г. Санкт-Петербург	5 260	1 026	-	1 026	4 234	5 196	-962	5 260

Источник: Росстат⁶

В период миграционного кризиса 2014–2016 гг. через Мурманскую область пролегал северный путь мигрантов в Норвегию. Согласно российскому законодательству, в этом месте пограничного перехода (Борисоглебск – Стурскуг) пересекать границу пешком запрещается. Вследствие чего наблюдалось массовое пересечение границы мигрантами на велотранспорте. По данным пограничной службы Норвегии, во второй половине 2015 г. таким способом в страну прибыли 5 500 иммигрантов, каждый из которых имел визу или другие документы, разрешающие законно находиться либо перемещаться транзитом по территории Российской Федерации⁷. Данный феномен породил много интересных практик населения: развивалась коммерческая инфраструктура по продаже транспортных средств и услуг, продуктов питания мигрантам. Это обеспечило работой некоторую часть российского населения в приграничных регионах.

Регионы испытывают острую нехватку рабочей силы из-за сокращения трудоспособного населения в регионе и миграционного оттока местного населения. Частично дефицит покрывается трудовыми мигрантами из стран Центральной Азии, Украины и Молдовы. Согласно данным ГУВМ МВД России в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, в 2020 г. было поставлено на учет более 1 млн иностранных граждан, в том числе около 630 тыс. – с целью «работа» (см. табл. 5). Масштабы трудовой миграции в Мурманской области и Республике Карелия на порядок ниже. В

⁶ Финляндия начнет выдавать россиянам визы без гарантий въезда в страну // РБК. Газета. 14.09.2021. URL: <https://www.rbc.ru/society/14/09/2021/614055569a79471fd51693d8> (дата обращения: 25.12.2021).

⁷ Норвегия начала выдворение беженцев обратно в Россию // BBC News – Русская служба. Британская вещательная корпорация. 19.01.2016. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2016/01/160119_norway_migrants_russia (дата обращения: 25.12.2021).

настоящее время существует ограниченный режим приема трудовых мигрантов, которые работают в строительстве, промышленности, секторе услуг, на транспорте.

Таблица 5.

Миграционный обмен приграничных регионов Российской Федерации на северном участке государственной границы в 2020 г., человек

Table 5.

Migration exchange of border regions of the Russian Federation on the northern section of the state border in 2020, people

Количество фактов постановки на миграционный учет иностранных граждан		в том числе:							
		по месту жительства	по месту пребывания	первично	в том числе:				
					из них по целям въезда:				
					туризм	учеба	работа	частная	иное
Республика Карелия	21 217	1 363	19 854	11 221	1 702	1 040	2 252	2 238	3 989
г. Санкт-Петербург и Ленинградская обл.	1 040 524	22 658	1 017 866	946 768	102 881	49 508	629 462	102 444	62 473
Мурманская область	71 545	2 042	69 503	40 904	15 466	567	19 041	1 933	3 897

Источник: МВД РФ⁸

Экспедиция в Мурманскую область

Согласно данным Росстата, население Мурманской области составляет 732 тыс. человек. В ходе экспедиции в 2021 г. в Мурманскую область изучалась миграционная ситуация в регионе. Наиболее населенный город – Мурманск (304 тыс. человек). В качестве главной особенности следует отметить устойчивый миграционный отток населения из региона, который в 2020 г. составил 4 тыс. человек в другие регионы России, а также 500 человек – за границу. Причем отмечается отток трудоспособного и молодого населения по каналам трудовой, образовательной миграции и на постоянное место жительства. Например, в 2020 г. Мурманск потерял 2,2 тыс. человек населения трудоспособного возраста и около 670 молодых людей. Эти миграционные потоки устремлены преимущественно в крупные города, прежде всего, в Москву, Санкт-Петербург и Ленинградскую область, регионы Юга России с более благоприятными климатическими и социально-экономическими условиями. Отмечается усиление тренда на эмиграцию за границу, в первую очередь, в страны Евросоюза.

⁸ Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года с распределением по странам и регионам // Министерство внутренних дел Российской Федерации [сайт]. 21.01.2021. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/22689602/> (дата обращения: 25.12.2021).

Таблица 6.

Миграционный обмен приграничных регионов Российской Федерации на северном участке государственной границы в 2020 г., человек

Table 6.

Migration exchange of border regions of the Russian Federation on the northern section of the state border in 2020, people

	Миграционный прирост населения			
	всего	в том числе в возрасте		
		моложе трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного
Республика Карелия	7	61	25	-79
Ленинградская область	31 860	7 203	22 226	2 431
Мурманская область	-4 459	-667	-2 196	-1 596
г. Санкт-Петербург	5 260	329	966	3 965

Источник: Росстат⁹

В рамках федеральной программы «Дальневосточный гектар» в Арктической зоне России с 1 августа 2021 г. начала действовать программа «Гектар Арктики». Таким образом власти надеются стимулировать местных жителей к ведению предпринимательства на собственном земельном участке, развитию бизнеса в сфере туризма, и тем самым бороться с оттоком людей из регионов (см. рис. 4).

Арктический гектар можно получить в Мурманской области (доступно 767 тыс. га), Республике Карелия (339 тыс. га), Ямало-Ненецком и Ненецком автономных округах, а также в Архангельской области, Республике Коми, Красноярском крае, где доступны около 1,1 млн га¹⁰. Первые шесть месяцев реализации программы участки на территории российской Арктики приоритетно предоставлялись местным жителям. С начала 2022 г. программа доступна всем гражданам Российской Федерации, а также участникам государственной программы по добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом¹¹. Первые итоги программы отражают ее востребованность среди жителей Заполярья. К началу сентября 2021 г. в Мурманской области было подано 2 093 заявления на предоставление земельных участков. Для сравнения: Архангельская область – 638 заявлений, на Ямале – 562, в Карелии – 321¹². В перспективе дальнейшей успешной реализации программы можно будет оценить ее результативность относительно привлечения населения, увеличения туристических потоков в северные регионы страны, а также уменьшения оттока местных жителей.

⁹ Численность и миграция населения Российской Федерации.

¹⁰ Приемская Е. Холодная земля: в Арктике начали раздачу бесплатных гектаров // Известия. Газета. 07.08.2021. URL: <https://iz.ru/1202037/evgeniia-priemskaja/kholodnaia-zemlia-v-arktike-nachali-razdachu-besplatnykh-gektarov> (дата обращения: 25.12.2021).

¹¹ Программа «Арктический гектар» вступает в силу в РФ // Интерфакс. Информационное агентство. 02.08.2021. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/80731/> (дата обращения: 25.12.2021).

¹² Власти считают, что программа «Гектар Арктики» востребованней в Мурманской области // ТАСС. Информационное агентство. 06.09.2021. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/80731/> (дата обращения: 25.12.2021).

Рис. 2. Объявление об организации переездов в другие регионы России (г. Мурманск)

Fig. 2. Announcement about the organization of moving to other regions of Russia (Murmansk)

Рис. 3. Объявление в местной газете о вакансиях в Мурманской области (г. Мурманск)

Fig. 3. Announcement in the local newspaper about job vacancies in the Murmansk region (Murmansk)

Экспедиция в село Териберка Мурманской области

В ходе экспедиции в село Териберка (Мурманская область) было установлено, что численность населения сократилась с 4 762 человек в 1939 г. до 1 025 человек в 2020 г., т. е. в 4,6 раза (см. табл. 7). Первые упоминания о Териберке относят к XVI–XVII вв. В XX в. в селе создавался колхоз – в Лодейном, на левом берегу села, появился ры-

бообрабатывающий завод, открывались судоремонтные мастерские, развивалась торговля. Также в Териберке были фактории и магазины, принадлежавшие норвежцам. К 1940–1960 гг. село процветало: на его территории действовали рыбный завод, два рыболовецких колхоза, птицеферма и ферма по разведению норки, молочно-товарные фермы, развивались судоремонтные мастерские, и существовало крупное поголовье оленей. В 2000-е гг. в поселке был реализован проект по строительству морского порта для перевалки сжиженного природного газа со Штокмановского месторождения (позднее был закрыт). Развитие инфраструктуры в Териберке со временем ухудшилось. И на данный момент это наполовину покинутый населенный пункт – растет безработица (официально зарегистрировано 170 безработных), отмечается миграционный отток населения и молодежи. В селе находится множество заброшенных жилых домов и зданий (см. рис.5).

Таблица 7.

**Изменение численности населения села Териберка
(Мурманская область) в 1939–2020 гг., человек**

Table 7.

**Changes in the population of the Teriberka village
(Murmansk region) in 1939–2020, people**

Годы переписи	Численность населения	Изменение численности населения за межпереписной период
1939 г.	2 802	
1959 г.	4 762	+ 1 960
1970 г.	3 150	- 1 612
1979 г.	2 479	- 671
1989 г.	2 338	- 141
2002 г.	1 367	- 971
2010 г.	957	- 957
2020 г.	1 025	+ 68

Источник: Всесоюзные переписи населения¹³, Всероссийские переписи населения¹⁴

**Рис. 5. Заброшенные дома в селе Териберка в Мурманской области
Fig. 5. Abandoned houses in the Teriberka village in the Murmansk region**

¹³ Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп Weekly. Демографический электронный журнал. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php> (дата обращения: 25.12.2021).

¹⁴ Всероссийская перепись населения 2020 // Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 25.12.2021).

В настоящее время власти Мурманской области пытаются сделать ставку на развитие туристического сектора. Так, в июне 2021 г. было объявлено о создании в селе Териберка природного парка. По подсчетам ученых Кольского научного центра РАН, с учетом экологических аспектов предельная емкость села – не более 50 тыс. туристов в год. В настоящее время каждый год Териберку посещают около 40 тыс. туристов, учитывая поток в 5 тыс. человек, которые ежегодно направляются к побережью Баренцева моря, чтобы посетить летний фестиваль «Териберка». В среднем иностранные туристы оставляют в селе около 13 тыс. рублей в сутки, россияне – порядка 5 тыс. рублей. По мнению экспертов, необходимо улучшать условия, сферу обслуживания и информированность самих туристов с целью увеличения сроков их пребывания в Териберке, что в свою очередь ведет к повышению доходов поселка от туристического бизнеса. Тем не менее, в результате социологического исследования, проведенного учеными Кольского научного центра РАН среди местного населения, в том числе не занятого в сфере туризма, было выявлено следующее. Жители Териберки в большинстве своем негативно настроены по отношению к туристам, так как переживают за сохранение уникальной северной природы, потому выступают за контроль турпотока, а также считают, что налоги туристической деятельности должны поступать в бюджет села на развитие Териберки, а не района и области¹⁵.

Рис. 6. Туристический объект «Этнопарк «Териберка»» в Мурманской области
Fig. 6. Tourist object «Ethnopark Teriberka» in the Murmansk region

До пандемии COVID-19 в приграничных регионах северного участка границы активно развивался туризм из стран Европы (прежде всего, из стран Скандинавии), а также стран Азии (прежде всего, из КНР). Многие туристы из Европы и Азии посещали г. Санкт-Петербург, Республику Карелия, Мурманскую область. В период панде-

¹⁵ Териберка может принимать без ущерба природе не более 50 тыс. туристов в год // Интерфакс. Информационное агентство. 13.11.2020. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/74802/> (дата обращения: 25.12.2021).

мии COVID-19 международный туризм в Мурманской области, Республике Карелия, Ленинградской области и Санкт-Петербурге практически прекратился.

В начале 2021 г. на границе с Россией властями Финляндии для движения пассажиров был закрыт пункт пропуска Иматра (с российской стороны – Светогорск). Товарооборот продолжался в обычном режиме. Министр внутренних дел Финляндии М. Охисало пояснила: «Наша цель – уменьшить движение на границе, чтобы можно было проверить всех, кто пересекает границу». В январе 2021 г. Россией было возобновлено авиасообщение с Финляндией, однако россияне могут пересечь границу только при наличии веских оснований: к примеру, неотложные семейные обстоятельства, ближний родственник, имеющий финское гражданство, либо наличие недвижимости, где в срочном порядке необходимо провести ремонтные работы¹⁶.

Таким образом, в ходе экспедиции были собраны эмпирические данные по проекту РФФИ «Международная миграция в приграничных регионах России: модели поведения населения и социально-экономические эффекты для развития территорий», а именно: статистические данные, научная литература, статьи в средствах массовой информации и прессе, наблюдения, фото; проведен опрос туристов и местных жителей; также собран эмпирический материал об особенностях различных форм миграции в регионе.

Сведения об авторах:

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института демографических исследований ФНИСЦ РАН; заведующий кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО МИД России, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-5306-8875; РИНЦ Author ID: 77673; Web of Science Researcher ID: F-7205-2014; Scopus Author ID: 22136228700.

Медведь Виктория Александровна, младший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН; преподаватель кафедры миграционной и демографической политики МГИМО МИД России, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: viktoriyamedved@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-9099-0524; РИНЦ Author ID: 984059; Scopus Author ID: 57219710502.

Вазиров Зафар Кабутович, кандидат экономических наук, младший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: zafar.vazirov@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9318-6873; РИНЦ Author ID: 943543; Web of Science Researcher ID: S-7156-2018; Scopus Author ID: 57194508693.

Очирова Галина Николаевна, младший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: galinaochirova93@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-2154-9604; РИНЦ Author ID: 978463; Web of Science Researcher ID: AAE-6946-2020; Scopus Author ID: 57211515654.

Статья поступила в редакцию 27.12.2021; принята в печать 10.02.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00526 А «Международная миграция в приграничных регионах России: модели поведения населения и социально-экономические эффекты для развития территорий».

¹⁶ Финляндия временно закрывает пункт пропуска на границе с Россией // РБК. Газета. 23.01.2021. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/600b490f9a79471fcacfb1e6> (дата обращения: 25.12.2021).

SCIENTIFIC EXPEDITION OF RESEARCHERS FROM THE IDR FCTAS RAS TO STUDY MIGRATION IN THE RUSSIAN-FINNISH AND RUSSIAN-NORWEGIAN BORDER

Sergey V. Ryazantsev

Institute for Demographic research FCTAS RAS;

MGIMO University, Moscow, Russia

E-mail: riazan@mail.ru

Viktoriya A. Medved

Institute for Demographic research FCTAS RAS;

MGIMO University, Moscow, Russia

E-mail: viktoriyamedved@gmail.com

Zafar K. Vazirov

Institute for Demographic research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: zafar.vazirov@mail.ru

Galina N. Ochirova

Institute for Demographic research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: galinaochirova93@gmail.com

For citation: Sergey V. Ryazantsev, Viktoriya A. Medved, Zafar K. Vazirov, Galina N. Ochirova. Scientific Expedition of Researchers from the IDR FCTAS RAS to Study Migration in the Russian-Finnish and Russian-Norwegian Border. DEMIS. Demographic Research. 2022. Vol. 2. No. 1. Pp. 203–214. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.116>

Bio note:

Sergey V. Ryazantsev, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Director, Institute for Demographic Research FCATS RAS; Head Department for Demographic and Migration Policy, MGIMO University, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-5306-8875; RSCI Author ID: 77673; Web of Science Researcher ID: F-7205-2014; Scopus Author ID: 22136228700.

Viktoriya A. Medved, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCATS RAS; Lecturer, Department for Demographic and Migration Policy, MGIMO University, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: viktoriyamedved@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-9099-0524; RSCI Author ID: 984059; Scopus Author ID: 57219710502.

Zafar K. Vazirov, Candidate of Economic Sciences, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCATS RAS, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: zafar.vazirov@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9318-6873; RSCI Author ID: 943543; Web of Science Researcher ID: S-7156-2018; Scopus Author ID: 57194508693.

Galina N. Ochirova, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCATS RAS, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: galinaochirova93@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-2154-9604; RSCI Author ID: 978463; Web of Science Researcher ID: AAE-6946-2020; Scopus Author ID: 57211515654.

Acknowledgements and financing:

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research according to the research project No. 20-011-00526 A "International migration in the border regions of Russia: models of population behavior and socio-economic effects for the development of territories».

Received on 27.12.2021; accepted for publication on 10.02.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Дорогие авторы!

Подробная информация о тематическом профиле журнала, редакционная политика и требования, предъявляемые к присылаемым в редакцию рукописям, размещены на сайте журнала <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/demis>. Рекомендуем ознакомиться с такими разделами, как *Редакционная политика*, *К сведению авторов*. Подать рукопись на рассмотрение можно через форму на сайте: <https://www.manuscript.fnisc.ru/demis/>

Приветствуем указание идентификаторов автора: ORCID, SPIN-код, ResearcherID, Scopus Author ID, РИНЦ Author ID. Оформляя списки литературы, не забудьте указать DOI всех источников из списка литературы, если они им присвоены. В случае если оригинал цитируемого источника в данный момент недоступен, можно проверить наличие DOI на сайте www.crossref.org в разделе SimpleTextQuery. DOI должен быть представлен в виде рабочей гиперссылки в конце библиографического описания, например:

Hinich M., Munger M. Analytical Politics. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press. 1997. 253 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139174725>

Редакция: Н. А. Безвербная, Е. М. Моисеева
Техническая поддержка: Н. С. Рязанцев
Компьютерная верстка: Н. Ю. Бруевич

Edition: N. A. Bezverbnaya, E. M. Moiseeva
Technical support: N. S. Ryazantsev
Computer layout: N. U. Bruevich

Учредитель: Федеральный научно-исследовательских социологический центр Российской академии наук
Адрес учредителя: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35к5
<https://www.fnisc.ru/>

Издатель: Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
Адрес издателя: 119333, Москва, ул. Фотиевой, 6, к.1
<https://idrras.ru/>

Редакция: 119333, Москва, ул. Фотиевой, 6, к.1. Тел.: +7 499 530 28 84
bezvad@mail.ru; evgeniyamoiseeva@mail.ru;
<https://www.jour.fnisc.ru/index.php/demis/index>